ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Рыков Глеб Олегович

ПОЛЬСКИЕ КОММУНИСТЫ В СОВЕТСКОЙ ПАРТИЙНО–ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ. 1917–1938 ГГ.

Специальность 5.5.1. История и теория политики
(исторические науки)
5.6.1. Отечественная история
(исторические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, доцент
Анфертьев Иван Анатольевич

Курск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Глава 1. «Польское направление» в советской внешней и внутренней политике и институционализация польского коммунистического движения. 1917–1920 гг. 48

1.1. Создание Коммунистической рабочей партии Польши в революционной России: идеологические основания и организационное оформление 48

1.2. Участие польских коммунистов в деятельности III (Коммунистического) Интернационала: проблемы политической субъектности 75

1.3. Польские коммунисты в Советско-польской войне в 1919–1921 гг.: идеология, институты и политические последствия 101

Глава 2. Организации польских коммунистов в советской России. 1917–1931 гг. 144

2.1. Особенности деятельности Комиссариата по польским делам в структуре Наркомата по делам национальностей РСФСР 144

2.2. Временный революционный комитет Польши (Польревком): опыт создания квазигосударственного органа советской власти на польских землях. Июль – август 1920 г. 163

2.3. Польское бюро ЦК РКП(б) в системе советской власти: борьба за политическую субъектность. 1919–1931 гг. 194

Глава 3. Представители польского коммунистического движения в советской партийно–государственной системе. 1917–1938 гг. 245

3.1. «Польская линия» как один из векторов советской национальной политики: проекты, институты, противоречия. 1920-е гг. 245

3.2. Польские автономные районы как инструменты внешнеполитической пропаганды СССР 268

3.3. Предпосылки и особенности политических репрессий в отношении польских коммунистов 294
Заключение 343
Список источников и использованной литературы 363
Приложение. Персоналии 411

Введение

Актуальность темы исследования. В настоящее время в исторической науке наблюдается устойчивый интерес к изучению институциональных политических процессов в советской партийно-государственной системе, особенно в отношении роли национальных групп в структуре власти и механизмов их интеграции, трансформации и ликвидации в советской России. Во многом это вызвано необходимостью переосмысления устоявшихся историографических концепций, сформировавшихся в рамках противоположных идеологических парадигм. Применительно к истории польских коммунистов в СССР историческая наука оказалась в парадоксальной ситуации: при обилии работ, посвященных отдельным аспектам деятельности Коммунистической Рабочей Партии Польши/Коммунистической Партии Польши[1], III (Коммунистического) Интернационала[2] и советско-польских отношений, до сих пор отсутствует комплексное исследование, рассматривающее польских коммунистов в РСФСР/СССР как самостоятельный субъект исторического процесса, обладавший собственной логикой развития, внутренними конфликтами и механизмами влияния. Вне исследовательского фокуса остался ключевой вопрос: как и почему влиятельная этнополитическая группа, стоявшая у истоков советского государства и обладавшая особым статусом, была полностью ликвидирована к концу 1930-х гг.? Настоящее исследование призвано восполнить эту лакуну, рассматривая организации польских коммунистов в партийно–государственных структурах РСФСР/СССР не как объект чужой политики, а как этнополитическую группу со своими интересами, механизмами влияния и внутренними конфликтами.

Актуальность темы обусловлена также уникальностью положения самой исследуемой группы. Польские коммунисты в советской России не являлись «рядовым» национальным меньшинством. Как показывают

[1] Далее: КРПП/КПП
[2] Далее: Коминтерн

мобилизованные в диссертации источники, они представляли собой в 1920-х гг. четвертую по численности национальную группу в Российской коммунистической партии (большевиков)/Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)[3] после русских, украинцев и евреев[4]; при этом процент коммунистов среди польского населения в советской России был в три раза выше, чем среди представителей русской национальности[5]. Польские коммунисты занимали ключевые посты в советском государственном и партийном аппарате: Ф. Дзержинский возглавлял Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем/государственное политическое управление/Объединенное государственное политическое управление[6], И. Уншлихт являлся первым заместителем председателя Государственного политического управления[7] и куратором военной разведки, В. Менжинский сменил Ф. Дзержинского на посту главы ОГПУ, Ю. Мархлевский стоял у истоков Международной организации помощи борцам революции[8] и Коминтерна, Ф. Кон[9] входил в руководство Коммунистической партии (большевиков) Украины[10] и секретариат Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала[11]. Именно эти люди, действуя через созданные ими же институты – Комиссариат по польским делам при Народном комиссариате по делам национальностей[12], Польское бюро Центрального Комитета РКП(б)[13] и

[3] Далее: РКП(б)/ВКП(б).
[4] Cimek H. Mniejszości narodowe w ruchu rewolucyjnym w II Rzeczypospolitej. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. S. 29.
[5] Iwanow M. Polacy w Związku Radzieckim, 1917–1990 // Polacy w Kościele katolickim w ZSRR. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1991. S. 56-58.
[6] Далее: ВЧК-ОГПУ.
[7] Далее: ГПУ.
[8] Далее: МОПР.
[9] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 188-190.
[10] Далее: ИККИ.
[11] Далее: КП(б)У.
[12] Далее: Комиссариат по польским делам при Наркомнаце/Польский комиссариат/Польком.
[13] Далее: Польское Бюро/Польбюро.

Временный революционный комитет Польши[14], – определяли так называемую «польскую линию» советской политики, от дипломатии до разведки[15]. Изучение механизмов возникновения, функционирования и последующей ликвидации этих структур позволяет на конкретном примере исследовать общие закономерности функционирования советской партийно-государственной системы в 1920-е – 1930-е гг.

Современная Россия является многонациональным государством, и опыт взаимодействия центральной власти с национальными группами в советский период сохраняет методологическое значение для понимания механизмов интеграции этнических сообществ в политическую систему советской России. Диссертация показывает, что польские коммунисты, обладая особым статусом в РКП(б)/ВКП(б) и занимая ключевые позиции в системе власти, продемонстрировали модель успешной институциональной интеграции этнополитической группы, которая в итоге оказалась полностью ликвидированной. Изучение этой траектории – от полноправного участия в строительстве государственных органов советской России позволяет выявить факторы, определявшие стабильность или уязвимость положения этнических групп в условиях формирования авторитарной системы. Опыт польских коммунистов показывает, что привилегированный статус этнополитической группы в советской системе был принципиально нестабилен и зависел не от формальных гарантий, а от функциональной полезности для советской власти и наличия влиятельных патронов в высшем партийно–государственном руководстве советской России. Этот вывод актуален для осмысления современных механизмов национальной политики и предупреждения повторения ошибок прошлого в условиях многонационального государства.

[14] Далее: Польревком.

[15] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 6-7.; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 168. Л. 1-2, 3, 6-8.

Современная внешнеполитическая ситуация придает исследованию дополнительную значимость. История советско-польских отношений и, в частности, деятельности польских коммунистов лежит в основе современных антироссийских исторических нарративов, активно используемых в рамках «войн памяти»[16]. В польском общественном и научном дискурсе до сих пор доминирует тезис о навязанном извне характере коммунистического движения, а представление о Польше как о жертве внешнего воздействия и о России как о субъекте, инициировавшем это воздействие, сохраняется в качестве устойчивой модели восприятия двусторонних отношений[17]. Между тем, как демонстрирует проведенный анализ, основанный на перекрестном сопоставлении широкого круга российских и польских архивных источников, у истоков попыток советизации Польши в границах бывшей Российской империи, стояли сами поляки – члены Польбюро и Польревкома, видевшие в этом исторический шанс на создание Польской Советской Республики[18]. Реконструкция этой субъектности, опирающаяся на большой массив польскоязычных источников и исследований и их критический анализ, позволяют преодолеть односторонность трактовок, характерных для обеих национальных историографических традиций, и представляет собой научно обоснованный ответ на политически мотивированные современные спекуляции.

[16] Специальная военная операция: влияние на Россию и мир: аналитический доклад / Аналитический центр Российского общества политологов. Москва: РОП, 2023. 26 с. URL: https://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2023/02.03.2023-ACROP.pdf (дата обращения: 22.02.2026).; Иванов С. Б. «Обличать Советский Союз становится очень модным. За этим следуют призывы покаяться» // ФедералПресс: интернет-издание. 2019. 4 июля. URL: https://fedpress.ru/expert-opinion/2260898 (дата обращения: 22.02.2026).

[17] Szumiło M. Stalinista refleksyjny: Roman Zambrowski 1909–1977: studium z dziejów elity komunistycznej w Polsce. Warszawa: IPN, 2014. S. 115-116; Ватлин А. Ю. Мировая революция и современное коминтерноведение // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. Москва: АИРО-XX, 1996. С. 349-359.

[18] Pipes R. Russia Under the Bolshevik Regime. New York: Vintage Books, 1995. S. 64-65.; Żenczykowski T. Dwa komitety 1920–1944: Polska w planach Lenina i Stalina. Warszawa: Spotkania, 1990. S. 29-30.

В условиях современной России, когда активизировались процессы переосмысления истории, объективное изучение трагических страниц советского прошлого приобретает особое значение, с учетом сложного комплекса факторов, приведших к роспуску Коммунистической партии Польши и «польской операции» НКВД. Отказываясь от упрощенных объяснений «сталинской паранойей» или «преступлениями сталинизма», на основе комплексного анализа внутрипартийных документов РКП(б)/ВКП(б), материалов спецслужб, российских и зарубежных исследований[19] обосновывается, что ликвидация КПП стала результатом сложного переплетения объективных и субъективных обстоятельств: накопленных политических ошибок КПП (поддержка переворота Ю. Пилсудского вопреки директивам Коминтерна), реальной инфильтрации польских спецслужб в коммунистические ячейки, острой фракционной борьбы внутри КПП и общего кризиса доверия к польским коммунистам в условиях надвигающейся мировой войны. Отказ от морализаторских категорий в пользу строгого научного анализа является актуальной задачей современной исторической науки и позволяет извлекать уроки из трагического опыта массовых

[19] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. 480 с.; Анфертьев И. А. Трансформация РКП(б) – ВКП(б) из политической партии в государствообразующую структуру на примере объединения ЦКК с Наркоматом РКИ. 1920–1926 гг. // Законодательное регулирование деятельности политических партий в Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования: сборник научных статей / Юго-Западный государственный университет, кафедра конституционного права, научно–образовательный Центр консервативной политики. Курск: ЮМЭКС, 2011. С. 14-26; Анфертьев И. А. ЦКК РКП(б) – ВКП(б) – инструмент укрепления партийно-государственной власти. Исторический опыт ликвидации многопартийности в России и уроки для современности. 1920-е – 1930-е гг. // Историческая наука о путях развития России: взгляд в будущее: материалы международной научной конференции, Красногорск, 21 марта 2011 г. Красногорск: Ваш полиграфический партнер, 2011. С. 52-77; Анфертьев, И. А. Особенности подготовительного периода в учреждении СССР: по документам руководящих органов РКП(б) 1918–1922 гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 125-128. DOI 10.18384/2949-5164-2025-2-121–143; Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. 356 s.

репрессий. Изучение механизмов, по которым «свои» превращались в «чужих», помогает современному обществу осознать опасность политизации межнациональных отношений[20].

Внутриполитический аспект актуальности связан с необходимостью переосмысления причин и механизмов массовых репрессий второй половины 1930-х гг. Роспуск КПП и последовавшая «польская операция» НКВД представляют собой уникальный случай для понимания механизмов и причин массовых репрессивных кампаний второй половины 1930-х гг.[21] В отличие от многих других репрессированных групп, польские коммунисты были не «бывшими» или «чуждыми элементами», а неотъемлемой частью самой партийной номенклатуры, создателями и руководителями ключевых советских институтов. Их уничтожение не может быть удовлетворительно объяснено ни концепцией субъективных факторов, ни тезисом о личной неприязни[22]. На основе комплексного анализа внутрипартийных документов, материалов спецслужб и международной обстановки в диссертации выдвигается и обосновывается тезис о том, что ликвидация польской Компартии и репрессии против ее членов стали результатом сложного комплекса факторов: накопленных политических ошибок КПП (поддержка переворота Пилсудского вопреки директивам Коминтерна), реальной инфильтрации польских спецслужб в коммунистические ячейки, острой фракционной борьбы внутри самой КПП, перенесенной на советскую почву, и общего кризиса доверия к полякам-коммунистам в условиях надвигающейся

[20] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. 480 с.

[21] Лось М. Идейно-политическая обстановка в Коммунистической партии Польши и ее деятельность в 1935–1938 годах: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1990. С. 4; Бочковский Д. Поляки в СССР в 1919–1939 гг. // Малцинствени и етнорелигиозни проблеми в Югоизточна и Централна Европа между двете световни войни: доклади от научна конференция, 17–19 юни 2003 г. София: Институт по балканистика БАН, 2005. С. 87-106; Черняховский С. А. «Антисталинизм» – не что иное, как скрытая форма реабилитации нацизма // Военное обозрение: сетевое издание. 2013. 22 мая. URL: https://topwar.ru/28303-antistalinizm-ne-chto-inoe-kak-skrytaya-forma-reabilitacii-nacizma.html (дата обращения: 22.04.2026).

[22] Cimek H. Komuniści, Polska, Stalin. Białystok: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1990. S. 166.

мировой войны[23]. Такой подход позволяет уйти от морализаторских категорий и перевести дискуссию в русло строгого научного анализа.

В период после распада СССР значительно расширился доступ к архивным материалам, что позволило провести перекрестный анализ документов российских и польских архивов. В диссертации осуществлен новый взгляд на уже известные документальные комплексы, а также привлечен ряд материалов, остававшихся вне поля зрения отечественных исследователей, прежде всего из фондов РГАСПИ и Варшавского архива новых актов (AAN). Это позволило выявить новые аспекты институциональной динамики польских коммунистических организаций и их взаимодействия с советскими партийно–государственными структурами. Сопоставительный анализ источников различных национальных архивов продемонстрировал, что польские коммунисты не были пассивным объектом советской политики, а являлись самостоятельной этнополитической группой со своей логикой развития, внутренними конфликтами и механизмами влияния. Этот вывод является важным уроком: доступность источников позволяет не только расширить фактологическую базу, но и кардинально пересмотреть устоявшиеся в историографии интерпретации, преодолевая односторонние трактовки, характерные для обеих национальных историографических традиций. Введение в научный оборот новых архивных материалов и их критический анализ показывают, что даже в изучении, казалось бы, исчерпанных тем возможны новые открытия, позволяющие формировать более взвешенную и научно обоснованную картину прошлого.

Исследование представляет собой научно обоснованный ответ на политически мотивированные спекуляции, активно используемые в рамках «войн памяти». История советско–польских отношений и деятельности польских коммунистов лежит в основе современных антироссийских

[23] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. 480 с.; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 414. Л. 1-35; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 142.

исторических нарративов, в которых доминирует тезис о навязанном извне характере коммунистического движения и образ Польши как жертвы политических интриг и военных обстоятельств, а советской России как агрессора.

В действительности польские коммунисты играли важную роль в обеспечении национальной безопасности советского государства, составляя значительную часть кадров ВЧК/ГПУ/ОГПУ и военной разведки, наряду с евреями и латышами, занимали ключевые посты в системе советской госбезопасности[24]. Параллельно с этим польские коммунисты действовали через созданные ими же институты, определяя «польскую линию» советской политики[25]. Интернациональный характер кадрового состава органов безопасности был обусловлен необходимостью использования специалистов, владеющих языками и имеющих связи с политическим деятелями сопредельных советской России государств. Опыт польских коммунистов демонстрирует, что лояльность и профессиональная подготовка этнических групп делали их незаменимым ресурсом для обеспечения национальной безопасности РСФСР/СССР, однако эта же вовлеченность в систему власти делала их и уязвимыми в периоды внутриполитических кризисов и обострения внешней угрозы. Этот исторический опыт позволяет по-новому взглянуть на роль интернационального фактора в современных системах обеспечения национальной безопасности.

Результаты исследования имеют прямое отношение к пониманию современных изменений и корректировок внешней и внутренней политики современной России. Изучение механизмов, по которым польские коммунисты были интегрированы в советскую систему и затем из нее

[24] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 188-190.

[25] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 6-7; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 168. Л. 1-2, 3, 6-8.

исключены, позволяет сформулировать практические уроки для реализации национальной политики в многонациональном государстве. Во-первых, опыт польских коммунистов демонстрирует, что привилегированное положение этнополитической группы не может быть устойчивым без формальных институциональных гарантий и зависит от поддержки высшего руководства страны. Во-вторых, в условиях нарастания внешнеполитической угрозы любая этническая группа, имеющая связи с потенциальным противником, может стать объектом подозрений и репрессий, что требует взвешенного подхода к вопросам национальной безопасности. В-третьих, перекрестный анализ источников из российских и польских архивов показывает, что успешное развитие двусторонних отношений невозможно без деидеологизированного подхода к общей истории и признания сложности исторических процессов. Таким образом, исторический опыт, представленный в исследовании, может быть использован при корректировке современной внешней и внутренней политики для предотвращения повторения ошибок прошлого, сохранения стабильности межэтнических отношений и формирования объективного исторического знания. Всестороннее и объективное исследование положения польских коммунистов в советской партийно-государственной системе в 1917–1938 гг. представляет собой актуальную научную проблему, значимую как для развития историографических дискуссий, так и для формирования взвешенного, деидеологизированного взгляда на сложные и трагические страницы общей истории России и Польши.

Степень научной разработанности проблемы. История польских коммунистов, действовавших в советской России в межвоенный период, а также смежные с ней сюжеты из истории компартии Польши, III Коммунистического Интернационала, советско-польских отношений привлекали внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей на протяжении всего XX века. Однако, как показывает предпринятый историографический анализ, собственно деятельность польских коммунистов на территории советской России как самостоятельной этнополитической

группы не стала предметом специального комплексного изучения ни в одной из сложившихся историографических традиций. Совокупность работ, так или иначе затрагивающих проблематику настоящего исследования, допустимо разделить на три большие группы, характеризующиеся кардинально различными методологическими подходами и трактовками ключевых вопросов: советскую историографию; зарубежную (включающую как польскую буржуазно-эмигрантскую и западную советологическую традиции, так и историографию Польской Народной Республики); современную российскую.

Советская историческая наука, развивавшаяся в русле формационного подхода и марксистско-ленинской методологии, рассматривала историю польского коммунистического движения исключительно через призму неуклонного и благотворного усвоения ленинских принципов под руководством РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна. Данный корпус исследований базировался на так называемом «историко-партийном подходе», в рамках которого деятельность КРПП/КПП и связанных с ней организаций трактовалась в сугубо позитивном ключе, а все противоречия между польскими и российскими коммунистами затушевывались. Ранний период польской компартии и влияние Октябрьской революции 1917 г. на ее идейно-политический курс обстоятельно освещены в диссертации Б. М. Голубкова, в которой процесс «большевизации» партии трактуется как сугубо позитивный и исторически необходимый[26].

Значительный вклад в изучение генезиса польского рабочего и коммунистического движения внесла работа Н. Н. Пухлова[27], представившая предысторию создания Социал-демократической партии Королевства

[26] Голубков Б. М. Коммунистическая рабочая партия Польши в борьбе за усвоение стратегии и тактики ленинизма (1918–1923 гг.): Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1965. 312 с.

[27] Пухлов Н. Н. Из истории Польской социал-демократической партии (1893–1904 гг.). Москва: Наука, 1968. 256 с.

Польского и Литвы[28] и ее взаимодействие с Российской Социал-демократической рабочей партией[29]. Значительное место в исследовании отведено анализу процесса создания СДКПиЛ, а также всестороннему рассмотрению характера и динамики взаимодействия этих организаций с РСДРП(б). Автор скрупулезно прослеживает эволюцию идеологических и организационных связей между польскими социал-демократами и российскими большевиками, что позволяет реконструировать предпосылки последующей интеграции польского коммунистического движения в структуры Коминтерна и советской партийно-государственной системы.

Обобщающим трудом советского периода стал сборник статей «Из истории польского рабочего движения» под редакцией А. Я. Манусевича и И. А. Хренова[30], а также работы этих авторов, посвященные участию польских интернационалистов в Октябрьской революции и первому периоду деятельности КРПП[31]. Особое место в советской историографии занимают труды В. С. Неволиной[32], чья диссертация и серия статей, посвященных роли III и IV конгрессов Коминтерна в становлении КРПП, представляют наиболее детальную на тот момент разработку вопроса о взаимодействии польской

[28] Далее: СДКПиЛ.
[29] Далее: РСДРП.
[30] Из истории польского рабочего движения: к 20-летию Польской рабочей партии, 1942–1962. Москва: Соцэкгиз, 1962. 477 с.
[31] Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России: Февраль – октябрь 1917 г. Москва: Наука, 1965. 412 с.; Хренов И. А. Из истории образования и первого периода деятельности Коммунистической рабочей партии Польши (1918–1923 гг.) // Вопросы истории. 1959. № 6. С. 79-97.
[32] Неволина В. С. III конгресс Коминтерна и Коммунистическая рабочая партия Польши // Третий конгресс Коминтерна: развитие конгрессом политической линии коммунистического движения: коммунисты и массы. Москва: Политиздат, 1975. С. 293-311; Неволина В. С. IV конгресс Коминтерна и Коммунистическая рабочая партия Польши // Четвертый конгресс Коминтерна: разработка конгрессом стратегии и тактики коммунистического движения в новых условиях. Политика единого фронта. Москва: Политиздат, 1980. С. 250-267; Неволина В. С. Коминтерн и революционное сотрудничество РКП(б) и Коммунистической рабочей партии Польши (1918–1923 гг.) // СССР и Польша: интернациональные связи – история и современность. Т. 1. Москва: Политиздат, 1977. С. 390-430; Неволина В. С. Коминтерн и идейно-политическое и организационное укрепление Коммунистической рабочей партии Польши, 1918–1923 гг.: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1979. 206 с.

партии с международным коммунистическим центром. Влияние Коминтерна при этом неизменно оценивается как помощь в русле ленинских принципов.

Значительный вклад в изучение участия поляков в революционных событиях в России внесли работы Р. А. Ермолаевой, посвященные деятельности польских коммунистических организаций в советской России и их роли в Октябрьской революции и Гражданской войне[33]. В этих исследованиях на богатом фактическом материале показан вклад польских интернационалистов в установление и укрепление советской власти. Стоит неоднократно подвергавшуюся критике как со стороны буржуазных, так и советских историков. Ключевой претензией выступало обвинение в «просталинских» позициях, идеологизированности и исторической необъективности. Однако данное исследование следует воспринимать как аутентичный источник того периода, ценность которого для изучения политической истории и истории рабочего движения сложно переоценить. Близок к советской академической традиции и Ч. Козловский с его «Очерками истории польского рабочего движения»[34]. Диссертация М. Лося[35], вышедшая на излете перестройки, фиксирует смену вех: если историческая роль КПП еще трактуется в позитивном русле, то деятельность СССР в лице И. В. Сталина представлена как преступная и отходящая от марксистско-ленинских позиций.

Однако для всех без исключения работ советского периода характерно затушевывание противоречий между польскими и российскими

[33] Ермолаева Р. А. Агитационно-пропагандистская деятельность коммунистов-поляков в Советской России в период польско-советской войны (1920 г.) // Из истории польского рабочего движения: (к 20-летию Польской рабочей партии, 1942–1962). Москва: Соцэкгиз, 1962. С. 297-331; Ермолаева Р. А. Деятельность польских коммунистических организаций в Советской России и работа РКП(б) среди польского населения, 1917–1920 гг.: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1963. 324 с.; Ермолаева Р. А. Поляки-интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне (1917–1920 гг.) // СССР и Польша: интернациональные связи – история и современность. Т. 1. Москва: Политиздат, 1977. С. 345-389.

[34] Козловский Ч. Очерки истории польского рабочего движения. Москва: Политиздат, 1980. 383 с.

[35] Лось М. Идейно-политическая обстановка в Коммунистической партии Польши и ее деятельность в 1935–1938 годах: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1990. 185 с.

коммунистами, а также практически полное игнорирование вопроса о подлинных причинах и обстоятельствах роспуска КПП и последующей гибели многих ее деятелей в СССР. Институциональная динамика польских коммунистических организаций на территории СССР – членов Польского бюро, функционеров польских секций Коминтерна, руководителей польских автономий – не становилась предметом самостоятельным анализа.

Зарубежная историография проблемы представлена двумя основными традициями, которые, при всем их различии, сходятся в отрицании субъектности польских коммунистов и трактовке КПП как инструмента внешней политики Москвы: с одной стороны, это польская буржуазно-эмигрантская историография и западная советология, а также современные польские исследования, с другой – историография Польской Народной Республики, развивавшаяся в рамках марксистской методологии, но с учетом специфики польского национального контекста.

В историографии Польской Народной Республики особое место занимают работы историков ПНР, которые, формально придерживаясь марксистско-ленинской методологии, тем не менее имели возможность работать с польскими архивными материалами и внесли существенный вклад в изучение истории польского рабочего движения. Среди польских авторов, придерживавшихся марксистской методологии, необходимо выделить работы Ф. Тыха[36], посвященные участию СДКПиЛ и ППС-левицы в событиях Октябрьской революции 1917 г., исследование Б. Радляка[37] о формировании идеологической платформы СДКПиЛ, стоявшей у истоков КРПП, а также

[36] Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy: materiały i dokumenty. T. 2: 1902–1903. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. 644 s.; Tych F. PPS-Lewica w latach wojny 1914–1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1960. 237 s.

[37] Radlak B. SDKPiL w latach 1914–1917: formy i metody działalności. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. 382 s.

труды Г. Малиновского[38] по аграрному вопросу и Ф. Щветликовой[39] по организационной политике КРПП в первый период ее деятельности.

Работа А. Чубинского[40] стала одной из немногих попыток дать краткий очерк всей истории партии, включая предшествующие роспуску годы, без очевидного акцента на идеологические вопросы. Колоссальным по значимости исследованием является монография Я. Собчака «Współpraca SDKPiL z SDPRR»[41], проливающая свет на персоналии деятелей польского рабочего движения и их совместную работу с партией российских большевиков. В работах В. Найдус «Lewica polska w Kraju Rad» и «Участие поляков в Октябрьской революции»[42] подробно исследована деятельность польских левых организаций на территории советской России. Т. Буткевич и А. Слиш в книге «Polscy żołnierze Wielkiego Października»[43] осветили участие поляков в революционных событиях 1917 г. и формировании советской государственности. Монография польского историка, профессора Ю. Ковальского «Zarys historii polskiego ruchu robotniczego w latach 1918–1939»[44] представляет собой фундаментальное марксистское исследование истории левого и рабочего движения в Польше в первое десятилетие после восстановления государственности Польши. Также интерес представляет

[38] Malinowski H. Program i polityka rolna Komunistycznej Partii Robotniczej Polski, 1918–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1964. 344.; Malinowski H. Szkice z dziejów klasy robotniczej: wybrane zagadnienia z lat 1917–1919. Warszawa: Książka i Wiedza, 1973. 463 s.

[39] Świetlikowa F. Komunistyczna Partia Robotnicza Polski, 1918–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1968. 393 s.

[40] Czubiński A. Komunistyczna Partia Polski (1918–1938): zarys historii. 2. wyd. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1988. 319 s.

[41] Sobczak J. Współpraca SDKPiL z SDPRR. Warszawa: Książka i Wiedza, 1980. 745 s.; Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. 47 s.

[42] Najdus W. Lewica polska w Kraju Rad: 1918–1920. Warszawa: PWN, 1971. 458 s.; Najdus W. Z działalności polskich organizacji robotniczych w Rosji w 1917 r. // Z Pola Walki. 1958. № 1. S. 70-83; Найдус В. Участие поляков в Октябрьской революции. Варшава: Полония, 1967. 103 с.

[43] Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. 262 s.

[44] Kowalski J. Zarys historii polskiego ruchu robotniczego w latach 1918–1939. Cz. 1. Lata 1918–1928. 2-e wyd., rozszerzone. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. 434 s.

работа Б. Колебача «Komunistyczna Partia Polski 1923–1929: problemy ideologiczne»[45] посвященная анализу идеологической эволюции, внутрипартийной фракционной борьбы и программным установкам КПП в 1920-е гг.

Указанные работы написаны с марксистских позиций, тем не менее содержат богатый фактический материал, в том числе о персональном составе польских коммунистических организаций в советской России. Однако для всех без исключения работ этой группы, несмотря на их несомненную источниковедческую ценность, характерно затушевывание противоречий между польскими и российскими коммунистами, а также практически полное игнорирование вопроса о подлинных причинах и обстоятельствах роспуска КПП и гибели ее актива в СССР. Институциональная динамика польских коммунистических организаций в СССР не становилась самостоятельным предметом анализа.

В польской историография II Речи Посполитой и западной советологии, оформившихся в межвоенный период, утвердилось мнение о КПП как об организации, полностью лишенной самостоятельности и действовавшей исключительно «в интересах Москвы», уже в1920–1930-х гг. появились работы, заложившие основу этого нарратива. Монография Я. А. Регулы «Historia Komunistycznej Partii Polski w świetle faktów i dokumentów»[46] (при этом сам псевдоним «Ян Альфред Регула» принадлежал агенту польской политической полиции Юзефу Мутценмахеру[47]) и работы Х. Глясса прямо характеризовали КПП как «агентуру Москвы» и «польский филиал ВКП(б)»[48].

[45] Kolebacz B. Komunistyczna Partia Polski 1923–1929: problemy ideologiczne. Warszawa: Książka i Wiedza, 1984. 322 s.
[46] Reguła J. A. Historia Komunistycznej Partii Polski w świetle faktów i dokumentów [J. Mützenmacher]. 2-e wyd., rozszerzone i uzupełnione. Warszawa: nakład autorski: Drukprasa, 1934. 343 s.
[47] Gadomski B. Biografia agenta: Józef-Josek Mützenmacher (1903–1947). Warszawa: Tedson, 2009. S. 25.; Wilamowski J., Zasieczny A. Afera Joska Mitzenmachera: tajemnice policji politycznej. Warszawa: Cinderella Books, 2005. S. 14.
[48] Glass H. Obrona Polski przed bolszewizmem. Płock; Warszawa: Dobra Prasa, 1927. 38 s.; Międzynarodówki socjalistyczno-komunistyczne eksploatujące sprawę robotniczą: praca zbiorowa. Warszawa: Centralne Biuro Porozumienia Antykomunistycznego, 1938. 138 s.

Несмотря на их откровенно тенденциозный характер труды оказали значительное влияние на формирование устойчивых стереотипов в польском общественном сознании. В послевоенной эмигрантской и западной литературе эта линия была продолжена и усилена. В. Побуг-Малиновский в своем трехтомном труде «Najnowsza historia Polski»[49] характеризует КРПП как «орудие внешней политики Москвы», а деятельность Польревкома изображает как враждебную не только буржуазной Польше, но и польскому народу в целом.

М. К. Дзевановский в книге «The Communist Party of Poland. An Outline of History»[50] называет Коминтерн «русским Интернационалом», ставя знак равенства между принадлежностью КПП к этой организации и подчинением ее интересам советской России. Н. Дэвис в работе «White Eagle – Red Star. The Polish-Soviet War, 1919–1920»[51] тенденциозно освещает советско-польскую войну, а Польревком характеризует как «классический пример марионеточных правительств, импортированных в фургонах наемных войск».

К этой же группе примыкает и значительно более поздняя работа итало-американского исследователя Г. Симанчини, который, несмотря на попытку объективного подхода, при анализе историографического материала констатирует, что польские исследования Компартии в период ПНР были «сильно идеологизированы и даже искажены фальсификацией и цензурой источников»[52].

Из современных польских работ, продолжающих данную традицию, наибольший резонанс получили труды Н. Иванова, прежде всего «Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. „Operacja polska" 1937–1938» и

[49] Pobóg-Malinowski, W. Najnowsza historia polityczna Polski (1864–1945) / W. Pobóg-Malinowski. – Londyn: B. Świderski, 1967. T. 2, cz. 1: 1914–1939. 672 s.
[50] Dziewanowski M. K. The Communist Party of Poland: an outline of history. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1959. 369 p.
[51] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. 356 s.
[52] Simoncini G. The Communist Party of Poland, 1918–1929: a study in political ideology. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 1993. 271 p.

«Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939»[53]. При колоссальном объеме привлеченных архивных материалов и статистических данных, ключевой посыл его работ строится на откровенной советофобии, а роспуск КПП и репрессии против польских коммунистов трактуются исключительно как «забытый геноцид», спланированный И. В. Сталиным.

Сборник «Partia komunistyczna w Polsce. Struktury – Ludzie – Dokumentacja» под редакцией Д. Магера[54], при общей научности содержания, является ярким представителем новой польской исторической школы, взявшей на вооружение штампы времен «холодной» войны, и изображает польских коммунистов как деструктивную, антинациональную силу. В современной польской историографии значительное место занимает также коллективная монография под редакцией К. Зелинского «O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922»[55], которая вносит значительный вклад в освещение тематики польского коммунистического движения на территории РСФСР, отличается глубокой проработкой фактического материала и привлечением колоссальной источниковой базы, включающей как центральные, так и региональные архивы России и Польши. Вместе с тем, хронологически исследование ограничено 1918–1922 гг., что не позволяет проследить эволюцию роли польских коммунистов в советской партийно-государственной системе в последующий, ключевой период их институциональной трансформации и ликвидации в 1930-е гг. Кроме того, работа не лишена тенденциозности, характерной для значительной части современной польской исторической науки.

[53] Iwanow M. Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. «Operacja polska» 1937–1938. Kraków: Znak Horyzont, 2014. 554 s.; Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. 399 s.

[54] Partia komunistyczna w Polsce: struktury, ludzie, dokumentacja. Lublin; Radzyń Podlaski: Archiwum Państwowe: Radzyńskie Towarzystwo Naukowe, 2012. 656 s.

[55]Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. 352 s.

В монографии Б. Гарчика[56] исследуется реализация советской национальной политики в Петрограде/Ленинграде между 1917 и 1941 гг., фокусируясь на функционировании национальных меньшинств в условиях идеологических экспериментов. Нельзя не упомянуть одно из наиболее авторитетных в современной польской историографии критических исследований Р. Назаревича[57], посвященного сложным, противоречивым и трагическим взаимоотношениям между Коминтерном и польским левым движением (прежде всего Коммунистической партией Польши – КПП, а также Коммунистической партии Западной Украины[58] и Коммунистической партии Западной Белоруссии[59]).

Изучению польского общества в период Советско-польской войны посвящен научный труд Ю. Шчепанского[60], посвященный широкому спектру внутрипольского восприятия Советско-польской войны, описан современный взгляд польской исторической науки на проблематику событий войны столетней давности. К этому типу работ можно отнести более ранние по времени написания, но сходные по духу исследования польских авторов Т. Женчиковского, Г. Лукомского, Б. Полака, М. Вжосека и А. Новака[61], также освещавшие события Советско-польской войны и связанные с ней события, прежде всего оперируя польской исторической ретроспективой.

Необходимо также отметить работы белорусских и украинских авторов. Украинский исследователь Г. Й. Стронський в работе «Злет і падіння.

---

[56] Garczyk B. Radziecka polityka narodowościowa w latach 1917–1941 na przykładzie Piotrogrodu-Leningradu. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2011. 317 s.

[57] Nazarewicz R. Komintern a lewica Polska: wybrane problemy. Warszawa: Instytut Wydawniczy Książka i Prasa, 2008. 262 s.

[58] Далее: КПЗУ.

[59] Далее: КПЗБ.

[60] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. 551 s.; Также: Szczepański J. Wojna 1920 na Mazowszu i Podlasiu. Warszawa; Pułtusk: WSH, 1995. 415 s.

[61] Żenczykowski T. Dwa komitety 1920–1944: Polska w planach Lenina i Stalina. Warszawa: Spotkania, 1990. 143 s.; Lukomski G., Polak B., Wroszek M. Wojna polsko-bolszewicka 1919-1920: Działania bojowe. Kalendarium. T. 1 (1 stycznia 1919-29 lutego 1920 r.). Koszalin, 1990. 99 s.; Nowak A. Polska i trzy Rosje: studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). 2-e wyd. Kraków: Arcana, 2008. 646 s.

Польський національний район в Україні в 20-30-і роки»[62] детально проанализировал историю Мархлевского района. И. Карашчанка в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі»[63] осветил деятельность Польского бюро при ЦК КП(б)Б. Монография белорусского историка и правоведа В. А. Круталевича «От войны к миру»[64] посвящена дипломатической истории завершения Советско-польской войны 1919–1921 гг. и становления мирных межгосударственных отношений через призму белорусского национального вопроса.

За исключением некоторых авторов, общей для всей этой историографической группы является разоблачительный подход, демонизация как отдельных личностей польских коммунистов, так и всех партийных органов и организации, принципиальный отказ рассматривать их деятельность вне морализаторской парадигмы «предательства национальных интересов». Однако, не может не радовать, что в настоящее время в зарубежной историографии появляются работы, освещающие историю рабочего движения Польши, советско-польские отношения в межвоенный период, в которых дается значительно более объективное восприятие прошлого, присутствует анализ различных видов документов, по-новому трактуются взаимоотношения III Интернационала с зарубежными секциями[65].

Современная российская историография вопроса. Для этой группы, активно развивающейся с 1990-х гг., характерна радикальная смена акцентов по сравнению с советским периодом, часто сопровождавшаяся некритическим заимствованием западных концепций.

---

[62] Стронський Г. Й. Злет і падіння: Польський національний район в Україні у 20–30-ті роки. Тернопіль: [б. в.], 1992. 184 с.

[63] Карашчанка І. Польскае бюро пры ЦК КП(б)Б // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 5. Мінск: БелЭн, 1999. 545 с.

[64] Круталевич В. А. От войны к миру: (польско-советские отношения в 1920–1922 гг.). Минск: Право и экономика, 2006. 150 с.

[65] Макдермотт К., Агню Дж. Коминтерн: история международного коммунизма от Ленина до Сталина. Москва: АИРО-XX, 2000. 224 с.; Маккензи К. Коминтерн и мировая революция, 1919–1943. Москва: Центрполиграф, 2008. 351 с.

Знаковыми для этого направления являются работы Н. С. Лебедевой и Н. Г. Тереховой, в частности, их статьи «ВКП(б) и польская политика Коминтерна 1919–1925 годы» и «Польская секция Коминтерна от переворота Пилсудского до Большого террора»[66]. В них подробно освещена история формирования КПП, идейные и политические проблемы с момента ее становления вплоть до ликвидации, а основной вывод исследователей сводится к тезису о постоянной борьбе КПП с ВКП(б) за политическую и идейную автономию. Роль Советского Союза и Коминтерна трактуется как директивная и подавляющая самостоятельность деятельности польских коммунистов в советской России. Роспуск партии и «польская операция» НКВД оцениваются как «преступления сталинизма». Близка к этим позициям и И. С. Яжборовская[67], чьи работы эволюционировали от советского партоцентризма к весьма сомнительным тезисам.

Особое место в постсоветской историографии занимает фундаментальная публикация И. И. Костюшко «Польское бюро ЦК РКП(б). 1920–1921 гг.»[68], представляющая собой образец строго академического, непредвзятого подхода к изучению польского вопроса в советской партийно-государственной системе. В отличие от многих работ этого периода, отмеченных резкой сменой идеологических акцентов, исследование И. И. Костюшко построено исключительно на скрупулезном анализе материалов

---

[66] Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 13-28; Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. Польская секция Коминтерна от переворота Пилсудского до Большого террора // Славяноведение. 2021. № 3. С. 5-19. DOI 10.31857/S0869544X0014845-2; Лебедева Н. С. Коминтерн и Польша (1919–1943). Warszawa: Neriton, 2005. С. 323-355.

[67] Яжборовская И. С. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября, 1918–1923 гг. Москва: Наука, 1967. 300 с.; Яжборовская И. С., Бухарин Н. И. Польское рабочее движение в борьбе за социализм: исторические уроки. Москва: Наука, 1986. 336 с.; Яжборовская И. С. Идейное развитие польского революционного рабочего движения: (конец XIX – первая четверть XX в.). Москва: Наука, 1973. 415 с.; Яжборовская И. С. Катынское дело: на пути к правде // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 22-35.; Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. 2-е изд. Москва: РОССПЭН: Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 519 с.

[68] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. 143 с.

отдельного фонда РГАСПИ и лишено какой-либо политической ангажированности. Автор безоценочно, на основе архивных документов реконструирует важнейший этап деятельности Польского бюро – период его наивысшего влияния и последовавшей за ним маргинализации, вводя в научный оборот колоссальный массив ранее недоступных источников. Именно эта работа, впервые представившая целостную документальную картину функционирования ключевого института польских коммунистов в советской России, во многом побудила к дальнейшему углубленному изучению данной тематики и стала отправной точкой для постановки более широкой исследовательской проблемы – эволюции роли польских коммунистов в советской партийно-государственной системе на всем протяжении их существования с 1917 по 1938 гг., а также для анализа феномена их уникального, особого статуса, не имевшего аналогов среди других национальных секций РКП(б)/ВКП(б).

В диссертации К. Ю. Новикова, «Причины и последствия советско-польской войны 1920 г.»[69] прослеживается отказ от идеологических штампов советской историографии в пользу многофакторного анализа. Автор признает попытку советской России экспортировать революцию, но подчеркивает фиаско этого проекта из-за игнорирования национального фактора в Польше. При этом критический взгляд на действия Москвы не перерастает у К. Ю. Новикова в антисоветизм: в войне он видит элементы защиты национальных интересов советской России. Характеризуя польских коммунистов, исследователь лишает их субъектности, определяя их исключительно как инструмент советской политики, чья искренняя вера в мировую революцию не компенсировала отсутствия понимания местной социальной специфики и не обеспечила им поддержки со стороны польского населения.

В изучении советско-польского противостояния не менее важна монография коллектива авторов (М. Н. Зуева, В. В. Изонова и Т. М.

[69] Новиков К. Ю. Причины и последствия советско-польской войны 1920 г.: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 2006. 164 с.

Симоновой) «Советская Россия и Польша, 1918–1920 гг.»[70], посвященная комплексному военно-историческому исследованию зарождения, хода и итогов советско-польского вооруженного конфликта.

Важнейшую роль в освещении работы по «польской линии» в рамках деятельности советской разведки оказала монография А. А. Зданович «Польский крест советской контрразведки»[71], посвященная истории противостояния советских органов госбезопасности (ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД) и польских разведывательных структур в межвоенный период.

Анализ институциональных аспектов деятельности Коминтерна и его структур представлен в фундаментальных работах Ф. И. Фирсова, А. Ю. Ватлина, Г. М. Адибекова. В этих исследованиях, основанных на широком круге архивных материалов, рассматриваются механизмы функционирования III Коммунистического Интернационала, его организационная структура и взаимоотношения с национальными компартиями, в том числе с КПП. В работах А. Ю. Ватлина[72] исследуются проблемы взаимоотношений ВКП(б) и Коминтерна в 1920-е гг., роль польского вопроса в международном коммунистическом движении. Ф. И. Фирсов в серии монографий, посвященных истории Коминтерна[73], анализирует механизмы функционирования этой организации, ее секретные коды и шифропереписку,

---

[70] Зуев М. Н., Изонов В. В., Симонова Т. М. Советская Россия и Польша, 1918–1920 гг.: советско-польское вооруженное противостояние 1918–1919 гг. Советско-польская война 1920 г. Москва: Ин-т военной истории МО РФ, 2006. 249 с.

[71] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. 480 с.

[72] Ватлин А. Ю. ВКП(б) и Коминтерн в 20-е годы: проблемы взаимоотношений: Дис. ... докт. ист. наук, Москва, 1998. 54 с.; Ватлин А. Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. Москва: Политическая энциклопедия, 2019. 173 с.; Ватлин А. Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. Москва: РОССПЭН, 2009. 374 с.; Ватлин А. Ю. Мировая революция и современное коминтерноведение // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. Москва: АИРО-XX, 1996. С. 331-357.; Ватлин А. Ю., Фирсов Ф. И. Бухарин и Коминтерн // Рабочий класс и социальный прогресс. Москва: Наука, 1990. С. 251-282.

[73] Фирсов Ф. И. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. Москва: АИРО-XXI, 2019. 672 с.; Фирсов Ф. И. Секреты Коммунистического Интернационала. Шифропереписка. Москва: РОССПЭН, 2011. 494 с.; Фирсов Ф. И. Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. Москва: АИРО-XXI: КРАФТ+, 2007. 576 с.

а также роль И. В. Сталина в коминтерновской политике. В своей работе «Организационная структура Коминтерна, 1919–1943»[74] Г. М. Адибеков и др. освещают пласт справочной информации: структуру, задачи, решения и постановления, персоналии, значительное количество аутентичных документов, архивов и служебной переписки.

Среди современных исследований институциональной истории Коминтерна выделяются работы Ю. А. Васильева, в том числе монография «Тайны Коминтерна. Альфред: человек и легенда Тууре Лехен»[75], посвященная биографии одного из видных деятелей международного коммунистического движения и его роли в механизмах функционирования Коминтерна, а также исследование «Вызов времени: люди Коминтерна в условиях нарастающих угроз со стороны Запада (1920–1930-е гг.)»[76], в котором анализируется трансформация кадровой политики Коминтерна и адаптация его структур к изменяющейся международной обстановке в межвоенный период.

Значительный вклад в изучение институциональной эволюции советской партийно-государственной системы вносят работы И. А. Анфертьева, в которых на обширном архивном материале исследуются механизмы трансформации РКП(б)/ВКП(б) из политической партии в государствообразующую структуру. В монографиях «Политическая биография правящей РКП(б)–ВКП(б) в 1920–1930-е годы: критический анализ»[77], «Политический конструктивизм правящей партии: программные

[74] Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна, 1919–1943. Москва: Росспэн, 1997. 286 с.
[75] Васильев Ю. А. Тайны Коминтерна. Альфред: человек и легенда Тууре Лехен: монография. Московский гуманитарный университет. Москва: МосГУ, 2025. 192 с.
[76] Васильев Ю. А. Вызов времени: люди Коминтерна в условиях нарастающих угроз со стороны Запада (1920–1930-е гг.) // Высшее образование для XXI века: Ответы на глобальные вызовы: сборник статей. Москва: МосГУ, 2021. С. 64-69.
[77] Анфертьев И. А. Политическая биография правящей РКП(б) – ВКП(б) в 1920-1930-е годы: критический анализ: монография / Российский государственный гуманитарный университет. Москва: ИНФРА–М, 2017. 321 с.

установки РСДРП(б)–РКП(б)–ВКП(б). 1917–1930-е годы»[78] и «Модернизация советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований РКП(б)–ВКП(б) как инструменты борьбы за власть»[79] анализируются программные установки большевистской партии, процессы централизации власти и интеграции национальных государственных образований в состав РСФСР и СССР. Особое внимание исследователь уделяет деятельности Центральной контрольной комиссии как инструменту укрепления партийно-государственной власти в советской России, а также механизмам партийных чисток и борьбе с внутрипартийными оппозициями в 1920–1930-е гг.[80]. Эти работы создают необходимый концептуальный и методологический фундамент для изучения положения этнополитических групп в советской системе и позволяют рассматривать эволюцию статуса польских коммунистов

[78] Анфертьев И. А. Политический конструктивизм правящей партии: программные установки РСДРП(б)–РКП(б)–ВКП(б). 1917–1930-е годы: монография. Москва: ИНФРА–М, 2020. 555 с.

[79] Анфертьев И. А. Модернизация советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований РКП(б) – ВКП(б) как инструменты борьбы за власть: монография. Москва: ИНФРА–М, 2022. 593 с.

[80] Анфертьев И. А. РКП(б)–ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: программы преобразований и борьба за власть: Дис. ... докт. ист. наук, Москва, 2019. 789 с.; Анфертьев И. А. М. Н. Рютин и судьбы участников «Союза марксистов-ленинцев», 1932–1937 годы // История сталинизма: репрессированная российская провинция: материалы международной научной конференции, Смоленск, 9–11 октября 2009 г. Москва: РОССПЭН; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. С. 479-494.; Анфертьев И. А. Внесудебное пространство партийных чисток 1920-х гг. по документам Центральной контрольной комиссии РКП (б) // Права человека: история, теория, практика. Сборник научных статей / Минобрнауки России, Юго-Западный государственный университет, кафедра конституционного права, НОЦ «Консервативной политики», Научно-дискуссионный клуб имени П. А. Столыпина. Курск, 2014. С. 3-8.; Анфертьев И. А. Руководство РКП(б) в условиях перехода к новой экономической политике: Центральная контрольная комиссия и «чистки» партийных кадров // Новый исторический вестник. 2015. № 3 (45). С. 65-78; Анфертьев И. А. Политический и административный ресурс правящей РКП(б)-ВКП(б): поиск модели социального государства в 1920-1930-х гг. // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 197-224.; Анфертьев И. А. О некоторых причинах ликвидации правящей коммунистической партией большевиков многопартийности в стране // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 131-152.; Анфертьев И. А. Правящая РКП(б): отказ от политики военного коммунизма и рост властных полномочий партийного аппарата в управлении страной в 1920-е гг. // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Сборник научных трудов / Министерство образования и науки РФ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2016. С. 115-128.

в широком контексте трансформации партийно-государственных институтов. Особое значение для настоящего исследования имеют работы И. А. Анфертьева, посвященные созданию и ликвидации буферных национальных образований на примере Литовско-Белорусской ССР[81] и интеграции территориальных и национальных государственных образований в состав РСФСР и СССР в 1920–1930-е гг[82]. Анализ механизмов формирования и упразднения подобных временных квазигосударственных структур напрямую соотносится с логикой создания и последующей ликвидации Польревкома, который также выполнял функцию «буферного» образования в 1920 г.

Определенный вклад в изучение хронологически и тематически близких явлений вносят работы, посвященные российскому зарубежью в Польше и странах Европы в межвоенный период. В этом ряду следует отметить исследования А. А. Микуленка[83], посвященные российской эмиграции в Польше в 1917–1939 гг., О. Г. Гончаренко[84], рассматривающего российскую эмиграцию в контексте мировых геополитических и гуманитарных процессов первой половины XX века, Л. В. Климович[85], изучающей молодое поколение

[81] Анфертьев И. А. Деятельность правящей РКП(б) по созданию и ликвидации буферных национальных государственных образований в условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции на примере Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (ЛитБел) // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2017. № 2. С. 50-58.

[82] Анфертьев И. А. Правящая РКП (б) – ВКП (б): интеграция территориальных и национальных государственных образований в состав РСФСР и СССР в 1920–1930-е годы // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Сборник научных трудов / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. С. 496-507.

[83] Микуленок А. А. Российская эмиграция в Польше: 1917–1939 гг.: Дис. ... канд. ист. наук, Краснодар, 2016. 207 с.; Микуленок А. А. Положение национальных меньшинств (украинцев и белорусов) в Польше в первой половине 1920-х гг. (по материалам Архива внешней политики РФ) // Общество: философия, история, культура. 2025. № 9(137). С. 99-105. DOI 10.24158/fik.2025.9.13. EDN UKSCWY.

[84] Гончаренко О. Г. Российская эмиграция в мировых геополитических и гуманитарных процессах первой половины XX века: Дис. ... докт. ист. наук, Москва, 2011. 499 с.

[85] Климович Л. В. Молодое поколение российской эмиграции в странах Европы в 1920–1930-е гг.: Дис. ... докт. ист. наук, Ульяновск, 2022. 522 с.

российской эмиграции в странах Европы в 1920–1930-е гг., С. В. Костерина[86], анализирующего организации русских эмигрантов в Польше в 1919–1939 гг., а также В. Ф. Ершова[87], исследовавшего российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг.

При всем богатстве историографического материала в историографическом пространстве по данной теме присутствуют лакуны и неразработанные аспекты, поэтому подробный анализ степени научной проработанности эволюции роли польских коммунистов в советской партийно-государственной системе оправдан. Процессу трансформации их институционального статуса – от возникновения Польского бюро ЦК РКП(б) до его постепенного «угасания», от концентрации властных полномочий в руках узкой элитной группы до полной утраты политического ресурса посвящен крайне ограниченный круг работ, касающийся лишь отдельных аспектов, причем иногда без взаимосвязи друг с другом[88]. Взаимодействие и взаимопроникновение Польского бюро с польской секцией Коминтерна, с ячейками на местах и с созданными в 1920-е – 1930-е гг. польскими автономными районами изучались фрагментарно, в отрыве от центрального исследовательского вопроса – каким образом менялось положение этой группы в общей архитектуре советской власти. Вне исследовательского фокуса остались следующие принципиально важные вопросы: какова была степень взаимопроникновения и соподчинения внутри советских партийных

[86] Костерин С. В. Организации русских эмигрантов в Польше в 1919–1939 годы. Система, типология, эволюция: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 2017. 211 с.
[87] Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг.: организации, идеология, экстремизм: Дис. ... докт. ист. наук, Москва, 2000. 486 с.
[88] Iwanow M. Polacy w Związku Radzieckim, 1917–1990 // Polacy w Kościele katolickim w ZSRR. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1991. S. 56-79.; Iwanow M. Polski Piemont Komunistyczny // Magazyn Polski na Uchodźstwie. 2017. № 9 (140). S. 28-35.; Iwanow M. Oświata w warunkach polskiej sowieckiej autonomii w ZSRS w latach 1925–1939 // Rocznik SNPL. 2017. T. 17. S. 73-97.; Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. 143 с.; Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. 47 s.

организаций, связанных с Польшей, и как эта конфигурация влияла на распределение властных ресурсов; какова была реальная роль польских коммунистов – членов РКП(б)/ВКП(б), одновременно являвшихся руководителями польской секции Коминтерна, и членами польской компартии и как эта двойная лояльность сказывалась на их институциональном положении; как и почему происходила эволюция основных целей и задач польских коммунистических организаций на разных этапах их существования – от проектирования Польской Советской Республики до сугубо агитационно-пропагандистской работы среди «советской Полонии»; и, наконец, каким образом накопленные внутри этой группы противоречия и ее особый, привилегированный статус в 1920-е гг. обернулись причиной институциональной ликвидации в 1930-е гг. Историографический анализ демонстрирует, что ни в одной из трех охарактеризованных традиций – советской, зарубежной (включая как польскую буржуазно-эмигрантскую и западную советологическую, так и польскую марксистскую) и постсоветской – польские коммунисты в РСФСР/СССР не рассматривались как самостоятельный субъект исторического процесса, обладавший собственной логикой развития, внутренними конфликтами и механизмами влияния. Их траектория – от «архитекторов» советско-польской политики до «ликвидированной» категории – никогда не становилась самостоятельным предметом анализа как целостный процесс эволюции роли в партийно-государственной системе советской России. Настоящее диссертационное исследование призвано восполнить обозначенную лакуну.

Объект исследования – польское коммунистическое движение в советской России.

Предмет исследования – польские коммунисты в советской партийно-государственной системе в 1917–1938 гг.

Принципиально важным для настоящего исследования является *терминологическое уточнение*. Понятие «польские коммунисты» трактуется

не в узко-этническом смысле, а как операциональная категория, объединяющая активистов, которые в силу своего происхождения, языковой компетенции или специфики партийной деятельности были интегрированы в систему «работы по польской линии» в советской России. Данная формулировка, принятая в советском партийном делопроизводстве, подразумевала участие в польских секциях и бюро РКП(б)/ВКП(б), членство в Коммунистической партии Польши, а также кадровую и культурно-просветительскую работу среди польского населения. Таким образом, в рамках исследования термин «польский коммунист» указывает не только на национальность, сколько на институциональную и функциональную принадлежность к данной этнополитической группе. Это терминологическое уточнение имеет принципиальное значение для понимания того, почему в орбиту «польской работы» вовлекались лица не только польского происхождения, и почему репрессивные меры 1937–1938 гг. распространялись на более широкий круг лиц, чем те, кто формально принадлежал к польской национальности.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1917 по 1938 гг. Нижняя хронологическая граница определяется участием польских социалистических партий СДКПиЛ и ППС-левицы в революционных событиях 1917 г. и началом их интеграции в формирующуюся систему советской власти. Верхняя хронологическая граница – 1938 г. – дата официальной ликвидации Коммунистической партии Польши как организации, завершившей существование польского коммунистического движения в его прежнем институциональном качестве. Важными вехами внутри этих рамок являются: 1919 г. – создание Коммунистической рабочей партии Польши и Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б); 1920 г. – создание Временного революционного комитета Польши; 1924 г. – образование Польской комиссии при Исполкоме Коминтерна; 1931 г. – фактическое прекращение деятельности Польского бюро; 1935 г. – роспуск Польско-Прибалтийского лендер-секретариата и ликвидация Мархлевского

польского национального района; 1937 г. – ликвидация Дзержинского польского национального района; 1938 г. – ликвидация Коммунистической партии Польши.

Территориальные рамки исследования включают территорию РСФСР/СССР в границах до 1938 г., а также территории, находившиеся под контролем Красной Армии в период Советско-польской войны в 1920 г., на которых осуществлялась деятельность Временного революционного комитета Польши.

Цель исследования – определить динамику изменения роли и характера деятельности польских коммунистов в РСФСР/СССР в 1917–1938 гг., а также выявить комплекс внутри- и внешнеполитических факторов, обусловивших ликвидацию польских коммунистических организаций и репрессии против них.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи:**

1. Раскрыть процесс институционализации польского коммунистического движения в революционной России, установив, каким образом участие польских социалистических партий в событиях 1917 г. и создание Коммунистической рабочей партии Польши способствовали включению польских коммунистов в советскую партийно-государственную систему и формированию «польского направления» внутренней и внешней политики советской России.

2. Определить место польских коммунистов в системе III Коммунистического Интернационала, выявив особенности их политической субъектности, характер разногласий внутри польского коммунистического движения по вопросам тактики и идеологии, а также влияние этих разногласий на взаимоотношения КРПП/КПП с РКП(б)/ВКП(б) и Исполкомом Коминтерна.

3. Проанализировать роль польских коммунистов в Советско-польской войне 1919–1921 гг. как периода оформления институциональных основ их влияния: охарактеризовать механизмы политической мобилизации,

дипломатической активности и создания Временного революционного комитета Польши, а также определить политические последствия поражения Красной Армии для положения польской коммунистической группы в советской системе.

4. Проследить эволюцию организационных форм польских коммунистов в советской России, установив преемственность и функциональные различия между Комиссариатом по польским делам, Польским бюро ЦК РКП(б) и Временным революционным комитетом Польши, а также выявить механизмы кадровой концентрации, сохранения и постепенной утраты их особого статуса.

5. Охарактеризовать «польскую линию» как особый вектор советской национальной политики 1920-х – начала 1930-х гг., выявив содержание и противоречия проектов по созданию польских национальных автономий, их роль во внешнеполитической пропаганде СССР и причины постепенного свертывания «польского проекта».

6. Определить роль личностного фактора и элитных сетей в формировании, функционировании и последующей ликвидации польского сегмента советской партийно-государственной системы, реконструировав механизмы патроната (Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, И. Уншлихт), кадровой ротации и неформальных связей, которые обеспечивали особый статус польских коммунистов в советской России 1920-х – 1930-х гг.

7. Раскрыть предпосылки и механизмы политических репрессий в отношении польских коммунистов во второй половине 1930-х гг., определив соотношение объективных институциональных процессов (маргинализация польских организаций, накопление внутрипартийных конфликтов, инфильтрация польских спецслужб) и политических решений высшего советского руководства, приведших к роспуску КПП и «польской операции» НКВД.

8. На основе перекрестного анализа источников из российских и польских архивов, а также исследовательской литературы разных историографических традиций предложить целостную концептуальную

модель, объясняющую траекторию деятельности польских коммунистов в советской партийно-государственной системе – от положения со-творцов советского государства до ликвидированной группы, ввести в научный оборот новый взгляд на проблематику политической активности польских коммунистов в РСФСР/СССР, существенно уточняющий представления о роли этой этнополитической группы в истории России.

Методологическая основа исследования. В основу исследования положены принципы историзма и объективности. Деятельность представителей польского левого движения, членов КПП, ее представительства в секции Коммунистического Интернационала и РКП(б)/ВКП(б), их тактические и стратегические задачи рассматриваются с момента возникновения польских коммунистических организаций в советской России, а также прослеживается весь путь их развития в исторической ретроспективе в рассматриваемый период. Использование принципа историзма способствует выявлению качественных изменений влияния и политических перспектив польских коммунистов в СССР с течением времени, в результате изменения внешне- и внутриполитической обстановки в советской России. Применение принципа объективности заключается в стремлении избежать предвзятости и идеологически окрашенных трактовок при анализе деятельности и итогов работы рассматриваемых организаций.

Основной метод, применяющийся в научно-квалификационной работе, – историко-генетический, являющийся одним из наиболее распространенных и, в то же время, одним из наиболее гибких и доступных методов. Он выражается в последовательном изучении деятельности польских коммунистов в СССР по линии КРПП/КПП – Польская секция Коминтерна – Польское бюро ЦК РКП(б), их формальных и неформальных связей, целей и задач представляемых организаций, что позволяет в наибольшей мере приблизиться к воссозданию реальной истории предмета и объекта исследования. Применение историко-типологического метода позволило рассматривать деятельность польских коммунистов в СССР на основании их

участия в организациях в конкретный период. В результате использования историко-системного метода удалось выделить исследуемую систему деятельности польских коммунистов, направленную на упрочение своего влияния как этнополитической группы в интересах партийно–государственной системы РСФСР/СССР. Привлечение исторических источников, их анализ и изучение потребовали применения метода сопоставления, который сводится к перекрестной проверке сведений документов и различных исторических источников.

Источниковая база исследования. Работа над диссертацией потребовала привлечения разнообразных источников, которые можно разделить на несколько групп. Представленная источниковая база позволяет с достаточной степенью полноты и достоверности решить поставленные исследовательские задачи.

Первая группа источников – документы центральных партийных и государственных архивов, прежде всего Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Большое значение для работы имеют материалы фондов Коммунистического Интернационала и Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б), малодоступные для исследователей до начала 1990-х гг. В первую очередь это фонды Исполнительного комитета Коминтерна (Ф. 495)[89], фонд Центрального Комитета КПСС (Ф. 17)[90], а также материалы фонда Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б) (Польбюро – Ф. 63)[91] и Временного революционного комитета Польши (Польревком – Ф. 68)[92], содержащие массив уникальной информации о деятельности польских коммунистов в РСФСР/СССР. Указанные фонды представлены следующими видами источников: отчеты и стенограммы заседаний Польского бюро; переписка руководства Коминтерна; резолюции и стенограммы заседаний руководящих

[89] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1, 2, 18, 20, 25, 49, 61, 74, 123, 124, 125, 185, 252.
[90] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3, 4, 6, 63, 84, 86, 112, 162.
[91] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1.
[92] РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1.

органов Коммунистического Интернационала, а также партийных съездов, конференций, проекты постановлений; личная и официальная переписка лидеров польского коммунистического движения; кадровая и бухгалтерская документация; аналитическая и статистическая информация, отчеты и сводки.

Важность представляют также материалы фондов Центрального бюро коммунистических организаций оккупированных местностей (Ф. 333)[93], Петроградского бюро ЦК РКП(б) (Ф. 466)[94], Центрального комитета Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы (Ф. 486)[95], материалы Третьего (Ф. 490) и Пятого (Ф. 492) Конгрессов Коминтерна[96], а также личных фондов Ф.Э. Дзержинского (Ф. 76)[97] и Г.Е. Зиновьева (Ф. 324)[98]. Документы этих фондов позволяют проследить институциональную динамику польских коммунистических организаций, выявить механизмы принятия решений по «польской линии» и реконструировать биографии ключевых фигур польского коммунистического движения в советской России.

Вторая группа источников – материалы зарубежных архивов, прежде всего польских, которые позволили осуществить перекрестный анализ документов российских и польских архивов и выявить новые аспекты институциональной динамики польских коммунистических организаций. Среди них Варшавский Архив Новых актов (AAN), в котором содержатся фонды Центрального исполнительного комитета КРПП[99], Компартии Польши[100], Общества пограничников[101], Представительства Регентского совета Королевства Польского в советской России[102], Национального

[93] РГАСПИ. Ф. 333. Оп. 1.
[94] РГАСПИ. Ф. 466. Оп. 1.
[95] РГАСПИ. Ф. 486. Оп. 1.
[96] РГАСПИ. Ф. 490. Оп. 1.; Ф. 492. Оп. 1.
[97] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3.
[98] РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1.
[99] Archiwum Akt Nowych (AAN), Centralny Komitet Wykonawczy Komunistycznej Partii Robotniczej Polski (CKW KPRP), Sygnatury: 397/I-2, 397/I-26, 397/I-28.
[100] AAN, Komunistyczna Partia Polski (KPP), Sygnatury: 158/X-1, 158/V-1.
[101] AAN, Towarzystwo Straży Kresowej (TSK), Sygnatury: 323.
[102] AAN, Przedstawicielstwo Rady Regencyjnej Królestwa Polskiego w Rosji Radzieckiej (PRRR), Sygnatury: 146.

комитета Польши[103], Министерства иностранных дел[104], Посольства Речи Посполитой в Москве (ARPM)[105]. Значительный пласт источников представлен документами Архива института Ю. Пилсудского в США (PINY), в особенности фондами Архива Михала Мосцицкого[106]. Эти материалы содержат уникальные сведения о деятельности польских коммунистических организаций, о восприятии польскими властями советской политики в польском вопросе в советской России, а также о разведывательной и контрразведывательной деятельности с обеих сторон.

Третья группа источников – материалы региональных архивов СССР. В изучении польских автономий определенную роль оказали материалы украинских и белорусских архивов[107], среди которых следует выделить Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦДАГОУ), Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ), Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Эти архивные коллекции содержат делопроизводственную документацию польских национальных районов, переписку с центральными органами власти, отчеты о проведении коллективизации и культурно-просветительной работы среди польского населения. Документы региональных архивов позволяют реконструировать практическую реализацию «польской линии» на местах и выявить противоречия между центром и республиканскими структурами по вопросам национальной политики.

---

[103] AAN, Komitet Narodowy Polski (KNP) Sygnatury: 21057, 20729.
[104] AAN, Ministerstwo Spraw Zagraniczych (MSZ), Sygnatury: 11769.
[105] AAN, Ambasady Rzeczypospolitej w Moskwie (ARPM), Sygnatury: 104, z 510.
[106] Pilsudski Institute, New York (PINY), Archiwum Michała Mościckiego (AMM), Sygnatury: 1, 6, 7, 10, 13.
[107] Центральний Державний Архів Громадських Об'єднань та Україніки (ЦДАГОУ) Ф. 1. Оп. 20.; Архів Управління МВС Україні Харківскоі області (АУМВСУ-ХО), Колекція документів.; Центральный Государственный Архив Высших Органов Власти и Управления Украины (ЦГАВОВУ) Ф. 413. Оп. 1.; Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) Ф. 4. Оп. 20; Ф. 701. Оп. 1.; Государственный Архив Гродненской Области (ГАГО) Ф. 24. Оп. 1.

Четвертая группа источников – материалы центральных государственных архивов Российской Федерации, в том числе Государственный архив Российской Федерации[108], Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга[109], материалы Центрального Архива Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации[110] и Российского государственного военно-исторического архива[111]. Документы ЦА ФСБ РФ, в частности следственные дела польских коммунистов, репрессированных в ходе «польской операции» 1937–1938 гг., являются ценнейшим источником для понимания механизмов принятия решений о репрессиях, а также для реконструкции биографий ключевых фигур польского коммунистического движения. Материалы РГВИА содержат сведения о формировании польских воинских частей в составе Красной Армии, их участии в Гражданской и Советско-польской войнах.

Пятая группа источников – материалы периодических изданий 1920-х – 1930-х гг. на польском языке, издававшихся в РСФСР/СССР («Trybuna Radziecka», «Sierp», «Orka», «Marchlewszczyzna radziecka» и др.), а также польская коммунистическая периодика, выходившая в Польше («Głos Robotniczy», «Nasza Trybuna», «Trybuna Komunistyczna», «Nowy Przegląd» и др.). Эти источники позволяют реконструировать официальную позицию польских коммунистических организаций, проследить эволюцию их риторики и пропагандистских установок, а также выявить реакцию на ключевые события политической жизни. Особую ценность представляют публикации, отражающие дискуссии внутри польского коммунистического движения, а

[108] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-1318 Оп. 1, 21, 30; Ф. Р-3316. Оп. 27.
[109] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Ф. 16. Оп. 11.
[110] Центральный Архив Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). АУД № Р-4807; АУД № Р-8470.
[111] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 2000. Оп. 13.

также материалы, посвященные деятельности Польского бюро и польских национальных автономий.

Шестая группа источников – мемуарная литература участников польского коммунистического движения в советской России. Интерес в контексте данной темы представляют воспоминания С. Дзержинской, которая с 1919 г. являлась членом Польского бюро, а с 1924 г. возглавила его, став ответственным секретарем. Ее мемуары, изданные в 1975 г. под названием «В годы великих боев», содержат ценные сведения о деятельности Польского бюро, о взаимоотношениях внутри польской коммунистической группы в СССР, а также о повседневной работе организации по координации «польской линии» советской политики[112]. Не менее интересны в данном ключе воспоминания Е. Бобинской – супруги видного функционера Польского бюро С. Бобинского. В мемуарах под названием «Pamiętnik tamtych lat», содержатся интересные подробности деятельности организаций польских коммунистов в СССР, их межличностные и бытовые отношения, общение с коллегами по партии, прибывающими из Польши, а также реконструируется атмосфера, в которой проходила работа польских коммунистических структур в 1917–1920-е гг.[113] В той же мере интерес представляют и мемуары польского коммуниста С. Пестковского «Wspomnienia rewolucjonisty», содержащие подробные сведения об участии польских коммунистов в революционных событиях 1917 г. и становлении советской власти, о работе в Комиссариате по польским делам и взаимодействии с руководством РКП(б)[114]. Мемуарные источники, несмотря на их субъективный характер, позволяют воссоздать личностное измерение истории польских коммунистов в РСФСР/СССР, выявить неформальные связи и механизмы принятия решений, которые не всегда

[112] Дзержинская С. С. В годы великих боев: воспоминания о Ф. Э. Дзержинском. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Мысль, 1975. 502 с.
[113] Bobińska H. Pamiętnik tamtych lat. Cz. 1. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1966. 210 s.
[114] Pestkowski Z. Wspomnienia rewolucjonisty / Oprac. P. Korzec. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1961. 192 s.

фиксировались в официальных документах. В совокупности с материалами архивов и периодической печати они образуют репрезентативную источниковую базу для реконструкции институциональной динамики польских коммунистических организаций в советской партийно-государственной системе в 1920-е – 1930-е гг.

Научная новизна исследования определяется как введением в научный оборот ранее не использовавшихся архивных материалов, так и новым концептуальным подходом к анализу уже известных источников. Впервые в отечественной и зарубежной историографии деятельность польских коммунистов в РСФСР/СССР рассматривается не в качестве объекта советской или польской политики, а как самостоятельной этнополитической группы, обладавшей внутренней логикой развития, собственными интересами и механизмами влияния.

В диссертации впервые проведен комплексный анализ взаимосвязи и взаимовлияния двух компонентов польского коммунистического движения, которые ранее в историографии рассматривались изолированно или в одностороннем ключе: членов КРПП/КПП, действовавших в Польше и эмиграции, и польских коммунистов – членов РКП(б)/ВКП(б), составлявших актив Польского бюро ЦК РКП(б). Установлено, что между этими группами существовала сложная система взаимных связей, включавшая кадровую ротацию, обмен опытом и идеологическое влияние, степень и формы которого менялись на разных этапах рассматриваемого периода: от тесного организационного переплетения в 1917–1920 гг. через нарастание напряженности и попытки дистанцирования в 1921–1931 гг. к последовательному идеологическому доминированию советской партийной линии и последующей ликвидации польской компартии в 1931–1938 гг.

Установлена прямая институциональная преемственность и фактическая кадровая идентичность трех ключевых организаций польских коммунистов в советской России: Комиссариата по польским делам при Наркомнаце (1917–1920 гг.), Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК

РКП(б) (1919 г.) и Временного революционного комитета Польши (1920 г.). Доказано, что это была не смена различных органов с разными функциями, а эволюция одной и той же властной элитной группы, в руках которой происходила концентрация всех нитей управления по «польской линии» в советской России. Руководство всеми тремя структурами осуществлялось одними и теми же лицами (Ю. Мархлевский, Ф. Дзержинский, Э. Прухняк, И. Уншлихт, Ф. Кон, С. Бобинский), совмещавшими членство в РКП(б)/ВКП(б) и КРПП, а также занимавшими высшие должности в зарождающихся советских «силовых ведомствах».

На основе анализа протоколов заседаний Польбюро, его переписки с Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б), а также материалов польских секций Коминтерна реконструирована динамика постепенного, но неуклонного снижения роли польских коммунистов в СССР на протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. Впервые в контексте изучения советской национальной политики 1920-х – 1930-х гг. опыт создания польских автономных районов (Мархлевского на Украине и Дзержинского в Белоруссии) проанализированы не изолированно, а как комплексный политический проект, имевший двойное функциональное назначение в советской России.

Впервые предложена и обоснована принципиально новая объяснительная модель причин роспуска Коммунистической партии Польши и последовавших репрессий против польских коммунистов во второй половине 1930-х гг., учитывающая как объективные факторы институциональной динамики, так и субъективные политические решения, принимавшиеся в условиях нараставшего кризиса доверия. Вопреки доминирующему в историографии (как польской, так и в значительной части отечественной) тезису о том, что ликвидация КПП стала следствием субъективных факторов, в работе доказывается, что этот акт явился результатом сложного комплекса объективных обстоятельств: накопленных политических ошибок самой КПП (поддержка переворота Ю. Пилсудского,

подорвавшая доверие Москвы); затяжной и разрушительной фракционной борьбы между «большинством» и «меньшинством», перенесенной на советскую почву и дестабилизировавшей работу Польбюро и польских секций Коминтерна; реальной и масштабной инфильтрации польских спецслужб (ПОВ) в коммунистические ячейки, подтвержденной как советскими, так и польскими архивными документами; общего кризиса доверия к полякам в советском руководстве в условиях надвигающейся мировой войны, в которой Польша рассматривалась как наиболее вероятный противник СССР.

Положения, выносимые на защиту.

1. Польские коммунисты в РСФСР/СССР представляли собой уникальную этнополитическую группу, обладавшую особым институциональным статусом, который был обусловлен не только численным представительством в РКП(б)/ВКП(б), но и концентрацией в их руках ключевых рычагов власти в сфере госбезопасности, внешней политики, разведки и коминтерновской работы в советской России. Этот статус сформировался в 1917–1920 гг. в результате глубокой интеграции польских социалистических партий (СДКПиЛ и ППС-левица) в российское революционное движение и создания на их основе Коммунистической рабочей партии Польши, ставшей одновременно секцией Коминтерна и партнером РКП(б) /ВКП(б), по реализации «польской линии» советской политики.

2. Ключевой институциональной особенностью первоначального положения польских коммунистов в советской партийно-государственной системе являлась двойная партийная лояльность: члены КРПП автоматически становились членами РКП(б) при въезде в советскую Россию, а польские отделения большевистской партии фактически выполняли функции представительств польской компартии. Данная конструкция существовала вплоть до III конгресса Коммунистического Интернационала (июнь–июль 1921 г.), решениями которого было создано самостоятельное представительство КРПП при Исполкоме Коминтерна, и фактически

сохранялась в переходных формах до 1922 г., когда завершилось институциональное разграничение функций Польского бюро ЦК РКП(б) и заграничных структур польской компартии. Эта уникальная конструкция, не имевшая аналогов среди других национальных секций, обеспечивала польским коммунистам беспрецедентное институциональное влияние, но одновременно сделала их положение крайне уязвимым, поскольку их статус напрямую зависел от сохранения доверия со стороны высшего партийного руководства РСФСР/СССР.

3. Организационная эволюция польских коммунистических структур в советской России – от Комиссариата по польским делам через Польское бюро ЦК РКП(б) к Временному революционному комитету Польши представляла собой не смену разрозненных институтов, а трансформацию единой властной элитной группы, сохранявшей кадровую преемственность и концентрировавшей в своих руках все нити управления «польской линией». Создание Польревкома в июле 1920 г. стало кульминацией этой эволюции, впервые в истории советской власти превратив национальную секцию партии в квазигосударственное образование, обладавшее непродолжительное время атрибутами временного революционного правительства в советской России.

4. «Польское направление» советской национальной политики 1920-х – начала 1930-х гг. представляло собой комплексный политический проект, в котором сочетались внутриполитическая задача советизации польского населения РСФСР/СССР и внешнеполитическая функция инструмента идеологического давления на II Речь Посполитую. Наиболее ярким выражением этого проекта стали польские национальные автономные районы (Мархлевский и Дзержинский), задуманные как «коммунистический Пьемонт» – одновременно витрина социализма и плацдарм для возможной будущей советизации Польши. Внутренняя противоречивость проекта (экономическая дотационность, сопротивление польского крестьянства коллективизации, конфликты с республиканскими элитами, уязвимость перед

польской разведкой) предопределила его постепенное свертывание, завершившееся ликвидацией автономий к 1935 – 1937 гг.

5. Снижение роли польских коммунистов в советской партийно-государственной системе проходило не одномоментно, а через последовательный институциональный демонтаж: фактическое прекращение деятельности Польского бюро к 1931 г., ликвидация польских автономий и Польско-Прибалтийского лендер-секретариата Коминтерна в 1935 г., роспуск КПП, КПЗУ и КПЗБ в 1938 г. Этот процесс был обусловлен не только изменением внешнеполитической конъюнктуры, но и накоплением внутриполитических противоречий: фракционной борьбой внутри КПП, перенесенной на советскую почву, политическими ошибками польского руководства (прежде всего поддержкой переворота Ю. Пилсудского в 1926 г.) и реальной инфильтрацией польских спецслужб в коммунистические ячейки.

6. Репрессии против польских коммунистов второй половины 1930-х гг. («польская операция» НКВД) стали не спонтанным проявлением «сталинской паранойи» или личной неприязни, а закономерным итогом длительного процесса эрозии доверия к польской этнополитической группе в советской России, в ходе которого прежние механизмы патроната (Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, И. Уншлихт) перестали действовать, горизонтальные неформальные связи, десятилетиями объединявшие польских коммунистов, начали интерпретироваться как конспиративная сеть, а реальная угроза польской разведки в условиях надвигающейся мировой войны воспринималась как достаточное основание для тотальной зачистки «польского элемента» из советской партийно-государственной системы.

7. На основе перекрестного анализа российских и польских архивных источников в диссертации предложена новая объяснительная модель эволюции положения польских коммунистов в советской партийно-государственной системе, рассматривающая их траекторию от «архитекторов» «польской линии» до «ликвидированной» категории как результат сложного взаимодействия объективных институциональных

процессов (кадровая концентрация, двойная лояльность, инфильтрация спецслужб) и субъективных политических решений. Данная модель позволяет преодолеть односторонность как советской, так и зарубежной историографических традиций и вводит в научный оборот новые научные нарративы и архивные материалы, существенно уточняющие представления о роли польской этнополитической группы в истории советской России.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования заключается в том, что на базе обширного массива источников и литературы основные проблемы деятельности польских коммунистов в РСФСР/СССР рассматриваются как пример изучения истории рабочего движения, советско-польского взаимодействия и истории политических репрессий, а также дается оценка особой роли деятелей польского происхождения как во внешней, так и во внутренней политике РСФСР/СССР с учетом нарастания антагонизма Польши и советской России в межвоенный период. Результаты исследования расширяют научные представления о механизмах реализации «польской линии» советской политики на общесоюзном и региональном уровнях и формируют базу для дальнейших исследований в области истории национальных коммунистических движений и коминтерноведения.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы и выводы работы могут быть использованы в общеисторических трудах, в учебных курсах по истории России и истории Польши, в преподавании в системе высшего образования, стать основой для чтения спецкурсов по советологии и полонистике, а также стать основой для дальнейшего углубленного исследования основных положений работы. Данный труд будет интересен историкам, политологам, преподавателям и студентам, а также специалистам по исторической полонистике для углубленного анализа роли польского фактора в советской партийно-государственной системе 1920-х – 1930-х гг.

Апробация результатов исследования. Положения диссертации были озвучены в виде докладов на ежегодных научно-теоретических конференциях

студентов, аспирантов и преподавателей МГОУ в 2023–2024 гг., Всероссийской научно-практической конференции РГГУ по военной истории «Свиринские чтения-2024» в 2024 г. и в рамках международной научной конференции «Исторические чтения на Лубянке» 2023, 2025 гг. Основные положения диссертации отражены в 8 научных публикациях, в том числе в 6 статьях в журналах, включенных в Перечень рецензируемых изданий ВАК. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета. Проведенное исследование и собранные в его ходе материалы планируются к изданию монографии о деятельности польских коммунистов в РСФСР/СССР.

Соответствие диссертации паспорту научных специальностей.

Работа выполнена в рамках специальностей: 5.5.1. История и теория политики и 5.6.1. Отечественная история.

В рамках научной специальности 5.5.1. исследование проводилось в направлениях: п. 1. – История политики; п. 2. – Политическая история: традиции, политические практики, трактовки; п. 4. – История мировой социально-политической мысли: направления, течения, доктрины, теории, концепции, учения и идеи; п. 5. – История социально-политической мысли России: направления, течения, доктрины, теории, концепции, учения и идеи; п. 15. – Политическая конфликтология: теоретические основания, концепции, идеи; п. 18. – Концептуальные основания международных отношений и мировой политики; п. 22. – Политические идеологии.

В рамках научной специальности 5.6.1. исследование проводилось в направлениях: п. 2. – Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; п. 4. – История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п. 5. – История международного положения и внешней политики страны на различных этапах ее развития; п. 7. – История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также

хозяйственной деятельности; п. 10. – Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений; п. 14. – История политических партий и общественных движений России; п. 16. – История российских революций; п. 17. – Личность в российской истории, ее персоналии. История российских элит; п. 18. – Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества; п. 23. – Россия в крупнейших международных конфликтах; п. 24. – История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения; п. 26. – Геополитические аспекты истории; п. 29. – История российского зарубежья разных периодов: русская культура, наука, общественная мысль за рубежом.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы, а также приложений, включающих биографический указатель персоналий.

Глава 1. «Польское направление» в советской внешней и внутренней политике и институционализация польского коммунистического движения. 1917–1920 гг.

1.1. Создание Коммунистической рабочей партии Польши в революционной России: идеологические основания и организационное оформление.

В 1917 г. Польша стала ареной противостояния не только европейских империй, сражающихся в Первой мировой войне, но и полем битвы идей, с одной стороны, о достижении польского суверенитета, на котором играли почти все вовлеченные стороны, а с другой – с мечтой о социалистической революции в Польше. Пробольшевитская группа в польской социалистической партии (ППС-левица) и Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) – открыто заявили о поддержке большевистского пути к пролетарской революции в России и взяли курс на создание социалистической Польши[115]. 16 декабря 1918 г. именно союз этих двух политических сил положил начало существованию Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП), с 1925 г. – Коммунистической партии Польши (КПП).

Польское революционное движение, во многом восходящее своими корнями к национально-освободительной борьбе польского народа за независимость, надеялось на всеобъемлющее восстание в России и ждало его. Неудачный опыт предыдущих восстаний, подавленных властью, заложил понимание того, что в рамках одностороннего выступления невозможно противостоять российской империи. Именно «царизм» с подачи германско-австрийской пропаганды и политической позиции польских эмигрантов воспринимался широкими слоями польского населения как основное препятствие в достижении суверенитета, и часть польского населения в

[115] РГАСПИ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 168. Л. 1-28.; Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С.13.

России была полна решимости с ним бороться. После отречения в начале марта 1917 г. российского императора от власти среди польской политической элиты было много сочувствующих Временному правительству в Петрограде, однако курс на обретение национальной независимости был продолжен формированием собственных вооруженных сил, которые в том числе видели одной из своих главных целей противостояние с большевиками[116]. Но в условиях революционных изменений, охвативших территорию трех европейских империй[117], многие польские революционно настроенные силы, однако, не ограничивались отстаиванием национального суверенитета, а требовали далеко идущих социальных и политических перемен. В среде польских рабочих и интеллигенции была сильна доля членов социалистических объединений, многие из которых сочувствовали партии большевиков. На территории России, от европейской ее части до Сибири и Кавказа, в ссылках и лагерях, в войсках и городах действовали значительные группы поляков, представлявшие польские социалистические партии, а именно: Польскую социалистическую партию (ППС), ее левое крыло (ППС-левица) и СДКПиЛ[118].

Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) – одна из сложившихся на территории бывшей Речи Посполитой революционных организаций, была основана в 1893 г. в Варшаве видными деятелями польской социал-демократии: Р. Люксембург, Л. Йогихесом (Тышка), Ю. Мархлевским и А. Варским. В 1899 г. к организации присоединились «литовские» социал-демократы[119] во главе с Ф. Дзержинским. В основе деятельности СДКПиЛ были положены идеи марксистского научного социализма, а партийные

[116] Bagiński H. Wojsko Polskie na Wschodzie: 1914–1920. Warszawa: Główna Księgarnia Wojskowa, 1921. C. 182.; Grosfeld L. Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach pierwszej wojny światowej. Warszawa: PWN, 1962. S. 47.; Wrzosek M. Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917–1918. Warszawa: Książka i wiedza, 1969. S. 160.

[117] Российская империя, Германская империя, Австро-Венгерская империя.

[118] Найдус В. Участие поляков в Октябрьской революции. Варшава: Полония, 1967. С. 19-21.

[119] Социал-демократическая партия Литвы (лит. Lietuvos socialdemokratų partija – LSDP) – старейшая политическая партия Литвы, созданная 1 мая 1896 г. в Вильне.

лидеры придерживалась строго интернационалистических принципов. Борьба против капиталистической эксплуатации и имперской власти была фундаментальной платформой ее политической стратегии, конечной целью которой был революционный взрыв в пользу создания пролетарской диктатуры, исключающей возможность «польской буржуазной республики». Основной электоральной базой партии был, прежде всего, пролетариат крупных промышленных центров – Варшавы, Лодзи и иных регионов с высокой концентрацией заводского и промышленного производства бывшего Царства Польского[120].

Еще до начала Первой мировой войны польская социал-демократия была близка к большевикам в своей практической деятельности, имея прочные и давние связи с РСДРП, более того, с 1906 г. входила в состав РСДРП[121]. В своих статьях В. И. Ленин высоко оценивал деятельность и позиции социал-демократии Королевства Польского и Литвы, прежде всего за то, что партия, придерживалась революционных позиций, боролась за идеологическую чистоту рабочего движения, за единство польского и русского пролетариата в противостоянии с эксплуататорами, от которых страдали как польский, так и русский народы. Отдавая отчет в набирающем вес польском национализме среди некогда разделенного польского народа, В. И. Ленин писал: «Польской социал-демократии принадлежит громадная историческая заслуга впервые создать действительно марксистскую, действительно пролетарскую партию в Польше, насквозь пропитанной националистическими стремлениями и увлечениями»[122].

До 1917 г. на территории Российской империи действовало около 40 местных групп польско-литовской социал-демократии. К началу

[120] Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy: materiały i dokumenty. T. 2: 1902–1903. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 118-123.; Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy: materiały i dokumenty. T. 2: 1914–1918. Moskwa: Towarzystwo Wydawnicze Robotników Zagranicznych w ZSRR, 1936. S. 202.
[121] Holzer J., Molenda J. Polska w pierwszej wojnie światowej. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1963. S. 3-4, 10-12.
[122] Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 20. Москва: Политиздат, 1973. С. 448.

революционных событий их общее количество составляло приблизительно 5 000 человек[123]. В столице империи издавался польский революционный журнал «Trybuna». Влияние некоторых членов польской социал-демократии в российском рабочем движении было столь значительным, что представитель СДКПиЛ Ф. Дзержинский стал одним из секретарей ЦК РСДРП(б)[124] в августе 1917 г., еще около 20 членов этой партии заняли места в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов. Многие из них принимали участие в подготовке и проведении вооруженного восстания в Петрограде, Москве и других крупных городских центрах[125] на территории России.

Другой партией польского рабочего класса, вставшей на марксистско-ленинские позиции, явилась ППС-левица. Партия была создана в 1906 г. после разделения единой Польской социалистической партии[126] на национально ориентированных сторонников Ю. Пилсудского, создавших «Революционную Фракцию» (ППС-фракция), и вышеупомянутую Левую ППС[127]. Сохранить единство партии было невозможно, так как с другой стороны политических баррикад от «пилсудчиков» находились интернациональные революционеры во главе с П. Лапинским, Ф. Саксом, Б. Шапиро и Г. Валецким, которые основали ППС-левицу[128]. Изначально единая, Польская социалистическая партия стояла на реформистских националистических позициях. После

---

[123] Samuś P. Najnowsze badania dziejów SDKPiL // Z Pola Walki. 1982. № 3/4. S. 75-76.

[124] Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев: жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. 5-е изд., доп. Минск: Наука и техника, 1987. С 164.

[125] Malak K. Udział Polaków-Bolszewików w wydarzeniach rewolucyjnych w Piotrogrodzie, marzec-listopad 1917 r. // Kraje Socjalistyczne. 1985. T. 1, № 1–4. S. 329-363.

[126] В 1892 году в Париже состоялся съезд четырех польских социалистических групп (II Пролетариат, Союз польских рабочих, Zjednoczenie Robotnicze и Gmina Narodowo-Socjalistyczna), на котором был образован Заграничный союз польских социалистов.
В 1893 году на конспиративном съезде в Польше была образована Польская социалистическая партия. Центральным пунктом программы ППС было создание независимой польской республики. В том же году в Берлине польскими эмигрантами была оформлена ППС в Пруссии. Из ППС почти сразу после создания выделилось интернационалистское крыло – Социал-демократия королевства Польши и Литвы, которое считало более важной целью социальную революцию, а не независимость Польши.

[127] Najdus W. Lewica polska w Kraju Rad: 1918–1920. Warszawa: PWN, 1971. S. 36-37.

[128] Bäcker R. Polska Partia Socjalistyczna wobec Traktatu Ryskiego // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. S. 229-240.

разделения, во время революционных событий в России 1917 г., члены правой фракции принимали участие в создании и работе Советов делегатов, но симпатизировали меньшевикам. В целом их лозунги были направлены на обретение Польшей национальной независимости[129]. Еще до Первой мировой войны ППС-фракция развернула скрытую под видом социализма буржуазно-националистическую пропаганду, спекулируя на ненависти польского населения к русскому царизму. Продолжателем этой политики в ППС-фракции явилась вся последующая деятельность Ю. Пилсудского, принципом которой стал отход от социалистического фундамента и становление лично его культа личности, распространившегося в партии. С точки зрения В.И. Ленина, вся деятельность ППС-фракции, вопреки декларативным заявлениям руководителей, сводилась к насаждению национализма в польском рабочем движении и к борьбе с «подлинно революционными» элементами в среде польских социалистов. Ее лидеры И. Дашинский, Л. Василевский и другие остерегались революционных сил в России, концентрируя внимание прежде всего на национальной независимости Польши.

ППС-левица решительно отвергала националистическую повестку правой фракции. В 1908 г. на своем I съезде партия вернулась к стратегии борьбы с угнетением поляков, но на принципах международного социализма. Руководство партии решительно выступило против польского буржуазного национализма и не приняло лозунг о независимости Польши, который считало нереалистичным. Непосредственной целью партии было провозглашено создание в России демократической республики с широкой автономией на территориях Царства Польского[130]. После разделения политический вектор ППС-левицы еще больше сблизился с идеями большевиков, но по ряду вопросов польские социалисты придерживались альтернативного мнения, чем

[129] Ładyka T. Polska Partia Socjalistyczna (Frakcja Rewolucyjna) w latach 1906–1914. Warszawa: Książka i Wiedza, 1972. S. 341-346.
[130] PPS-Lewica, 1906–1918: materiały i dokumenty. T. 2: 1911–1914. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 319-321.; Tych F. PPS-Lewica w latach wojny 1914–1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1960. S. 131-132.

значительно отличались от членов СДКПиЛ. Партия продолжала придерживаться позиции автономности от РСДРП, поддерживая сотрудничество с русскими революционерами, но сохраняя организационную самостоятельность[131]. После начала Первой мировой войны ППС-левица так же, как и СДКПиЛ, присоединилась к лозунгу «Война войне». В первые же дни вооруженного конфликта Варшавская, а затем Краковская организации ППС-левицы выпустили воззвания, в которых оценивали войну как захватническую, империалистическую и указывали, что пролетариат может выйти из войны только путем революционной борьбы, сохраняя и защищая свои классовые интересы, и отвергая концепцию создания независимой Польши, за которую боролись представители правой фракции ППС. В 1917 г. в России действовало около 30 местных отделений ППС-левицы. Они насчитывали около 3 000 человек[132]. Члены партии также поддерживали лозунг «Вся власть Советам» и принимали участие в деятельности Советов, выступая на стороне большевиков[133].

Октябрьская революция в России[134] раскрыла перед СДКПиЛ и ППС-левицей новые перспективы, активизировала их деятельность, создала предпосылки для последующего их объединения. Во многом залогом этого объединения стала революционная борьба, вовлекшая значительное количество польских социалистов, которые в массе своей с энтузиазмом встретили победу революции 1917 г. в России, рассматривая ее как начало

---

[131] Найдус В. Участие поляков в Октябрьской революции. Варшава: Полония, 1967. С. 32-33.; Коханьский А. Некоторые проблемы изучения участия поляков в Октябрьской революции // Связи революционеров России и Польши XIX – начала XX века. Москва: Наука, 1968. С. 132-140.

[132] Samuś P. Najnowsze badania dziejów SDKPiL // Z Pola Walki. 1982. № 3/4. S. 75-76.

[133] Kasprzakowa J. Ideologia i polityka PPS-Lewicy w latach 1907–1914. Warszawa: Książka i Wiedza, 1965. S. 281-286.; Tych F. PPS-Lewica w latach wojny 1914–1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1960. S. 200-210.

[134] Другие названия в историографии: Октябрьский переворот, Большевистский переворот, Октябрьское восстание, «Красный Октябрь», «Великий Октябрь» – вооруженное восстание в Петрограде в октябре (по новому стилю - в ноябре) 1917 г., итогом которой стало свержение Временного правительства и установление советской власти. В историографии рассматривается либо как самостоятельное историческое событие, либо как продолжение Февральской революции 1917 г.

освобождения польских трудящихся и пролог мировой революции. В основу первых послереволюционных воззваний в обеих организациях было поставлено то, что «защита завоеваний Октября является почетным интернациональным долгом польского пролетариата»[135]. Непосредственно после осуществления Октябрьского переворота в России, 14 ноября 1917 г. центральный печатный орган ППС-левицы «Głos Robotniczy» поместил большую передовую статью под названием «Вулкан революционный», в которой подчеркивалось, что победа Октябрьской социалистической революции является «событием мировой масштаба». Указав на то, что большевики представляли крайне левое социалистическое течение в рабочем движении не только в России, но и в целом в Европе, автор статьи писал: «Каждый поймет, что их приход к власти означал бы неизмеримо более важное, нежели только политический переворот»[136]. Таким образом, революционные партии польского рабочего класса, приветствуя победу пролетарской революции в России, видели в ней пример и образец того, как следует бороться за установление нового социалистического строя.

Мнение о количестве поляков, принимавших участие в революционных событиях Октября 1917 г., значительно разнится в историографии СССР и Народной Польши. Советские историки были склонны недооценивать численность польских революционеров. Это связано с тем, что большинство из них имели подданство Российской империи, а также часто примыкали к РСДРП(б)/РКП(б) и не рассматривались как интернационалисты. В состав так называемых интернационалистических войск – сторонников революции, советские ученые обычно вносили исключительно польских военнопленных из немецкой и австро-венгерской армий, которые в количественном плане существенно уступали российским полякам.

[135] Wulkan rewolucji. Głos Robotniczy. 1917. № 43. 14 ноября.
[136] Там же.

Однако польские историки времен ПНР[137] относят всех поляков, принимавших участие в революции и гражданской войне в России, к группе польских революционеров, т. е. интернационалистов, независимо от их места рождения. По их ориентировочным подсчетам предполагается, что в революции приняли непосредственное участие около 100 000 поляков, многие из которых погибли или пропали без вести на фронтах революции и гражданской войны. После Советско-польской войны в 1921-1922 гг. часть польских коммунистов останется в СССР и вступит в отделения польского бюро при ЦК РКП(б), а часть уедет в Польшу, чтобы примкнуть к польской Компартии[138].

Среди польских революционных теоретиков, прежде всего членов околобольшевистской СДКПиЛ, было много сторонников концепции (как бы сейчас сказали) «перманентной революции». Они поддерживали идею В.И. Ленина и других марксистов-интернационалистов о необходимости создания противовеса блоковой системе – «Соединенных штатов Европы»[139], надеясь, что революционные процессы России быстро охватят не только территории с преимущественно польским населением, но и будут распространяться на запад. Однако, как и многие идейные марксисты, они недооценивали важность самосознания наций, в частности, не воспринимали со всей серьезностью стремления своих соотечественников к обретению национальной государственности, что впоследствии сыграло не на руку ортодоксальным польским коммунистам в идеологическом плане, размежевав их со сторонниками независимой Польши из социалистического лагеря. Один из наиболее ярких идеологов марксизма в Польше, член партии СДКПиЛ, Р. Люксембург была уверена, что национальный вопрос ушел в прошлое и

[137] Польская Народная Республика (пол. Polska Rzeczpospolita Ludowa, PRL), сокращенно ПНР – унитарная социалистическая республика в Центральной Европе, существовавшая с 1944 по 1989 год, предшественник современной Республики Польши.
[138] Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. S. 8
[139] Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 26. С. 351-352.

больше не оказывает существенного влияния на жизнь польского общества. Она утверждала, что стремление восстановить независимое польское государство является проявлением политического утопизма[140]. Данная крайне левая позиция в среде польских социал-демократов подвергалась критике В. И. Ленина, однако продолжала довлеть среди польской партийной элиты. В данном вопросе в теоретическом фундаменте польских коммунистов проявилось значительное расхождение во взглядах с идеями большевиков, выдвигавших лозунг о признании права всех наций Российской империи на самоопределение вплоть до отделения, а с другой стороны, польские революционеры призывали к осуждению национально-освободительных устремлений и выдвигали интернациональные лозунги[141].

С успехом Октябрьской революции 1917 г. и обнародованием советским правительством декларации прав народов России две польские социалистические партии, принимавшие активное участие как в революции, так и в структурах советской власти, а также во внутренней работе большевистской партии, фактически дошли до конфронтации по вопросу о независимости Польши[142]. В конце 1917 г. ППС-левица высказалась полностью за Октябрьскую революцию и диктатуру пролетариата. Тем не менее, ее политическая линия еще не была полностью большевистской: оставались оговорки, особенно по важным вопросам перехода от демократической буржуазии к пролетарской революции и диктатуре пролетариата[143].

Другой источник разногласий касался Бунда[144]. Для СДКПиЛ это была

---

[140] Kwestja polska a ruch socjalistyczny: zbiór artykułów o kwestji polskiej R. Luxemburg, K. Kautsky'ego, F. Mehringa, Parvusa i innych. Kraków: [b. w.], 1905. S. 173-177.

[141] Jabłoński H. Ruch robotniczy i ludowy w Polsce (1914–1923). 2-e wyd. Warszawa: Książka i Wiedza, 1961. S. 79-85.

[142] Najdus W. Z działalności polskich organizacji robotniczych w Rosji w 1917 r. // Z Pola Walki. 1958. № 1. S. 70-83.

[143] Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1: Marzec 1917 – listopad 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1957. S. 257-260.

[144] Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) (идиш בונד — «союз», полное название — идиш אַרבעטערסבונד יִידישער אַלגעמיינער רוסלאַנד און פּוילן, ליטע אין; Algemeiner Jiddischer Arbetersbund in Lite, Poiln un Russland, пол. Powszechny Żydowski

националистическая еврейская партия, склонявшаяся к компромиссу с буржуазией, тогда как ППС-левица была более сочувствующей и в прошлом проводила множество совместных акций с Бундом. Несмотря на эти проблемы, тенденция к объединению, тем не менее, была санкционирована во имя высших интересов пролетариата и, безусловно, поощрялась как на низовом уровне, так и со стороны партийного руководства[145].

Несмотря на имеющиеся разногласия, две польские партии продолжали идти по пути объединения в условиях быстроменяющейся обстановки в ходе революционного процесса. Представители ППС-левицы в России фактически определили «повестку дня» в марте 1918 г. и начали готовить почву для официального объединения двух партий, с одной стороны, и вступления их в РКП(б), где они составляли польскую секцию[146], с другой.

На территориях бывшего Царства Польского, находящегося под немецкой оккупацией, на фоне общей социальной напряженности идеи Октябрьской революции распространялись на широкие слои польского населения. Все больше людей говорили о необходимости использовать методы, уже опробованные в России. Летом 1918 г. представители СДКПиЛ, ППС-левицы, имевшие опыт революционной борьбы, полученный в России, проникли в оккупированную Польшу. С другой стороны, молодые польские коммунисты отправлялись в Россию для получения необходимых знаний и опыта, для формирования революционного подполья. Все приближало революционную ситуацию уже на польских территориях[147].

Однако главную проблему для польского рабочего движения в случае революционной ситуации определял тот факт, что собственно рабочий класс в

Związek Robotniczy na Litwie, w Polsce i Rosji) — еврейская социалистическая партия, действовавшая в Европейской России (Восточной Европе), с 1890-х до 1940-х годов.

[145] Świetlikowa F. Komunistyczna Partia Robotnicza Polski, 1918–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1968. S. 24.

[146] Simoncini G. The Communist Party of Poland, 1918–1929: a study in political ideology. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 1993. P. 18.

[147] Kuszyk W. Walki klasowe na wsi polskiej 1918–1919: materiały źródłowe. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1968. S. 173.; Также: Rogala W. Życie i walka wsi wielkopolskiej w latach 1919–1925. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1956. S. 27.

Польше был немногочисленным. Несмотря на наличие значительных промышленных центров, таких как Познань или Лодзь, Польша представляла из себя преимущественно крестьянскую страну с очевидной ориентацией на буржуазных землевладельцев. Кроме того, польский пролетариат был призван в армию или находился в депортации в России или Германии. Рабочие партии были ослаблены. Многие коммунистические лидеры находились за пределами польских территорий. Во многом это и стало причиной того, что на территориях Польши росли, в первую очередь, национально-освободительные устремления[148].

Но польские марксисты не теряли надежд на обретение власти. 5 ноября 1918 г., за 6 дней до официального провозглашения независимости II Речи Посполитой, в Люблине был создан первый в Польше Совет рабочих депутатов. Вскоре уже в сотне городов бывшего Царства Польского функционировали Советы рабочих депутатов, аналогичные советским. Первые Советы в Польше были представлены широким спектром представителей левого движения, в них входили представители как революционных СДКПиЛ и ППС-левицы, так и более умеренных – правые ППС, НЗР[149], еврейские рабочий организации «Бунд», «Поале Сион»[150]. Революционная часть левого движения получила значительное влияние лишь в некоторых Советах. Больше всего мест революционеры получили в Советах промышленного центра Домбровского угольного бассейна на юго-востоке Польши[151].

В целом в формирующемся после 1918 г. польском государстве наблюдалось значительное преобладание правых и умеренных левых сил, ориентированных на создание национального буржуазного правительства.

[148]Jabłoński H. Ruch robotniczy i ludowy w Polsce (1914–1923). 2-e wyd. Warszawa: Książka i Wiedza, 1961. S. 56-57.
[149] Narodowy Związek Robotniczy – Национальный рабочий союз.
[150] «Рабочие Сиона».
[151] Szczygielski Z., Tymieniecka A. Z dziejów Rad Delegatów Robotniczych w Polsce. Warszawa: Książka i Wiedza, 1960. S. 44.

Основными политическими игроками в складывающемся правительстве были две политические силы – национал-демократы Р. Дмовского и ППС-фракция, ориентировавшаяся на личность Ю. Пилсудского[152]. Эндеки[153] имели значительное влияние среди польской буржуазии и интеллигенции, но основные лидеры партии находились за границей. При этом Ю. Пилсудский имел значительную поддержку как националистов, так и части умеренных левых. Опираясь на свое прошлое в ППС, он ловко жонглировал политическими повестками польских патриотов и левых социалистических групп[154]. Именно Ю. Пилсудский, опираясь на личный образ революционера и воина, боровшегося за свободу Польши, имел значительное влияние как в армии, так и в зарождающихся под его началом спецслужбах[155].

В сложившейся ситуации польские Советы не могли выполнять роль революционного инструмента и не были готовы взять власть от имени трудящихся масс. Осенью 1918 г. развитие событий значительно ускорилось. Центральные державы[156] потерпели поражение на Западном фронте, что вылилось в революционные вспышки уже на их территориях. Австро-Венгрия распалась в октябре 1918 г[157]. В бывших владениях Габсбургской монархии[158]

---

[152] Holzer J., Molenda J. Polska w pierwszej wojnie światowej. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1963. S. 92.

[153] Narodowa Demokracja или endecja – эндеция. Члены партии именовались эндеками.

[154] Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский – легенды и факты. Москва: Политиздат, 1990. С. 87.

[155] Garlicki A. U źródeł obozu belwederskiego. Warszawa: PWN, 1978. C. 83-84.

[156] Центральные державы (Четверной союз) (нем. Mittelmächte, венг. Központi hatalmak, тур. İttifak Devletleri, болг. Централни сили) – военно-политический блок европейских государств, противостоявших державам «дружественного соглашения» (Антанте) в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Название союза было обусловлено тем, что страны-основатели – Германская империя и Австро-Венгрия – располагались в центре Европы.

[157] Batowski H. Rozpad Austro-Węgier 1914–1918: (sprawy narodowościowe i działania dyplomatyczne). Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1965. S. 89.

[158] Габсбургская монархия (нем. Habsburgermonarchie; Габсбургская империя, нем. Habsburgerreich; Австрийская монархия, нем. Österreichische Monarchie или Дунайская монархия, нем. Donaumonarchie) – условное название династической унии ряда феодальных государств, находившихся под непосредственной (в отличие от Священной Римской империи) властью австрийской ветви семейства Габсбургов. Обычно используется в отношении периода с 1526 года, когда австрийский эрцгерцог Фердинанд I занял престолы Чехии и Венгрии, до создания в 1804 году Австрийской империи. Фраза «габсбургская монархия» может также употребляться в более широком смысле в отношении периода с

(на территориях бывшей Галиции и Ладомерии[159]) сразу же разгорелся острый национальный конфликт между поляками, украинцами и чехами. Уже 1 ноября 1918 г. во Львове произошло вооруженное столкновение на национальной почве, сделавшее невозможным осуществление пролетарской революции[160].

В существовавшем под немецкой оккупацией Королевстве Польском[161] 10–11 ноября 1918 г. рухнула кайзеровская администрация. Власть перешла к сторонникам независимой Польши во главе с Ю. Пилсудским[162]. В связи с конфликтами, выливавшимися в вооруженные противостояния в тех землях, где в основном проживало польское население, в новообразованном государстве нарастали патриотические и национальные тенденции, подавлявшие революционные и интернационалистические устремления местных марксистов. До конца 1918 г. германская власть еще удерживала территории бывшей Речи Посполитой, доставшиеся ей после разделов, но вскоре под влиянием общей революционной ситуации в стране, падения монархии и поражений на фронтах Первой мировой войны в польских землях вспыхнула вооруженная борьба. На рубеже 1918–1919 гг. происходит масштабное восстание на территориях германской Познани и в Померании, древнего польского национального ядра региона «Великая Польша». Их

начала правления Габсбургов в Австрии в 1276 году до распада Австро-Венгрии в 1918 году.

[159] Официальное название коронной земли на востоке Габсбургской монархии, со столицей во Львове, образованная после первого раздела Речи Посполитой в 1772 году.

[160] Mączyński C. Boje lwowskie. Cz. 1: Oswobodzenie Lwowa (1–24 listopada 1918 roku). T. 1–2. Warszawa: Nakładem Spółki Wydawnictwa Rzeczpospolita, 1921. T. 1. C. 48.

[161] Королевство Польское или неофициально Регентское королевство Польша (пол. Regencyjne Królestwo Polskie, нем. Regentschaftskönigreich Polen) – марионеточное государство, основанное Актом от 5 ноября 1916 года при поддержке Польской социалистической партии и ряда других польских партий и признанное Германской империей и Австро-Венгрией. Было образовано в пределах оккупированной Германией и Австро-Венгрией российской территории Царства Польского (однако без определенных границ) и существовало как государство – сателлит Германии.

[162] Mączyński C. Boje lwowskie. Cz. 1: Oswobodzenie Lwowa (1–24 listopada 1918 roku). T. 1–2. Warszawa: Nakładem Spółki Wydawnictwa Rzeczpospolita, 1921. S. 37-38.

продолжили силезские восстания 1919, 1920 и 1921 гг.[163]

Национальное противостояние в Галиции, разоружение немецких гарнизонов на территориях регентства[164], революционные выступления в Великой Польше и Силезии – события, которые были бы немыслимы без участия значительных масс пролетариата. Однако, вопреки позиции Р. Люксембург, национальные устремления не только не ослабли, но стали выражаться куда более радикально. Национальная идея польской независимости захлестнула не только буржуазию, интеллигенцию и крестьянство, ей был подвержен и рабочий класс. Можно предположить, что, если бы революционные партии в Польше в 1918 г. шли на борьбу, выдвигая лозунги не в поддержку мировой революции, но борьбы за создание «Польской Советской Республики», события в Польше могли бы принять иной характер. Общий революционный подъем под влиянием успехов Октябрьской революции 1917 г. в России оценивался как сторонниками, так и противниками Страны Советов, как высокий[165]. Если бы польские революционые теоретики отошли от догм марксизма, прислушались к ленинской позиции и прагматично выступили с идеей борьбы за собственное социалистическое государство, революционное движение, несомненно, прибавило бы в силе. Но революционные партии в Польше продолжали отвергать национально-освободительные стремления.

16 декабря 1918 г. СДКПиЛ объединилась с ППС-левица и образовала Коммунистическую рабочую партию Польши (КРПП). В Берлине Р. Люксембург и Л. Йогихес (Тышка) обсуждали вопрос объединения с Г. Валецким (Хорвицем)[166]. Партийное управление ППС-левицы сделало официальное предложение об объединении СДКПиЛ: «Нынешние условия,

[163] Wilson T. Fatal violence in Upper Silesia, 1918–1922 // Creating Nationality in Central Europe, 1880–1950: modernity, violence and (be)longing in Upper Silesia. London; New York: Routledge, 2017. P. 53-86.
[164] Королевство Польское или неофициально Регентское королевство Польша. См. выше.
[165] Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. S. 62.
[166] Kancewicz J. Maksymilian Horwitz – H. Walecki // Z Pola Walki. 1958. № 4. 229-237

разъединяющие революционные силы в социалистическом лагере и способствующие его слабости и дезорганизации внутри страны! Борьба между ними должна быть устранена немедленно»[167].

Вопрос об объединении революционных партий СДКПиЛ и ППС-левицы вставал еще перед началом Первой мировой войной. Вожди польско-литовской социал-демократии от имени ЦК обратились с открытым письмом к Центральному рабочему комитету ППС-левицы и предложили создать специальный орган, где бы обе партии изложили свои взгляды по кардинальным вопросам революционного рабочего движения. Но раскол в рядах самой социал-демократии и начавшаяся война помешали объединению. Только после Октябрьской революции 1917 г. в России и согласования идеологических вопросов как между собой, так и с взявшей власть РСДРП(б)/РКП(б) партиям удалось осуществить слияние.

Фактически, различия между ППС-левицей и СДКПиЛ во время мировой войны становились все более размытыми[168]. Польский коммунист Ю. Чишевский напомнил, что хотя большинство местных левых организаций ППС в России решительно и активно поддерживали большевиков, часть партийного руководства все еще имела некоторые сомнения и поддерживала политический союз с меньшевиками-интернационалистами Ю. О. Мартова[169]. Например, в письме от 4 января 1918 г., подписанном Л. Пинкусом, членом ЦИК партии в России секции ППС-левицы в г. Перми, сообщалось: «Наша линия такова. Мы критикуем большевиков, мы являемся оппозицией в Советах, не берем на себя политической ответственности за их деятельность, но и работы не бросаем, останавливая – где только возможно – большевиков от бесчинств и драк. Мы оказываем надежную помощь в борьбе с настоящей контрреволюцией. У нас нет никаких контактов с «Оброниками»

[167] Do zjednoczenia. Głos Robotniczy. 1918. № 79. 7 ноября.
[168] РГАСПИ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 171. Л. 1.
[169] Верт Н. Государство против своего народа. Насилие, репрессии и террор в Советском Союзе // Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. 2-е изд., испр. Москва: Три века истории, 2001. С. 86.

[сторонниками продолжения участия России в войне после Февральской революции]. Мы не разделяем тактику Мартова относительно бойкота [советских учреждений], хотя и оцениваем политическую ситуацию в соответствии с ним»[170].

Рядовые члены ППС-левицы «были более последовательны в практической революционной деятельности с большевиками, чем руководство этой партии, долгое время питавшее доктринальную оппозицию»[171]. Тем не менее члены бывшей СДКПиЛ, убежденные в превосходстве своей партии, фактически поглотившей ППС-левицу, «не жалели критики в адрес оппортунистов и социал-патриотов из рядов последних», близких по взглядам к своим «правым» однопартийцам[172].

Это стало одним из факторов того, что после объединения произошел резкий и окончательный разрыв отношений с ППС-фракцией, которая, с точки зрения коммунистов, заняв соглашательскую позицию, под прикрытием революционной фразеологии, торжественных обещаний претворить в жизнь широкую программу социальных преобразований, прокладывала путь польской буржуазии к власти[173].

Объединенная партия польских коммунистов (КРПП) при формировании устава организации взяла большую часть из устава бывшей СДКПиЛ, программа которой была «обязательной политической платформой»[174]. В разработке устава КРПП приняли участие ведущие активисты ППС-левицы. В объединенный комитет, готовивший программу от имени польских социалистов, входили М. Кошутская (Костшева), Г. Валецкий

---

[170] Tych F. PPS-Lewica w latach wojny 1914–1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1960. S. 131-132.
[171] Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. S. 65.
[172] Trembicka K. Między apologią a negacją: studium myśli politycznej Komunistycznej Partii Polski w latach 1918–1932. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1995. S. 31-32.; Найдус В. Участие поляков в Октябрьской революции. Варшава: Полония, 1967. С. 265.; Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. S. 155-156.
[173] Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 31. Москва: Политиздат, 1969. С. 563.
[174] AAN, CKW KPRP, 397/I-2, k. 20.

(Хорвиц), Ю. Цишевский и С. Круликовский. СДКПиЛ представляли В. Ковальский (Гжех), А. Варский и Ф. Фидлер. Главным автором проекта выступил Г. Валецкий (Хорвиц). Перед принятием документ был представлен Р. Люксембург в Берлине[175]. Можно отметить, что теоретики польского марксизма в формировании программных документов не сильно опирались на наработки большевиков, а в большей степени апеллировали к мнению «своих» авторов, испытывающих сильное влияние немецкой социал-демократии.

Новая революционная партия польских коммунистов приняла политическую платформу, в которой выдвигались тезисы, контрастирующие не только с запросами польского общества, но и с политикой большевиков: «Польша, как и все страны умирающего капиталистического мира, вступает в период социальной революции. Вся власть должна перейти в руки пролетариата городов и деревень, организованного в советы рабочих делегатов. [...] В период интернациональной социальной революции, разрушающей основы капитализма, польский пролетариат отвергает все политические лозунги, такие как автономия, независимость, самоопределение, основанные на развитии политических форм капиталистического периода. [...] Для международного лагеря социальной революции это не вопрос границ, он основан на принципе общности интересов международного рабочего класса, исключающего всякий национальный гнет и устраняющего почву для всех конфликтов на национальной и языковой основе как на нынешних приграничных территориях, так и по отношению к рассредоточенным, так называемые национальные меньшинства»[176].

Данные тезисы были не популярны в широких польских массах, ставящих свою этническую принадлежность выше классовой солидарности, и критиковались В. И. Лениным, настаивавшим на важности марксистских принципов на самоопределение. Именно подобные концепции в

[175] Tych F. PPS-Lewica w latach wojny 1914–1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1960. S. 169, 178.
[176] KPP: uchwały i rezolucje. T. 1: 1918–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1955. S. 42-43.

теоретической базе польских коммунистов заложат основу не только непонимания, а затем даже враждебного отношения широких польских масс, но и станут началом идеологической конфронтации польской компартии и РКП(б).

В течение нескольких месяцев после воссоединения раздавались призывы к полному слиянию с группами КРПП в России и преобразованию их в агитцентры на польском языке. Ввиду опасного положения на фронтах рекомендовалось быстро принять решения и безотлагательно провести их в жизнь, «не нанося ущерба силе и размаху польской коммунистической агитации, а даже усиливая ее»[177]. Частота подобных обращений в циркулярах и обращениях КРПП позволяет предположить, что создание новых структур не везде проходило без сопротивления, и взаимное недовольство было достаточно высоким.

Однако, принимая во внимание разветвленную сеть левых организаций ППС в России, созданную там после Февральской революции 1917 г. и объединяющую железнодорожников, польских солдат бывшей императорской армии, политических заключенных, освобожденных после Октября, и польских рабочих, эвакуированных в 1915 г. с заводских предприятий вместе со своими семьями, необходимо было сделать все, чтобы сохранить эту сеть под эгидой объединенной партии[178].

Сопротивление части руководства ППС-левицы в России было окончательно преодолено в декабре 1918 г., и тогда ЦИК партии издал приказ ее организациям о вступлении в партию большевиков. Однако еще существовали опасения распада и распыления существующих левых групп. Чтобы этого не допустить, перед ликвидацией неактуальных партийных ячеек рекомендовалось созвать специальные собрания, «на которых должен быть разработан план новой работы, новых организационных форм разделения

[177] AAN, CKW KPRP, 397/I-2, k. 15.
[178] Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. S. 172-173.

людей после утверждения его Секретариатом подконтрольной ему Центральной избирательной комиссии»[179].

Перед лицом новых вызовов, стоявших перед революцией, звучали призывы, что всякая враждебность должна исчезнуть, а также слова о необходимости «развенчать существующие сомнения в отношении к левым товарищам в целом»[180]. Относительно организации работы партии стоит процитировать полностью циркуляр № 4 ЦИК КРПП, адресованный всем партийным группам в феврале 1919 г.: «В ЦИК приходят товарищи, посланные группами на политическую или военную работу. ЦИК приветствует такую активность групп, но также сообщает, что некоторые группы не делают того, что должны. Группы должны отправить как можно больше людей в ЦИК, но недопустимо, чтобы люди отправлялись на точку, подлежащую полной ликвидации. Члены групп должны выбрать из своей среды ответственных людей, которые ни при каких обстоятельствах не смогут сдвинуться с места, если не оставят отважных депутатов и достаточного количества.

Их задачей является ведение политической работы, например, ведение агитации, пропаганды, распространение издания КРПП «Млот» среди польских рабочих масс, вербовка в Западную дивизию [...].

Все группы должны чаще всего информировать ЦИК о своей работе в форме письма или отчета. Им также следует присылать в «Млот» корреспонденцию о партийной жизни.

Все группы должны немедленно сообщить в Центризбирком, сколько у них членов, сколько направлено в Центризбирком и Западный отдел и сколько еще можно отправить. Группы, которые не отправили опросы, должны отправить их немедленно»[181].

После объединения в КРПП также встал вопрос создания Польской

[179] Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1. Marzec 1917 – listopad 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 479-480.
[180] AAN, CKW KPRP, 397/I-2, k. 9.
[181] Там же: k. 9.

военной организации, которая бы занималась, среди прочего, разведкой в районах, затронутых гражданской войной (в основном, на Украине среди мест проживания польского населения)[182]. Однако вся эта линия отходила под ведомство Польского бюро при ЦК РКП(б). В ходе Советско-польской войны члены КРПП, не связанные с Польбюро и занятые, как они полагали, деятельностью, направленной на помощь Красной Армии, воспринимались как провокаторы. Таких личностей откровенно опасались (подозревая в них польских разведчиков) и в отношении их предпринимались тщательные проверки органами ВЧК и Польбюро. Сам факт того, что предполагаемый польский коммунист ранее состоял или продолжает состоять в одной из фракций ППС, особенно Революционной фракции «пилсудчиков», приковывал к нему повышенное внимание. В польских архивах сохранилась значительная переписка между ЦИК КРПП и Польбюро по данному вопросу[183].

Коммунистической рабочей партии Польши с момента ее создания приходилось работать в трудных условиях. Слияние местных организаций СДКПиЛ и ППС-левицы после I съезда КРПП совпало с периодом становления польского буржуазного государства. Социально-политическую повестку сотрясали аграрный, рабочий, национальный и иные важные для польского электората вопросы, обещание решить которые могло сильно прибавить политических очков любому из политических течений. Правительство социал-демократа[184] Е. Морачевского, сменившее первое «народное» правительство своего единомышленника И. Дашинского, официально присоединилось к манифесту первого польского правительства, в котором говорилось о национализации промышленности и банков, о рабочем контроле, 8-часовом рабочем дне, об аграрной реформе. На практике новое

[182] AAN, CKW KPRP, 397/I-28, k. 174.
[183] Там же: 397/I-2, k. 6.
[184] На территории, входившей ранее в состав Австро-Венгрии, действовала социал-демократическая партия Галиции и Силезии (ППС-Д), находившаяся под идейным влиянием австрийской социал- демократии.

правительство отказалось от социальных реформ, обещав передать этот вопрос на рассмотрение Учредительного сейма[185]. Эти популистские обещания породили в народных массах надежду на осуществление необходимых социальных преобразований общества другим, более радикальным способом.

Однако правительство отвергло и курс социалистических реформ даже в малой степени и фактически подготовило приход к власти полностью буржуазного правительства. КРПП пришлось уйти в подполье, откуда она продолжала руководить революционными силами в Польше. На рубеже 1918–1919 гг. партии удалось способствовать дальнейшему росту революционных настроений и развертыванию инициативы польских рабочих, ориентируясь на опыт Октябрьской революции 1917 г. и поддержку большевиков в деле создания пролетарских организаций.

С образованием компартии в Польше возникла серьезная политическая сила, имеющая преданных сторонников и оказывающая решающее влияние на дальнейшее развитие польского революционного движения. С 1919 по 1920 гг. в партию влились социалистически настроенные еврейские организации: польский Бунд, «Поалей Цион» и «Vereinigte» («Объединение»), а также Белорусская социалистическая партия и Украинская социал-демократическая рабочая партия. Многие социалистические организации на территориях новообразованной Польши также становились частью Коммунистической рабочей партии[186]. К 1923 г. КРПП насчитывала в своих рядах 5 000 членов[187] и значительное количество сочувствующих. Партия имела влияние среди профсоюзов под названием «Союза городского и сельского пролетариата»[188]. Так как партия находилась на нелегальном положении, однако участвовала в

[185] Радляк Б. Социалистические партии Польши и Октябрьская революция // СССР и Польша: Интернациональные связи – история и современность. Т. 1. Москва: Политиздат, 1977. С. 309-344.
[186] Козловский Ч. Очерки истории польского рабочего движения. Москва: Политиздат, 1980. С. 98.
[187] Там же: С. 82.
[188] «Związek Proletariatu Miast i Wsi».

выборах 1922 г., в результате которых получила поддержку 130 000 избирателей и 2 депутатских кресла в Сейме. Это была масштабная организация с широкими международными связями и претензией на значительную роль в формирующемся Коммунистическом Интернационале.

Выводы. Октябрьская революция 1917 г. в России превратила территорию Польши в арену столкновения двух непримиримых идей – национального суверенитета и социалистической революции. Революционное крыло польского социалистического движения в лице СДКПиЛ и ППС-левицы безоговорочно поддержало российских большевиков, взяв курс на создание социалистической Польши. В условиях революционных изменений значительная часть польских рабочих и интеллигенции поддерживала социалистические объединения и сочувствовала большевикам, а на всей территории России действовали многочисленные группы польских социалистических партий – ППС, ППС-левицы и СДКПиЛ.

СДКПиЛ, основанная в 1893 г. Р. Люксембург, Л. Йогихесом, Ю. Мархлевским и А. Варским, придерживалась строго интернационалистических принципов и ставила конечной целью создание пролетарской диктатуры, исключавшей саму возможность существования «польской буржуазной республики». Основной электоральной базой СДКПиЛ был пролетариат крупных промышленных центров – Варшавы, Лодзи и Домбровского бассейна, что обеспечивало партии прочные позиции в рабочей среде, но ограничивало ее влияние среди многочисленного польского крестьянства. Еще до Первой мировой войны СДКПиЛ имела прочные связи с РСДРП, а с 1906 г. входила в ее состав. В.И. Ленин высоко оценивал партию за ее борьбу против национализма и за единство польского и русского пролетариата, хотя и критиковал ее за недооценку национального вопроса.

ППС-левица, созданная в 1906 г. после раскола единой ППС на националистическую «фракцию» Ю. Пилсудского и интернационалистическую «левицу», решительно отвергала националистическую повестку и провозгласила своей целью создание

демократической республики в России с широкой автономией для бывшего Царства Польского. ППС-фракция Ю. Пилсудского, напротив, вела буржуазно-националистическую пропаганду под видом социализма, а с точки зрения В.И. Ленина вся ее деятельность сводилась к насаждению национализма в польском рабочем движении и борьбе с подлинно революционными элементами. ППС-левица, в отличие от СДКПиЛ, сохраняла организационную самостоятельность от РСДРП и занимала более сочувственную позицию по отношению к Бунду, с которым имела опыт успешных совместных акций.

После начала Первой мировой войны ППС-левица, как и СДКПиЛ присоединилась к лозунгу «Война войне», оценивая конфликт как империалистический и отвергая концепцию создания независимой Польши, за которую боролась ППС-фракция. К 1917 г. в России действовало около 30 отделений ППС-левицы численностью около 3 000 человек; члены партии поддерживали лозунг «Вся власть Советам» и выступали на стороне большевиков. Октябрьская революция 1917 г. в России активизировала деятельность СДКПиЛ и ППС-левицы, создав предпосылки для их объединения, а в основу первых послереволюционных воззваний обеих партий был положен тезис о том, что «защита завоеваний Октября является почетным интернациональным долгом польского пролетариата». Центральный орган ППС-левицы «Głos Robotniczy» уже 14 ноября 1917 г. охарактеризовал победу большевиков как «событие мирового масштаба», означавшее «неизмеримо более важное, нежели только политический переворот», что свидетельствовало о глубокой солидарности с Октябрьской революцией.

После Советско-польской войны часть польских коммунистов осталась в СССР и вступила в отделения Польского бюро при ЦК РКП(б), а часть из них уехала в Польшу для работы в КРПП, что заложило основы будущей двойной лояльности польских коммунистов. Среди польских революционных теоретиков было много сторонников концепции «перманентной революции»,

поддерживавших ленинскую идею «Соединенных штатов Европы», однако они недооценивали силу национального самосознания, что впоследствии оттолкнуло от них сторонников независимой Польши. Р. Люксембург, наиболее влиятельный идеолог СДКПиЛ, считала стремление к восстановлению независимого польского государства «политическим утопизмом», и эта крайне левая позиция, критикуемая В.И. Лениным, продолжала довлеть среди партийной элиты, закладывая основу для идеологической конфронтации с российскими большевиками.

После обнародования Декларации прав народов России между СДКПиЛ и ППС-левицей возникла конфронтация по вопросу о независимости Польши, что едва не сорвало процесс объединения двух партий. ППС-левица к концу 1917 г. полностью поддержала Октябрьскую революцию, однако ее политическая линия еще не была до конца большевистской: сохранялись оговорки по вопросам перехода от буржуазной демократии к диктатуре пролетариата. Другим источником разногласий между СДКПиЛ и ППС-левицей было отношение к Бунду: СДКПиЛ считала его националистической организацией, тогда как ППС-левица имела с Бундом опыт успешных совместных акций. Несмотря на это, тенденция к объединению была санкционирована обеими партиями. Представители ППС-левицы в России с марта 1918 г. начали готовить почву для официального объединения двух партий и для вступления их российских филиалов в РКП(б) в качестве польской секции.

Летом 1918 г. польские коммунисты, получившие революционный опыт в России, начали проникать в оккупированную немцами Польшу для организации подполья, а молодые польские активисты отправлялись в Россию за опытом. Главной проблемой для польского рабочего движения было то, что собственно рабочий класс в Польше был немногочислен, страна оставалась преимущественно крестьянской, а многие лидеры находились за пределами польских территорий, что способствовало росту национально-освободительных, а не революционных стремлений. 5 ноября 1918 г., за 6 дней

до официального провозглашения независимости Польши, в Люблине был создан первый Совет рабочих депутатов, а вскоре советы функционировали уже в сотне городов бывшего Царства Польского. Большинство в польских советах получили умеренные социалисты, тогда как революционное крыло имело значительное влияние лишь в Домбровском угольном бассейне, что лишало советы революционного потенциала.

В формирующемся польском государстве доминировали правые силы: национал-демократы Р. Дмовского и ППС-фракция Ю. Пилсудского, который, опираясь на социалистическое прошлое, умело лавировал между левыми и правыми политическими повестками. Осенью 1918 г. распад Австро-Венгрии и острый национальный конфликт в Галиции сделали невозможной пролетарскую революцию на этих территориях, перенаправив энергию масс в русло национальной борьбы. Крушение кайзеровской администрации в Королевстве Польском 10-11 ноября 1918 г. привело к переходу власти к сторонникам независимой Польши во главе с Ю. Пилсудским, а нараставшие патриотические тенденции подавляли революционные устремления польских коммунистов – последователей марксизма.

16 декабря 1918 г. СДКПиЛ объединилась с ППС-левицей в Коммунистическую рабочую партию Польши. Вопрос об объединении стоял еще до войны, но раскол в рядах СДКПиЛ и начавшаяся Первая мировая война помешали этому. Различия между ППС-левицей и СДКПиЛ в ходе войны становились все более размытыми, однако часть руководства ППС-левицы еще сохраняла сомнения в плане объединения и поддерживала союз с меньшевиками-интернационалистами Ю.О. Мартова. Рядовые члены ППС-левицы были более последовательны в поддержке большевиков, чем их руководство, долгое время питавшее «доктринальную оппозицию», в то время как члены бывшей СДКПиЛ, убежденные в своем превосходстве, не жалели критики в адрес «оппортунистов» из ППС-левицы. После объединения произошел резкий и окончательный разрыв с ППС-фракцией, которая, с точки

зрения польских коммунистов, под прикрытием революционной фразеологии прокладывала путь польской буржуазии к власти.

При формировании устава КРПП большая часть формулировок была заимствована из устава СДКПиЛ, программа которой стала «обязательной политической платформой» новой партии, что свидетельствовало о фактическом доминировании СДКПиЛ в объединенной партийной организации. Теоретики «польского» марксизма при разработке программных документов не опирались на наработки российских большевиков, а апеллировали к мнению «своих» авторов, испытывавших сильное влияние немецкой социал-демократии, а перед принятием документ был представлен на одобрение Р. Люксембург в Берлине.

Политическая платформа КРПП, отвергавшая автономию, независимость и самоопределение как «политические лозунги капиталистического периода», была не популярна в польских массах и критиковалась В.И. Лениным, что заложило основу для будущей идеологической конфронтации польской компартии с РКП(б). В течение нескольких месяцев после объединения СДКПиЛ с ППС-левицей раздавались призывы к слиянию групп КРПП в России с РКП(б) и преобразованию их в агитационные центры на польском языке, что должно было усилить польскую коммунистическую агитацию. Сопротивление части руководства ППС-левицы в России было окончательно преодолено в декабре 1918 г., и ЦИК партии издал приказ о вступлении ее организаций в РКП(б), однако еще существовали опасения распада и распыления существующих левых групп.

Циркуляр ЦИК КРПП от февраля 1919 г. жестко регламентировал деятельность партийных групп, требуя от них ведения агитации, пропаганды, вербовки в Западную дивизию и немедленной отчетности перед Центризбиркомом. После объединения в КРПП также встал вопрос о создании Польской военной организации для разведки на Украине, но эта линия отошла под ведомство Польского бюро при ЦК РКП(б), а члены КРПП, действовавшие самостоятельно, воспринимались как провокаторы.

На рубеже 1918–1919 гг. КРПП удалось способствовать росту революционных настроений и развертыванию инициативы польских рабочих, ориентируясь на опыт Октябрьской революции 1917 г. и поддержку большевиков. Также с образованием КРПП в Польше возникла серьезная политическая сила, в которую в 1919–1920 гг. влились еврейские, белорусские и украинские социалистические организации, что превратило партию из моноэтничной в многонациональную. К 1923 г. КРПП насчитывала 5 000 членов, имела влияние в профсоюзах и на выборах 1922 г. получила поддержку 130 000 избирателей и 2 депутатских кресла в Сейме, став масштабной политической организацией с широкими международными связями.

1.2. Участие польских коммунистов в деятельности III (Коммунистического) Интернационала: проблемы политической субъектности

История изучения взаимоотношений Коминтерна с коммунистическими партиями в целом и Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП) в частности, начиная с периода «холодной войны», остается объектом острейшей идеологической борьбы, с той лишь разницей, что современные отечественные исследователи во многом встали на позиции своих бывших оппонентов. В этой парадигме исторических «нападок» на Коминтерн основной целью является навязать и упрочить представление о КРПП как марионетке Советского Союза, и, как следствие, чужеродном элементе Польского политического ландшафта, действующем «в интересах Москвы». Однако данная позиция является слишком поверхностной, скрывающей глубокий спектр политического взаимодействия между РКП(б), ее членами польского происхождения и польской Коммунистической партией, совокупность которого лишает возможности однозначно рассматривать польское коммунистическое движение в рамках устоявшихся концепций.

Говоря о значимой роли польских коммунистов в формирующемся авангарде мирового левого движения, стоит отметить, что одна из инициатив по созданию Коммунистического Интернационала принадлежит именно представителям Коммунистической рабочей партии Польши, однако в несколько ином виде. Еще в 1916 г. среди польских и немецких социалистов оформилась группа, которую принято называть «Интернационал»[189], наметившая контуры нового социалистического международного объединения и обозначившая его цели и задачи. Среди представителей этой группы были такие видные деятели польской и немецкой социал-демократии, как К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, Ю. Мархлевский, Л. Йогихес

[189] Арещенко А. М. От группы Интернационал до Коммунистической партии Германии (КПГ) // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 2 (44). С. 9-15.

(Тышка). Однако после Октябрьской революции 1917 г. и значительного усиления роли большевиков в левом движении (при отсутствии аналогичных успехов у других национальных компартий) теоретики международного коммунистического объединения пересмотрели свои взгляды. Данная инициатива по-разному оценивается исследователями: некоторые склонны видеть здесь попытку автономизации левых сил от партии большевиков в России, политика которой подвергалась критике Розой Люксембург и ее сторонниками[190]. В ее «Рукописи о русской революции», написанной осенью 1918 г. в тюрьме, выражалось несогласие с большевиками прежде всего по вопросу о демократии[191]. Со стороны В. И. Ленина польские коммунисты подвергались критике в связи с неприятием ими позиции РКП(б) по национальному вопросу.

Стоит сказать, что новообразованная КРПП имела тесные связи с германскими левыми социал-демократами (спартаковцами)[192]. В польских землях, входивших в состав бывшей Германской империи, рабочее движение испытывало на себе влияние германских социалистов и их левого крыла, к которому принадлежали Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, Л. Йогихес (Тышка). Польские коммунисты принимали участие в Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, входили в Советы рабочих и солдатских депутатов, создаваемые как на польских землях, так и на территории Германии. При этом в период жесткого национального антагонизма немцев и поляков, Советы, формируемые польскими коммунистами, носили интернациональный характер. Именно среди этой группы партийцев бытовало мнение о поспешности создания Коминтерна, так как на момент Ноябрьской революции полноценно оформившихся компартий, кроме РКП(б), КПГ и КРПП, было

[190] Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 15.
[191] История Коммунистического Интернационала, 1919–1943: документальные очерки. Москва: Наука, 2002. С. 341
[192] Tych F. The KPD–KPP Political "Axis" against Zinoviev – Stalin in the Communist International 1919–1924 // Centre and Periphery: The History of the Comintern in the Light of New Documents. Amsterdam: International Institute of Social History, 1996. P. 81-88.

очень мало. При этом предполагалось усиление роли иных партий в будущей международной организации, а также достижение революционных успехов в Польше и Германии членами КРПП и КПГ для полноценного выстраивания паритетных отношений с РКП(б), получившей реальную власть в стране. Именно в этом «дрейфе» со стороны польских и немецких коммунистов видятся опасения чрезмерного влияния РКП(б) во «всемирной компартии», коей должен был стать III Интернационал[193]. В продолжение этой позиции существует исследовательское мнение, что после трагической гибели Р. Люксембург и ее сторонников К. Либкнехта и Л. Йогихеса (Тышки) их критические взгляды в отношении политики большевиков так или иначе поддерживались частью представителей КПГ и КРПП[194]. Однако руководство КРПП не могло не осознавать того, что большинство польских коммунистов – членов не только КРПП, но и польской секции РКП(б), придерживаются «большевистской линии», а основное финансирование польской партии идет из бюджета большевиков.

Относительно полемики В. И. Ленина и Р. Люксембург стоит сказать, что существует альтернативное мнение о том, что последняя, ознакомившись с позицией лидера большевиков, пересмотрела свои взгляды и, по свидетельству ее ближайших друзей Л. Иогихеса (Тышки), К. Цеткин, А. Варского, она «признала неправильность своих критических замечаний в адрес большевиков и решила не публиковать своих тюремных записок о революции в России»[195]. Рассуждая о критических воззрениях на внутриполитическую линию партии большевиков со стороны лидеров польского рабочего движения, стоит отметить, что данная тенденция была возможна среди относительно небольшой (пусть и влиятельной) группы, имевшей тесные контакты с германской социал-демократией. Например, в то

[193] Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 15.
[194] Там же.
[195] Голубков Б. М. Коммунистическая рабочая партия Польши в борьбе за усвоение стратегии и тактики ленинизма (1918–1923 гг.): Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1965. С. 86.

время как официальная линия польской компартии предсказывала неизбежное начало пролетарской революции на территориях Польши, А. Варский ожидал революции буржуазно-демократического характера. По его мнению, ситуация в Польше не была такова, чтобы народ мог быть вовлечен в прямую борьбу за социализм, как это случилось в России[196]. Однако большая часть польских революционных деятелей находилась в орбите идеологического влияния РСДРП(б), и зачастую они были ее членами. После победы революции в России, освобожденные из тюрем и ссылок польские революционеры включились в борьбу российского пролетариата. Ф. Дзержинский стал членом Центрального Комитета РСДРП(б), входил в состав центра, руководившего подготовкой вооруженного восстания в Петрограде, был организатором и председателем Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. И. Уншлихт являлся членом Петроградского военно-революционного комитета, в 1918 г. стал комиссаром Западного фронта, а впоследствии - заместителем председателя ВЧК–ГПУ. Б. Весоловский был членом секретариата Центрального Комитета РСДРП(б) и председателем Верховного трибунала[197]. Я. Ганецкий, М. Бронский, Ю. Ленский (Лещинский), С. Бобинский, С. Пестковский, С. Будзинский, Я. Венглинский, С. Жбиковский, как и многие другие принимали непосредственное участие в вооруженном восстании, а также находились на ответственных постах в органах Советской власти[198]. Освобожденного из немецкого концлагеря Ю. Мархлевского избрали в Центральный Исполнительный Комитет Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

В 1918 – начале 1919 гг. польские революционные деятели принимали активное участие в международных совещаниях, предшествовавших образованию Коммунистического Интернационала. Ранее представитель

[196] Niech zyje zjednoczenie! Artykuł: A. Warski, Nasza Trybun. 1918. №. 5. 13 декабря.
[197] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 179. Л. 298.; Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. Москва: Сов. энцикл., 1987. С. 92.
[198] Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России: Февраль – октябрь 1917 г. Москва: Наука, 1965. С. 186.

СДКПиЛ Я. Долецкий участвовал в международном совещании, посвященном подготовке к созданию III Интернационала, состоявшемся 24 января 1918 г. в Петрограде[199]. Представители СДКПиЛ С. Пестковский, Ю. Ленский (Лещинский), С. Бобинский были в числе организаторов так называемого «Малого Интернационала»[200]. А в январе 1919 г. председатель заграничного бюро КРПП Ю. Мархлевский принял участие в совещании по созыву учредительного конгресса Коминтерна, подписав от имени КРПП «воззвание» после В.И. Ленина[201]. На I конгрессе Коммунистического Интернационала И. Уншлихт, представлявший КРПП, поддержал идею создания международной коммунистической организации. В июне этого же года ЦК партии официально подтвердил присоединение к ней, а организация польских коммунистов стала секцией Интернационала[202].

Форсирование событий по созданию международного коммунистического объединения польской стороной может быть совокупным следствием разных факторов:

во-первых, прослеживается внутрипартийное противостояние группы левых социалистов, близких с немецкой КПГ и с пробольшевистской частью партии, в актив которой во многом входили члены польских секций РКП(б)[203], которые в будущем и составят актив Польского бюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Риск остаться не у дел заставлял скептически настроенных польских партийцев принимать правила игры, заданные российскими большевиками, и действовать в рамках заявляемой ими партийно-государственной политики, особенно на фоне отсутствия явных успехов в этом направлении своих немецких товарищей;

---

[199] Ленин в борьбе за революционный Интернационал: научное издание / АН СССР, Ин-т всеобщ. Истории. Москва: Наука, 1970. С. 398.

[200] Неволина В. С. Коминтерн и революционное сотрудничество РКП(б) и Коммунистической рабочей партии Польши (1918–1923 гг.) // СССР и Польша: интернациональные связи – история и современность. Т. 1. Москва: Политиздат, 1977. С. 391.

[201] Коминтерн и идея мировой революции: документы. Москва: Наука, 1998. С. 83-90.

[202] РГАСПИ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 3. Л. 19, 35.

[203] Лебедева Н. С. Коминтерн и Польша (1919–1943). Warszawa: Neriton, 2005. С. 326

во-вторых, важную роль в реализации идей Интернационала сыграло осознание того факта, что за первый год существования объединенной коммунистической организации в Польше партия не смогла стать значимой силой на политическом небосклоне нового польского государства, действуя зачастую полулегальными методами и имея основной актив за рубежом. В одной из своих корреспонденций представители ЦК польской компартии в начале 1920 г. сокрушались о захлестнувшем Польшу полицейском терроре, о массовых арестах членов партии. В ЦК КРПП оставались задействованы лишь семь человек, в подпольной типографии 13. Продолжали действовать 16 городских партийных отделений, в сельской местности 16 окружных и 84 уездных группы. 241 человек получали жалование из бюджетных средств партии, которое составляло 855 тыс. марок на год[204]. Все это красноречиво показывало неспособность польской компартии на рассматриваемом этапе существования не только на полномасштабную революцию в стране, но и в целом на самостоятельную деятельность. Именно этот фактор стал решающим в понимании безальтернативности опоры на РКП(б), и, как следствие, необходимости «красной интервенции» для установления советской власти в Польше[205];

в-третьих, фактом, обусловившим поддержку КРПП ленинских позиций, стало то, что в России на момент революции, по разным оценкам, насчитывалось более 2,5 миллионов представителей польской национальности. Среди них были солдаты, призванные в российскую армию, рабочие, эвакуированные вместе с фабриками, эмигранты, политические заключенные, деятели революционных партий, студенты. В 1917–1918 гг. на территории советской России появилось 199 польских социалистических организаций[206]. Самые многочисленные филиалы СДКПиЛ, ППС-левицы и

[204] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 6-8.; Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 16.
[205] Коминтерн и идея мировой революции: документы. Москва: Наука, 1998. С. 163-166.
[206] Козловский Ч. Очерки истории польского рабочего движения. Москва: Политиздат, 1980. С. 82.

ППС существовали в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове, Одессе, Самаре, Минске и Красноярске. Польские коммунисты проходили сложную школу революционной борьбы в охваченной гражданской войной России, получая необходимый опыт для будущей «работы» в своей стране, и было лишь вопросом времени, когда «экспорт революции» на запад станет насущным вопросом для руководителей партии большевиков и формирующейся Красной Армии.

Для польских социалистов, не согласных с ленинскими позициями, встал весьма неприятный вопрос: стать частью «объединенной партии» и иметь влияние на авангард мирового социалистического движения или же лишиться такой возможности, при том, что костяк польской секции в Коминтерне в значительном количестве заняли бы люди, напрямую связанные с РКП(б).

Параллельно с организацией Коминтерна зимой – весной 1919 г. военно-политическим руководством советской России не без участия польских коммунистов были предприняты первые попытки экспорта революции в Европу. 19 января И. Уншлихт представил в ЦК РКП(б) проект создания «Революционного военного совета Польши», где отмечалось: «Польреввоенсов[ет] объединяет всю деятельность, касающуюся поддержки восстания рабочих Польши со стороны Российской республики и проводит свои задачи путем: проведения в надлежащих инстанциях Республики своих предложений о занятии соответствующих стратегическо-политических пунктов в Литве и Белоруссии, формирования польской армейской группы, поддержания связи с военной работой КРПП в Польше и помощи Польше в организации Красной гвардии»[207].

В целях конспирации Реввоенсовет «Советской Польши» был первоначально замаскирован под Реввоенсовет Западной стрелковой дивизии. В состав Польреввоенсовета вошли проверенные кадры СДКПиЛ, имевшие

[207] Коминтерн и идея мировой революции: документы. Москва: Наука, 1998. С. 128.

серьезный опыт нелегальной работы: С. Лазоверт[208], А. Славинский и С. Братман-Бродовский[209]. Для создания военного аппарата польской компартии и красной гвардии на территорию Польши с подконтрольных большевиками территорий были нелегально направлены военные советники во главе с С. Жбиковским. Координация действий со стороны ЦК РКП(б) по подготовке вооруженного восстания и советизации Польши поручалась Ф. Дзержинскому и И. Уншлихту[210].

Затрагивая тему польских революционных объединений, имеющих тесную связь с большевиками, можно сказать, что группы ППС-левицы и СДКПиЛ, а затем и КРПП, действующие в России, выступали как часть РКП(б), однако имели определенную организационную автономию внутри партии большевиков и могли занимать иную позицию, например по польским вопросам. Но их сохранение в качестве автономных единиц следует рассматривать как временное явление по причине противоречия ленинским принципам интернационализма и территориальности, применяемым в коммунистических партиях, согласно которым «в одной стране могла быть только одна коммунистическая партия». Поэтому, когда «российские» группы КРПП стали отбывать в Польшу или переходить в состав РКП(б), на месте ЦИК КРПП(б)[211] в России было создано Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б). Однако «представительство» КРПП в России не исчезло, т.к. в сентябре 1919 г. было создано Исполнительное управление партии, подчиненное руководителям РКП(б). Во-первых, оно служило связующим звеном между партией большевиков и КРПП в Польше, во-вторых, это был партийный актив пробольшевистски настроенных польских партийцев, получивших опыт в условиях успешных революционных действий

[208] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 21. Д. 391. Л. 112.
[209] Trybuna. 1917. № 3. 23 октября.
[210] Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. Москва: Рипол Классик, 2005. С. 51.
[211] Cimek H. Mniejszości narodowe w ruchu rewolucyjnym w II Rzeczypospolitej. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. S. 29.

и стоявших на ленинских позициях. Несмотря на порой различные трактовки между польскими коммунистами – последователями группы Р. Люксембург и Л. Иогихеса (Тышки) и существовавшие идейно-организационные противоречия, общие цели и задачи польского революционного движения были очевидны. Именно поэтому члены Исполнительного комитета КРПП в России представляли КРПП в Коммунистическом Интернационале. Это было вызвано не столько вследствие противоречия двух партий, и тем более не из-за стремления большевиков «безраздельно доминировать» в Коминтерне, сколько из-за численного доминирования пробольшевистской группы. В 1919 г. начинается вялотекущая фаза Советско-польской войны, а значительная часть представителей польских коммунистов находилась в СССР, в то время как коммунисты, действующие на территории Второй Речи Посполитой, подвергались полицейским преследованиям как предатели, что привело к плачевному положению в целом их парторганизации[212].

Говоря о возрастающем влиянии партии большевиков внутри III Интернационала, в том числе оказываемое на КРПП, нельзя не упомянуть о существующем нарративе, устойчиво транслирующем мнение о том, что Коминтерн изначально создавался большевиками при поддержке лояльных им социалистов как инструмент внешней политики, а приглашение к участию видных левых политиков было не более, чем элементом пропаганды, когда в действительности ответственной за все принятые решения уже тогда была исключительно коминтерновская делегация РКП(б)[213]. Однако, как уже упоминалось выше, представители польского коммунистического движения внесли определенный вклад в оформление идей о польской «Единой Компартии», более того они имели разные позиции насчет алгоритмов последующего функционирования данной организации.

[212] РГАСПИ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 3. Л.19.; Ф. 17. Оп. 86 Д. 210. Л. 6-8.
[213] Суздальцев И. А. Роль РКП(б) в формировании организационной структуры Коминтерна // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. DOI 10.18384/2310-676X-2018-3-123-130. С. 123-124.

К примеру, несмотря на признание КРПП многоэтнического характера революционного и коммунистического движения в Польше, она оставалась верной принципу единой коммунистической партии в одной стране. По отношению к этому принципу польские коммунисты сохраняли свою твердость даже перед РКП(б) и всеми делегациями Коминтерна. В 1919 г. в КРПП по примеру партии большевиков были созданы еврейские и немецкие отделения. Однако во второй половине 1920-х гг. они были упразднены как несоответствующие принципам построения централизованной партии ленинского типа и заменены соответствующими отделами при ЦК и Оргкомитете польской компартии[214].

Вместе с тем ожесточенные споры между КРПП и Коминтерном вспыхнули в связи с галицким вопросом[215]. В Восточной Галиции, формально присоединенной к Польскому государству лишь в 1923 г., к концу 1919 г. автономно возникла Коммунистическая партия Восточной Галиции (Komunistyczna Partia Galicij Wschodniej). Эта партия, корни которой лежали в массовой радикализации, последовавшей за падением Австро-Венгерской монархии, была образована из коммунистических групп, преимущественно состоявших из украинцев и примкнувших к ним революционных социал-демократов-интернационалистов. Объединенная компартия Галиции хотя и консолидировала часть пробольшевистски настроенных левых сил, все же не смогла вобрать в себя компартии представителей иных этносов. По сути, уменьшившись в численности и политической значимости, левое движение Галиции подверглось репрессиям сначала со стороны украинского националиста Е.Е. Петрушевича, а затем и со стороны польских властей.

Фактически компартия Галиции смогла полноценно оформиться только после кратковременного присутствия Красной армии на западноукраинских землях в ходе Польско-советской войны к 1920 г., когда население

[214] KPP: uchwały i rezolucje. T. 2: III i IV Zjazd (1924–1929). Warszawa: Książka i Wiedza, 1955. S.129.
[215] Cimek H. Poglądy Komunistycznej Partii Polski na kwestię narodową. Sprawa rozwiązania partii // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa: Książka i Wiedza, 1989. S. 84.

подверглось новому этапу радикализации[216]. В 1920 г. компартия Польши также попыталась привлечь в свою организацию галицких коммунистов[217]. Таким образом, среди галицких коммунистов возникли две конкурирующие ориентации: одна выступала за политическую и организационную независимость от польской партии, другая готовилась к союзу с ней. Из сопредельной Украинской Советской Республики в вопрос вмешалась и украинская (большевистская) Коммунистическая партия, занимавшая скорее нейтральную позицию, но все-таки скорее ориентируясь на интересы польской компартии до тех пор, пока галицкие земли не вошли в состав польского государства[218].

С начала 1921 г. Коминтерн в Москве попытался навязать организационное решение этого вопроса. Это стремление решить данный вопрос не в пользу КРПП встретило сопротивление ЦК польской компартии, который настаивал на принципе общегосударственной централизации коммунистического движения в многонациональных государствах. После периода неопределенности и временных договоренностей вопрос о галицкой партии был снова поднят в ходе Третьего конгресса Коминтерна. Конгресс в итоге объявил членов галицкой партии автоматически членами польской компартии[219]. Вопрос был имплицитно политическим, и в данном случае речь шла о том, как польская партия будет относиться к этническим и национальным меньшинствам, которым по закону не предоставлена автономная политическая роль. Ленинский принцип права народов на самоопределение был признан лишь на Втором съезде польской компартии в 1923 г.[220], но и после этого отдельные этносы имели далеко не равное

[216] РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 24. Л. 70-75.
[217] Chałupczak H., Browarek T. Mniejszości narodowe w Polsce 1918–1995. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1998. S. 48-49.
[218] Швыдак О. М. Коммунистическая партия Польши и Коммунистическая партия Западной Украины в борьбе за единство революционных действий трудящихся, 1929–1938 гг.: Дис. ... докт. ист. наук, Киев, 1974. С. 56-57
[219] AAN, KPP, 158/X-1, t. 1, k. 88.
[220] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 125. Д. 52. Л. 2

положение. При этом в партии признали за украинцами и белорусами Польши право на отделение и присоединение к своим советским республикам[221].

Польские делегаты подтвердили свою партийную линию, избегая любых упоминаний о самоопределении украинского народа[222]. По их мнению, галицкие коммунисты, и в частности украинцы, должны были отдать приоритет борьбе с украинским национализмом, как злейшим врагом революции. После этого генеральная конференция Коммунистической партии Западной Галиции попыталась самостоятельно разрешить этот вопрос. Однако это привело почти к параличу политической деятельности из-за ареста польскими властями участников конференции[223]. Второй съезд КРПП 19 сентября 1923 г. преобразовал галицкую компартию в Коммунистическую партию Западной Украины, уступая ей право автономной организации и принятия политических решений в рамках генеральной линии польской компартии и возлагая на нее задачу охвата обширной территории восточных территорий Польши (Волынь[224], Полесье[225], и часть Холмщины[226]), где украинцы составляли большинство населения[227].

Аналогичным образом Второй съезд КРПП вынес решение об

---

[221] Semczyszyn M. „O polską republikę rad!" Działalność polskich komunistów w USRR w latach 1920–1937 // Lewica polska: koncepcje – ludzie – działalność. Wrocław: ATUT, 2012. T. 2. S. 48.

[222] Cimek H. Poglądy Komunistycznej Partii Polski na kwestię narodową. Sprawa rozwiązania partii // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa: Książka i Wiedza, 1989. S. 87.

[223] Kowalczyk J. Wielki proces: [dotyczy procesu przeciw członkom Komunistycznej Partii Galicji Wschodniej]. Warszawa: Książka i Wiedza, 1963. S. 22.

[224] Волынь (укр. Волинь, пол. Wołyń, бел. Валынь) – историческая область в бассейне южных притоков Припяти и верховьев Западного Буга, некогда относившаяся к Юго-Западной Руси, а в наши дни разделенная между государственными территориями Украины и Польши, исторически также распространялась на юг Белоруссии.

[225] Полесье (бел. Палессе, укр. Полі́сся, пол. Polesie) – историко-культурная и физико-географическая область, расположенная на территории Полесской низменности.

[226] Холмщина (Холмская земля, Холмская Русь, Забужская Русь, Забужье) – историческая область XIII – начала XX веков на левобережье Западного Буга с центром городом Холм (ныне Хелм). Часть Червонной Руси. Ныне является частью Люблинского и Подкарпатского воеводств Польши.

[227] Kęsik J. Pomiędzy współpracą a irredentą: ukraińska mniejszość narodowa w II Rzeczypospolitej // Tematy polsko-ukraińskie: historia, literatura, edukacja / Pod red. R. Traby. Olsztyn: Borussia, 2001. S. 93.

отношениях с белорусскими и литовскими коммунистами. Как и в случае с украинцами, их автономные партии действовали под политическим руководством польской компартии. Коммунистическая партия Западной Белоруссии (КПЗБ) объединила действующие на территории Польши филиалы Коммунистической партии Белоруссии и часть Коммунистической партии Литвы, которые ранее не имели прочных контактов с польскими коммунистами, а совместная их деятельность была незначительной. Другим элементом, вошедшим в состав КПЗБ, стала часть коммунистов из Компартии Литбела[228], работавших на белорусских и литовских землях и по итогам Советско-польской войны оказавшихся на территории II Речи Посполитой[229].

Западно-белорусская компартия получила в результате статус, аналогичный Западно-украинской компартии, со своим ЦК. Это представляло собой большой шаг вперед в организации белорусских революционеров, которые, действуя в сложных аграрных условиях, пытались извлечь выгоду из народной радикализации, расширившись и включив в свой состав другие революционные организации[230].

Не отрицая влияния большевистской партии и ленинских идей о перспективах деятельности КРПП[231], стоит отметить, что 1920-е гг. прошли в попытках установления баланса в отношениях РКП(б)/ВКП(б) и польской компартии, которая, имея свою повестку, отличную от большевистской, опираясь на оперативную обстановку в стране, порой болезненно реагировала на послания по линии исполкома Коминтерна, носящие порой характер грубого, властного вмешательства, когда отсутствовало знание реальных

[228] Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика (Литбел, Социалистическая Советская Республика Литвы и Белоруссии) – советская республика, государство между РСФСР и Польшей, созданное на занятых Красной армией территориях современных Беларуси и Литвы, просуществовавшее несколько месяцев (февраль – июль 1919 г.).

[229] Sprawozdanie z drugiej konferencji partyjnej. Kraków: Wydawnictwo Centralnego Komitetu Robotniczego P. P. S., 1910. S. 57.; Резолюции III-ей Партийной Конференции Коммунистической рабочей партии Польши. Варшава: [б. и.], 1922. С. 17.; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 124. Д. 27. Л. 13-17.

[230] AAN, CKW, KPRP, 158/X-1, t. 2, k. 124

[231] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 6. Л. 9-19.

условий работы польских коммунистов «на земле»[232]. При этом компартия Польши не смогла самостоятельно установить «власть Советов» в стране или обеспечить существенное количество сторонников коммунистической идеологии, необходимых для массового восстания. А учитывая факт своего нелегального положения и проблемы с финансированием, КРПП решительным образом зависела от Советского Союза. Совокупность этих факторов не могла не стать основной причиной, по которой, несмотря на уставы, позиция РКП(б) была значительно более весомой и довлела над позицией КРПП.

С точки зрения польских большевиков, успешный захват власти был невозможен без существования собственной хорошо организованной коммунистической партии, созданной в соответствии с подтвержденными практикой российских большевиков критериями и поддерживаемой внутри Польши определенными социальными группами. Среди основных критериев назывались следующие: схожая с РКП(б) организационная партийная структура; принятие марксизма-ленинизма как официальной идеологии в соответствии с программой большевистской партии; благожелательное отношение к советской России, соответственно, исключающее возможность критики или недружелюбного отношения[233]. Это были вполне логичные условия, которые могла выставить РКП(б) всем остальным коммунистическим организациям к началу 1920-х гг., так как партия российских большевиков – единственная в мире достигла решительного успеха и добились власти в стране, на своем эмпирическом опыте доказав возможность победы в результате революционного движения. При этом, оценивая отношения между Коминтерном и его секциями, наиболее убедительно выглядит оценка Коминтерна как влиятельной, дисциплинированной, централизованной организации, с объективно обосновываемым влиянием РКП(б), цели и

[232] Фирсов Ф. И. Коминтерн: механизмы функционирования // Новая и новейшая история. 1991. № 2. С. 35.
[233] Суздальцев И. А. Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг.: Дис. ... канд. ист. наук, Мытищи, 2019. С. 57.

установки которого на ранних этапах существования превышали его возможности, так как сам характер интернациональных связей и взаимодействия национальных групп рабочего движения не допускал столь высокой степени централизации и предполагал их определенную самостоятельность[234], как это можно видеть на примере деятельности польской компартии.

В результате волны арестов польских коммунистов в начале 1920 г. несколько членов ЦК КРПП уехали за границу. Среди них были А. Варский, Г. Валецкий и М. Кошутская (Костшева). Как ни странно, именно эти польские активисты неоднократно выступали с критикой большевистских позиций еще со времен полемики В. И. Ленина и Р. Люксембург. Именно указанная выше группа польских партийцев имела прочные связи с немецкой социал-демократией. Вскоре между ними и членами ЦК КРПП, все еще находившимися в Польше, возникли трения, так как в связи с отъездом за рубеж основных критиков ленинских позиций в польской компартии упрочились позиции сторонников РКП(б). Последними было принято решение о создании иностранного отдела (Wydział Zagraniczny) ЦК КРПП, дабы обозначить статус уехавших коллег. Но это не решило проблему, поскольку иностранный отдел КРПП в Берлине стал претендовать на роль единственного партийного руководства КРПП. Именно А. Варский, Г. Валецкий и М. Кошутская (Костшева) инициировали активное взаимодействие с Коминтерном и Польским бюро РКП(б). В Берлине эти наиболее активные партийцы составляли теоретический материал для использования польскими коммунистами внутри страны и за рубежом, передавали материалы из Коминтерма и Польбюро в КРПП и докладывали Коминтерну о событиях в Польше[235]. В итоге сложилась ситуация, когда управление польской компартией фактически разделилось между

[234] Фирсов Ф. И. Коминтерн: механизмы функционирования // Новая и новейшая история. 1991. № 2. С. 34.
[235] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 124. Д. 22. Л. 36-40, 128, 167.

иностранным отделом ЦК КРПП и Польским бюро при ЦК РКП(б), при этом члены ЦК, оставшиеся в Польше, вынуждены были во многом выполнять роль статистов.

Ко второй половине 1920 г. на фоне успехов большевиков в среде левых партийцев КРПП и других коминтерновских секций с новой силой проявляется революционный энтузиазм, причем его не смогло остудить даже падение советских правительств в Венгрии и Баварии. Среди руководства Коминтерна и РКП(б) возникла твердая уверенность в неспособности польских войск оказать сопротивление Красной Армии. В.И. Ленин и И.В. Сталин ведут переписку о необходимости не только выбить польские формирования с территории Украины, но и двигаться дальше, дабы «штыками прощупать, а не созрели ли в Польше условия для социальной революции»[236].

Так или иначе, но на ранних этапах существования III Интернационала в начале 1920-х гг. наблюдается единение политических целей РКП(б) и КРПП – готовность первой к экспорту революции и готовность второй «ее принять». При этом взаимодействие двух партий в рамках Коминтерна уже традиционно воспринимается большинством зарубежных историков и рядом отечественных как несомненная попытка московского руководства осуществления проекции идеологии большевизма и навязывания внешнеполитических установок советской России[237]**.** Впоследствии решением III конгресса Интернационала, заседавшего с 22 июня по 12 июля 1921 г., было создано представительство КРПП при Исполкоме Интернационала[238], основу которого составят члены польской компартии непосредственно из Польши, а не функционеры Польского бюро при ЦК РКП(б), что также рассматривалось поляками как неприкрытое влияние большевиков[239].

---

[236] Коминтерн и идея мировой революции: документы. Москва: Наука, 1998. С. 198.
[237] Суздальцев И. А. Коминтерн: новые подходы в исторической науке // История. Информационно-аналитический журнал. 2023. № 1. С. 27.
[238] Cimek H. Mniejszości narodowe w ruchu rewolucyjnym w II Rzeczypospolitej. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. S. 29.
[239] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.

Однако все в том же 1920 г. цели и задачи большевиков и польских коммунистов были едиными. Второй конгресс Коминтерна (19 июля – 7 августа 1920 г.) ознаменовался взрывом левых настроений, несмотря на опасения В.И. Ленина, изложенные в его работе «Детская болезнь левизны в коммунизме»[240]. Немаловажно, что сторонником крайне левых взглядов был возглавлявший ЦК КРПП В. Ковльский (Гжех). В целом, польская делегация имела по этому вопросу четкие инструкции своего руководства. Одним из важнейших решений конгресса стало декларативное заявление о том, что задача Коммунистического Интернационала «состоит теперь в том, чтобы ускорять революцию»[241]. Несмотря на отсутствие на повестке конгресса вопроса о переходе силами красноармейцев границ Польши, принятые им резолюции укрепили позиции В. Ковальского (Гжеха) и его сторонников, выступавшего за советизацию не только Польши, но и других соседних стран, а также высказывавшегося за создание конфедерации из советизированных стран – Соединенных Штатов Европы[242].

С точки зрения руководства ЦК РКП(б) и руководителей Коминтерна, «западный поход» не выглядел как непродуманная авантюра. Польша представлялась либо мостом, либо препятствием для будущей пролетарской революции в Германии, что должно было стать главным актом будущем мировой революции. Говоря об оценках этих планов, порой даже современные историки прибегают к морализаторским формулировкам, взывают к международному праву или гуманизму[243]. Однако, рассматривая деятельность мирового коммунистического движения в 1920 г., надо четко осознавать идеологическое давление революционной необходимости над всеми остальными факторами международных отношений. В будущем В.И. Ленин

[240] Ватлин А. Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. Москва: Политическая энциклопедия, 2019. С. 47.
[241] Коминтерн и идея мировой революции: документы. Москва: Наука, 1998.С. 17.
[242] Там же: С. 182-184.
[243] Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 19.

напишет: «Если бы Польша стала советской, Версальский мир был бы разрушен и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы»[244].

Работа, направленная на достижение поставленных целей, как это уже случилось в России, велась теперь и в Польше. В первую очередь, агенты большевиков работали над разложением новосформированной польской армии, вели подрывную идеологическую работу среди рабочих, крестьян и интеллигенции. Через активистов КРПП предоплагалость «усилить до крайней степени» революционную агтацию в польской армии, о чем ствидетельстуют документы Польского бюро при ЦК РКП(б) от 27 февраля 1920 г.: «Нам известно, что они страдают от недостатка средств. Необходимо послать им деньги по возможности скорее. Дорога через фронт очень опасна (деньги часто пропадают) и длительна. Необходимо использовать дорогу через Германию», – указывалось в этом документе[245].

Тем временем на первой конференции КРПП, состоявшейся в начале мая 1920 г., обсуждались вопросы отношения партии к участию в выборах в польский парламент, что ранее избегалось. На повестке дня были также события, связанные с продвижением польских вооруженных сил на Украине. Польские коммунисты единогласно высказались в поддержку советской России, признали необходимость защищать завоевания революции от буржуазной агрессии[246]. Подчеркивалось, что образование в Польше республики и Советов рабочих депутатов соответствует коренным интересам польского рабочего класса[247]. В середине мая Исполком ЦК КРПП назначил

---

[244] Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020: сборник статей. Москва: Кучково поле, 2020. С. 4

[245] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 5.; Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С.16-17.

[246] Trembicka K. Między apologią a negacją: studium myśli politycznej Komunistycznej Partii Polski w latach 1918–1932. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1995. S. 123.

[247] Неволина В. С. Коминтерн и революционное сотрудничество РКП(б) и Коммунистической рабочей партии Польши (1918–1923 гг.) // СССР и Польша: интернациональные связи – история и современность. Т. 1. Москва: Политиздат, 1977. С. 394.

Ю. Мархлевского, который с сентября 1919 г. входил в секретариат Польского бюро при ЦК РКП(б), представителем компартии Польши в Коминтерне[248]. С учетом складывающихся перспектив подводилась почва под будущее слияние Польского бюро и действующего параллельно с ним Польревкома с КРПП. Забегая вперед, стоит сказать, что даже после неудачи польского похода Польбюро предприняло попытку слияния с КРПП, однако политическая ситуация совершенно не способствовала укреплению позиций польской секции РКП(б), особенно на международной арене[249].

Руководство КРПП надеялось, что Красной Армии удастся прорвать польский фронт, нанести поражение польской армии, что создаст благоприятные условия для восстания в тылу и захвата власти коммунистами[250]. При этом польские коммунисты, безусловно, ожидая скорейшего установления советской власти на территориях II Речи Посполитой, телеграфировали в Москву не всегда соответствующую действительности информации, как например то, что в Галиции крестьяне дожидаются прихода Красной Армии как спасителя[251]. В то же время среди представителей ЦК КРПП были и менее «горячие головы», которые предупреждали большевиков, что целесообразность наступления будет реализована только в случае гарантированного успеха. Одной из важных проблем польские партийцы, столкнувшиеся с националистической истерией периода обретения независимости, называли возможный всплеск национализма не только среди крестьян, но и у значительной части рабочих и рекомендовали воздержаться от перехода «линии Керзона»[252], дабы

[248] Тых Ф. А., Шорст Х. Юлиан Мархлевский (1866–1925): биографический очерк. Москва: Мысль, 1969. С. 285.
[249] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 317. Л. 134; Д. 315. Л. 39.
[250] Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 20.
[251] Коминтерн и идея мировой революции: документы. Москва: Наука, 1998. С. 172.; Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 20.
[252] Найденко Б. Н. Военная политика Советского государства в отношении стран Прибалтийского региона и Польши, 1918–1940 гг.: Дис. ... докт. ист. наук, Москва, 2001. С. 143.

красноармейцы (преимущественно русские) не вступали на территорию этнического польского большинства. В этом случае «коммунизму на многие годы был бы нанесен тяжелый удар»[253], однако маховик революции был запущен.

Выводы. После Октябрьской революции 1917 г. в России и консолидации позиций большевиков в левом движении прежние теоретики международного коммунистического объединения подвергли свои взгляды ревизии; в исследовательской литературе это трактуется как попытка автономизации от РКП(б). КРПП поддерживала тесные организационные связи с германскими левыми социал-демократами (спартаковцами); польские коммунисты участвовали в Ноябрьской революции 1918 г. в Германии и формировали интернациональные по составу Советы рабочих и солдатских депутатов. В этой позиции исследователи усматривают стремление польских и немецких коммунистов избежать чрезмерного доминирования РКП(б) во «всемирной компартии»; после гибели Р. Люксембург, К. Либкнехта и Л. Йогихеса (Тышки) их критические воззрения на политику большевиков частично сохранялись среди представителей КПГ и КРПП.

Основная масса польских революционных деятелей находилась в орбите идеологического влияния РСДРП(б) и после победы революции в России включилась в борьбу российского пролетариата, заняв ключевые посты в советских органах власти. Я. Ганецкий, М. Бронский, Ю. Ленский, С. Бобинский и другие деятели принимали непосредственное участие в вооруженном восстании в Петрограде и находились впоследствии на ответственных должностях в структурах советской партийно-государственной власти; Ю. Мархлевский был включен во Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) на съезде Советов в мае 1918 г.

Руководство КРПП осознавало, что большинство польских коммунистов, включая членов польской секции РКП(б), придерживалось

[253] Firsow F., Jażborowska I. Międzynarodówka Komunistyczna a KPP // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa: Książka i Wiedza, 1989. S. 17.

пробольшевистской линии, а основное финансирование партии осуществлялось из бюджета РКП(б)/ВКП(б). Критическая позиция в отношении внутриполитической линии большевиков была характерна для относительно узкой группы, имевшей тесные контакты с германской социал-демократией; так, например, А. Варский прогнозировал в Польше не пролетарскую, а исключительно буржуазно-демократическую революцию.

В 1918 – начале 1919 гг. польские революционные деятели активно участвовали в международных совещаниях, предшествовавших образованию Коммунистического Интернационала; представители СДКПиЛ входили в число организаторов «Малого Интернационала» и подписали воззвание о созыве учредительного конгресса. Так, на I конгрессе Коминтерна И. Уншлихт поддержал идею создания международной коммунистической организации; впоследствии ЦК КРПП официально подтвердил присоединение к ней, и польская компартия стала одной из секций Интернационала. Другим фактором выступало осознание неспособности КРПП стать значимой политической силой в Польском государстве: полицейский террор, массовые аресты и скромные масштабы организации делали невозможной самостоятельную деятельность польских коммунистов без опоры на РКП(б)/ВКП(б), тем более при отсутствии реальной перспективы «красной интервенции» в Европе. Но наиболее серьезным фактором, обусловившим поддержку польскими коммунистами ленинских позиций, являлось присутствие на территории советской России многомиллионной польской диаспоры и наличие около двухсот социалистических организаций; польские коммунисты проходили школу гражданской войны, получая опыт для развертывания будущей революционной работы в своей стране.

Зимой – весной 1919 г. военно-политическое руководство Советской России при участии польских товарищей предприняло первые попытки экспорта революции в Европу. В этой связи И. Уншлихт представил проект создания «Революционного военного совета Польши» для координации и поддержки намечавшегося восстания, а также необходимости формирования

польской армейской группы. В целях конспирации польский Реввоенсовет был замаскирован под Реввоенсовет Западной стрелковой дивизии; в его состав вошли кадры СДКПиЛ с опытом нелегальной работы, координация действий со стороны ЦК РКП(б) была поручена Ф. Дзержинскому и И. Уншлихту.

Польские революционные объединения, действовавшие в советской России, выступали как часть РКП(б), сохраняя определенную организационную автономию, однако это противоречило ленинским принципам интернационализма и территориальности, согласно которым в одной стране могла существовать только одна коммунистическая партия. По откомандировании «российских» групп КРПП в Польшу или их переходе в состав РКП(б) было создано Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б), а затем Исполнительное управление компартии Польши, подчиненное руководителям российских большевиков и выполнявшее функции связующего звена.

КРПП, признавая многоэтнический характер революционного движения в Польше, оставалась верной принципу единой компартии в одной стране; созданные по примеру РКП(б) национальные отделения были впоследствии упразднены как не соответствовавшие принципам централизованной партии ленинского типа. Вопреки нарративу об изначальном создании Коминтерна исключительно как инструмента внешней политики большевиков, представители польского коммунистического движения внесли собственный вклад в оформление идей о «Единой Компартии» и имели различные позиции относительно алгоритмов функционирования организации.

Наметившиеся достаточно острые разногласия между КРПП и Коминтерном возникли в связи с «галицким» вопросом: в Восточной Галиции автономно сформировалась Коммунистическая партия Восточной Галиции, преимущественно украинская по составу, возникновение ее объяснялось во многом радикализацией обстановки в крае после падения Австро-Венгерской монархии. Компартия Галиции смогла полноценно оформиться лишь при

нахождении Красной Армии на западноукраинских землях в ходе Советско-польской войны в 1920 г.; КРПП предприняла попытку привлечь галицких коммунистов в свою организацию, что породило две конкурирующие группы в новой компартии. В ситуацию вмешалась украинская большевистская КП(б)У, занявшая нейтральную позицию, но ориентировавшаяся скорее на интересы польской компартии до формального вхождения галицких земель в состав Польского государства.

В начале 1921 г. Коминтерн предпринял попытку организационно разрешить «галицкий» вопрос, что встретило сопротивление ЦК КРПП, настаивавшего на принципе общегосударственной централизации коммунистического движения в многонациональных государствах. II конгресс Коминтерна постановил считать членов галицкой партии автоматически членами КРПП; вопрос носил имплицитно политический характер и касался отношения польской партии к этническим и национальным меньшинствам.

Ленинский принцип права народов на самоопределение был официально признан лишь на II съезде КРПП в 1923 г., однако и после этого отдельные этносы имели далеко не равное положение; за коммунистами – украинцами и белорусами Польши признавалось право на отделение и присоединение к российским советским республикам. Польские делегаты подтверждали партийную линию, избегая упоминаний о самоопределении украинского народа и настаивая на приоритете борьбы с украинским национализмом; попытка генеральной конференции КП Западной Галиции решить вопрос привела к параличу ее деятельности из-за последовавших арестов. II съезд КРПП преобразовал галицкую компартию в Коммунистическую партию Западной Украины (КПЗУ), предоставив ей право автономной организации и принятия политических решений в рамках генеральной линии польской компартии.

Аналогичное решение было вынесено в отношении белорусских и литовских коммунистов: автономные партии действовали под политическим руководством КРПП; Компартия Западной Белоруссии (КПЗБ) объединила

ранее разрозненные филиалы и часть коммунистов, оказавшихся на территории II Речи Посполитой. КПЗБ получила статус, аналогичный западно–украинской компартии, со своим ЦК, что представляло собой значительный шаг в организации белорусских революционеров, действовавших в сложных условиях аграрного в основном населения.

При бесспорном влиянии большевистской партии и ленинских идей на КРПП, 1920-е гг. характеризовались попытками установления баланса в отношениях; польская компартия, опираясь на оперативную обстановку в стране, порой болезненно реагировала на директивы по линии Исполкома Коминтерна, воспринимавшиеся как властное вмешательство без учета реальных условий партийной работы. Вместе с тем КРПП не смогла самостоятельно установить советскую власть или обеспечить массовую поддержку коммунистической идеологии; находясь на нелегальном положении и испытывая проблемы с финансированием, партия находилась в зависимом положении от государственной политики Советского Союза, что обусловливало перевес позиции РКП(б)/ВКП(б).

С точки зрения руководителей большевиков, успешный захват власти невозможен без существования компартии, созданной по определенным критериям: схожая организационная структура, принятие марксизма-ленинизма в соответствии с программой РКП(б) и лояльное отношение к советской России. Наиболее взвешенной представляется оценка Коминтерна как влиятельной, централизованной организации с объективно обоснованным влиянием РКП(б), цели и установки которой на ранних этапах превышали ее возможности, поскольку сам характер интернациональных связей не допускал столь высокой степени централизации и предполагал определенную самостоятельность секций (компартий).

В результате волны арестов в начале 1920 г. несколько членов ЦК КРПП, ранее выступавших с критикой большевистских позиций, эмигрировали из Польши, что привело к упрочению позиций сторонников РКП(б) внутри партии. Для уехавших за границу был создан иностранный отдел ЦК, который

со временем стал узурпировать роль реального партийного руководства, инициировав активное взаимодействие с Коминтерном и Польским бюро РКП(б). Во второй половине 1920 г. на фоне военных успехов большевиков в среде левых партийцев КРПП и других секций Коминтерна возник революционный энтузиазм; В.И. Ленин и И.В. Сталин в переписке обсуждали необходимость не только вытеснения польских формирований из Украины, но и дальнейшего продвижения для прощупывания условий революции в Польше.

На ранних этапах существования III Интернационала наблюдалось единение политических целей РКП(б) и КРПП – готовность первой к экспорту революции и готовность второй ее принять, что, однако, традиционно интерпретируется в историографии как навязывание Москвой идеологии большевизма и внешнеполитических установок. Решением III конгресса Коминтерна было создано представительство КРПП при Исполкоме, основу которого составили члены партии, непосредственно работающие в Польше, а не функционеры Польского бюро при ЦК РКП(б), что рассматривалось частью польских коммунистов как шаг к снижению прямого влияния большевиков на политическую ситуацию в Польше.

В 1920 г. цели и задачи российских большевиков и польских коммунистов были едиными; II конгресс Коминтерна ознаменовался усилением левых настроений и принятием резолюций, провозглашавших задачу ускорения революционных преобразований в мировом масштабе и поддерживавших советизацию европейских и других стран. С точки зрения руководства РКП(б) и Коминтерна, «западный поход» не рассматривался как авантюра; Польская Республика представлялась либо мостом, либо препятствием для пролетарской революции в Германии, и идеологическое давление революционной необходимости доминировало над остальными факторами международных отношений.

Агентурная работа в Польше, направляемая советским партийно-государственным руководством, предусматриала разложение армии и

идеологическую обработку населения; документами Польского бюро при ЦК РКП(б) предписывалось усилить до крайней степени революционную агитацию в польской армии через активистов КРПП. На первой конференции КРПП в мае 1920 г. обсуждался вопрос об участии в парламентских выборах; партия единогласно высказалась в поддержку советской России и признала необходимость защиты завоеваний российской революции от буржуазной агрессии.

Руководство КРПП рассчитывало на успех Красной Армии в условиях Советско-польской войны для создание благоприятных условий восстания в тылу Польши, при этом в Москву отправлялась информация, не всегда соответствовавшая действительности, в частности, о массовом ожидании прихода Красной Армии крестьянами Галиции. Ю. Мархлевский был назначен представителем КРПП в Коминтерне; с учетом складывавшихся перспектив подготавливалась почва для будущего слияния Польского бюро и Польревкома с КРПП, однако после неудачи польского похода 1920 г. эта попытка потеряла политическую актуальность.

Историография отношений Коминтерна и КПП сохраняет идеологическую поляризацию: значительная часть исследователей стремится редуцировать роль КРПП до статуса проводника интересов Москвы, игнорируя существовавший в действительности многоуровневый характер политического взаимодействия. Относительно полемики В.И. Ленина и Р. Люксембург существует альтернативная точка зрения, согласно которой последняя после ознакомления с аргументацией лидера российских большевиков, пересмотрела свои взгляды и приняла решение не публиковать тюремные записки о русской революции.

1.3. Польские коммунисты в Советско-польской войне в 1920-1921 гг.: идеология, институты и политические последствия

Большинство польских коммунистов, пребывающих в Польше и находящихся в России, очевидно, ставили своей основной целью «поднять красное знамя над Варшавой», и если для большинства членов Коминтерна Польша была лишь очередным этапом для осуществления идеи мировой революции, то для членов Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП) и Польского бюро при ЦК РКП(б) (Польбюро) советизация Польши превращалась в принципиальную задачу. Но также не стоит удивляться, что 1919 г., в преддверии конфликта, среди польских коммунистов были слышны разные голоса, и отношение к войне советской России с Польшей было разным. Дискуссии о роли Красной Армии в революционном движении в Польше возникали почти с самого начала необъявленной и продолжающейся Советско-польской войны, а мнения относительно ее продолжения разделились среди членов польских организаций[254]. Тем не менее, трудно отделить взгляды на войну, высказанные польскими коммунистами в Москве, от оценок остававшихся в Варшаве членов КРПП. Зачастую это были одни и те же люди, и независимо от мнений, высказываемых отдельными активистами, польское коммунистическое движение, во многом стоявшее на большевистских позициях, представлялось внешнему миру единым.

Однако совсем не единообразной выглядит деятельность видных функционеров польской компартии при ее ближайшем рассмотрении. В частности, Ю. Мархлевский, которого большевики ранее предлагали на должность первого посла в Польше, вопреки решению ЦК КРПП, по собственной инициативе в конце весны и летом 1919 г., связался с заместителям министра внутренних дел Польши С. Войцеховским и близким соратником Ю. Пилсудского – Ю. Беком, предлагая свои услуги в качестве

[254] Trembicka K. Między apologią a negacją: studium myśli politycznej Komunistycznej Partii Polski w latach 1918–1932. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1995. S. 24-26.

посредника в тайных переговорах о прекращении огня[255]. Без сомнения, в период весьма трудного для советской России этапа гражданской войны временно нормализовать отношения с Польшей, взявшей вектор на расширение территорий за счет бывших владений Российской империи, было в интересах российского большевистского руководства. Однако самостоятельность, с которой к данному вопросу подошел Ю. Мархлевский, говорит о значительном его положении в партийной иерархии, прежде всего в вопросах, касающихся работы по «польской линии».

В период активного наступления сил А.И. Деникина на юге России «польская линия» представлялась одним из наиболее приоритетных направлений, и Ю. Мархлевский был уверен, что можно остановить нерегулярные и весьма ограниченные военные действия, еще не перешедшие в терминальную стадию, и попытаться узнать мнение польских правящих кругов о возможности переговоров между Польшей и советской Россией. Его смелая инициатива почти сразу же подверглась критике со стороны активистов КРПП в Польше. А. Варский, с мнением которого считался Ю. Мархлевский, признавал политическую целесообразность этих действий, но был уверен, что как только посредник в переговорах обнаружит свое присутствие, он неизбежно будет арестован[256].

Так или иначе, дипломатическая миссия состоялась. В. И. Ленин принял план Ю. Мархлевского, и 30 июня 1919 г. ЦК РКП(б) обратился в Наркомат иностранных дел с предложением поручить переговоры с польским правительством товарищу Мархлевскому. Несмотря на возможные опасения, Ю. Мархлевский был одним из немногих польских коммунистов, переговоры с которыми Ю. Пилсудский счел целесообразными. Переговоры продолжались до ноября 1919 г., но завершились частичным успехом для обеих сторон – было установлено перемирие. Польской стороне не удалось

[255] Materski W. Na widecie: II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943. Warszawa: Rytm, 2005. S. 36.
[256]Jakubowski D. Julian Marchlewski – bohater czy zdrajca? Warszawa: Instytut Wydawniczy „Książka i Prasa", 2007. S. 125-126.

достичь удовлетворительного для нее соглашения о возвращении польских переселенцев. Этот вопрос был лишь частично решен соглашениями об обмене заложниками[257], где польская сторона, казалось бы, имела значительное преимущество, получая значительное количество запрашиваемых лиц.

В Польском бюро при ЦК РКП(б) смотрели на этот вопрос несколько иначе. В докладе секретаря Польбюро С. Братмана-Бродовского на конференции польских коммунистов в России в мае 1920 г. имеющиеся соглашения по этому вопросу были оценены положительно, и доклад был принят, хотя и не единогласно, видными деятелями Бюро, в том числе Ю. Мархлевским и Ф. Коном, а чуть позже и Э. Прухняком, считавшими, что обмен заложниками выгоден с точки зрения развития коммунистического движения в Польше[258].

Провал мирных переговоров во многом лежит на совести Ю. Пилсудского, так как он не хотел принять исключение российскими большевиками пункта «о ненападении советских войск на УНР» в качестве одного из условий перемирия. Сложно сказать, что на самом деле мотивировало Ю. Пилсудского, когда он отверг предложения руководителей советской России, но похоже, что создание Украинского государства и его выживание, на тот момент, было для него гарантом нового политического порядка в Восточной Европе, в котором Россия больше не будет доминирующей державой или, по крайней мере, не будет империей, способной навязывать свою точку зрения по всем вопросам в регионе[259].

Однако это никак не помешало в июне 1919 г. польским войскам громить украинские формирования и оккупировать всю восточную Галицию

[257] Materski W. Na widecie: II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943. Warszawa: Rytm, 2005. S. 23-37.
[258] Там же: S. 43.
[259] Nowak A. Polska i trzy Rosje: studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). 2-e wyd. Kraków: Arcana, 2008. S. 378-397, 595-596.

до Збруча[260], а польское наступление в Белоруссии позволило захватить Минск. Красной Армии пришлось отступить за Березину и Двину[261]. Таким образом, за продвижением польской армии как можно дальше на восток должно было встать и продвижение программы строительства украинского и литовского квазигосударственных образований в составе Польской Федерации, что красной нитью проходило через всю неоимперскую политику[262] Ю. Пилсудского[263].

В этой парадигме коммуникация с Ю. Мархлевским и другими представителями российской советской власти закончились неудачей, и осенью 1919 г. ситуация достигла критической точки[264]. Однако, переговоры Ю. Мархлевского с советской стороны и М. Коссаковского, представлявшего Ю. Пилсудского, под предлогом обмена пленными, позволили большевикам прийти к выводу, что поляки не намерены предпринимать в ближайшем будущем крупномасштабные военные действия, и они могли бы немного передохнуть, сконцентрировав все силы на противостоянии с белым движением[265].

В то же время руководство партии большевиков в Москве воспринимало перемирие как отсрочку, по всем направлениям «польской линии» готовилась почва для будущей интервенции. Активное участие в подготовке со стороны КРПП принимали С. Братман-Бродовский и Ю. Мархлевский. 15 сентября 1919 г. решением ЦК РКП(б) была создана организация, которая должна была

---

[260] Збруч – приток Днестра на западе Украины. Протекает по Подольской возвышенности на границе Тернопольской и Хмельницкой областей.
[261] Świetlikowa F. Komunistyczna Partia Robotnicza Polski, 1918–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1968. S. 170, 172.
[262] Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020: сборник статей. Москва: Кучково поле, 2020. С. 21-22.
[263]Kęsik J. Pomiędzy współpracą a irredentą: ukraińska mniejszość narodowa w II Rzeczypospolitej // Tematy polsko-ukraińskie: historia, literatura, edukacja / Pod red. R. Traby. Olsztyn: Borussia, 2001. S. 87.
[264] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 90-95, 119.
[265] Zajączkowski W. Rosja i narody: ósmy kontynent: szkic dziejów Eurazji. Warszawa: MG, 2015. S. 173-174.

координировать работу по борьбе с контрреволюцией в Польше и оказывать всестороннюю помощь КРПП на территориях, временно оккупированных поляками. Польские коммунисты понимали, что война советской России с Польшей потребует чрезвычайных средств и методов, то есть усиленной пропаганды и агитации как среди польских солдат, так и среди польских рабочих, крестьянства и горожан. Начинается активная агитационная работа на правобережной Украине и на Волыни. По решению ЦК РКП(б) стали создаваться первые польские революционные ячейки и организации в составе губкомов и горкомов партии большевиков[266].

Необходимо отметить, что значительная часть руководства и актива КРПП, находившаяся в России, пребывала в атмосфере надвигающейся мировой революции, во имя которой спешно собирались силы и средства для распространения агитации на территориях, занятых польскими войсками. В границах советской России в 1919 г. (по приблизительным оценкам) находилось не менее 18 тысяч польских коммунистов, тогда как в Польше в тот же период всего около 10 тысяч[267]. Многие польские коммунисты, почти с восторгом встретившие революцию в России, не отдалялись от общих задач и были заняты на партийной, государственной, хозяйственной работе, входили в руководящие органы молодого советского государства, многие из них являлись членами РКП(б)[268]. Среди них были такие видные деятели коммунистического движения как будущий генеральный секретарь ЦК КП(б)У С. Косиор, Ф. Кон, В. Менжинский и С. Реденс, командированные для работы на Украину.

Лидерам КРПП удалось убедить организационный отдел ЦК РКП(б) в целесообразности создания Исполнительного бюро Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП) в России, и 17 сентября 1919 г. начал работу

[266] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 119.
[267] Szyr E. Znane i nieznane karty KPP // Życie Partii. 1988. № 4. S. 12.
[268] Фирсов Ф. И., Яжборовская И. С. Коминтерн и Коммунистическая партия Польши // Вопросы истории КПСС. 1988. № 12. С. 20-35.

новый центр, координирующий всю работу на территории Польши. В состав нового органа входили члены Польбюро и Польского военно-революционного совета[269] Ю. Мархлевский, С. Братман-Бродовский, Я. Долецкий, Ф. Кон, С. Лазоверт и С. Бобинский[270].

Польские коммунисты осознавали свою значительную численность в рядах российского коммунистического движения и культивировали идею о том, что в период Октябрьской революции около 200 тыс. польских социалистов и сочувствующих принимали участие в установлении советской власти и защите ее завоеваний[271]. Именно этот, пусть и не столь масштабный, польский актив должен был стать тараном на западных европейских территориях.

В начале сентября 1919 г. в Смоленске была создана секретная часть Польского бюро при ЦК РКП(б) с весьма широкими полномочиями[272], задачей которой была координация действий в польском тылу, создание сети партийных ячеек, агитация среди крестьян, развитие движения красных партизан[273]. Его возглавляли бывшие лидеры Литбела В. Мицкевич-Капсукас, Я. Долецкий. В свою очередь, в ноябре того же года в Смоленске было подписано соглашение между Белорусской революционной социалистической партией и РКП(б), которое предусматривало создание повстанческо-диверсионных отрядов на территориях, оккупированных польскими регулярными войсками[274].

Агенты, занимавшиеся этой деятельностью, рисковали вдвойне:

---

[269] РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 84, Д. 31, Л. 14-14.
[270] Nowak A. Polska i trzy Rosje: studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). 2-e wyd. Kraków: Arcana, 2008. S. 384-385.
[271] Ярузельский В. К новым горизонтам // Коммунист. 1987. № 11. С. 62.
[272] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 295. Л. 1-7.; Д. 318. Л. 20, 37-40.; Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 108.
[273] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1 Д. 66. Л. 8.; Д. 296. Л. 42-46.; Д. 297. Л. 1-11.
[274] Mironowicz E. Antypolska konspiracja białoruska w latach 1919–1925 // Europa nieprowincjonalna: przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej (Białoruś, Litwa, Łotwa, Ukraina, wschodnie pogranicze III Rzeczypospolitej Polskiej) w latach 1772–1999. Warszawa: ISP PAN; Rytm, 1999. S. 881-882.

советские диверсанты не рассматривались как военнопленные, а их деятельность приравнивалась польскими законами к бандитизму, что очень часто наказывалось смертью. Тем не менее, при временной пассивности Красной Армии на Западном фронте, осенью 1919 г. многие польские коммунисты решили попытать счастья, уйдя в партизаны. Один из них, В. Ковальский, подал в отставку с поста командира 4-го Варшавского полка Западной армии и присоединился к партизанским операциям в Полесье. В более позднем письме Ф. Кону от 24 ноября 1919 г. он сообщал из Мозыря о результатах своей работы и положении возглавляемого им подразделения: «Силы с обеих сторон невелики, поэтому они воюют “воздушными налетами”. Мы хорошо организовали крестьян на фронте и вместе с ними отправляем литературу в тыл полякам. Крестьяне оказались лучшими агитаторами, чем наши комиссары, брошенные из различных советских учреждений на политработу на фронт [...]. С трудом преодолевая эти препятствия, мне удалось вывести в тыл два крупных соединения. В каждом отряде было по 150 человек, 6-8 пулеметчиков, 2000 ручных снарядов и т. д. Один отряд под названием “Коммунары” серьезно схлестнулся с поляками и невредимым дошел до своих долгожданных пинских болот и лесов […]. Правда, поляки безжалостны в своих судах и, например, наказывают невиновных людей, издеваются над детьми и стариками, даже убивают женщин и разрушают их деревни. Там в Польше постоянные волнения, и я надеюсь, что в следующем году „около Пасхи” мы управимся в Варшаве»[275].

Подготовка к войне и взаимные «провокации» на территории Польши продолжались, несмотря на непрекращающиеся разговоры о мире. По мнению некоторых исследователей[276], главной задачей дипломатических усилий Ю. Мархлевского была оценка степени самостоятельности принимаемых Польшей решений, или же позиция Ю. Пилсудского была подкреплена из

[275] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 101-102.
[276] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 109.

Парижа или Лондона. Советское руководство разделяло скорее второе мнение, однако продолжало инициировать переговоры с Польшей. Эта деятельность заключалась не только в отправке дипломатических нот в Польшу и публикации их в печати, в том числе западноевропейской, но и в обращениях к жителям польских и оккупированных польскими войсками земель, подчеркивающих общность интересов трудящихся обеих стран, эксплуатацию и прежний царский гнет, затронувший и русских, и поляков.

Предпринимались попытки вести такого рода пропаганду с учетом межэтнических отношений: в обращениях, адресованных белорусам и украинцам, много говорилось о крепостном праве и эксплуатации со стороны польских помещиков, в обращениях к евреям – о польском антисемитизме, также не умалчивалось притеснение пролетариата со стороны еврейских банкиров и хозяев предприятий[277]. Касалось это и визуальной пропаганды, в основном, плакатов, рисунков, а также народного творчества, в том числе весьма креативного – запускались идеологически выверенные частушки[278].

28 января 1920 г. председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий сообщил Г. Е. Зиновьеву о приближении конфликта с Польшей, призывая мобилизовать польских коммунистов и передать руководство этой линией (направлением) политическому комиссару Западного фронта И. Уншлихту. Он также призвал активизировать работу по повышению боевых возможностей военных частей и политических кадров. В ответ Польское бюро, стремясь охватить как всех коммунистов советской России, так и беспартийное польское население, 17 февраля 1920 г. призвало к энергичной агитационной и мобилизационной деятельности с целью «поддержать советизацию Польши». Эти действия должны были осуществляться «в рядах Западного фронта или непосредственно в тылу противника»[279]. Оргбюро ЦК РКП(б) согласилось

[277] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 46 Л. 3, 14, 21.; Оп. 63. Д. 8. Л. 26.
[278] Leinwand A. Bolszewicki plakat propagandowy w okresie wojny polsko-sowieckiej 1920 roku // Studia z dziejów Rosji i Europy środkowo-wschodniej. 1992. T. 27. S. 75-87.
[279] Nowak A. Polska i trzy Rosje: studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). 2-e wyd. Kraków: Arcana, 2008. S. 543

предоставить сотрудникам Польбюро прямой контроль над этой деятельностью. Помимо И. Уншлихта, политического комиссара Западного фронта, в Военно-революционный совет фронта были делегированы Я. Долецкий и К. Циховский. Последний долгое время был помощником И. Уншлихта и Я. Долецкого[280].

Всероссийская конференция польских коммунистов, организованная 3 – 5 мая 1920 г. в Москве, посвященная проблемам войны с Польшей, собрала около сотни делегатов как от воинских частей, так и от «полевых» секций Польбюро. Была подтверждена декларация об обязанности польских коммунистов защищать первое пролетарское государство – советскую Россию и приняты постановления о мобилизации членов партии и усилении пропагандистской деятельности. На конференции также были избраны высшие руководители Польского бюро: Ю. Мархлевский стал председателем, Э. Прухняк, только что прибывший из Польши благодаря обмену заложниками, стал секретарем, Я. Долецкий назначен членом Польбюро, а С. Братман-Бродовский, С. Будзинский, К. Циховский стали заместителями членов Бюро[281].

Создание кадров, партийная работа и агитация должны были происходить не только на территории советской России в среде польского населения, но и преимущественно на украинских и белорусских землях в связи с тем, что белорусское и украинское пограничье должно было стать ареной очередного акта военной конфронтации. Стоит еще раз подчеркнуть, что поведение польской администрации на занятых территориях, без учета реального положения дел и крайне враждебного отношения польских помещиков к местному населению, были факторами, благоприятствовавшими развенчанию польской буржуазной пропаганды. Противодействие помещиков приграничья аграрной реформе на практике подтверждало лозунги об

[280] Nowak A. Polska i trzy Rosje: studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). 2-e wyd. Kraków: Arcana, 2008. S. 547.
[281] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 143-144.

эксплуатации украинского или белорусского крестьянина польским господином и «жадности» последнего[282]. В одном из отчетов польских пограничников Ковеля[283] за октябрь 1919 г. упоминается все более агрессивная антипольская агитация и «отсутствие достаточного противодействия попыткам враждебных нам русских элементов»[284]. Этот комментарий лишний раз показывает, что несмотря на то, что подрывная деятельность на территориях, занятых польскими войсками, велась силами в большинстве своем членов КРПП и Польского бюро при ЦК РКП(б), в понимании поляков и транслируемой ими пропаганде это все сводилось к деятельности «враждебных русских элементов».

Ревизии имущества и злоупотребления со стороны дислоцированных на оккупированных территориях польских войск, а также неэффективное управление усилили негативные тенденции значительной части жителей «Восточных Кресов»[285] по отношению к полякам и польской национальности[286].

Национально-экономические антагонизмы, катализатором которых был земельный вопрос, можно было наблюдать почти в каждом поселении, где сталкивались интересы поляков и местных жителей, а ситуация усугублялась видимым пренебрежением властей по отношению к непольскому сельскому населению и «терпимостью администрации к произвольному заселению поляков, и разрешение споров между помещиками (чаще всего этническими

[282] Mich W. Ideologia polskiego ziemiaństwa 1918–1939. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2000. S. 125-126.
[283] Ковель – город в Волынской области Украины. Административный центр Ковельского района и Ковельской городской общины.
[284]AAN, TSK, 323, k. 2.; Gierowska-Kałłaur J. Aktywność środowisk polskich w Mińszczyźnie w realiach lat 1919–1920 // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2010. T. 45. S. 90-99.
[285] Польское название территорий нынешней Украины (часть Галиции, западной Украины), Белоруссии (Западная Белоруссия) и Литвы, которые ранее были частью территории Польши.
[286] Zielińska N. Postawy mieszkańców Wołynia w czasie wojny polsko-bolszewickiej (na podstawie raportów Towarzystwa Straży Kresowej) // Społeczeństwo polskie w dobie pierwszej wojny światowej i wojny polsko-bolszewickiej 1920 roku. Kielce: Kieleckie Towarzystwo Naukowe, 2001. S. 277.

поляками) и крестьянами в ущерб последним»[287]. Это было связано и со слабостью администрации созданного в 1919–1920 гг. Гражданского управления Восточных территорий во главе с генеральным комиссаром Е. Осмоловским, который в июле 1919 г. был собеседником Ю. Мархлевского во время мирных переговоров.

Польская государственная политика, проводимая в пограничье, отражала внутрипартийные споры политиков во Второй Речи Посполитой, что выражалось в отсутствии координации действий между гражданской и военной администрациями. Польская верхушка во главе с Ю. Пилсудским мечтала о реализации федеративной концепции, дабы включить в состав Польши максимальное количество новых территорий на востоке[288], однако реализаторы этой идеи на местах оказались не готовы взять на себя роль балансира и не смогли справиться с ситуацией в пограничье, где польская община, «строя структуры будущей государственности, не сочла целесообразным делить полученные должности с какой-либо другой национальностью»[289]. Между тем белорусские крестьяне, хотя и опасались большевиков и связанных с их продвижением на запад негативных факторов, все же считали, что их правление может принести им раздел помещичьих владений, принадлежащих полякам[290]. Такое положение значительно облегчило задачу коммунистической агитации в пограничье, что впоследствии отразилось в поддержке военно-революционных комитетов со стороны части украинского, белорусского, еврейского и, в меньшей степени, литовского

[287] AAN, TSK, 323, k. 2.; Michaluk D. U źródeł białoruskiego parlamentaryzmu : powstanie, organizacja i działalność Rady Białoruskiej Republiki Ludowej 1918–1919 // Kompromis czy konfrontacja?: studia z dziejów parlamentaryzmu rosyjskiego początku XX wieku. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2009. S. 210-211.
[288] Ларуэль М., Ривера Э. Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа. Москва: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2019. С.12.
[289] Śleszyński W. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (1919–1920). Warszawa: Neriton, 2003. S. 164-165.
[290] Szczepański J. Białoruś w koncepcji federacyjnej Józefa Piłsudskiego (1919–pierwsza połowa 1920) // W służbie Klio… Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Radzika. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2012. S. 233.

населения[291].

Ведя приготовления к «польской войне», российские и польские большевики мобилизовали огромные массы людей, включая значительную часть гражданского населения. В шестнадцати тезисах под названием «О Польском фронте и наших задачах», одобренных Реввоенсоветом 30 апреля 1920 г., Л. Д. Троцкий утверждал, что необходимо созывать митинги и собрания и заставить национальные комиссариаты работать на Западный фронт[292].

В рамках советской пропаганды укоренился постулат о необходимости превентивного удара по буржуазной Польше, так как промедление в данном вопросе поможет странам Антанты, которые контролируют «марионеточное» польское руководство, собрать достаточные силы для масштабной контрреволюционной интервенции[293]. После того как поляки заняли Житомир, советское руководство обратилось к национальным устремлениям, призвав весь русский народ бороться против извечного врага, который хочет захватить Украину с Киевом и Белоруссию со Смоленском[294]. Л.Д. Троцкий вспоминал: «…оккупация Киева поляками, оказала нам большую услугу: страна проснулась»[295]. Если для польских коммунистов основными оставались лозунги, направленные на советизацию их родины и борьбы с польской буржуазией, то в обращениях к российскому пролетариату, наряду с интернационалистическими воззваниями, звучали слова о защите «святой Руси». Это привело к тому, что часть населения, не поддерживающая большевиков, была готова выступить против «польских оккупантов»[296].

[291] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 123.
[292] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 170.; Lincoln W. B. Red Victory: a history of the Russian Civil War, 1918–1921. New York: Da Capo Press, 1999. P. 412.
[293] Wojnicka M. Stosunek Polski do Białorusi w latach 1918–1920 // Odrodzona Polska wśród sąsiadów 1918–1921. Warszawa: IH PAN, 1999S. 80.
[294] Rezmer W. Pokój czy dalsza wojna polsko-sowiecka? // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. S. 142.
[295] Trocki L. Moje życie: próba autobiografii. Warszawa: Alfa, 1990. S. 508.
[296] Achmatowicz A. Nowy snop światła na wojnę polsko-sowiecką 1919–1921. Nie publikowane

Декрет Наркома внутренних дел от 8 мая 1920 г. предписывал развернуть во всех городах пропаганду и провести агитационную работу с целью убедить собравшихся на специально организованных собраниях и совещаниях, что война с Польшей есть национальная война, война против оккупанта, война против «алчности польской буржуазии», от исхода которой зависит будущее России[297].

Пропагандистская работа РКП(б) и апелляция к национальным ценностям дала свои результаты не только в рамках будущего конфликта с поляками, но и посеяла дестабилизацию в рядах П. Н. Врангеля в Крыму. И, как сообщало Верховное командование Войска Польского, весной 1920 г. группа попавших в плен к большевикам деникинских офицеров подало прошение, в котором просила допустить их к участию в войне против поляков[298]. В целом, большинству из них удалось записаться на военную службу: число в 12 тысяч бывших царских офицеров, служивших в Красной Армии до 1 января 1920 г., за время войны с Польшей увеличилось как минимум вдвое[299].

К активной пропагандисткой работе присоединились в частности Белорусская, Украинская, Еврейская социалистическая и коммунистическая партии. «Польские разбойники и грабители», поддержанные петлюровцами, как их именовали в листовках и обращениях еврейских партий, не только угрожали свободной Украине, России и завоеваниям революции, но и принесли с собой новую волну еврейских погромов[300]. Политбюро еврейской Компартии «Поалей Цион», имевшей тесные связи с польской Компартией, на заседании в Харькове 16–22 июня 1920 г. приняло решение об отправке 10% ее личного состава на Западный фронт. В крупных городах Украины

---

dotąd dokumenty z archiwów rosyjskich // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 1996. T. 31. S. 175.

[297] PINY, AMM, 7, k. 3.

[298] PINY, AMM, 6, k. 2.

[299] Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). Москва: РОССПЭН, 2005. С. 393.

[300] Там же: С. 387.

открылись вербовочные пункты для еврейских добровольцев, желающих воевать против Польши[301]. В свою очередь, с весны 1920 г. активисты Еврейской социал-демократической рабочей партии, в основном владеющие польским языком и имеющие контакты с польскими коммунистами, проводят диверсионно-разведывательные операции на оккупированных польскими войсками территориях, преимущественно в северо-западном направлении, координируемые представителем Польбюро и руководителем иностранного отдела КП(б)У Ф. Коном. Польские коммунисты и Литовско-Белорусская большевистская партия также сотрудничали с членами еврейской и украинской партий[302].

Большевики также понимали, что крайне важно сохранять широкий спектр пропагандистских направлений, и если для населения России подъем национального духа стал важным фактором поддержки коммунистов, а поляки – члены КРПП и РКП(б) и так были хорошо мотивированы, то для работы с внутрипольской аудиторией необходимо было придерживаться интернационалистической и умиротворяющей риторики. Так, через четыре дня после начала польского наступления, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий и М. И. Калинин, призывая население защищаться от «польского нашествия», отмечали: «После разгрома банд Пилсудского независимость Польши будет для нас неприкосновенна. Мы без труда установим братские отношения с польским пролетариатом, с польским крестьянством. Нас разделяет только общий дворянско-буржуазный враг»[303].

По указанию В. И. Ленина, все статьи о Польше и боевых действиях должны рецензироваться ответственными редакторами под личную ответственность. В. И. Ленин рекомендовал не впадать в шовинизм и всегда отличать польских панов и капиталистов от рабочих и крестьян. Хотя

[301] Еврейский вопрос: поиски ответа: документы 1919–1926 гг. Винница: Глобус-пресс, 2003. С. 85-86.
[302] Там же: С. 86-87.
[303] Jakubowski D. Julian Marchlewski – bohater czy zdrajca? Warszawa: Instytut Wydawniczy „Książka i Prasa", 2007. S. 150.

национальный патриотизм присущ идеологии большевиков, они в прагматичных целях были вынуждены прибегнуть к нему[304].

Результатом этих указаний в пропаганде, адресованной полякам, значилось обращение ЦИК Советов рабочих депутатов, формально высшего органа власти в России, от 7 мая, в котором содержались заверения, что Красная Армия не намерена навязывать коммунизм силой и что победа над «польскими панами» «дала бы польскому народу право устроить свою жизнь по своему собственному признанию». Польским крестьянам и рабочим, как было обещано, предстоит решить, хотят ли они сохранить существующую политическую систему[305].

В Польше в эти заверения, вероятно, мало кто верил, и когда в июле 1920 г. началось контрнаступление Красной Армии и ее войска стали приближаться к территориям с этническим польским большинством, пропаганда усилила социально-классовый характер. Можно заметить, что большевистская агитация за три месяца смогла совершить коренной поворот, перейдя от апеллирования к национальным чувствам русского (а также белорусского и украинского) населения до классовых воззваний для населения польского[306].

После Киевской кампании[307] и Всероссийской конференции польских коммунистов в мае 1920 г., главной целью которой было изложение конкретной позиции о целесообразности и последствиях вторжения Красной Армии на этнические польские земли, появилось польское издательство – Польиздат. Его создание и функционирование существенно ускорило и облегчило пропагандистскую кампанию, которая ранее велась более бессистемно, несогласованно и находилась на базе структур, не всегда

---

[304] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 143, 167-169.
[305] Żenczykowski T. Dwa komitety 1920–1944: Polska w planach Lenina i Stalina. Warszawa: Spotkania, 1990. S. 26.
[306] Rezmer W. Pokój czy dalsza wojna polsko-sowiecka? // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. S. 142.
[307] Киевская операция Войска польского (1920) – наступательная операция вооруженных сил Польши и армии УНР в ходе советско-польской войны 1919–1921 гг., предпринятая в апреле 1920 года с целью взятия Киева.

разделявших точку зрения польских коммунистов из России, Украины или представителей Белорусско-Литовской партии[308]. Издательство обслуживало пропагандистский отдел Юго-Западного фронта, в конечном итоге оно функционировало на протяжении всей польской кампании, поначалу добившись значительного успеха. В 1920 г. Польиздат выпускал три издания: «Głos Komunistyczny», «Żołnierz Rewolucji» и «Wiapomosci Komunistyczne», а некоторые выпуски газеты «Młot» имели тираж 280 000 экземпляров. На вышеупомянутой конференции в Москве была также принята резолюция об объединении Комиссариата по польским делам с Польбюро[309].

Одной из главных задач, которую ставили себе руководители Польского бюро при ЦК РКП(б), была организация массовой мобилизации среди поляков, проживающих в России, для формирования частей будущей «Польской Красной Армии». Многие поляки, не являвшиеся коммунистами и даже сочувствующими партии, пытались избежать призыва, однако задача по призыву в данном случае сводилась не к обеспечению качества рекрутов, а к их количеству, и главным критерием призыва в Красную Армию было наличие польского происхождения. Поляки, особенно жители крупных городов, получали повестки в военкомат и направлялись на подготовительные курсы, где их обучали основам военного дела и проводили идеологическую работу. Одним из таких заведений, где массово проходили трехмесячные занятия польские курсанты, было пулеметное унтер-офицерское училище, расположенное на станции Раменское в Московской области. Школа отличалась строгостью, а подготовку осуществляли бывшие царские офицеры[310].

Так или иначе, к середине 1920 г. мобилизационные мероприятия позволили пополнить численность Красной Армии в совокупности на 280 000 членов РКП(б) и иных коммунистических организаций. После объявления

[308] AAN, CKW, KPRP, 397/I-2, k. 29; 397/I-26, k. 2.
[309] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 184-185.
[310] PINY, S-BW, 22, k. 3.

амнистии ряды Красной Армии стали пополняться дезертирами прошлых лет и даже бывшими белогвардейцами. Призыв к середине августа 1920 г. дал Красной Армии почти 315 000 человек, из которых 65% составляли коммунисты. Всего большевики отправили на польский фронт около 800 тысяч человек[311]. Хотя боевая эффективность этих солдат и их подготовка различались, как и моральный дух, на отдельных участках фронта это была значительная сила[312].

Польских коммунистов также начали отправлять на Запад со всех подконтрольных советам территорий[313]. Еще до вступления Красной Армии на этнически польские земли было мобилизовано 10 тысяч поляков, из которых члены партии составляли 5700, что, по подсчетам Польбюро, составляло примерно 25% от общего числа польских коммунистов[314]. Из этого числа 900 человек были направлены в политический аппарат Красной Армии, остальные должны были служить в ревкомах на занятых Красной Армией территориях[315]. И Польбюро готово было увеличить это число до более значительного, однако эти инициативы постоянно упирались в молчаливое препятствие со стороны руководства РКП(б)[316].

В середине 1920-х гг., когда Красная Армия оказалась на границах земель, в основном населенных этническими поляками, Политбюро пришлось решать, продвигаться ли дальше на Запад или довольствоваться текущими успехами. Левые взгляды, возобладавшие в партии, подкрепились мнениями многих польских коммунистов и прежде всего членов Польбюро о военной и

---

311 Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. 175-176.
312 Achmatowicz A. Nowy snop światła na wojnę polsko-sowiecką 1919–1921. Nie publikowane dotąd dokumenty z archiwów rosyjskich // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 1996. T. 31. S. 178-179, 181.
313 PINY, AMM, 13.
314 Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 123.
315 Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 311-312.
316 Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 121.

экономической слабости Польши и готовности пролетариата Германии к революционной деятельности[317]. Формированию подобных мнений способствовали и чрезмерно оптимистичные, с точки зрения коммунистов, сообщения большевистских агентов и агитаторов из Польши с территорий, контролируемых поляками[318].

Видный деятель польского коммунистического движения и член Польбюро И. Уншлихт утверждал, что остановка Красной Армии была бы лучшим решением, если бы существовали условия для обеспечения безопасности советского государства с запада. Но из-за отсутствия таких возможностей необходимо идти дальше, вооружить польский пролетариат и создать Военно-революционный комитет, который объявит о национализации промышленности и крупного землевладения[319].

Однако подобных взглядов совершенно не разделял К. Радек, который выразил мнение, поддерживаемое некоторыми членами Польского бюро, в том числе Э. Прухняком, С. Будзинским и С. Борским, которые 21 апреля 1920 г. довели до руководства партии (в том числе до В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого) свою позицию по вступлению Красной Армии на этнически польские территории. В ней они одобряли лишь те действия Красной Армии, которые должны были вытеснить польские войска с литовских, белорусских и украинских земель, понимая, что далее идущее наступление усилит патриотические чувства в польском обществе, а также будет способствовать если не полному идеологическому банкротству, то серьезному ослаблению коммунистического движения в Польше. Однако Э. Прухняк, понимая зыбкость таких позиций и несоответствие их оперативной линии партии, ссылаясь на мнение некоторых членов КРПП начала 1919 г., выразил надежду, что «крупные польские промышленные центры сами по себе устранят

[317] Pipes R. Russia under the old regime. Harmondsworth: Penguin books, 1977. xxiv, S. 64-65.
[318] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 73. Л. 7.
[319] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 87-89, 173; Также: Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 143-144.

необходимость Красной Армии заходить слишком далеко в Польшу»[320].

Мнения подобного характера не вполне устраивали В. И. Ленина, что привело к изменениям в составе Польского бюро, утвержденным ЦК РКП(б) 19 июля. Ф. Дзержинский стал председателем, Э. Прухняк секретарем, а Ю. Мархлевский вместе с И. Уншлихтом и Ф. Коном вошли в состав руководства Бюро. Этой организации предстояло координировать действия в ближайшем тылу Западного фронта, а на Украине, в тылу Юго-Западного фронта, аналогичную роль должно было играть украинское отделение Польского бюро, также подчиненное Ф. Дзержинскому, во главе с Ю. Ленским (Лещинским)[321].

В конце июля 1920 г. в Белостоке формируется новый революционный орган управления – Временный революционный комитет Польши. В руководство Польревкоама вошли Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, С. Бобинский, Ф. Кон и другие польские коммунисты, также являющиеся членами Польского бюро при ЦК РКП(б) и во многом совмещающие членство в КРПП и РКП(б)[322]. В задачи Революционного комитета входило установление советской власти на территории, занятой Красной Армией, и издание декретов, которые бы содействовали советизации Польши.

Идея создания квазигосударственного органа, управляемого из Москвы после ввода Красной Армии, который должен был стать ядром будущей советской власти в Польше, скорее всего, возникла в начале весны 1920 г, после того как В. И. Ленин поинтересовался мнением польских коммунистов. Вопрос заключался в следующем: произойдет ли в Польше революция после того, как Красная Армия вступит на польские территории и разгромит польские войска? В. И. Ленин предполагал, что Красная Армия останется в

[320] Trembicka K. Między apologią a negacją: studium myśli politycznej Komunistycznej Partii Polski w latach 1918–1932. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1995. S. 27.
[321] Jakubowski D. Julian Marchlewski – bohater czy zdrajca? Warszawa: Instytut Wydawniczy „Książka i Prasa", 2007. S. 155.
[322] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 72-73.

Польше лишь на время, необходимое для создания центра революционной силы и вооружения польских рабочих (предполагалось также, что восточные границы Польши пройдут дальше на восток, чем так называемая линия Керзона)[323].

В ответ на эти вопросы 14 марта 1920 г. представители Польбюро выразили уверенность в том, что революция возможна после разгрома польской армии. Однако намерение Красной Армии войти на этнически польские земли было для ряда партийцев сомнительным. Мнение руководящих кругов КРПП по этому поводу, сформулированное А. Варским, С. Будзинским и Э. Прухняком, только что прибывшим из Польши после годового пребывания там, было передано в ЦК Польского бюро во главе с Ю. Мархлевским 21 апреля. Они опасались роста националистических настроений в Польше после ввода иностранных войск на ее территорию и объединения общественных сил под знаменем национальной войны, что нанесет вред коммунистическому движению в Польше[324].

Однако робко высказанные сомнения некоторых польских коммунистов в России и опасения ослабленных арестами групп представителей польской Компартии (в частности находящейся в Берлине), осознающих отсутствие поддержки членов КРПП, оставшихся в Польше, были заглушены хором сторонников конфронтации[325].

Ленин и сам выступал как сторонник начала войны, так как не верил в стихийное начало революции в Польше и был убежден в слабости КРПП в связи с чередой репрессий и как следствие иммиграции основного актива партии. При поддержке некоторых членов Польского бюро, он приказал готовится к войне с Польшей и, не дожидаясь окончательного поражения А.

[323] Cimek H. Poglądy Komunistycznej Partii Polski na kwestię narodową. Sprawa rozwiązania partii // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa: Książka i Wiedza, 1989. S. 85-86.
[324] Gregorowicz S. Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski – ocena koncepcji i działalności // Wojna polsko-sowiecka 1920 roku: Przebieg walk i tło międzynarodowe: Materiały sesji nauk. w Inst. historii PAN 1-2 października 1990. Warszawa: Wydaw. Inst. historii PAN, 1991. S. 176.
[325] Żenczykowski T. Dwa komitety 1920–1944: Polska w planach Lenina i Stalina. Warszawa: Spotkania, 1990. S. 29-30.

И. Деникина, перебросить войска из Сибири и Урала на Западный фронт[326].

Среди польского населения распространялась декларация, подписанная 43 ведущими польскими коммунистами от 2 февраля 1920 г., воспроизведенная в тысячах листовок, в которой утверждалось, что идея вооруженного завоевания Польши советской Россией им чужда[327]. В Польше кампания за мир была положительно воспринята левыми силами и активно поддержана ззабастовками организованными коммунистами и им сочувствующими. Более того, в отчетах польской полиции говорилось, что, несмотря на официальные протесты против военных действий, коммунисты в Польше и России были заинтересованы в эскалации конфликта, которая «совершит революцию как среди польских рабочих, так и в армии»[328]. Однако власти и большая часть общества восприняли кампанию как очередной пример большевистской агрессии, в результате которой, среди прочего, начались репрессии против представителей коммунистического движения[329]. Волна арестов 1920 г. стала второй для актива КРПП. С середины 1919 г. партия уже не могла издавать легальную прессу, и ее центральным органом стал «Червоный штандар», издававшийся с 1 октября того же года. Все это серьезно затрудняло агитационно-пропагандистскую работу[330]. Активисты КРПП, призывая к бойкоту призывной кампании в польскую армию, зафиксировали некоторые успехи не только в пограничье с Россией, но и во внутренних районах страны[331].

---

[326] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 121.

[327] Gregorowicz S. Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski – ocena koncepcji i działalności // Wojna polsko-sowiecka 1920 roku: Przebieg walk i tło międzynarodowe: Materiały sesji nauk. w Inst. historii PAN 1-2 października 1990. Warszawa: Wydaw. Inst. historii PAN, 1991. S. 177.

[328] Trembicka K. Między apologią a negacją: studium myśli politycznej Komunistycznej Partii Polski w latach 1918–1932. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1995. S. 27.

[329] Reguła J. A. Historia Komunistycznej Partii Polski w świetle faktów i dokumentów [J. Mützenmacher]. 2-e wyd., rozszerzone i uzupełnione. Warszawa: nakład autorski: Drukprasa, 1934. S. 117.

[330] Meglicka M. Prasa Komunistycznej Partii Polski w latach 1918–1938 // Z dziejów polskiej prasy robotniczej 1879–1948. Warszawa: PWN, 1983. S. 103-106.

[331] Markowski M. B. Społeczeństwo województwa kieleckiego wobec wojny polsko-bolszewickiej 1919–1920. Kielce: Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Jana Kochanowskiego, 1998.

Тем временем 8 июля в Тернополе был создан Галицкий революционный комитет (Восточногалицкий ревком) или Галревком, который возглавил В. П. Затонский, член временного рабоче-крестьянского правительства Украины и командующий 14-й армией Юго-Западного фронта[332]. Последний выступал за перспективное присоединение территорий, контролируемых Галревкомом, к Украинской Советской Республике.

Это стало неожиданным камнем преткновения между польскими и украинскими коммунистами, так как Ф. Дзержинский полагал, что судьбу Галиции решит будущий плебисцит, а Ю. Мархлевский и вовсе утверждал, что вся Галичина тяготеет к Польше[333].

Видимо, к моменту польского похода в партии довлела линия польских коммунистов. В конце июля в состав Галревкома был определен Ф. Кон, который, хоть и был членом высшего руководства Украинской большевистской партии, также являлся членом Польбюро. По настоянию последнего в органы революционного комитета входит Ю. Ленский (Лещинский) и Б. Скарбек. В состав Коммунистической партии Восточной Галичины, созданной 3 августа, вошли также поляки и коммунисты еврейского происхождения. С 28 июля 1920 г. в Киеве действовало Польское управление на Правобережной Украине, его возглавил Ю. Ленский (Лещинский), а через два дня в Харькове было создано польское отделение Компартии на левобережной Украине[334].

В свою очередь, после того как Красная Армия заняла Минск и Вильнюс, 16 июля ЦК РКП(б) создал Белорусский ревком, в ряды которого вошли многие польские коммунисты. Комитет должен был помочь создать

S. 150.; Malinowski H. Szkice z dziejów klasy robotniczej: wybrane zagadnienia z lat 1917–1919. Warszawa: Książka i Wiedza, 1973. S. 353-354.

[332] Lewićkyj B. Polityka narodowościowa w Z.S.R.R. w dobie Chruszczowa. Paryż: Instytut Literacki, 1966. S. 8.

[333] Cimek H. Poglądy Komunistycznej Partii Polski na kwestię narodową. Sprawa rozwiązania partii // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa: Książka i Wiedza, 1989. S. 85-86.

[334] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 144.; Żenczykowski T. Dwa komitety 1920–1944: Polska w planach Lenina i Stalina. Warszawa: Spotkania, 1990. S. 32-33.

«собственную власть белорусского народа»[335]. В Минске располагалось польское управление по руководству агитационно-пропагандистской работой среди проживавших там поляков[336].

Польские коммунисты принимали активное участие в работе администрации Галицкого и Белорусского ревкомов, были задействованы в партийных организациях различного уровня. Всего было создано около тридцати польских отделений при губернских и областных комитетах партии, а также при политотделах 52-й и 53-й дивизий, где служило много поляков[337]. В письмах, направленных Польбюро совместно с польским отделением отдела по делам национальных меньшинств Наркомпроса в местные подразделения со ссылкой на резолюцию, принятую на польской конференции в мае 1920 г., указывалось, что воспитательная работа является одной из отраслей партийной работы, и она в то же время открывает «доступ к самым невежественным и бессознательным массам «народа»[338].

По мере продвижения войск Красной Армии росли надежды польских коммунистов на создание еще одной республики Советов, что нашло отражение и в руководящих принципах организации образования на оккупированных территориях. «Наш долг – придать этим действиям явно революционное направление и стремиться создать их среди как можно больших масс рабочих»,[339] – значилось в плане, разработанном органами Польского бюро. В связи с активизацией идеологической работы в 1920 г. командование 16-й армии издало большим тиражом брошюру Александра Кона «Польская буржуазия и Польша советская», которая стала основным справочным текстом и источником информация о положении в Польше для

[335] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 311.
[336] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 47.
[337] Leinwand A. Bolszewicki plakat propagandowy w okresie wojny polsko-sowieckiej 1920 roku // Studia z dziejów Rosji i Europy środkowo-wschodniej. 1992. T. 27. S. 81.
[338] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 206. Л. 4-5.
[339] Там же: Л. 6.

агитаторов-большевиков, также в ней содержалось множество советов для агитаторов, работающих в среди поляков[340].

Важнейшим решением Всероссийской конференции польских коммунистов было принятие резолюции, в которой говорилось, что как можно больше польских коммунистов следует отозвать со своих постов и отправить на «польскую работу» и на Западный фронт[341]. Однако, вопреки определенному энтузиазму польских коммунистов и требованиям Польского бюро при ЦК РКП(б) о скорейшей отправке на фронт как можно большего числа поляков, это не встретило широкого одобрения высших органов советского государства. И речь здесь шла совсем не о возможных организационных сложностях из-за перевода сотрудников многочисленных отделений Польского бюро иногда из одного конца страны в другой.

Среди членов РКП(б) хватало и тех, кто опасался усиливающейся роли польских коммунистов в партии, с одной стороны, и сомневались в лояльности как польских мобилизованных, так и партийцев, с другой. Об этом ясно свидетельствует ход всеобщей мобилизации поляков и их переброска на Западный фронт, решение о которой было принято Организационным управлением ЦК РКП(б) только 19 июля 1920 г. Причем в отчете Польского бюро датой объявления мобилизации поляков-коммунистов является 22 июля - вероятно, только в этот день решение дошло до Польбюро, что свидетельствует о том, что решения принимались без консультации с его Секретариатом. Возможно, претензии руководства РКП(б) к польским партийцам, проистекали из неоднозначности их воззрений на «польский поход», в связи с определенной массовостью которого пришлось даже менять руководство Польского бюро.

Советские лидеры также, по-видимому, не одобряли массового присутствия первых лиц КРПП и Польского бюро в прифронтовой зоне во

[340] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 342.
[341] Найдус В. Участие поляков в Октябрьской революции. Варшава: Полония, 1967. С. 90.

время наступления Красной Армии. В связи с этим на Западном фронте с начала 1920 г. находились только К. Цихоцкий, Я. Долецкий и И. Уншлихт[342]. Если предположить, что руководство РКП(б) действительно по разным причинам не желало присутствия польских коммунистов или сильной военной группы польских солдат во время наступления Красной Армии на Западном фронте, то неудивительно, что, по крайней мере, с августа польское население начало систематически переселятся из прифронтовой зоны на восток.

У советских властей в Белоруссии были проблемы с большими группами перемещенных поляков, поэтому они намеревались отправить их обратно на запад, чему, однако, категорически противился Ф. Дзержинский. Глава ВЧК явно сомневался в лояльности советской власти перемещенных лиц, о чем свидетельствует его приказ своим подчиненным от 26 июня 1920 г. отправить задержанных поляков в концлагеря не как военнопленных, а как подозреваемых в контрреволюционной деятельности, саботаже и шпионаже[343].

Отступление польских войск из Киева, успехи и дальнейшее продвижение Красной Армии на Запад побудили В. И. Ленина поддержать требования польских коммунистов о создании института революционной власти на польских землях. В приказе Военно-революционного совета Западного фронта № 1423 от 2 июля 1920 г. за подписью М. Н. Тухачевского, говорилось об «Белой Польше», через которую ведет путь всемирного революционного пожара, и о штыках, который принесет счастье и мир трудящимся массам, также подписанный членами Революционного военного совета в том числе Уншлихтом[344].

Между тем, для польских коммунистов война с Польшей была историческим рубиконом – «быть или не быть» их дальнейшему

[342] Leinwand A. J. Sztuka w służbie utopii: o funkcjach politycznych i propagandowych sztuk plastycznych w Rosji Radzieckiej lat 1917–1922. Warszawa: Instytut Historii PAN, 1998. S. 50.
[343] Там же: S. 181.
[344] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 178.

политическому существованию как руководителей собственной республики[345]. Они, несмотря на внутрипартийные страхи большевиков, видели своей первостепенной задачей мобилизовать как можно больше поляков на войну с буржуазной Польшей, а работа среди польского населения в Советском Союзе заключалась в воспитании кадров, политических элит для будущей Польской Советской Республики. Как уже упоминалось, именно польские коммунисты были основными сторонниками войны с Польшей и убеждали в ее необходимости и безусловной успешности В. И. Ленина и его окружение[346].

Оказалось, что по мере продвижения Красной Армии стали исчезать и прежние возражения некоторых польских коммунистов в России относительно обоснованности советского похода на Польшу. Более того, «при все меньшей и меньшей надежде на революцию в Польше некоторые ведущие активисты начали с энтузиазмом говорить об ее «экспорте»»[347]. Однако энтузиазм польских коммунистов, находящихся в России и активным образом участвующих в создании органов управления Польской Советской Республики[348], сдерживался осторожными голосами некоторых коммунистов на территории Польши, понимавших, что «социальная революция не может быть осуществлена по приказу извне», но чем ближе Красная Армия подходила к Варшаве, тем эти голоса звучали все тише[349].

В самой Польше начались массовые аресты коммунистов и сочувствующих им, роспуск левых профсоюзов. «По всем данным, события застигли партию врасплох», – писал 5 августа 1920 г. Ф. Дзержинский В. И. Ленину. Он указал, что за рекой Нарев[350] отношение населения к Красной

---

[345] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 184.
[346] Там же: S. 173, 184-185.
[347] Trembicka K. Między apologią a negacją: studium myśli politycznej Komunistycznej Partii Polski w latach 1918–1932. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1995. S. 84.
[348] Кантор Ю. З. Как Польшу «штыками прощупали» // Дилетант. 2020. № 058. С. 62–65.
[349] PINY, AMM, 1, k. 142.
[350] Нарев (бел. Нараў, пол. Narew) – река в западной Беларуси и северо-восточной Польше, правый приток Западного Буга.

Армии крайне враждебное, крестьяне угоняют скот, лошадей[351]. На занятых красноармейцами территориях фабрики стоят, снабжение армии и рабочих наладить не удалось[352]. 11 августа он же информировал Л. Д. Троцкого и ЦК РКП(б) о том, что вся военная сила Белостока и округа состоит из 70 человек. Единственный отряд, находившийся там, накануне был отправлен на фронт. Ф. Дзержинский потребовал в срочном порядке отправить для охраны Польревкома батальон ВЧК[353]. Тем не менее, надеясь на изменение военной ситуации к лучшему, 17 августа он советовал В. И. Ленину затягивать переговоры с поляками, направив к ним опытного дипломата А. А. Иоффе[354].

Председатель ВЧК полагал, что одной из причин того, что крестьянство не оказало поддержки коммунистам, стали ошибки в аграрной политике партии. 7 сентября 1919 г. комиссия ИККИ в составе Ю. Мархлевского, Н. И. Бухарина и И. И. Скворцова-Степанова утвердила тезисы по аграрной политике. В них предлагалось экспроприировать помещичьи земли, передав их в ведение фольварочных[355] комитетов, убедить крестьян, что их земли – это их неприкосновенная собственность, не призывать пока к разделу земель богатых крестьян[356]. Ф. Дзержинский же считал, что помещичьи земли следует отдать крестьянам, чтобы обеспечить их поддержку новой власти.[357]

Стоит сказать, что восприятие Советской России как агрессора, стремящегося к советизации Польши, хоть и распространено в исторической

---

[351] Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 20.
[352] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 17.; Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 19.
[353] Там же: Л. 21.
[354] Там же: Л. 26.
[355] Фольварк (пол. folwark, бел. фальварак от диалектизма нем. Vorwerk) – хутор, мыза, усадьба, обособленное поселение, принадлежащее одному владельцу, помещичье хозяйство.
[356] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 27-29.; Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 19.
[357] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 156.; Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 19.

науке, но является попытками обелить противоположную сторону. Советско-польское противостояние постепенно обострялось, и польская сторона почувствовала свою силу после определенных политических успехов, на фоне польско-украинских и польско-литовских приграничных столкновений, начавшихся фактически с момента обретения Польшей независимости в 1918 г. Постепенно со стабилизацией внутриполитической сферы и усилением реорганизованной армии, интересы Польской Республики охватывали все больше сфер на территории бывшей Российской империи. Ю. Пилсудский совершенно не скрывал своих стремлений расчленить «историческую Россию»[358] на более мелкие государственные образования. Гражданская война, полыхавшая в России и сопровождавшаяся локальными вторжениями интервентов, была тем самым необходимым условием, когда Польша могла бы взять исторический реванш.

Однако в массе своей имперские устремления польского руководства не были известны широкой общественности, в связи с чем население не могло оказать подобным планам существенной поддержки[359]. К возможной войне с Россией относились как к борьбе за упрочение границ возрожденного государства. Националисты же, активно апеллировали к прошлому, ссылаясь на границы, прочерченные до разделов Польши[360].

Советская сторона, в свою очередь, находясь в кольце врагов, воспринимала польское военное продвижение на восток как очередной марш Антанты против завоеваний революции. Обретшая независимость Польша, с точки зрения большевиков, была лишена полноценной субъектности и воспринималась скорее, как марионетка в руках французского империализма,

---

[358] Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020: сборник статей. Москва: Кучково поле, 2020. С. 4.

[359] Czubiński A. Stanowisko społeczeństwa polskiego wobec rewolucji i wojny domowej w Rosji (1917–1921) // Ewolucja systemu politycznego w Polsce w latach 1914–1998. Poznań: [b. w.], 1999. S. 48.

[360] Ларуэль М., Ривера Э. Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа. Москва: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2019. С. 9.; Булахтин М. А. Восточные границы Польши в концепции Романа Дмовского // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 156.

как антисоветский таран антисоветской же Версальской системы. «Мы знаем, что наступление Польши, – говорил В.И. Ленин 5 ноября 1920 г., – является остатками старого плана, некогда объединившего всю международную буржуазию»[361].

Между тем, Советско-польская война была, с одной стороны, войной вполне себе империалистической, за расширение границ возрожденного Польского государства, а с другой – войной контрреволюционной, ставящей целью остановить транзит идей и тенденций, еще проникавших из России. Польское буржуазное правительство объективно опасалось того влияния, которое имела красная пропаганда на умы населения. Осознавали они и ту роль «моста», позволяющего революционным силам проникнуть на запад, которую Польше назначил В. И. Ленин. Это стало ключевой причной, почему Польша начала войну, не дожидаясь позиции Антанты и Лиги Наций, пока на ее стороне было тактическое преимущество. Однако контрнаступление Красной Армии и ее поход на Варшаву в августе 1920 г., закончившийся неудачей, привел к политической изоляции КРПП и усилению буржуазии в Польском государстве.

Спровоцированный во многом подъемом левых настроений в Коминтерне (в том числе и в среде польских партийцев) западный поход, столкнулся с недооценкой политической востребованности населением революционных преобразований. Детальные исследования показывают, что большинство польских рабочих не дождались помощи Красной Армии и не приветствовали ее[362]. Несмотря на неоднократные заверения советских властей в том, что Красная Армия выступает не против польского государства или польского народа, а лишь против господства польской буржуазии, подавляющее большинство польского общества относилось к ней враждебно. Классовая трактовка истоков и характера войны 1920 г., которой

[361] Lenin W. I. Dzieła. T. 27: luty–lipiec 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1954. S. 475.
[362] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 153.

придерживались большевики, не была принята в Польше, встав в один ряд с походами Суворова и Паскевича[363].

«Красная Армия, шедшая на Варшаву под лозунгом социального освобождения, – пишет З. Залуский, – обратившаяся к польским рабочим, не была триумфально встречена на подступах к польской столице. Это было, несомненно, разочарование для русских революционеров. Об этом говорили и писали многие в 1920 г. и долгое время после него. Причины были проанализированы, но анализ лидеров часто существует наряду с сохраняющимися впечатлениями и чувствами, которые составляют взгляды людей»[364].

Более того В. И. Ленин также подчеркивал многогранный характер войны 1920 г.: «И Советская Россия выступала летом 1920 г. не только как сила, защищающаяся от насилия, от нападения польских белогвардейцев, она выступала фактически как мировая держава, способная разрушить Версальский договор и освободить сотни миллионов людей в большинстве стран мира»[365].

Принимая решение о контрнаступлении и входе на этнические польские территории, советские власти планировали в первую очередь принять меры против Версальской системы в Европе и транзита революции на запад. Несмотря на полоноцетричное восприятие истории, свойственное польской историографии, Польша в планах большевиков никогда не выходила на сколько-нибудь первичный план. «Подход нашей армии к Варшаве, – говорил В.И. Ленин, – прямо доказал, что где-то недалеко от нее находился центр тяжести системы мирового империализма, основанной на Версальском договоре. Польша, последний оплот против большевиков, полностью в руках

[363] Czubiński A. Stanowisko społeczeństwa polskiego wobec rewolucji i wojny domowej w Rosji (1917–1921) // Ewolucja systemu politycznego w Polsce w latach 1914–1998. Poznań: [b. w.], 1999. S. 60-65.
[364] Załuski Z. Drogi do pewności: [szkice historyczno-publicystyczne]. Warszawa: Iskry, 1984. S. 81.
[365] Lenin W. I. Dzieła. T. 27: luty–lipiec 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1954. S. 522.

Антанты, является настолько мощным фактором этой системы, что, когда Красная Армия угрожала этой крепости, вся система рухнула»[366].

В. И. Ленин рассчитывал прежде всего на Германию, расположенную в центре Европы, побежденную, униженную и зависимую от стран-победительниц. В данном случае немецкий реваншизм на почве поражения в Первой мировой войне виделся лидеру большевиков топливом для социальной революции[367]. Поляки, в свою очередь, традиционно боялись немецкого империализма. На фоне большевистских устремлений им также было трудно договориться с революционной Россией. Созданный в этих условиях Временный революционный комитет Польши не мог рассчитывать на понимание и массовую поддержку всего польского общества.

Поляки восприняли поход Красной Армии на Варшаву, прежде всего, как угрозу своей с таким трудом завоеванной независимости. Молодежь массово записывалась в добровольцы. За несколько недель численность Добровольческой армии достигла 104 000 человек. Можно констатировать, что в Польше война вызвала значительный рост национализма, клерикализма и консерватизма среди широких масс населения. Это привело к тому, что интернационалистические и революционные настроения среди польских рабочих и ряда представителей интеллигенции в Польше превратились в противоположные. Именно страх буржуазии перед революцией «предстал в Польше в 1920 г., несомненно, с наименее привлекательной стороны»[368]. Этот страх перед революцией привел к главному: к отвращению на идеологическо-ментальном уровне к революционному государству – России, которая еще недавно представлялась тюрьмой для польского народа. Этот исторический нарратив плотно засел в польском массовом и политическом сознании, и

[366] Lenin W. I. Dzieła. T. 27: luty–lipiec 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1954. S. 488.
[367] Czubiński A. Stanowisko społeczeństwa polskiego wobec rewolucji i wojny domowej w Rosji (1917–1921) // Ewolucja systemu politycznego w Polsce w latach 1914–1998. Poznań: [b. w.], 1999. S. 50.
[368] Załuski Z. Drogi do pewności: [szkice historyczno-publicystyczne]. Warszawa: Iskry, 1984. S.75-76.

впоследствии лишь дополнялся сюжетами, подтверждающими представления о России как совокупности всего плохого и злого, что может произойти с Польшей. Этот нарратив не преодолен до сих пор, и вряд ли польская национальная память будет способна исторгнуть его в ближайшие десятилетия.

Похожая тенденция сложилась и по другую сторону фронта. Результаты Советско-польской войны стали серьезной угрозой завоеваниям революции. Это была крупнейшая из интервенционных войн, в которой в совокупности приняли участие более 1 миллиона человек. Опыт войны 1920 г. тяжелым бременем отразился на сознании обоих народов. В Польше на долгое время ослабилось влияние и значение революционного движения и интернационалистических тенденций[369].

Выводы. Отношение польских коммунистов к войне с Польшей в 1919 г. не было монолитным, дискуссии о роли Красной Армии продолжались практически с самого начала необъявленного конфликта, однако для внешнего мира польское коммунистическое движение, во многом стоявшее на большевистских позициях, выглядело идеологически единым.

Самостоятельность, проявленная Ю. Мархлевским в вопросе мирных переговоров, свидетельствовала о его значительном положении в партийной иерархии именно в сфере «польского направления», однако эта инициатива почти сразу подверглась критике со стороны активистов КРПП в Польше, включая А. Варского, который при общем признании политической целесообразности этих действий был уверен в неизбежном аресте посредника.

Несмотря на опасения, дипломатическая миссия Ю. Мархлевского была одобрена В.И. Лениным, и 30 июня 1919 г. ЦК РКП(б) официально поручил ему переговоры с польским правительством, которые продолжались до ноября

[369] Czubiński A. Stanowisko społeczeństwa polskiego wobec rewolucji i wojny domowej w Rosji (1917–1921) // Ewolucja systemu politycznego w Polsce w latach 1914–1998. Poznań: [b. w.], 1999. S. 65.; Malinowski H. Program i polityka rolna Komunistycznej Partii Robotniczej Polski, 1918–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1964. S. 353-354.; Świetlikowa F. Komunistyczna Partia Robotnicza Polski, 1918–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1968. S. 280.

и завершились установлением перемирия, причем Ю. Пилсудский считал целесообразными контакты лишь с ограниченным кругом польских коммунистов, к числу которых принадлежал и Ю. Мархлевский.

Вопрос об обмене заложниками, по которому были достигнуты соглашения, получил неоднозначную оценку в среде польских коммунистов: на конференции в мае 1920 г. доклад секретаря Польбюро С. Братмана-Бродовского, оценивавшего обмен как выгодный для развития коммунистического движения в Польше, был принят, но не единогласно, поскольку Ю. Мархлевский, Ф. Кон и Э. Прухняк имели на этот счет иное мнение.

Провал мирных переговоров лежал в значительной степени на позиции Ю. Пилсудского, который не принял исключение большевиками пункта о ненападении на УНР, поскольку создание и выживание Украинского государства являлось для него гарантом нового политического порядка в Восточной Европе, при котором Россия перестала бы быть доминирующей державой.

Парадоксальным образом одновременно с переговорами польские войска в июне 1919 г. разгромили украинские формирования и заняли Восточную Галицию, а наступление в Белоруссии позволило захватить Минск, в результате чего неоимперская федеративная программа Ю. Пилсудского реализовывалась параллельно с дипломатическими контактами, а к осени 1919 г. ситуация достигла критической точки.

Переговоры Ю. Мархлевского с советской стороны и М. Коссаковского с польской под предлогом обмена пленными позволили большевикам сделать стратегический вывод о том, что поляки не намерены предпринимать в ближайшем будущем крупномасштабные действия, что дало советскому командованию оперативную паузу для концентрации сил против белых армий.

Московское руководство воспринимало перемирие исключительно как временную отсрочку, и по всем направлениям «польской линии» велась подготовка к будущей интервенции, в которой активное участие принимали С.

Братман-Бродовский и Ю. Мархлевский, а 15 сентября 1919 г. решением ЦК РКП(б) была создана специальная организация для координации борьбы с контрреволюцией в Польше и помощи КРПП на оккупированных поляками территориях.

Польские коммунисты осознавали, что предстоящая война потребует чрезвычайных средств и методов, включая усиленную пропаганду и агитацию среди польских солдат, рабочих, крестьянства и горожан, в связи с чем началась активная агитационная работа на Правобережной Украине и Волыни, а по решению ЦК РКП(б) стали создаваться первые польские революционные ячейки в составе губкомов и горкомов партии.

17 сентября 1919 г. начало работу Исполнительное бюро КРПП в России, объединившее членов Польбюро и Польского военно-революционного совета, включая Ю. Мархлевского, С. Братмана-Бродовского, Я. Долецкого, Ф. Кона, С. Лазоверта и С. Бобинского, и ставшее единым центром, координирующим всю работу по польскому направлению.

Польские коммунисты целенаправленно культивировали представление о масштабном участии поляков в Октябрьской революции, оценивая число польских социалистов и сочувствующих, участвовавших в установлении советской власти, примерно в 200 тысяч человек, и рассматривали этот актив как ударную силу для продвижения революции на запад.

В сентябре 1919 г. в Смоленске была создана секретная часть Польского бюро с широкими полномочиями по координации действий в польском тылу, созданию сети партийных ячеек и развитию красного партизанского движения во главе с бывшими лидерами Литбела В. Мицкевичем-Капсукасом и Я. Долецким, а в ноябре подписано соглашение с Белорусской революционной социалистической партией о формировании повстанческо-диверсионных отрядов на оккупированных территориях.

Положение советских агентов в польском тылу было исключительно опасным, поскольку они не рассматривались как военнопленные, их деятельность приравнивалась к бандитизму и наказывалась смертной казнью,

тем не менее осенью 1919 г. многие польские коммунисты ушли в партизаны, организуя крестьян и налаживая каналы для переброски агитационной литературы.

По мнению ряда исследователей, главной задачей дипломатических усилий Ю. Мархлевского была не столько организация обмена пленными, сколько оценка степени самостоятельности принимаемых Польшей решений и выяснение того, насколько позиция Ю. Пилсудского подкреплена из Парижа или Лондона, причем советское руководство склонялось ко второму варианту, но продолжало инициировать переговоры.

Пропагандистская работа большевиков велась дифференцированно с учетом межэтнических отношений: в обращениях к белорусам и украинцам акцентировалось крепостное право и эксплуатация со стороны польских помещиков, в обращениях к евреям – польский антисемитизм наряду с критикой еврейских банкиров, что должно было расколоть потенциальную солидарность угнетаемых групп.

На рубеже января-февраля 1920 г. военно-политическое руководство Советской России перешло к непосредственной подготовке конфликта: Л.Д. Троцкий сообщил Г.Е. Зиновьеву о приближении войны с Польшей и необходимости мобилизовать польских коммунистов, а Польское бюро 17 февраля 1920 г. призвало к энергичной агитационной и мобилизационной деятельности с целью поддержки советизации Польши, получив от Оргбюро РКП(б) прямой контроль над этой работой.

В Военно-революционный совет Западного фронта были делегированы польские коммунисты Я. Долецкий и К. Циховский, которые вместе с политическим комиссаром фронта И. Уншлихтом составили руководящее ядро «польской линии» в военном командовании, что институционально закрепило присутствие польских кадров в механизме подготовки интервенции.

Агитационная работа на украинских и белорусских землях получила объективное подкрепление в виде поведения польской администрации на

занятых территориях, где противодействие помещиков аграрной реформе и ужасное отношение к местному населению на практике подтверждали пропагандистские лозунги об эксплуатации украинского и белорусского крестьянина польским господином.

Польские пограничные службы фиксировали все более агрессивную антипольскую агитацию, однако примечательно, что подрывная деятельность, которая велась преимущественно силами членов КРПП и Польского бюро при ЦК РКП(б), в польской интерпретации сводилась исключительно к работе «враждебных русских элементов», что отражало этническое восприятие конфликта польской стороной.

Ситуация на «Восточных Кресах» усугублялась комплексом факторов: ревизии имущества и злоупотребления польских войск, неэффективное гражданское управление, видимое пренебрежение властей к непольскому сельскому населению и систематическое разрешение земельных споров в пользу помещиков, что формировало устойчивый негативный образ польской власти у местных жителей.

Политика Польши в пограничье отражала внутрипартийные споры во Второй Речи Посполитой и отсутствие координации между гражданской и военной администрацией, а польская община, выстраивая структуры будущей государственности, не считала целесообразным делить полученные должности с представителями других национальностей, что подрывало федеративную концепцию Ю. Пилсудского.

Белорусские крестьяне, при всех опасениях относительно большевиков и негативных факторов, связанных с их продвижением, все же рассчитывали, что советская власть принесет им раздел помещичьих земель, принадлежавших полякам, что значительно облегчало задачу коммунистической агитации в пограничье и впоследствии отразилось в поддержке военно-революционных комитетов частью местного населения.

Советская пропаганда в период подготовки к войне осуществила сложный идеологический маневр: с одной стороны, укоренился постулат о

необходимости превентивного удара по буржуазной Польше как марионетке Антанты, с другой – после занятия поляками Житомира советское руководство обратилось к национальным чувствам, призвав русский народ бороться против извечного врага, что Л. Д. Троцкий охарактеризовал фразой «страна проснулась».

Двойственный характер пропаганды проявился в том, что для польских коммунистов основными оставались лозунги советизации родины и борьбы с польской буржуазией, тогда как в обращениях к российскому пролетариату наряду с интернационалистическими воззваниями звучали мотивы защиты «святой Руси», что привлекло на сторону большевиков часть населения, не поддерживавшую их идеологию, но готовую выступить против польских оккупантов.

Эффективность апелляции к национальным ценностям подтвердилась тем, что группа пленных деникинских офицеров весной 1920 г. подала прошение о допуске к участию в войне против поляков, а общее число бывших царских офицеров, служивших в Красной Армии, за время войны с Польшей увеличилось как минимум вдвое, достигнув примерно 24 тысяч человек.

К активной пропагандистской работе подключились белорусские, украинские и еврейские социалистические и коммунистические партии, причем еврейские организации, изображая поляков как погромщиков, открывали вербовочные пункты для добровольцев в крупных городах Украины, а Политбюро еврейской Компартии «Поалей Цион» приняло решение об отправке на Западный фронт 10% личного состава.

Большевистское руководство осознавало необходимость сохранения разных пропагандистских векторов для разных аудиторий: если для населения России подъем национального духа стал важным фактором поддержки, а польские члены КРПП и РКП(б) были мотивированы идеологически, то для внутрипольской аудитории требовалась интернационалистическая и умиротворяющая риторика, что выразилось в личных указаниях В. И. Ленина

не впадать в шовинизм и всегда отличать польских панов от рабочих и крестьян.

В обращении ЦИК Советов от 7 мая 1920 г. содержались заверения, что Красная Армия не намерена навязывать коммунизм силой и что победа над польскими панами даст польскому народу право самостоятельно устроить свою жизнь, а с началом контрнаступления в июле 1920 г. и приближением к этническим польским землям пропаганда быстро переориентировалась на социально-классовые мотивы.

Создание после майской конференции 1920 г. специализированного издательства Польиздат стало важным институциональным шагом, существенно ускорившим и упорядочившим пропагандистскую кампанию, которая ранее велась бессистемно и не всегда отражала точку зрения польских коммунистов из России и Украины.

Одной из главных задач Польского бюро являлась организация массовой мобилизации среди поляков, проживающих в России, для формирования будущей «Польской Красной Армии», причем главным критерием призыва служило польское происхождение, а не политические убеждения, а основная задача сводилась к количеству рекрутов, а не к качеству их подготовки.

К середине 1920 г. мобилизационные мероприятия позволили направить на польский фронт около 800 тысяч человек, из которых 65% составляли коммунисты, а польских коммунистов мобилизовали 10 тысяч, однако инициативы Польбюро по дальнейшему увеличению их числа постоянно наталкивались на молчаливое препятствие со стороны руководства РКП(б).

На стратегическом развилке середины 1920 г. левые взгляды, подкрепленные чрезмерно оптимистичными донесениями агентов и агитаторов о слабости Польши и готовности германского пролетариата, возобладали над осторожными оценками, при этом И. Уншлихт настаивал на продолжении наступления и создании Военно-революционного комитета, тогда как группа К. Радека, Э. Прухняка и С. Будзинского 21 апреля 1920 г.

предупреждала, что вторжение на этнические польские земли вызовет подъем патриотизма и ослабит коммунистическое движение.

Несоответствие осторожной позиции части польских коммунистов оперативной линии партии привело к реорганизации Польского бюро 19 июля 1920 г., когда председателем стал Ф. Дзержинский, секретарем Э. Прухняк, а в состав руководства вошли Ю. Мархлевский, И. Уншлихт и Ф. Кон, при этом на Украине было создано польское отделение во главе с Ю. Ленским, подчиненное Ф. Дзержинскому.

В конце июля 1920 г. в Белостоке был сформирован Временный революционный комитет Польши как квазигосударственный орган, управляемый из Москвы, который должен был стать ядром будущей советской власти, причем его руководство составили польские коммунисты, совмещавшие членство в КРПП и РКП(б) и одновременно входившие в Польское бюро при ЦК РКП(б).

Идея создания такого органа возникла весной 1920 г., когда В.И. Ленин поставил перед польскими коммунистами вопрос о возможности революции в Польше после разгрома ее армии, предполагая, что Красная Армия останется там лишь на время, необходимое для создания центра революционной силы и вооружения польских рабочих, а восточные границы пройдут дальше линии Керзона.

Практическая реализация этих планов столкнулась с суровой реальностью: на занятых территориях фабрики стояли, снабжение наладить не удалось, население за рекой Нарев относилось к Красной Армии крайне враждебно, а Ф. Дзержинский докладывал, что вся военная сила Белостока и округа состоит из 70 человек, требуя в срочном порядке батальон ВЧК для охраны Польревкома и одновременно рекомендуя затягивать переговоры с поляками, а причины провала он видел в ошибках аграрной политики, предлагая немедленно передать помещичьи земли крестьянам.

Выводы по первой главе.

Проведенный анализ процесса становления в советской России в 1917–1920 гг. «польского направления» во внешней и внутренней политике и институционализации польского коммунистического движения позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, интеграция польских социалистических партий (СДКПиЛ и ППС-левицы) в российское революционное движение не была ситуативным явлением, а стала закономерным результатом многолетних организационных связей. СДКПиЛ с 1906 г. входила в состав РСДРП, а ее представители занимали видные позиции в центральных органах большевистской партии. К 1917 г. на территории Российской империи действовало около 40 групп СДКПиЛ численностью примерно 5 000 человек, а такие деятели, как Ф. Дзержинский, И. Уншлихт, Ю. Мархлевский, уже стали фигурами общероссийского масштаба. Это обеспечило польским коммунистам в советской России в 1917–1920 гг. уникальное положение, при котором они одновременно являлись частью российской революционной элиты и сохраняли тесные связи с польским рабочим движением.

Во-вторых, важнейшим фактором, определившим особый статус польских коммунистов в России, стало их численное превосходство над активом, действовавшим в самой Польше. К 1919 г. в советской России находилось не менее 18 тысяч польских коммунистов – почти вдвое больше, чем в Польше, где организацию ослабляли полицейские репрессии. Поляки составляли четвертую по численности национальную группу в РКП(б), а процент коммунистов среди польского населения советской России втрое превышал аналогичный показатель у русского населения. Эта статистико-демографическая диспропорция превращала польскую этнополитическую группу в РСФСР/СССР в главный кадровый резерв всего российского и международного польского коммунистического движения.

В-третьих, польские коммунисты сыграли ключевую роль в создании Коммунистического Интернационала. Инициатива формирования нового

международного объединения левых сил исходила в том числе от польских и немецких социалистов, объединившихся в 1916 г. в группу «Интернационал». На I конгрессе Коминтерна польскую делегацию представлял И. Уншлихт, а воззвание о созыве конгресса было подписано Ю. Мархлевским сразу после В. И. Ленина. Это обеспечило польским коммунистам прочные позиции в формирующейся международной организации и сделало их незаменимым звеном между советским руководством и европейским левым движением.

В-четвертых, внутри польского коммунистического движения с самого начала существовало фундаментальное идейно-политическое напряжение. «Автономистское» крыло, ориентированное на теоретическое наследие Р. Люксембург и связи с германской социал-демократией, отстаивало самостоятельность КРПП от РКП(б) и критиковало большевиков по вопросам демократии и национальной политики. Пробольшевистское большинство, ядро которого составляли польские коммунисты в советской России, последовательно выступало за следование ленинской линии. Это напряжение, временно купированное общностью революционных задач, впоследствии переросло в открытый конфликт, оказавший решающее воздействие на судьбу польской компартии.

В-пятых, Советско-польская война 1919–1920 гг. стала моментом наивысшей институционализации влияния польских коммунистов. Именно они выступали главными инициаторами и проводниками идеи советизации Польши, убеждая В. И. Ленина и руководство РКП(б) в неизбежности революционного перехода власти в Польше. Дипломатическая активность Ю. Мархлевского, предпринятая вопреки позиции ЦК КРПП, свидетельствовала о значительной самостоятельности польских коммунистов в вопросах «польской линии» и их способности действовать в качестве посредников между советским правительством и буржуазной Польшей.

В-шестых, создание Временного революционного комитета Польши в июле 1920 г. стало кульминацией восходящей фазы влияния польских коммунистов в РСФСР/СССР. Впервые в истории советской власти

национальная секция партии большевиков была преобразована в квазигосударственное образование, обладавшее атрибутами временного революционного правительства: правом издания декретов, собственной администрацией, вооруженными формированиями и судебными органами. Руководство Польревкома одновременно возглавляло Польское бюро ЦК РКП(б), что демонстрирует кадровую преемственность и концентрацию власти в руках одной элитной группы.

В-седьмых, однако на этапе максимализации активности польского коммунистического движения проявились его внутренние слабости. Польское население в массе своей не поддержало ни Красную Армию, ни польских коммунистов, воспринимая их как силу, навязанную извне. Аграрная политика Польревкома, отказавшегося от немедленного раздела помещичьей земли, лишила его поддержки крестьянства. Судьба проекта оказалась в прямой зависимости от военного успеха, поражение в котором в августе 1920 г. создало принципиально новую политическую реальность.

В-восьмых, итогом неудачного похода Красной Армии 1920 г. на Варшаву стала не только политическая изоляция КРПП в Польше, но и закрепление в массовом польском сознании образа советской России как экзистенциальной угрозы только что обретенной польской независимости. Это надолго ослабило революционное движение в Польше и сформировало устойчивый антисоветский нарратив, не преодоленный в польской национальной памяти до настоящего времени.

В-девятых, к концу 1920 г. сформировались конституирующие признаки уникального положения польских коммунистов в советской системе: концентрация в руках узкой элитной группы ключевых рычагов власти в сфере госбезопасности, внешней политики и коминтерновской работы, монополия на экспертное мнение по «польскому направлению», наличие собственных вооруженных формирований и образовательных структур. Эти характеристики одновременно обеспечивали беспрецедентное влияние и делали группу уязвимой, поскольку ее статус напрямую зависел от сохранения

доверия со стороны высшего партийно-государственного руководства советской России.

В-десятых, зависимость советского «польского проекта» от военного успеха Красной Армии и внешнеполитической конъюнктуры предопределила его дальнейшее ослабление. Поражение под Варшавой летом 1920 г. запустило процесс постепенной маргинализации польского коммунистического движения в советской партийно-государственной системе, который развивался на протяжении 1920-х гг. и завершился к концу 1930-х гг. полной ликвидацией польского коммунистического проекта как субъекта советской политики.

Глава 2. Организации польских коммунистов в советской России. 1917–1931 гг.

2.1. Особенности деятельности Комиссариата по польским делам в структуре Наркомата по делам национальностей РСФСР

В рамках реализации национальной политики большевиков институциональное оформление нового курса началось в первых числах ноября 1917 г. с создания Наркомата по делам национальностей[370], чей статус был нормативно закреплен решением Совнаркома от 28 ноября. Задача его организации была возложена на С. Пестковского – представителя партии социал-демократов Королевства Польского и Литвы, который одновременно занимал должность заместителя наркома Наркомата по делам национальностей, заменяя И. В. Сталина, занятого работой в Военно-революционном комитете[371].

Осенью 1918 г. Наркомат уже имел 18 национальных отделений. Комиссариат по польским делам был первым из национальных отделов (чуть позже были созданы белорусский, литовский, еврейский, армянский и мусульманский комиссариаты)[372]. Ю. Ленский (Лещинский), член Исполкома СДКПиЛ в России, был назначен комиссаром по польским делам 8 ноября 1917 г., а 11 декабря его кандидатура была официально утверждена постановлением, подписанным И. В. Сталиным. К. Циховский и С. Бобинский были назначены его заместителями, В. Матушевский стал главным секретарем Наркомата[373].

В задачи польского отделения Наркомата по делам национальностей входили «защита забытых национальных и культурных прав польского народа

---

[370] Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (НКНац, или Наркомнац) – государственный орган РСФСР по осуществлению национальной политики Советской республики, действовал с октября 1917 года по апрель 1924 года.

[371] Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1. Marzec 1917 – listopad 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962.; Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. S2.1. 171.

[372] Там же: S. 211-212.

[373] Najdus W. Lewica polska w Kraju Rad: 1918–1920. Warszawa: PWN, 1971. S. 19-21.; Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. S. 120.

в России, обеспечение общественно-государственной заботы о множестве ссыльных, пленных и польских солдат, оказание помощи искренне демократическим учреждениям в их культурной, социальной и организационной работе»[374].

Региональные подразделения Наркомата были укомплектованы активистами СДКПиЛ и ППС-левицы[375]. Однако представители социал-демократии, в основном, включились в работу отделов, связанных с идеологической и пропагандистской работой[376]: Б. Мандельбаум был назначен на должность делопроизводителя отдела культуры и просвещения, З. Фаберкевич возглавил отдела печати, а Ю. Ленский (Лещиньский) присоединился к редакции газеты «Ведомости Комиссариата», основного издания Народного комиссариата[377]. Остальные отделы возглавили: В. Матушевский (общий отдел), К. Пужак (юридический и политический отделы), Т. Жарский (отдел по делам ссыльных), С. Круликовский (отдел по делам заключенных), Д. Будняк (отдел труда) и Р. Лонгва (военное ведомство)[378].

Филиалы польской секции (так в просторечии называли Наркомат по делам Польши) постепенно создавались, главным образом, в России, на Украине и в Белоруссии, и возглавляли их обычно члены СДКПиЛ и ППС-левицы, однако, в исключительных случаях, встречались и представители ППС-фракции[379]. К членам последней относились как к «необходимому злу» и постоянно подвергали критике на страницах «Trybuny», главного печатного органа СДКПиЛ в России, созданного после Февральской революции в Петрограде. На страницах журнала сторонников революционной фракции

[374] Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1. Marzec 1917 – listopad 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 193-194.
[375] Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. S. 128.
[376] РГАСПИ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-3.
[377] Leinwand A. J. Działalność agitacyjna i propagandowa komunistów polskich w RSFRR w latach 1918–1920 // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2005. T. 40. S. 26.
[378] Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. S. 173.
[379] Najdus W. Lewica polska w Kraju Rad: 1918–1920. Warszawa: PWN, 1971. S. 36-37.

ППС именовали «социал-патриотами» и ставили под сомнение целесообразность участия последних в совместном принятии решений по вопросам, которые были «в высшей степени политическими и коренным образом связаны с продолжающейся революционной борьбой в России»[380].

В крупных городах России, подконтрольной советам, открывались представительства польской секции[381]. Среди первых 37 членов комиссии 17 принадлежали к СДКПиЛ, 10 - к ППС-левице, 10 - к фракционной части польских социалистов. Были предприняты попытки придерживаться демократического принципа, согласно которому депутат должен быть членом партии, отличной от партии членом которой являлся комиссар[382].

Позиции Наркомата по польским делам были усилены Декретом СНК от 25 декабря 1917 г., подписанным В. И. Лениным, предписывавшим комиссарам всех государственных учреждений учитывать мнение польского комиссара при издании приказов и директивы по польским делам. Это должно было относиться, в частности, к вопросам, касающимся польских солдат и беженцев[383].

Стоит подчеркнуть, что в декабре 1917 г. при Польском комиссариате была создана Комиссия по охране произведений польского искусства и памятников. Последующие переговоры Комиссии и Культурно-просветительского отдела Польского комиссариата с наркомом просвещения А. В. Луначарским завершатся публикацией в апреле следующего года «Декрета о возвращении польским трудящимся памятников культуры, искусства, науки и истории, отнятых у Польши», Ю. Ленским (Лещинским). «Указ» был опубликован в «Трибуне» 7 апреля 1918 г[384]. Этот «Декрет» вызвал

---

[380] Ślisz A. Prasa polska w Rosji w dobie wojny i rewolucji (1915–1919). Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1968. S. 293.
[381] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 261.
[382] Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. S. 174-175.
[383] Там же: S. 171.
[384] Bobińska H. Pamiętnik tamtych lat. Cz. 1. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1966. S. 172-173.; Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1. Marzec 1917

большой энтузиазм у некоторых польских коммунистов, в их числе были С. Будзинский и С. Бобинский[385]. Последнему приписываются такие слова: «Когда, где, в какую эпоху произошло такое, что правительство гораздо более сильной страны не только вернуло независимость более слабой нации, но и вернуло ей бесценные произведения ее искусства, отнятые у нее во время войн!»[386]

Чтобы защитить церковные памятники, находящиеся на территории подконтрольной большевикам территории, Ю. Ленский (Лещинский), без колебаний, назначил кураторами «исторических мест» местных католических священников (и, что не менее важно, получил согласие Наркомата просвещения)[387].

Большое внимание было также уделено вопросам образования. Ю. Ленский (Лещинский), когда-то работавший учителем в Плоцке, ценил важность образования, к тому же ликвидация неграмотности и получение образования должны были быть лучшим способом повышения «революционного сознания» масс, в данном случае польского народа. Между тем в организации образования после создания Наркомата в условиях отсутствия финансовых средств, в эпоху бесконечных миграций, продолжающихся военных действий, разрухи и нехватки преподавательских кадров возникли большие трудности. В январе 1918 г. по запросу комиссариата было выделено 6,5 млн рублей для обеспечения польских детских домов, школ и детских садов (горючее, продукты, канцелярские товары, необходимый ремонт и т. д.)[388]. Рассматривались проекты по реформированию польского образования в России: предполагалось ввести обязательную, всеобщую, бесплатную и единую «трудовую школу»,

– listopad 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 282-283.
[385] Bobińska H. Pamiętnik tamtych lat. Cz. 1. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1966. S. 175.
[386] Там же: S. 176.
[387] Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. S. 131-135.
[388] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 29.

свободную от церковного влияния, с измененной методикой обучения, организовать сеть учреждений внешкольного образования и расширить жилищную базу, включив в нее дворцы и поместья, конфискованные у их владельцев. Помимо Ю. Ленского (Лещиньского), в этой работе принимал участие Б. Мандельбаум. Эти далеко идущие планы по реформе польского образования в России не удалось реализовать: из-за тяжелого финансового положения Наркомат был вынужден закрыть некоторые учреждения, а после заключения Брестского мира и утраты значительных территорий польский отдел культуры и образования и вовсе отправил часть детей обратно в Польшу, что также повлекло за собой сокращение количества польских школ и интернатов в России[389].

Весной 1918 г. при Наркомате были учреждены инструкторские курсы для подготовки кадров для губерний, в программу которых входили лекции по марксизму, социальной политике и экономике с марксистской точки зрения. Надзор осуществлялся за школами и формами внешкольного образования, происходила национализация книжных магазинов. В рамках данной политики происходила ликвидация религиозных классов и введение запрета на институциональное взаимодействие духовенства со школами и детскими садами[390].

Польские коммунисты позже вернулись к проектам «рабочей школы» во время работы Польревкома в Белостоке, но все же в Петрограде им удалось запустить восемь специализированных курсов по подготовке политических активистов, агитаторов, инструкторов для профсоюзов, специалистов внеклассного образования, рабочих клубов, страховых учреждений, инспекторов по охране труда и технике безопасности[391]. Курсы были предназначены для подготовки специалистов, которые составят основной

[389] Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. S. 135-136.
[390] Leinwand A. J. Działalność agitacyjna i propagandowa komunistów polskich w RSFRR w latach 1918–1920 // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2005. T. 40. S. 28.
[391] Там же: S. 38.

костяк будущих строителей новой, советской Польши[392].

Наркомат по польским делам был важным инструментом советской власти, особенно в вопросах работы по «польской линии», и вскоре после своего создания активным образом пытался провести ревизию и наладить взаимодействие со всеми польскими организациями в России и на подведомственных территориях. Декретом Совнаркома Ликвидационная комиссия по делам бывшего Царства Польского была подчинена польской секции[393]. Наркомату по делам Польши переходили функции, связанные с деятельностью по репатриации и эвакуации польских беженцев из России, которыми, в основном, занималась Ликвидационная комиссия, при этом значительно возросли возможности агитации и пропаганды среди людей, ожидающих возвращения в Польшу[394].

Послереорганизации Ликвидационной комиссии в январе 1918 г., Ю. Ленский (Лещинский) предложил польским социалистическим партиям, рабочим и солдатским организациям делегировать своих представителей в Консультативный совет Комиссариата по польским делам, в результате чего был создан «Совет Польских революционно-демократических организаций». В его состав вошли по десять представителей СДКПиЛ, ППС-левица, ППС-фракция, пять представителей Центрального исполнительного аппарата Союза эвакуированных железнодорожников, Главного правления Рабочего клуба «Промень», Главного комитета Союза левых польских военных и два представителя Клуба революционных солдат[395]. В своем обращении «К польскому народу в России» Совет признал власть Совнаркома и завоевания революции, объявил об усилиях по освобождению Польши путем классовой

[392] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 29.
[393] Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. S. 97-100, 172.; Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1. Marzec 1917 – listopad 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 202.
[394] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 31.
[395] Там же: S. 31.

борьбы в сотрудничестве с пролетариатами других стран. Характер созданной организации определялся как социально-революционный институт, контролирующий деятельность Наркомата и выражающий голос общественного мнения[396].

После того как в феврале 1918 г. большинство представителей ППС-левицы и ППС-фракции вышли из Польского комиссариата, он фактически стал однопартийным органом с членами, поддерживающими политику большевиков[397]. В то же время настроения членов ППС были полярными. Сторонники революционного пути объединились вокруг группы Т. Жарского, так как не нашли поддержки в рядах ППС-фракции[398]. Однако последний, известный в партии как талантливый агитатор, сыграл важную роль в пробольшевистской агитации среди членов ППС-фракции, что в августе 1919 г. поспособствует исключению (или добровольному выходу) крайне левых из партии, которые, сформировав оппозицию ППС, будут дрейфовать в сторону объединения с КРПП[399].

В первом годовом отчете о деятельности Наркомата, Ю. Ленский (Лещиньский) пишет, что обширная агитационно-пропагандистская деятельность «пробуждала массы к политической жизни и прививала им идеи международной революции». Первый комиссар по делам Польши не без удовлетворения заявил, что «сегодня это сказывается на имущих классах в Польше»[400]. В этом контексте опасения польских властей по поводу притока масс ссыльных, «зараженных» большевизмом из России, кажутся уместными

[396] Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. S. 172-173.; Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1. Marzec 1917 – listopad 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 462-463.
[397] Ślisz A. Prasa polska w Rosji w dobie wojny i rewolucji (1915–1919). Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1968. S. 293.
[398] Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1. Marzec 1917 – listopad 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 462-463.
[399] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 32.
[400] Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1. Marzec 1917 – listopad 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 462-463.

– работа именно по этому направлению велась очень активно[401].

15 марта 1918 г. штаб-квартира Наркомата была эвакуирована из Петрограда в Москву. Было принято решение о сохранении пяти из 11 отделов: общий отдел, отдел демобилизации и возвращения в Польшу, культуры и образования, архивный отдел и отдел печати и издательского дела. Ю. Ленский (Лещинский) по-прежнему руководил Комиссариатом, но К. Циховский остался в Петрограде в качестве польского комиссара, а Э. Прухняк, бывший польский комиссар в Москве, сменил Б. Бортновского на посту генерального секретаря Наркомата. Обязанности Э. Прухняка на посту польского комиссара в Москве взял на себя Ю. Ленский (Лещинский)[402].

Комиссариат продолжил осуществлять работу с беженцеми и репатриантами, которые хотели вернуться в Польшу. Эти люди, часто не имея документов, без запасов еды финансов, больные и голодные, пытались добраться до Польши самостоятельно. Именно в этот период, учитывая нежелание властей Германии и Австро-Венгрии оказывать какую-либо помощь сотням тысяч польских беженцев, на первый план в Наркомате вышла работа отдела демобилизации и возвращения на родину соотечественников[403].

Реэмиграция и эмиграция из-за восточной границы продолжались на протяжении всей оккупации центральных держав с 1915 г. С конца марта 1918 г., после Брест-Литовского мира, масштабы явления были настолько велики, что германские и австро-венгерские оккупационные власти в Королевстве Польском ввели правила по регулировке количества прибывающих.

В 1918 г. германские власти на территории Польши постоянно направляли призывы, главным образом к интеллигенции, кто «имеет хорошо оплачиваемую работу в России», воздержаться от возвращения или выезда в

[401] Zieliński K. Władze Królestwa Polskiego wobec reemigracji z Rosji w roku 1918 // Studia Archiwalne. 2006. T. 2. S. 171-182.
[402] Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. S. 139-142.
[403] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 34.

охваченную кризисом и опустошенную Польшу[404]. Этот факт позволяет утверждать, что в этот ранний период не политические причины неприятия новой власти в России, были одной из важнейших причин отъезда поляков из России, как это было в последующие годы, особенно после советско-польской войны. Приостановление репатриации польскими автономными властями Королевства также доказывает, что в Польше, как и во всей Европе, еще не до конца осознавали, что происходит в России, или они не верили в долговечность власти большевиков[405].

Чтобы справиться с этими толпами беженцев, в том числе оказать им посильную помощь, Польский комиссариат совместно с представителями советской власти принял решение разделить Россию на зоны реэвакуации. Началась регистрация беженцев, установлен порядок репатриации, были организованы перевалочные и санитарные пункты на границе и вблизи демаркационных линий. Главные точки сбора действовали в Харькове, Екатеринбурге, Киеве, Москве, Ростове-на-Дону, Самаре, Томске, Владивостоке и Воронеже. Всю операцию должен был координировать Центральный комитет по делам пленных и беженцев при Наркомате по военным делам, созданный 28 апреля 1918 г. по решению Совнаркома и возглавляемый И. Уншлихтом[406]. Как уже упоминалось, оккупационные власти Королевства Польского, вопреки заключенным в Бресте «Положениям о реэмиграции», не хотели пропускать беженцев[407]. По словам Т. Жарского, начальника отдела ссылки Польского наркомата, в январе 1918 г. «немцы отправили обратно тех, кому удалось перейти границу»[408].

С реэмиграцией польских беженцев и репатриантов, а также развитием

---

404 AAN, PRRR, 146, k.13.

405 Zieliński K. Władze Królestwa Polskiego wobec reemigracji z Rosji w roku 1918 // Studia Archiwalne. 2006. T. 2. S. 179-180.

406 Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. S. 226.; Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. S. 144-146.

407 AAN, CKW KPRP, 397/I-28, k. 1.

408 Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1. Marzec 1917 – listopad 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 465-466.

и укреплением советской администрации задачи и полномочия Наркомата по польским делам сужались. Отдел Наркомата по реэмиграции был включен в состав Центральной комиссии о пленных и беженцах. При этом польское образование в России было передано в ведение Наркомата просвещения, вопросы социального обеспечения – в ведение Наркомата социальных дел и страхования, а военные вопросы – в штаб Западного фронта. Поэтому организационные единицы Наркомата были сокращены: отделы, занимавшиеся реэмиграцией, социальным обеспечением, военным делом, железными дорогами и т. д., были упразднены, а в конце 1918 г. сохранились лишь следующие отделы: архивно-политический и культурно-образовательный[409]. Эта реструктуризация была логичной: не было необходимости дублировать деятельность учреждений, занимающихся одними и теми же вопросами, когда учреждения советской власти уже были созданы. Этот процесс продолжался и в последующие месяцы, что означало ослабление политического значения Наркомата по польским делам[410].

Однако важная роль и значение польского направления советской политики, особенно на ранних революционных этапах, никогда не умалялась. Польские и российские коммунисты были убеждены, что революция не может обойти Польшу. Поэтому на Третьей чрезвычайной конференции групп СДКПиЛ в России, организованной 11-12 ноября, была принята позиция, что партийная работа должна быть сосредоточена на Польше, а основная работа в России должна служить подготовке кадров для разжигания и последующего руководства революцией в Польше. В Польшу предполагалось отправить организаторов и агитаторов, и одним из важнейших решений конференции было решение о переносе штаб-квартиры ЦИК групп СДКПиЛ в Россию вместе с редакцией газеты «Трибуна». Материалы польской разведки показывают, что в конце 1918 г. Наркомат направил в Польшу «20 миллионов

[409] Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. S. 152-153.
[410] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. 1918–1933 гг. Кн. 1. Москва: РОССПЭН, 2005. С. 26–27.

рублей, много папиросной бумаги», а также группы партийцев, которые, действуя под эгидой ППС-левицы и подготовленных в Москве агитаторов, должны были вести большевистскую агитацию в Польше, особенно среди учителей школ[411].

Тем временем советские войска при безучастности немцев постепенно заняли оставленные ими литовско-белорусские области, входившие в состав Обер-Оста[412], позднее Литовско-Белорусской Республики (т.н. Литбел, созданный 27 февраля 1919 г.) Это было связано с вопросом о призыве на военную службу жителей оставленных немцкими войсками территорий, значительный процент населения которых составляли поляки, и в этом вопросе определенную роль сыграл Польский комиссариат. Приказом Реввоенсовета Республики по мобилизационному управлению Всероссийского генерального штаба № 631 от 5 апреля 1919 г., подписанным заместителем Л.Д. Троцкого Э. Склянским, все прежние приказы о воинской повинности были отменены. Приказ сопровождался экспертным заключением Польского комиссариата «Об отношении советских властей к польским гражданам и польским военным беженцам, особенно к вопросу об их отношении к всеобщей обязательности военной службы». В нем показано, что Наркомат признавал право всех поляков, являвшихся беженцами с 1915 г., на возвращение в Польшу и предлагал обращаться с бывшими подданными Германии и Австро-Венгрии как с иностранцами и освобождать их от военной службы, как и с людьми, отказавшимися от российской службы. По общим принципам в армию должны быть призваны все граждане Российской Советской Федеративной Социалистической Республики[413].

---

[411] PINY, AMM, 10, k. 17-18.

[412] Ober Ost (сокращение от немецкого das Gebiet des Ober befehlshabers Ost) – сокращенное обозначение территории, находившейся в подчинении Верховного командования всеми германскими вооруженными силами на Востоке, руководства германскими войсками на Восточном фронте Первой мировой войны.

[413] Achmatowicz A., Strzyżewska Z. Powszechny obowiązek służby wojskowej Polaków w Rosji Sowieckiej. Wiosna 1919 roku. Archiwalny przyczynek do początków wojny polsko-sowieckiej // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 1998. T. 33. 154-157.

Нетрудно догадаться, что польские коммунисты были прежде всего заинтересованы в усилении «вооруженных сил» польских революционных объединений, которые должны были «добыть» Варшаву. ЦИК СДКПиЛ также, не теряя времени, обратился ко всем солдатам польского происхождения с призывом немедленно явиться в Западно-Польскую стрелковую дивизию, которая планировалась как ядро «Польской Красной Армии». Дивизия, следующая за Псковской, позже переименованной в Латышскую, должна была стать основной частью Западного фронта, а названия ее полков (Варшавский, Люблинский, Седльцкий, Сувалки, Вильнюсский и Гродненский) ясно указывали, какой будет следующая советская республика[414]. Планы создания польских вооруженных сил после начала революции в Германии основывались на двух предположениях: ожидаемом вооруженном восстании после краха немецкой оккупации и развитии партизанской войны в Польше и победоносном наступлении Красной армии, которая открыла бы путь на Варшаву польским «красным» вооруженным формированиям[415].

В то же время менялась природа Наркомата по делам национальностей. Отдельные секции-наркоматы перестали представлять (что не значит прекращение работы, особенно когда дело касается агитации и пропаганды) только беженцев и национальные меньшинства, а со временем должны были стать первыми представительствами новых советских республик и готовить для них административные кадры. Таким образом, назревала идея ликвидации Польского комиссариата и подчиненных ему подразделений. В конце ноября 1918 г. Ю. Ленский (Лещинский) передал управление наркоматом В. Миллеру и Я. Сосновскому (официально он ушел в отставку в июне следующего года), а 27 июля 1920 г. Наркомат по польским делам был заменен Польским бюро агитации и пропаганды РКП(б), в которое, впрочем, вошел весь основной

[414] Leinwand A. J. Działalność agitacyjna i propagandowa komunistów polskich w RSFRR w latach 1918–1920 // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2005. T. 40. S. 151.
[415] Świetlikowa F. Komunistyczna Partia Robotnicza Polski, 1918–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1968. S. 177.

польский коммунистический актив в России[416]. Одновременно с этим переоценивались задачи, которые советская власть ставила перед польскими коммунистами в советской России: на первый план теперь вышел вопрос подготовки революционных кадров для Польши.

Выводы. После создания в ноябре 1917 г. Наркомата по делам национальностей РСФСР (Наркомнац) был образован на правах отдела комиссариат по польским делам. Официально провозглашенные задачи польского отделения Наркомнаца включали защиту национальных и культурных прав польского народа в советской России, обеспечение заботы о ссыльных, пленных и польских солдатах, а также оказание помощи демократическим учреждениям в их культурной, социальной и организационной работе, что формировало легитимное прикрытие для развертывания более широкой политической деятельности. Региональные подразделения Наркомата по делам национальностей комплектовались преимущественно активистами СДКПиЛ и ППС-левицы, представители социал-демократии сосредоточились в отделах идеологической и пропагандистской направленности, тогда как руководство другими структурными подразделениями – общим, юридическим, политическим отделами, а также отделами по делам ссыльных, заключенных, труда и по военному ведомству было распределено между проверенными партийными кадрами из числа польских коммунистов.

Филиалы польской секции Наркомнаца создавались на территории России, Украины и Белоруссии, их возглавляли преимущественно члены СДКПиЛ и ППС-левицы, однако в отдельных случаях к работе привлекались представители ППС-фракции, которых, впрочем, рассматривали как «необходимое зло» и систематически критиковали на страницах печатного органа СДКПиЛ «Trybuna» как «социал-патриотов», ставя под сомнение

[416] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 30. Л. 1, 6-7.

целесообразность их участия в решении вопросов, имевших сугубо политический характер в государственной деятельности советской России.

В крупных городах на подконтрольной советской власти территориях открывались представительства польской секции, при формировании которых предпринимались попытки соблюдения демократического принципа представительства разных партий, что отразилось в первоначальном составе из 37 членов, где 17 принадлежали к СДКПиЛ, по 10 – к ППС-левице и ППС-фракции, а депутат должен был быть членом иной партии, нежели комиссар.

В декабре 1917 г. при польском комиссариате Наркомнаца была создана комиссия по охране произведений польского искусства и памятников, итогом переговоров которой с наркомом просвещения РСФСР А. В. Луначарским стала публикация в апреле 1918 г. «Декрета о возвращении польским трудящимся памятников культуры, искусства, науки и истории, отнятых у Польши», что вызвало значительный энтузиазм среди польских коммунистов, включая С. Будзинского и С. Бобинского, воспринимавших этот акт как беспрецедентный в истории жест доброй воли со стороны советского государства.

Для защиты церковных памятников на подконтрольной большевикам территории Ю. Ленский (Лещинский) принял неординарное решение назначить кураторами исторических мест местных католических священников, получив на это согласие Наркомата просвещения РСФСР, что демонстрировало прагматичный подход польского комиссара, ставившего сохранение национального культурного наследия выше идеологической ортодоксии. Вопросам образования в деятельности Наркомнаца уделялось особое внимание, поскольку ликвидация неграмотности рассматривалась как лучший способ повышения революционного сознания польских масс, однако реализация этих планов столкнулась с острейшими трудностями: нехваткой финансов, преподавательских кадров, разрухой и непрекращающимися миграциями населения. Т. Жарский, известный как талантливый агитатор, сыграл важную роль в пробольшевистской агитации среди членов ППС-

фракции, что в августе 1919 г. способствовало исключению или добровольному выходу крайне левых из партии, которые, сформировав оппозицию ППС, впоследствии дрейфовали в сторону объединения с КРПП.

В январе 1918 г. по запросу польского комиссариата Наркомнаца РСФСР было выделено 6,5 млн рублей на обеспечение польских детских домов, школ и детских садов, рассматривались масштабные проекты реформирования польского образования в советской России с введением обязательной всеобщей бесплатной трудовой школы, свободной от церковного влияния, однако тяжелое финансовое положение, заключение Брестского мира и утрата территорий вынудили закрыть ряд учреждений и отправить часть детей в Польшу.

Весной 1918 г. при польском комиссариате Наркомнаца были учреждены инструкторские курсы для подготовки кадров с программой, включавшей лекции по марксизму, социальной политике и экономике с марксистской точки зрения, осуществлялся надзор за школами и внешкольным образованием, проводилась национализация книжных магазинов, ликвидация религиозных классов и запрет на институциональное взаимодействие духовенства с образовательными учреждениями. Польским коммунистам удалось организовать в Петрограде восемь специализированных курсов по подготовке политических активистов, агитаторов, инструкторов для профсоюзов, специалистов внеклассного образования, рабочих клубов, страховых учреждений, инспекторов по охране труда и технике безопасности, причем эти курсы целенаправленно готовили кадры для строительства в будущем советской Польши.

После реорганизации ликвидационной комиссии Народного коммисариата по делам национальностей в январе 1918 г. Ю. Ленский (Лещинский) инициировал создание «Совета Польских революционно-демократических организаций» как консультативного органа при Наркомнаце, в который вошли представители СДКПиЛ, ППС-левицы, ППС-фракции, а также делегаты от рабочих, солдатских и профессиональных организаций, что

должно было обеспечить видимость широкой общественной поддержки. В обращении «К польскому народу в России» этот совет признал власть Совнаркома РСФСР и завоевания революции, объявил об усилиях по освобождению Польши путем классовой борьбы в сотрудничестве с пролетариатами других стран, а характер созданной организации определял как социально-революционный институт, контролирующий деятельность Наркомнац и выражающий голос общественного мнения.

В первом отчете за год о деятельности польского комиссариата Наркомнаца Ю. Ленский (Лещинский) с удовлетворением констатировал, что обширная агитационно-пропагандистская деятельность пробуждала массы к политической жизни и прививала им идеи международной революции, причем эта работа уже сказывалась на имущих классах в Польше, что делало обоснованными опасения польских властей по поводу притока «зараженных» большевизмом репатриантов.

15 марта 1918 г. штаб-квартира польского комиссариата Наркомнаца РСФСР была эвакуирована из Петрограда в Москву, из одиннадцати отделов было решено сохранить пять – общий, демобилизации и возвращения в Польшу, культуры и образования, архивный и печати, причем Ю. Ленский (Лещинский) сохранил пост руководителя, К. Циховский остался польским комиссаром в Петрограде, а Э. Прухняк сменил Б. Бортновского на посту генерального секретаря.

В условиях нежелания властей Германии и Австро-Венгрии оказывать помощь сотням тысяч польских беженцев на первый план в работе польского комиссариата Наркомнаца РСФСР вышла деятельность отдела демобилизации и возвращения на родину, поскольку множество людей, лишенных документов, продовольствия и финансов, больных и голодных, пытались выехать в Польшу самостоятельно. Масштабы реэмиграции после Брест-Литовского мира были настолько значительны, что германские и австро-венгерские оккупационные власти в Королевстве Польском были вынуждены ввести правила регулирования количества прибывающих, а в 1918 г.

германские власти постоянно призывали интеллигенцию, имевшую хорошо оплачиваемую работу в России, воздержаться от возвращения в охваченную кризисом Польшу, что свидетельствует о доминировании экономических, а не политических причин отъезда. Приостановление репатриации польскими автономными властями Королевства доказывает, что в Польше, как и во всей Европе, еще не до конца осознавали происходящее в России или не верили в долговечность власти большевиков, что создавало относительно благоприятные условия для работы польского комиссариата Наркомнаца РСФСР.

Для упорядочения работы польского комиссариата Наркомнаца РСФСР с массами беженцев его руководители совместно с представителями советской власти разделили территории России на зоны реэвакуации, организовали регистрацию, установили порядок репатриации, создали перевалочные и санитарные пункты в Харькове, Екатеринбурге, Киеве, Москве, Ростове-на-Дону, Самаре, Томске, Владивостоке и Воронеже, а общую координацию осуществлял Центральный комитет по делам пленных и беженцев при Наркомате по военным делам РСФСР, созданном 28 апреля 1918 г. и возглавляемом И. Уншлихтом.

Вопреки заключенным в Брест-Литовском мирном договоре положениям о реэмиграции, оккупационные власти Королевства Польского не хотели пропускать беженцев, и, по свидетельству Т. Жарского, начальника отдела ссылки польского комиссариата Наркомнаца РСФСР, уже в январе 1918 г. германские власти отправляли обратно тех, кому удавалось незаконно преодолеть границу.

По мере развития и укрепления советской администрации задачи и полномочия польского комиссариата Наркомнаца РСФСР закономерно сужались: отдел реэмиграции был включен в состав Центральной комиссии о пленных и беженцах, польское образование передано Наркомату просвещения РСФСР, социальное обеспечение – Наркомату социальных дел РСФСР, военные вопросы – штабу Западного фронта, а к концу 1918 г. сохранились

лишь архивно-политический и культурно-образовательный отделения. Процесс реструктуризации и ослабления политического значения польского комиссариата Наркомнаца РСФСР был логичным следствием создания общесоветских учреждений, делавших излишним дублирование функций, однако это не означало снижения значимости польского направления советской политики в целом, поскольку польские и российские коммунисты были убеждены, что революция не может обойти Польшу.

Материалы польской разведки свидетельствуют, что в конце 1918 г. польский комиссариат Наркомнаца РСФСР направил в Польшу значительные финансовые средства – 20 млн рублей, а также группы партийцев, которые под эгидой ППС-левицы и подготовленных в Москве агитаторов должны были вести большевистскую агитацию, особенно среди учителей школ, что подтверждает целенаправленную работу комиссариата по экспорту революции.

Вопрос о призыве на военную службу жителей оставленных немецкими войсками литовско-белорусских территорий, значительный процент которых составляли поляки, решался при непосредственном участии польского комиссариата Наркомнаца РСФСР, подготовившего экспертное заключение, на основании которого приказом Реввоенсовета Республики № 631 от 5 апреля 1919 г. все прежние приказы о воинской повинности были отменены, а бывшие подданные Германии и Австро-Венгрии освобождались от службы как иностранцы. Данное экспертное заключение польского комиссариата Наркомнаца РСФСР признавало право всех поляков, являвшихся беженцами с 1915 г., на возвращение в Польшу и предлагало освобождать от военной службы лиц, отказавшихся от российского подданства, что формально защищало интересы польского населения, но одновременно высвобождало кадры для формирования польских революционных вооруженных сил в советской России. ЦИК СДКПиЛ в этой связи незамедлительно обратился ко всем солдатам польского происхождения с призывом явиться в Западно-Польскую стрелковую дивизию, которая планировалась как ядро «Польской

Красной Армии», а названия ее полков – Варшавский, Люблинский, Седлецкий, Сувалкский, Вильнюсский и Гродненский – недвусмысленно указывали на грядущее направление советских ударов.

Планы создания польских вооруженных сил после начала в ноябре 1918 г. революционных событий в Германии основывались на двух предположениях: ожидаемом вооруженном восстании после краха немецкой оккупации с развитием партизанской войны в Польше и победоносном наступлении Красной Армии, которая открыла бы путь на Варшаву польским «красным» формированиям. В этой связи по мере изменения структуры Наркомнаца РСФСР его отдельные секции (наркоматы) переставали представлять только беженцев и национальные меньшинства, а должны были становиться первыми представительствами будущих советских республик и готовить для них административные кадры, что делало логичной назревавшую ликвидацию польского комиссариата Наркомнаца РСФСР и подчиненных ему подразделений.

2.2. Временный революционный комитет Польши (Польревком): опыт создания квазигосударственного органа советской власти на польских землях. Июль – август 1920 г.

Временный революционный комитет Польши (Польревком), существовавший с 30 июля по 20 августа 1920 г., представлял собой первый и единственный опыт создания на польской территории, ранее входившей в состав Российской империи, квазигосударственного органа советской власти. Он должен был взять на себя функции временного революционного правительства на территориях, занятых Красной Армией, организовать систему управления, провести первые социалистические преобразования и подготовить передачу власти будущему правительству Польской Советской Республики (ПСР). Несмотря на кратковременность своего существования, Польревком стал наиболее масштабной попыткой практической реализации планов руководства РСФСР по советизации Польши и рассматривался как важный этап в стратегии распространения революции на Запад.

Однако Польревком не был создан с нуля. Его организационной и кадровой основой стало Польское бюро ЦК РКП(б), действовавшее с конца 1918 г. и объединявшее польских коммунистов, работавших в советской России. Поэтому анализ деятельности Польревкома невозможен без рассмотрения истории Польского бюро, его функций и места в советской партийно-государственной системе.

Создание Польского бюро, как и других национальных секций РКП(б), было одним из следствий ранней политики коренизации – первого этапа советской национальной политики, заключавшегося в попытках снизить межнациональный антагонизм посредством активного продвижения концепции интернационализма при одновременном подчеркивании связи коммунистической партии с местными этническими группами и их борьбой за культурную идентичность. Через национальный подход большевики стремились привлечь национальные меньшинства к коммунистической

идеологии[417].

Однако на реализацию данного намерения влияли весьма важные факторы, такие как, например, демографический. Например, в России проживало значительное польское население, а среди большевиков было много видных деятелей польского происхождения, занимавших различные посты в дипломатическом и силовом блоках. Именно эти факторы обуславливали особую роль польских этнополитических организаций в советской политической системе.

Первые годы своего существования деятельность Польского бюро ЦК РКП(б), как и Польревкома, определялась двумя вопросами, имеющими решающее значение для выживания молодого советского государства – РСФСР: гражданской войной и войной с Польшей. Задачи Польского бюро в этот период также были строго подчинены нуждам военного времени. Польские коммунисты выступали с позиции активной поддержкой военных действий советской России, т.к. в случае победоносной войны с Польшей они видели, прежде всего, шанс создать Польскую Республику Советов. Польские и отечественные историки сходятся во мнении, что Польское бюро при ЦК РКП(б) – «орган, расположенный на низком уровне в иерархии власти, но очень важный в контексте советских отношений с Польшей», позиция которого стала одним из факторов, подтолкнувших В. И. Ленина к конфронтации с Варшавой[418].

В Польское бюро при ЦК РКП(б) входили три отдела (агитпроп, издательский и учетный), а также секретная часть, управление делами, партийный архив и библиотека. Заседания проходили на каждой неделе, как правило в четверг, в присутствии членов бюро, представителей польской компартии, исполкома Коминтерна, заведующих польскими секциями наркоматов и др. Отделы Польбюро подчинялись в своей работе

[417] Brubaker R. Nacjonalizm inaczej: struktura narodowa i kwestie narodowe w nowej Europie. Warszawa; Kraków: PWN, 1998. S. 31.
[418] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 87, 184-185.

соответствующим отделам ЦК РКП(б), а при выполнении «специальных заданий» по «сложным и основным вопросам» – непосредственно Секретариату ЦК РКП(б)[419]. В числе этих «специальных заданий» помимо осведомительской работы («информационной») о «взглядах, настроениях и потребностях» польского населения РСФСР, Польское бюро было призвано вместе с ВЧК-ГПУ РСФСР бороться «с польской контрреволюцией и шпионажем», «рекомендовать сотрудников» и давать «заключение по отдельным вопросам»[420]. В помощь НКИД РСФСР Польское бюро при ЦК РКП(б) должно было участвовать в отборе персонала в «личный состав миссий и различных комиссий» для Польши, давать «заключение по нотам и переговорам», а также – «соображения и материалы к нотам». Причем НКИД РСФСР обязывался присылать в Польбюро «все материалы, касающиеся отношений с Польшей или непосредственно имеющие касательство к Польше»[421].

Польские коммунисты через отделения Польбюро внесли большой вклад в мобилизацию (как политическую, так и военную) польского населения в советской России и на территориях, контролируемых большевиками[422]. Они также оказали неоценимые услуги в организации аппарата агитации и пропаганды, адресованной полякам в России, беженцам и военным мигрантам, польским войскам и военнопленным и, наконец, в организации Польской Красной Армии[423]. Отступление войск Ю. Пилсудского и С. В. Петлюры, а затем вступление Красной Армии на территорию, которую руководство РКП(б) рассматривало как этнически польскую бывшую часть Российской

[419] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 6-7.
[420] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 168. Л. 1-2, 3, 6-8.
[421] Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. С. 23.
[422] Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. S. 6.
[423] Найдус В. Участие поляков в Октябрьской революции. Варшава: Полония, 1967. С. 76, 78-80.

империи, означали столкновение планов и надежд польских коммунистов, их организационной эффективности с польской действительностью. Продвижение Красной Армии на Запад побудило В. И. Ленина поддержать их требование об установлении института революционной власти на польской земле – Временного революционного комитета Польши, который должен был стать прообразом государственных институтов будущей советской Польши.

18 июля 1920 г. в Москве состоялось собрание членов Польского бюро агитации и пропаганды ЦК РКП, как на тот момент официально именовалось Польбюро. На заседании присутствовали наиболее лояльные ленинским позициям коммунисты: Э. Прухняк, Ф. Дзержинский, С. Пестковский и А. Альский, представитель РКП(б). Последний, наряду с Э. Прухняком и Ф. Дзержинским, стал членом комиссии, которой было поручено провести мобилизационную акцию среди польских коммунистов в советской России. Самое главное, что на совещании были утверждены кандидатуры в Польское бюро ЦК РКП(б), из которого после вхождения частей Красной Армии на польские земли должен быть выделен Польский временный революционный комитет[424], известный также как Польревком.

Ф. Дзержинский должен был стать председателем, Э. Прухняк – секретарем, а Ф. Кон, Ю. Мархлевский и И. Уншлихт были предложены в качестве членов комитета. Этот орган из 5 человек, состав которого вместе с решениями собрания был утвержден ЦК РКП(б) 19 июля 1920 г., обладал широчайшими компетенциями в проведении пропагандистско-агитационной и партийно-организационной деятельности. Московский офис (именуемый также малым польским офисом) должен был стать филиалом Польревкома в России с задачей поддерживать прямую связь с ЦК РКП(б). С этой целью в Москве временно оставались С. Дзержинская и член высшего руководства Польревкома – Э. Прухняк[425].

[424] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 312.
[425] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 145, 150.

Задачей комитета было издать манифест, провозглашающий создание Польской Социалистической Республики Советов, объявить программу и осуществлять власть до тех пор, пока в Варшаве не будет установлено революционное правительство. Варшавское правительство должно было быть избрано польским пролетариатом, так как даже в среде членов КРПП, находящихся в Польше и в эмиграции в Берлине, многие воспринимали власть, реализуемую Польревкомом как навязанную из Москвы[426].

Фактически произошло изменение названия Польского бюро агитации и пропаганды, действовавшего с 1918 г., на Польское бюро, а выделение из него Польревкома было формальным, так как в руководстве обеих организаций значились одни и те же персоналии. Польревком расширял полномочия Польского бюро, продолжая его деятельность, осуществляя связь с представителями КРПП в Польше. Это был важный аспект, ибо подразумевалось (по крайней мере, декларативно), что при установлении новой власти польские коммунисты из Польши и России должны иметь равное положение в советской Польше. Однако, по сути, Польревком был организацией, выделенной из Польбюро и строго контролируемой руководителями партии большевиков[427].

23 июля 1920 г. члены Польбюро отправились из Москвы в Смоленск для создания Временного революционного комитета Польши. Официально руководителем значился Ю. Мархлевский, но, по сути, основные управленческие функции принадлежали Ф. Дзержинскому. От Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, которую он возглавлял, поступил один миллиард рублей кредита советского правительства,

[426] Żenczykowski T. Dwa komitety 1920–1944: Polska w planach Lenina i Stalina. Warszawa: Spotkania, 1990. S. 30-31.

[427] Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. S. 7-8.; Силкин А. А. «Ночью по ВЧК арестован товарищ заведующий»: ликвидация Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б) в 1921 году // Славяноведение. 2021. № 5. С. 16-32. DOI 10.31857/S0869544X0016742-9. С. 16-32.

предоставленного Польревкому, базировавшемуся в Белостоке. Как предполагают некоторые польские исследователи, мнение о Ф. Дзержинском в Польше было таковым, что официальным главой комитета назначили не его во избежание негатива со стороны населения[428].

Комитет должен был взять на себя административную и политическую власть на занятых польских территориях, а затем, после захвата Варшавы, передать ее Коммунистической рабочей партии Польши. Впервые съезд КРПП состоялся 24 июля в Смоленске, в нем приняли участие Ю. Мархлевский, Ф. Кон и Ф. Дзержинский. Э. Прухняк остался в Москве, где ему предстояло руководить мобилизацией польских коммунистов, а И. Уншлихт оставался в Лиде. 30 июля комитет в сокращенном составе прибыл в Белосток[429]. Всего через два дня состоялся массовый митинг, на котором выступили Ю. Мархлевский, М.Н. Тухачевский и И.И. Скворцов-Степанов, польскоязычный представитель партии большевиков. Коммунистический митинг превратился в многотысячное собрание, к которому присоединилась демонстрация железнодорожников, решивших поддержать Польревком[430].

Главной задачей Польревкома было создание военно-гражданских коммунистических администраций на территориях, занятых Красной Армией, однако представители последней еще до создания Польревкома начали организовывать красноармейские ревкомы, которые не всегда были готовы делиться властью. Согласно руководящим указаниям, «армейские» ревкомы были организованы иерархически: создавались коммунальные, городские и районные военно-революционные комитеты, а их деятельность должны были координировать и контролировать отделы ревкомов, созданные на уровне

---

[428] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 188-190.; Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 312.

[429] Samuś P. Najnowsze badania dziejów SDKPiL // Z Pola Walki. 1982. № 3/4. S. 147.

[430] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 188, 190.; Najdus W. Lewica polska w Kraju Rad: 1918–1920. Warszawa: PWN, 1971. S. 304-305.

дивизий и армий. Все эти органы должны были быть подчинены Военно-революционному совету армии, действующему в данном районе[431].

В июле 1920 г. были сформированы самые первые ревкомы, подчиненные непосредственно Польревкому, на территории нынешней северо-восточной и восточной Польши[432]. Как сообщали представители буржуазной польской администрации, большевики умело организовывали общественные собрания в занятых населенных пунктах. Играла музыка, собирая уличные толпы на площадь посреди города, а комиссары верхом на лошадях или с трибуны обращались к зрителям. После окончания одной речи снова играла музыка, затем следовала следующая речь и т.д.[433] Речи произносились на русском, еврейском и польском языках. Представители близких к большевикам профсоюзов, прежде всего крестьянских, выступали среди местных жителей. Обращается отдельное внимание на то, что еврейское население, за исключением богатых, крайне позитивно было настроено к большевикам, а его представители пытались проникнуть в большевистские комитеты и учреждения[434].

Затем выбирались члены ревкомов, и недостатка в добровольцах обычно не было. Ревкомы, как правило, возглавлялись военным комиссаром и гражданским комиссаром, причем последний обычно назначался из числа местного населения. В зависимости от характера ревкома это были рабочие, ремесленники или сельские работники[435]. В некоторых поселениях в советские органы управления входили исключительно евреи. Включение последних в ревкомы воспринималось советской властью как правильное решение, ибо они выражали нескрываемую лояльность к большевикам, но зато вызвало еще

[431]Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 311.
[432] РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 24. Л. 76.
[433] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 72.
[434] APL, SPR, 1, k. 25.
[435] РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 27. Л. 77, 82-84, 92-94.

большее отвращение к большевикам среди польского населения[436]. При этом, антибольшевистские выступления возникали на территориях, занятых Красной Армией, на которых евреев не было вообще или было незначительное их количество[437].

Задачей ревкомов было создание народного ополчения, обеспечение продовольствием и рабочей силой, транспортными средствами Красной Армии, снабжение населения. Существовали также революционные трибуналы с правом наказывать «противников народной власти» смертной казнью. Казни проводились сотрудниками милиции, набранной из местного населения. Бытовые вопросы разрешались народными судами в составе трех судей, избираемых из рабочих и сельских комитетов. В ряды народного ополчения входили польские коммунисты, рабочие и безземельные крестьяне, а также члены еврейских рабочих партий: Бунда, Поале Цион, Фарейнигте[438].

При Польревкоме были созданы следующие отделы: хозяйственный, канцелярский, финансовый, социальный, здравохранительный, трудовой, городского хозяйства, жилищный, юридический, почтово-телеграфный, отделы просвещения и полиграфии. Количество отделов не было постоянным, они создавались в зависимости от потребностей и кадровых возможностей. Большое значение придавалось пропаганде и агитации среди молодежи, последних поощряли создавать молодежные коммунистические организации и вступать в партию. Филиалы Союза коммунистической молодежи должны были обеспечивать моральный дух и политическую сознательность молодого населения.

Руководство Польбюро позаботилось о том, чтобы в состав Союза

---

[436] Nordon H. The Education of a Polish Jew: a physician's war memoirs. New York: Grossman, 1982. P. 43.

[437] Bäcker R. Polska Partia Socjalistyczna wobec Traktatu Ryskiego // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. S. 234.; Reguła J. A. Historia Komunistycznej Partii Polski w świetle faktów i dokumentów [J. Mützenmacher]. 2-e wyd., rozszerzone i uzupełnione. Warszawa: nakład autorski: Drukprasa, 1934. S. 34.

[438] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 332, 324-325.

входили молодые сотрудники отделов Польревкома, особенно отдела агитации и пропаганды[439]. Практически до момента вывода войск с занятых польских территорий, для работы с молодежью делегировались опытные члены Польбюро из России и члены КРПП, поддерживающие большевистскую линию[440]. Районный красноармейский ревком в Белостоке был создан за два дня до начала работы Польревкома. В его руководство вошли польские партийцы В. Богуцкий, Ю. Юзефович и Р. Лонгва, им предстояло заниматься рекрутированием польского пролетариатаво во 2-й Белостокский стрелковый полк Красного Войска Польского[441].

Польревком, хотя и имел сопротивление со стороны армейского руководства, все-таки взял бразды правления в Белостокской области в соответствии с руководящими принципами работы, в которых говорилось, что в городах, занятых Красной Армией, «будут созданы революционные комитеты, и их первой задачей является назначать советы рабочих делегатов и фабрично-крестьянские комитеты, которые составляют основу будущей пролетарской власти»[442]. Согласно изданному в сентябре 1919 г. декрету о создании революционных комитетов на польских землях, они должны были вслед за Красной Армией «взять на себя административную власть, ввести советские порядки» и обеспечить, чтобы результатом их появления сразу же после ухода поляков было бы «стихийное революционное движение»[443].

Важнейшим документом, изданным в Белостоке по случаю этой «стихийной вспышки», должен был стать «Манифест к польским трудящимся городов и деревень» от 30 июля 1920 г.[444] Вероятно, он издавался в Вильнюсе,

---

[439] РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 24. Л. 14.
[440] Там же: Л. 27.
[441] РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 27. Л. 70.; Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 327-328.
[442] Zieliński, K. Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 296.
[443] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 312.
[444] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 297.

но выбор Белостока как города, принадлежность которого к Польше не подвергалась сомнению большевиками, в качестве места публикации «манифеста», был не случаен. Несмотря на значительное польское население и культурно-исторические связи, Вильнюс не рассматривался как составная часть Польской Советской республики[445]. Подписанное всеми членами (в некоторых версиях имя И. Уншлихта отсутствует), оно гласило: «Час освобождения настал. Трудящиеся Польши, освободившиеся от ига капиталистов, помещиков, вымогателей и эксплуататоров, берут свою судьбу в свои руки»[446].

В документе также рассказывалось о создании Польревкома, подчеркивался классовый характер войны и объявлялось, что Красная Армия является союзником польских трудящихся и уйдет из страны, как только будет установлен социалистический строй − система, которая обеспечила бы прочный мир между Польшей и Россией. Польская Советская Социалистическая Республика должна была стать независимым государственным образованием, находящимся в союзе с другими советскими республиками. Польревком должен был осуществлять власть до тех пор, пока она не перейдет к рабоче-крестьянскому правительству, выбранному съездом рабочих и крестьянских делегатов. Существовавшее на тот период польское правительство должно было лишиться всякой власти, т.к. будет объявлена национализация промышленности, земель и лесов, которыми должны были управлять фабрично-крестьянские комитеты, гарантировалась неприкосновенность крестьянских хозяйств и безопасность лояльных граждан[447].

Разделение обязанностей во Временном революционном комитете

[445] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 313.
[446] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 146.
[447] Там же: 146-147.

Польши первоначально было согласовано 4 августа 1920 г.[448] Ю. Мархлевский, помимо председательства, должен был заниматься экономическими вопросами. Ф. Дзержинский − вопросами войны и госбезопасности, а также отвечал за внутренние и внешние связи. Ф. Кону поручили отдел пропаганды и публикаций. Э. Прухняк занял должность секретаря Польревкома. Отделы возглавляли полномочные представители Польского бюро, в их число входили Б. Закс – отдел по вопросам промышленности. С. Гельтман – сельское хозяйство и продовольствие. С. Бобинский – лесное хозяйство. С. Пилавский – отдел юстиции и общественной безопасности. А. Яблонский курировал военный отдел[449]. Т. Радванский руководил отделом агитации, пропаганды и издательского дела. Я. Долецкий был начальником административного отдела. Я. Гельтман возглавляла педагогический отдел. Ю. Юзефович курировал деятельность профсоюзов[450].

Бурное организационное развитие Польревкома произошло после прибытия в распоряжение организации группы польских коммунистов из России в составе трех сотен человек. 11 августа 1920 г. состоялось собрание Польревкома. В конечном итоге было создано 15 ведомств, и 16 августа Польревком номинально взял на себя военно-гражданскую власть на всей подконтрольной ему территории[451].

На территориях Польши, занятых Красной Армией, было создано около 70 ревкомов, в которых работали представители Польского бюро, а также местные коммунисты и беспартийные[452]. Среди местных коммунистов, прежде всего, включались члены КРПП. Представители Бунда, за исключением Белостока, где несколько десятков из них вызвались вступить в

[448] РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 27. Л. 67.
[449] Miodowski A. Polish Revolutionary Formations In The Red Army Structures (1918–1921). Białystok: PRYMAT, 2017. P. 68.
[450] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 148.
[451] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 322.
[452] Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 149-150.

Польревком, старались избегать работы в новой советской администрации[453]. Членов ППС сами большевики редко привлекали к работе в комитетах[454]. Были случаи, когда представители польских социалистов, вступая в провинциальные ревкомы, руководствовались не идеологическими соображениями, а, действуя как агенты «Союза обороны Отчизны», рассчитывали на возможность ведения диверсионной деятельности против советской власти[455].

Однако случалось и обратное: члены ППС участвовали в 11 из 15 ревкомов – территориальных отделений Польревкома, и «хотя участие в диверсиях и саботаже против большевистского правительства нельзя исключать, наличие в составе ревкомов столь весомого количества членов ППС свидетельствует о значительном распространении коммунистических настроений среди польских социалистов»[456]. Поддержка коммунистов среди членов партии, была тем сильнее, чем сильнее проявлялось экономическое неравенство в их жизни, многие члены левых профсоюзов и крестьянская беднота с интересом наблюдали за деятельностью большевиков, в перспективе представляя их электорат. Эти тенденции начали ослабевать лишь тогда, когда возникла угроза Варшаве, а затем началось контрнаступление польских войск[457].

Период существования Польревкома был недолгий, так и не ставший

---

[453] Kessler M. Bund a Socjalistyczna Międzynarodówka Robotnicza // Bund: 100 lat historii 1897–1997. Warszawa: Volumen, 2000. 93-108.; Minczeles H. Główne etapy historii Bundu w Polsce // Bund: 100 lat historii 1897–1997. Warszawa: Volumen, 2000. S. 57–66.; Schapiro L. The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement // The Slavonic and East European Review. 1961. Vol. 40, № 94. P. 148–167. DOI 10.2307/4209935. P. 167.

[454] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 149-150; Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 387-388; Sztop-Rutkowska K. Próba dialogu: Polacy i Żydzi w międzywojennym Białymstoku. Kraków: Nomos, 2008. S. 264-266.

[455] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 331.

[456] Bäcker R. Polska Partia Socjalistyczna wobec Traktatu Ryskiego // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. S. 224.

[457] Там же: S. 224-225.

правительством Польской Советской республики, он действовал 3 недели и 2 дня, осуществляя контроль над территорией, простирающейся от линии фронта на западе и юге до границы с Восточной Пруссией на севере и до границы воссозданной Белорусской Советской Социалистической Республики за рекой Буг на востоке. Воеводства были переименованы по советскому образцу в области. Местная администрация состояла из нескольких десятков ревкомов, членами которых были, во многом, представители КРПП и Польского бюро[458]. Признанные государственными русский язык и идиш были быстро заброшены в социально-административной работе, а польский язык был восстановлен в качестве официального языка[459]. Однако среди представителей на местах были не только польские коммунисты, имелось немало русских и коммунистов еврейского происхождения, которые, в основном, владели разговорным польским языком и могли читать на нем[460].

Переписка Польревкома с Белостокским комитетом КРПП и городскими командирами В. Лагуновским и Ф. Дзержинским показывает, что руководитель ВЧК требовал от командира «представить ежедневный и личный доклад»[461]. Польревком осуществлял власть на всех «освобожденных» Красной Армией территориях, однако постоянно имел конфликты с армейским командованием и представителями из назначаемых ими комитетов, которые зачастую не знали ни местных условий, ни даже польского языка. К направленным Польревкомом инструкторам и агитаторам военные 16-й армии относились по-разному[462]. Ю. Миценмахер (Я.А. Регула) прямо писала о пренебрежении «этническими русскими-большевиками к действиям польских коммунистов»[463].

---

458 РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 24. Л. 12, 13.
459 Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006.. S. 190-192.
460 РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 27. Л. 10-44, 77, 82-84, 92-94.
461 РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 24. Л. 8, 12.; Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 299.
462 РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 27. Л. 77, 82-84, 92-94.
463 Reguła J. A. Historia Komunistycznej Partii Polski w świetle faktów i dokumentów [J.

Администрации, подчиненные Польревкому, часто вступали в конфликты по поводу полномочий с военной администрацией. Лишь соглашение между Ю. Мархлевским и членами и Военно-революционного совета Западного фронта, частично нормализовало ситуацию[464]. Тем не менее негативное впечатление, которое военные комитеты произвели на местных жителей, сохранилось и повлияло на отношение населения к Польревкому[465]. Как и раньше, после соглашения между Ю. Мархлевским и руководством РККА, многие советские граждане, задействованные на фронте, принимали участие в организации районных и сельских ревкомов. В их число входили многие солдаты Красной Армии, а также польские и еврейские коммунисты, зачастую прибывшие из России[466].

Несмотря на трудности, за короткий срок была объявлена национализация фабрик, введен 8-часовой рабочий день, а по согласованию с Военной чрезвычайной комиссией и Белостокским ревкомом введен специальный «налог на буржуазию»[467]. Также велась подготовка к выборам в будущие советы[468]. Польревком всячески поддерживал отделение церкви от государства, свободу вероисповедания, свободу совести (была принята соответствующая декларация), объединений, слова и печати. Планировалось также заняться общественной культурой и культурным наследием Польши. Один из первых приказов Польревкома касался «Охраны произведений искусства и науки в народных усадьбах»[469].

Mützenmacher]. 2-e wyd., rozszerzone i uzupełnione. Warszawa: nakład autorski: Drukprasa, 1934. S. 34.

[464] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 149.; Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 328.

[465] Szczepański J. Wojna 1920 na Mazowszu i Podlasiu. Warszawa; Pułtusk: WSH, 1995. S. 36.

[466] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 328-329.

[467] РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 24. Л. 54.

[468] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 190-192.

[469] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 320.

Школьному и среднеспециальному образованию было отведено исключительно большое внимание, оно должно было быть бесплатным, совместным и универсальным[470]. Отдел народного образования, возглавляемый Я. Гельтман, был разделен на ряд специализированных подразделений. В состав отдела входили: главный аппарат, отдел изобразительного искусства, школьный отдел, дошкольное и внешкольное отделения, отдел профессионально-технического образования, финансовый отдел, также были созданы секции по образованию среди национальных меньшинств, евреев и белорусов[471]. На страницах издаваемой Польревкомом газеты «Гонец Червоны» шла дискуссия о советских школах будущего – так называемых рабочих школах[472].

Примечательно, что в вопросах организации образования возникли споры с группой еврейских активистов, занявших ключевые посты в министерстве просвещения революционного комитета, созданного сразу после занятия Белостока Красной Армией, еще до прибытия членов Польревкома в город. Эти активисты организовали польский отдел министерства образования, что могло свидетельствовать о том, что они считают поляков меньшинством или убеждены, что русский будет первым и официальным языком. Ф. Кон, который после прибытия в Белосток «взял на себя управление школьной системой, очень энергично указывал этим господам на их неправоту и говорил им, что они не смогут использовать школу в целях еврейского национализма»[473].

Вызывал повсеместные споры и выпуск объявлений на польском и еврейском языках командованием Красной Армии. Это вызвало недовольство поляков, которые считали, что на идише следует печатать только те

[470] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 155.
[471] РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 27. Л. 58-65.
[472] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 320.
[473] Там же: S. 321.

постановления, которые касаются исключительно еврейского населения. Бунд и «Поалей-Цион» протестовали против создания общих кухонь для польских и еврейских детей, где последние не получают еды, приготовленной в соответствии с принципами кашрута[474]. В подобных вопросах можно видеть не только польско-еврейские антагонизмы, несмотря на мощнейшую интернационалистическую пропаганду и лозунги о системе, которая уничтожит все предрассудки, но и борьбу за влияние польских и еврейских коммунистов, представители которых были сильны в РКП(б). По мнению польских коммунистов, «покровительство евреям» со стороны большевиков оттолкнуло польское население от «дела» и ослабило коммунистическое движение и революцию[475]. В течение всего периода своего существования Польревком пытался достичь соглашения между интересами польских и еврейских коммунистов, но им также приходилось принимать во внимание прежние разногласия между польским и еврейским населением[476].

По понятным причинам во времена продолжающейся войны и в целом враждебной обстановки вопросы безопасности занимали основное место в дискуссиях членов Польревкома. Революционные трибуналы, созданные при местных ревкомах для борьбы с политическими и экономическими преступлениями и бандитизмом, должны были действовать по Временному распоряжению начальника Управления юстиции и общественной безопасности Польревкома С. Пилявского, который был назначен председателем главного революционного трибунала. Его заместителем был член Польского бюро З. Марс-Марсальский. Из числа в основном польского населения была создана рабоче-крестьянская милиция[477].

---

[474] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 321.
[475] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 301.
[476] Sztop-Rutkowska K. Próba dialogu: Polacy i Żydzi w międzywojennym Białymstoku. Kraków: Nomos, 2008. S. 260.
[477] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 43.

В письме от августа 1920 г. отдел агитации и пропаганды Временного революционного комитета Польши просил ревком Белостокского края зарегистрировать все политические партии, союзы, объединения и организации[478]. Начали составлять списки работников на отдельных предприятиях в Белостоке и окрестностях с учетом их партийной принадлежности[479]. Когда 22 августа 1920 г. в Белостоке должно было состояться католическое шествие, Польревком в конфиденциальном письме местному ревкому писал, что «необходимо послать туда как можно больше наших товарищей для наблюдения. Эти товарищи не должны носить оружие, чтобы не привлекать внимание толпы, выдав в себе коммунистов, и вести себя как все участники шествия[480].

Руководство Польревкома чувствовало себя не очень уверенно: об этом свидетельствует и директива Ф. Дзержинского от 4 августа 1920 г. военным советам Западного и Юго-Западного фронтов о необходимости арестовывать и помещать в концентрационные лагеря врагов революции в Польше. Чекисты из Москвы, в ряды которых входил будущий преемник Ф. Дзержинского В. Менжинский, должны были помогать революционному комитету в разведке, контрразведке и исполнении «особых задач»[481].

Наиболее важной, однако, была подготовка к созданию Польской Красной Армии, в которой особенно участие принимал руководитель ВЧК. Была предпринята попытка сформировать 2-й Белостокский стрелковый полк «Красного Войска Польского», но тот факт, что отправленный на фронт полк насчитывал всего 70 солдат, что лучше всего доказывает то нежелание, которое проявляли жители занятых польских территорий по отношению к созданным вооруженным формированиям[482]. После прокламации,

[478] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 24.
[479] Там же: С. 57.
[480] Там же: С. 56.
[481] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 318.
[482] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa;

подписанной Ю. Мархлевским и изданной по требованию Ф. Дзержинского, в Польский добровольческий полк влилось всего 175 человек. Со своей стороны, М.Н. Тухачевский предпринял попытку создать Польскую Красную армию, языком управления которой должен был стать польский.[483] Это подразделение должно было быть создано по советскому образцу и состоять из поляков, разбросанных по различным частям, и, как предполагалось, из польских военнопленных. Штаб этой армии располагался в Минске, им руководили командующий 1-й Польской Красной армией Р. Лонгва и комиссар административного управления штаба Западного фронта С. Будкевич, присланный из Польского бюро в Москве[484]. В Минске, в тылу фронта, началась организация военных кадров для вновь создаваемых частей[485].

Польревкому удалось реорганизовать и расширить некоторые классовые профсоюзы, так называемые профессионально-производственные организации, объединяющие по советскому образцу всех работников данного предприятия. Была также создана Центральная комиссия профсоюзов. Несмотря на непродолжительный период работы, в Белостоке удалось национализировать 8 фабрик и вновь открыть столько же закрывшихся текстильных фабрик[486]. Официальной, торжественной национализации крупнейших производств в Белостоке предшествовала народная демонстрация перед бывшей резиденцией Браницких, которая теперь называлась Дворцом труда. Город Белосток, по словам одного из выступавших, должен был стать «первой промышленной крепостью Красной Польши»[487].

Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 323-324.

[483] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 175.

[484] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 190-192.; AAN, ARPM, 104, k. 4-6.

[485] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 20.; Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 154-155.

[486] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 150, 153.

[487] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa;

Продовольственные вопросы решались также с переменным успехом путем установления максимальных цен, введения карточной системы, объявления государственной монополии на сельскохозяйственное сырье и продукты питания, ограничения спекуляции. Последняя должна была быть предотвращена среди прочего введением рядом с польской маркой советского рубля в качестве валюты. Было приказано открыть небольшие магазины, а также объявлено, что продукты питания, привозимые крестьянами в города, не будут подлежать конфискации и реквизициям[488]. Конфисковывать должны были только излишки продовольствия, но таких излишков, конечно, не было, учитывая обязанность снабжать Красную Армию и трудности военного положения.

Однако для людей, проживающих преимущественно в сельскохозяйственных районах, аграрный вопрос имел наибольшее значение. В.И. Ленин, тронутый известием о том, что крестьяне Седлеца начали распределять землю между собой, потребовал от Польревкома начать отбирать землю у крупных собственников и кулаков, ликвидировать их самостоятельно и раздавать землю крестьянам. Он возложил эту задачу на Ф. Дзержинского, но даже фактический глава комитета не смог убедить членов Польревкома выполнить эту рекомендацию. Большинство из них отвергало идею подражания советским образцам, считая, что раздача конфискованной земли помешает планам коллективизации сельского хозяйства в Польше. Ф. Дзержинский был вынужден телеграфировать в Москву, что только после прибытия членов Комитета в Варшаву «аграрный вопрос будет полностью рассмотрен».

Но в итоге члены новых органов власти под руководством Польревкома не смогли установить и укрепить власть в Польше, а заявления Временного

Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 320.

[488] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 150, 153.; Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 321.

комитета о полном списании долгов крестьянских хозяйств и неприкосновенности крестьянской собственности, несколько противоречившие планам всеобщей коллективизации, не позволяют сегодня сформулировать ответ на вопрос о том, какова была бы фактическая политика Комитета в аграрном вопросе[489].

Известно, что Ю. Мархлевский, выступая против раздела земли между безземельными крестьянами и мелкими собственниками, не хотел повторять ошибки советской России, где происходили грабежи хозяйств, уничтожение скота, машин и оборудования. Наблюдалось общее снижение производительности сельскохозяйственной отрасли, которую не могли компенсировать беднейшие слои крестьянства, получившие земляные наделы бывших крупных собственников. При этом крестьянская беднота в России даже в случае получения земельного надела попадала в зависимость от более зажиточных земледельцев и кулаков. Для Ю. Мархлевского имеющиеся сельскохозяйственные производства были «хлебозаводами», которые нужно было национализировать, а иногда даже объединить в более крупные «объединения», а не разделить на участки[490]. По словам председателя Польревкома, это было единственное, что обеспечивало им дальнейшую прибыльность. Ю. Мархлевский утверждал, что фермерское хозяйство и культура сельскохозяйственного производства в советской России были менее развиты, поэтому ущерб от раздела земли был соответственно меньшим. У него был и еще один аргумент: «Поскольку площадь крупных сельскохозяйственных владений в Польше была небольшой, земли все равно не хватило бы на всех безземельных и мелких земледельцев»[491].

В конечном итоге руководство Польревкома не решилось издать указ о

[489] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 192-193.
[490] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 304.
[491] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 319.

национализации земли, а приказали конфисковывать помещичье имущество. Объявлялась неприкосновенность крестьянских земель в хозяйствах до 20 гектаров, а в случае «верности» их владельцев (которая впрочем никак не определялась) − до 60 гектаров. Поместья, государственные и церковные земли должны были перейти в ведение крестьянских комитетов. Предусматривалась лишь возможность предоставления части усадебной земли мелким земледельцам. Деятельность Польревкома поддержали работники сельского хозяйства. Мелкие и безземельные собственники проявляли нескрываемую симпатию к нововведениям, однако крестьянские массы в целом занимали выжидательную, а иногда и враждебную позицию[492]. В манифесте Польревкома и других прокламациях не упоминалась возможность расширения фермерских хозяйств, обещания, адресованные безземельным, были весьма расплывчатыми, в связи с чем сельское население не оказывало широкой поддержки коммунистам[493]. Именно отсутствие четкой позиции по аграрному и земельному вопросам стало одним из тех факторов, когда не получилось заручиться поддержкой конкретных групп населения, но при этом попытка «усидеть на двух стульях» также не увенчалась успехом.

Польревком уделял особое внимание национальному вопросу. В своей пропаганде польские коммунисты подчеркивали сохранение независимости и самобытности будущей социалистической Польши, объясняли, что война носит классовый, а не национальный характер. Важной задачей Польревкома, для которого Польбюро старался мобилизовать как можно больше поляков-коммунистов из России[494], было стремление придать подчиненным ему местным властям национальное, польское, лицо, но в то же время пропагандировались и интернационалистические идеи[495]. Ввиду характера

[492] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 154.
[493] Żenczykowski T. Dwa komitety 1920–1944: Polska w planach Lenina i Stalina. Warszawa: Spotkania, 1990. S. 44.
[494] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 7.
[495] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo

войны, которую большинство людей воспринимало не как классовую, а как национальную, и сложных национальных отношений, это была трудная задача.

С точки зрения Ю. Мархлевского, навести порядок в сфере массового восприятия поляками Красной Армии мешало само армейское руководство. В своем отчете в Москву о деятельности Польревкома он пишет, что армейские органы управления «теряются и допускают ошибки в переплетении национальностей и религий, совершенно не понимая специфику работы в Польше»[496]. При поиске людей со знанием русского языка представители Красной Армии, обычно, нанимали евреев, поскольку поляки, неохотно пользовались русским языком (зачастую его не знали) или вовсе не хотели сотрудничать с «московскими властями» независимо от того, была ли это власть царская или советская.

Евреи, действующие в административных структурах Польревкома и военных комитетах, вызывали устойчивый негатив польского населения, особенно в деревнях. В результате, кроме фабричных, сельскохозяйственных рабочих и железнодорожников, Польревком не получал значительной поддержки, чаще всего сталкиваются с враждебностью со стороны мелкой буржуазии и горожан, а также, по понятным причинам, с сопротивлением открыто преследуемых помещиков и духовенства[497].

Предсказания на сей счет польского коммуниста Г. Домского, который в статье, опубликованной в немецкой газете «Die Rote Fahne» от 22 июля 1920 г. под названием «Советская революция и мир», и в письме в Польское бюро РКП(б) от 31 августа, предостерегал против «экспорта революции» и писал о тех трудностях, с которыми могут столкнуться коммунисты в Польше при внедрении нового строя с помощью Красной Армии, а по сути русских войск,

Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 152.

[496] Jakubowski D. Julian Marchlewski – bohater czy zdrajca? Warszawa: Instytut Wydawniczy „Książka i Prasa", 2007. S. 39-64.

[497] Там же: S. 150-151.

оказывались реальностью[498]. Член иностранного отдела ЦК Коммунистической рабочей партии Польши прямо заявил, что польский пролетариат должен совершить революцию своими силами, а привнесенная извне диктатура пролетариата не только встретит большее сопротивление со стороны имущих классов, но также и не найдет поддержки среди рабочих масс[499]. Однако, такие голоса, к том же звучащие из Берлина, где собралась не самая надежная часть польской компартии, долгое время игнорировались настроенным на «экспорт революции» партийным большинством советской России.

Упомянутая Ю. Мархлевским «некомпетентность» военных властей в национальной и религиозной политике занятых красноармейцами польских территорий, приводящая к принятию на работу в советскую администрацию людей, не владеющих польским языком, означала, что большевистская агитация нашла благодатную почву главным образом в еврейских кругах, была довольно популярна среди белорусов и украинцев, в меньшей степени доходила до литовских общин и в еще более меньшей степени доходила до «польских трудящихся городов и деревень»[500].

15 августа 1920 г. Ю. Мархлевский, Ф. Дзержинский и Ф. Кон вместе с Красной Армией двинулись на Варшаву, но, как известно, дошли только до Вышкува. Э. Прухняк и некоторые другие, наиболее важные члены комитета остались в Белостоке, откуда были эвакуированы уже 20 августа. Затем, 26 августа, большая часть членов Польревкома перебралась в Минск[501]. Как признавал Ю. Мархлевский, «поражение Красной Армии было равно поражению польской революции»[502]. Советская власть на Западном фронте

[498] Trembicka K. Między apologią a negacją: studium myśli politycznej Komunistycznej Partii Polski w latach 1918–1932. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1995. S. 29.
[499] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 152-153.
[500] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 63. Д. 4. Л. 2, 5, 12, 15, 20, 24-26.; Д. 8. Л. 26.; Д. 16. Л. 16.; Оп. 6. Д. 18. Л. 282.; Оп. 4. Д. 45. Л. 1, 6.; Оп. 6. Д. 150. Л. 39-40, 20-27.; Ф. 63. Оп. 1. Д. 40. Л. 23-25.; Д. 42. Л. 12.; Д. 72. Л. 8.; Д. 7. Л. 1, 7.
[501] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 72. Л. 8.
[502] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo

практически прекратила свою активность уже осенью 1920 г.

Подводя итоги анализа деятельности одной из наиболее важных для польского левого движения организации, созданной польскими коммунистами, которая стала прообразом руководящего органа возможной советской власти в Польше, следует сказать, что Польревком − Временный революционный комитет Польши − имел значительные перспективы и возможный размах деятельности, однако ввиду объективных исторических процессов не пользовался той степенью симпатии, так необходимой для «освобождения» польского народа. Польские коммунисты, прибывшие из Москвы, стойко ассоциировались у населения с Красной Армией, а она, в свою очередь, с опостылевшей «царской» властью.

Польревком также не смог наладить более тесное сотрудничество с ЦК КРПП, более того, на почве усиления роли комитета, рос определенный антагонизм. ЦК КРПП (в том числе его заграничный филиал в Берлине), принявшие создание Польревкома без всякого восторга, полагали, что коммунисты в Варшаве или, шире, рабочие Польши должны избрать себе свое революционное правительство. На фоне этого действовавшие в Варшаве польские власти эффективно, посредством массовых арестов, уничтожили множество коммунистических ячеек в стране и ослабили местное коммунистическое движение в этот критический для польского левого движения момент. Действительно, около 2 000 польских коммунистов были заключены в тюрьмы. Активисты, в том числе члены ЦК и наиболее опытные в партийной работе полевые активисты, поддержавшие поход Красной Армии, подвергались репрессиям. В создавшихся условиях КРПП практически не могла функционировать. Многочисленные призывы и листовки напоминали о ее существовании, но сама партия даже не отреагировала на ввхождение Красной Армии в районы, считавшиеся этнически польскими. Возможно, что, как предполагают некоторые исследователи, КРПП предполагала, что такой

Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 155.

призыв скорее всего повысит уровень польского патриотизма и обернется против коммунистического движения[503].

В письме С.С. Дзержинской от середины октября 1920 г. А. Варский пояснял, что не имеет контактов с советскими властями и Красной Армией. Он также признавался, что опасается, что «по мере приближения советских войск к границам Польши вторжение большевистских войск может спровоцировать безумную вспышку мелкобуржуазного шовинизма, которая на время уничтожит наши организации и еще больше усложнит и без того крайне трудную агитацию»[504].

«Чудо на Висле» дало старт идеологической эволюции КРПП или, по крайней мере, части партийного актива. Такие активисты, как Э. Прухняк, А. Варский, М. Кошутская (Костшева), Г. Валецкий, К. Лауэр начали выражать сомнения в правоте позиций польской компартии, которая в первые годы своего существования попыталась ограничить свою деятельность в рабочей среде, фактически пренебрегая крестьянскими массами, игнорируя аграрный вопрос и отказываясь от национальных и демократических лозунгов. В. И. Ленин в письме польским коммунистам от 19 октября 1921 г. указывал на предпосылки польской революции и возможных союзников польского пролетариата, а также предостерегал против опасности начать революционную борьбу «до того, как для нее созреют условия»[505].

Для самого В. И. Ленина поражение в Варшаве было большим разочарованием: «Поляки чувствовали, думали и действовали не как революционеры, а как националисты и империалисты (...) Рабочие и крестьяне защищали своих классовых врагов, заставляли наших храбрых

[503] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 182.
[504] Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. S. 315-316.
[505] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 168.; Samuś P. Syndrom «oblężonej twierdzy» w Komunistycznej Partii Polski // Między Wschodem a Zachodem: studia z dziejów polskiego ruchu i myśli socjalistycznej. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1995. S. 190-191.

красноармейцев голодать, убивали их из засад»[506].

В сентябре 1920 г. Польревком и Польбюро официально объединились с так называемым «небольшим офисом» в Москве (секретарем стал Э. Прухняк), а в Смоленске был открыт секретный отдел Польского бюро по связи с КРПП (вскоре его перенесли ближе к границе с Польшей, в Минск)[507]. По просьбе Ю. Мархлевского Оргбюро ЦК РКП(б) 20 октября 1920 г. создало при Университете им. Свердлова «краткосрочные курсы для подготовки посылаемых в Польшу работников»[508]. Это направление партработы после перевода из Москвы, возглавил Э. Прухняк, продолжая сотрудничество с партийной организацией в Белоруссии, издание и распространение литературы. Помимо Э. Прухняка с ним работали, в частности, В. Богуцкий, организатор Литовско-Белорусской республики в 1919 г. и один из лидеров литовской и белорусской коммунистических партий, А. Славинский, член руководства Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии[509].

В докладной записке Польбюро в Оргбюро ЦК РКП(б) от 4 декабря 1920 г. указывалось: «Громадная работа Польревкома [?...] в данный момент сильно сокращается и входит в русло обыкновенной партийной работы [...]. На нас [Польбюро] лежит обязанность снабжать Польшу достаточно подготовленным штатом партработников, литературой и сведениями, относящимися к области советского строительства и вообще содействовать революционизированию Польши»[510].

В 1920 г. вера в то, что социалистическая революция может в Польше победить только как часть всемирной или европейской, среди коммунистического руководства пошатнулась[511].

---

[506] Pipes R. Komunizm. Warszawa: Świat Książki, 2008. S. 65.
[507] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 63.
[508] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 25. Л. 18.
[509] Pipes R. Komunizm. Warszawa: Świat Książki, 2008. S 157.
[510] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 317. Л. 224, 235.
[511] Найдус В. Участие поляков в Октябрьской революции. Варшава: Полония, 1967. С. 76, 78-80.

Для руководителей РКП(б) революция в Польше была необходимым этапом на пути к революции в Германии и во всей Европе. Между тем для польских коммунистов как в Польше, так и в советской России фиаско Западного похода Красной Армии стало не только разрушением мечты о социалистической Польше, но и объективной угрозой для их дальнейшего политического существования, что осознавали сами основатели и члены Польбюро, которые временно вознеслись на вершину «политического Олимпа» советской России и представляли значительное влияние в РКП(б). Однако для самих большевиков захват Польши, на который так надеялись члены Польбюро и его филиала − Польревкома, был всего лишь этапом для достижения главной намечаемой цели, стоящей перед Красной Армией в 1920 г. – спровоцировать и осуществить социалистическую революцию в Европе.

Выводы. Деятельность Польского бюро ЦК РКП(б) в 1920-е гг. определялась Гражданской войной и войной советской России с Польшей. Польские коммунисты активно поддерживали военные действия Красной Армии, видя в победоносной войне шанс создать Польскую Республику Советов, и, по оценке историков, позиция Польбюро стала одним из факторов, подтолкнувших В.И. Ленина к конфронтации с правительством в Варшаве.

В число специальных заданий Польбюро входили осведомительная работа о настроениях польского населения, борьба с польской контрреволюцией и шпионажем совместно с ВЧК, а также участие в отборе персонала для миссий в Польшу и подготовка заключений по дипломатическим нотам и переговорам. Польские коммунисты через отделения Польбюро внесли значительный вклад в политическую и военную мобилизацию польского населения в советской России, в организацию агитационно-пропагандистского аппарата и в формирование Польской Красной Армии, однако вступление Красной Армии на этнически польскую территорию означало столкновение их планов с польской действительностью.

Задачей Польревкома было издание манифеста о создании Польской Социалистической Республики Советов и попытки осуществлять власть до установления в Варшаве революционного правительства, избранного польским пролетариатом, поскольку даже среди членов КРПП многие воспринимали власть ревкомитета как навязанную из Москвы. Официальным руководителем Польревкома значился Ю. Мархлевский, но основные управленческие функции принадлежали Ф. Дзержинскому, от возглавляемой им ВЧК поступил один миллиард рублей кредита, а назначение формальным главой Ю. Мархлевского объяснялось нежеланием провоцировать негативную реакцию польского населения.

После прибытия 30 июля 1920 г. в Белосток и массового митинга с участием Ю. Мархлевского, М. Н. Тухачевского и И. И. Скворцова-Степанова Польревком приступил к созданию военно-гражданских администраций на польских территориях, ранее входивших в состав Российской империи, однако сразу столкнулся с сопротивлением красноармейских ревкомов, не готовых делиться властью и подчиненных Революционному военному совету Красной Армии. При организации на местах гражданских ревкомов польские коммунисты умело использовали массовые собрания с речами на польском, русском и еврейском языках, причем еврейское население проявляло наибольшую лояльность к попыткам установить советскую власть, что, однако, усиливало негативное отношение к новой власти среди поляков, тогда как антибольшевистские выступления возникали именно там, где еврейское присутствие было минимальным.

После прибытия трехсот польских коммунистов из России было создано 15 ведомств, и 16 августа 1920 г. Польревком номинально взял на себя власть на всей подконтрольной Красной Армии территории, где в общей сложности действовало около 70 ревкомов с участием представителей Польбюро, местных коммунистов и беспартийных. Несмотря на сопротивление армейского руководства и конфликты с военной администрацией, представители которой зачастую не знали ни местных условий, ни польского

языка, Польревком объявил национализацию фабрик, ввел восьмичасовой рабочий день, специальный налог на буржуазию и готовил выборы в Советы. В сфере безопасности действовали революционные трибуналы под руководством С. Пилявского, создавалась рабоче-крестьянская милиция, а чекисты во главе с В. Менжинским должны были помогать в разведке и контрразведке, о чем свидетельствует и директива Ф. Дзержинского от 4 августа 1920 г. об арестах врагов революции и помещении их в концентрационные лагеря.

В аграрном вопросе большинство членов Польревкома отвергло требование В.И. Ленина о разделе помещичьей земли между крестьянами, считая, что это помешает коллективизации, а Ф. Дзержинский телеграфировал в Москву, что вопрос будет рассмотрен лишь после прибытия Польревкома в Варшаву. Ю. Мархлевский, выступая против раздела земли, аргументировал это нежеланием повторять российские ошибки – разграбление хозяйств, уничтожение скота и инвентаря, снижение производительности в аграрном секторе, рассматривал крупные имения как «хлебозаводы», подлежащие национализации, а не разделу на мелкие хозяйства. В итоге руководство Польревкома ограничилось конфискацией помещичьего имущества и объявлением неприкосновенности крестьянских хозяйств до 20 гектаров, а расплывчатость обещаний и отсутствие четкой позиции по земельному вопросу стали одной из главных причин, по которой не удалось заручиться широкой поддержкой сельского населения на территориях, подконтрольных Красной Армии.

Предостережения польского коммуниста Г. Домского, утверждавшего в печати и в письме в Польбюро, что польский пролетариат должен совершить революцию своими силами, а привнесенная извне помощь не найдет поддержки, оказались реальностью, но эти голоса из Берлина долгое время игнорировались настроенным на экспорт революции партийным большинством Польбюро. Польревком в свою очередь не смог наладить тесное сотрудничество с ЦК КРПП, более того, на почве усиления роли

комитета рос определенный антагонизм, а ЦК КРПП полагал, что рабочие Польши должны сами избрать новое революционное правительство; в то же время официальные польские власти массовыми арестами уничтожили коммунистические ячейки и ослабили местное коммунистическое движение в критический момент. В письме от середины октября 1920 г. А. Варский опасался, что приближение советских войск к границам Польши может спровоцировать вспышку мелкобуржуазного шовинизма, которая уничтожит коммунистические организации и усложнит агитацию в среде местного населения.

Поражение Красной Армии под Варшавой дало старт идеологической эволюции КРПП: такие активисты, как Э. Прухняк, А. Варский, М. Кошутская, Г. Валецкий, начали выражать сомнения в правоте прежних позиций, пренебрегавших крестьянскими массами и аграрными вопросами, а В. И. Ленин в письме от 19 октября 1921 г. предостерегал против начала революционной борьбы до созревания условий для удержания польскими коммунистами завоеванной власти. Для В.И. Ленина поражение стало разочарованием, поскольку поляки, по его оценке, действовали не как революционеры, а как националисты и империалисты, защищая своих классовых врагов, что свидетельствовало о глубоком непонимании большевистским руководством настроений польского общества.

В сентябре 1920 г. Польревком и Польбюро официально объединились с московским офисом, в Минске был открыт секретный отдел для связи с КРПП, а по просьбе Ю. Мархлевского при Университете имени Свердлова были созданы курсы для подготовки работников, направляемых в Польшу, что означало переход от попытки прямого захвата польскими коммунистами власти к планомерной подготовке такого рода партийных кадров. В докладной записке Польбюро от 4 декабря 1920 г. констатировалось, что работа Польревкома входит в русло обыкновенной партийной работы, а на Польбюро возлагается обязанность снабжать Польшу подготовленным штатом партработников, литературой и сведениями для содействия

революционизированию страны. Таким образом, в конце 1920 г. в среде польского коммунистического руководства укрепилась вера в то, что социалистическая революция в Польше может победить только в результате всемирной так называемой пролетарской революции, однако к тому времени польские коммунисты вознеслись на вершину советского политического Олимпа, для них захват Польши мыслился как этап к главной цели – эскалации революционных событий в Европе.

2.3. Польское бюро ЦК РКП(б) в системе советской власти: борьба за политическую субъектность. 1919–1931 гг.

9 июня 1919 г. по инициативе Ф. Дзержинского Оргбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании органа для координации польских коммунистов в России, в дальнейшем был официально утвержден его первый персональный состав: В. Миллера, С. Братман-Бродовский и С. Лазоверта[512]. Польское бюро как орган Секретариата ЦК РКП(б), поддерживаемое другими его управлениями/органами, было специально создано для решения всех вопросов, связанных с Польшей и поляками. Прежде всего документ должен был курировать вопрос «польской пропаганды» в советской России, тем самым был включен в общую организационную структуру отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б). Средства на расходы этого управления должны были поступать, в частности, из сборов, осуществляемых польскими органами власти на местах (сборы оценивались в 300–400 тысяч рублей) и целевых средств, например, для помощи революционному польскому подполью на Украине, в Литве и Белоруссии или для нелегального пересечения границы активистами польской компартии[513].

Изначально Польское бюро отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б) или сокращенно Польбюро, не дублировало деятельность наркомата по польским делам, действовавшим с конца 1917 г. Оно было создано в противовес решению Исполнительного комитета Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП) в России, который планировал самораспуститься и перебазироваться на Украину в качестве заграничного представительства КРПП. Это решение не устраивало ЦК РКП(б) и лично Ф. Дзержинского, стремившихся сохранить контроль над польскими коммунистическими кадрами в пределах России[514]. При этом 28 июня 1919 г. Оргбюро ЦК четко

[512] РГАСПИ Ф. 63, Оп. 1, Д. 1, Л. 1а.
[513] Leinwand A. J. Działalność agitacyjna i propagandowa komunistów polskich w RSFRR w latach 1918–1920 // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2005. T. 40. S. 28.
[514] РГАСПИ Ф. 63, Оп. 1, Д. 1, Л. 2.

ограничило сферу деятельности Польбюро исключительно «пределами России», прямо запретив «ведение зарубежной работы», однако его компетенция в рамках «специальных заданий» Секретариата ЦК с самого начала выходила далеко за эти рамки, включая участие в борьбе с польским шпионажем и консультирование НКИД по вопросам отношений РСФСР с Польшей[515].

Накануне вступления Красной Армии в Польшу, 19 июля 1920 г., по решению ЦК РКП(б) было создано новое, наделенное широкими полномочиями Польское Бюро ЦК РКП(б) под председательством самого Ф. Дзержинского, в то время как ранее существовавшее Польское бюро агитации и пропаганды во главе с С. Дзержинской, стало одним из его отделов. Именно этот новый орган осенью 1920 г. взял на себя функции ликвидированного наркомата по польским делам, входившего в структуру Наркомата по делам национальностей РСФСР (Накомнац). Первоначально Ю. Ленский (Лещинский) стал главой Управления агитации и пропаганды, а С. Борский возглавил секретариат[516]. Это было связано с тем, что в период становления советской власти в России предпринимались попытки подчинить организации, связанные с Польшей, военным целям. Польский вопрос стоял на повестке дня большевистской партии, и поэтому как члены РКП(б), так и польские коммунисты видели необходимость в структурном объединении разрозненных польских групп.

Польское бюро осуществляло работу не только среди польского населения России и на занятых Красной Армией территориях, но и среди репатриантов, мигрантов и военнопленных, которых сотрудники Бюро пытались отговорить от выезда в Польшу, в противном же случае, рассматривались вербовка и сотрудничество[517]. В случае успеха «агентам», отбывающими в Польшу, предоставлялись контакты с коммунистическими

[515] РГАСПИ Ф. 17, Оп. 84, Д. 168, Л. 1-2, 3, 6-8.
[516] Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. S. 170.
[517] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 234. Л. 95.

партиями, прежде всего с КРПП[518]. Отделения, созданные либо в составе Польбюро, либо при других коллегиальных органах польских коммунистов в России, должны были также заниматься первоначальной подготовкой и вербовкой агентуры за границей, а также ее вербовкой среди польского населения на территории советской России[519]. Важность работы среди военнопленных, а также выполнение военных и разведывательных задач вышли на первый план во время Советско-польской войны.

Польское бюро при ЦК РКП(б), как и все другие коллегиальные органы, объединявшие группы польских коммунистов в России, подчинялось директивам, исходившим от ЦК РКП(б), однако настойчиво проводило свою линию в рамках польского направления. Деятельность Польбюро невозможно анализировать в отрыве от политики советского государства и большевистской партии, но также невозможно анализировать ее в отрыве от всей деятельности, проводимой польскими коммунистами в России. Членами Польского бюро становились не только большевики и представители групп КРПП, находящиеся в России, но и активисты КРПП, которые находились в Польше, тем более что руководящие функции во всех этих органах часто выполняли одни и те же люди.

С момента своего основания Польбюро было основной и ведущей организацией по работе в Польше. На период Советско-польской войны значимость Польбюро превзошла даже непосредственно компартию Польши. Это было следствием масштаба задач, стоявших перед организацией, находившейся на переднем фланге советизации Польши, ее пространственного размаха и масштаба ее деятельности, наконец, из-за человеческого актива, составлявшего ее органы управления или делегированных ею для работы в других партийных и государственных

[518] Zieliński K. Организационная структура Польского бюро ЦК РКП(б) в 1918–1922 гг. // Поляки в России: эпохи и судьбы. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002 [в вып. дан. 2009]. С. 95-104.
[519] Nowak A. Polska i trzy Rosje: studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). 2-e wyd. Kraków: Arcana, 2008. S. 546.

структурах советской России. По этой причине Польское бюро ЦК РКП(б) можно рассматривать как представительское учреждение, должное стать основным фундаментом советской власти в Польше в первые годы после Октябрьской революции 1917 г. в России, и как организацию, в сфере деятельности которой находились все вопросы, связанные с революционной деятельностью в Польше, по крайней мере в течение 1920-х гг.

Организационная структура Польбюро, как и организационная структура других отделений – национальных и этнических секций РКП(б), была многоступенчатой. Центральному аппарату подчинялись областные, губернские, районные и городские отделения, действовавшие соответственно при областных, губернских, районных и городских комитетах РКП(б). Центр, т.е. Польбюро, должен был выполнять по отношению к ним не одни консультативные функции, по факту, особенно в кадровых вопросах, он имел решающий голос[520]. Высшим органом, координирующим агитационно-пропагандистскую работу Польского бюро и его отделений, было Народное бюро отдела агитации ЦК РКП(б), которое курировало работу всех агитотделов по агитации и пропаганде национальных меньшинств[521].

В Инструкции об организации местных отделений польской секции РКП(б) значилось, что ее члены обязаны принадлежать к общей партийной организации и прежде всего подчиняться ее указаниям. В случае работы по «польской линии» использование польского языка было целесообразным «в целях лучшего взаимопонимания» с рабочими и польскоязычным населением. Предусматривалось также, что служащие отдельных филиалов должны были комплектоваться в соответствии с округами базирования, и рекомендовалось не умножать филиалы без необходимости там, где их достаточно или там, где польское население сравнительно невелико[522]. Местные отделения были обязаны информировать центральный аппарат Польбюро обо всей

[520] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 47.
[521] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 30. Л. 20-21.
[522] Там же: Л. 6.

деятельности. Все кадровые изменения, включая руководство местными отделениями, должны быть согласованы с Польбюро. Новых членов должны были принимать в партию на общих собраниях. Всем членам групп КРПП, действующих в России, надлежало «перерегистрироваться» и вступить в общепартийные организации, действующие по месту проживания, и иметь связь с Польбюро[523].

Изначально группы КРПП в РСФСР имели определенную организационную автономию внутри РКП(б) и могли занимать позицию по польским вопросам, отличающуюся от мнения партии большевиков, но их сохранение рассматривалось как противоречащее принципу интернационализма и территориальности, применимому в компартиях, согласно которому «в одной стране могла быть только одна коммунистическая партия». Поэтому, когда «российские» группы КРПП в России стали закрываться, на месте ЦИК КРПП было создано Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б)[524]. Однако группы КРПП не исчезли, в Москве 9–11 сентября 1919 г. состоялась конференция и совещание «ответственных партийных работников» по вопросам задач и деятельности Польбюро. В ходе заседания были приняты резолюции, касающиеся не только деятельности Польбюро, но и всех так называемых польских секций. Были четко разъяснены польская работа в советской России и задачи, стоящие перед польскими коммунистами[525].

На базе Польбюро, было создано Исполнительное управление КРПП в советской России, и служило оно связующим звеном между русской и польской партиями. Именно члены Исполнительного управления КРПП, считавшиеся также членами Польского бюро, представляли КРПП в

[523] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 30. Л. 6.
[524] Cimek H. Mniejszości narodowe w ruchu rewolucyjnym w II Rzeczypospolitej. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. S. 29.
[525] Leinwand A. J. Działalność agitacyjna i propagandowa komunistów polskich w RSFRR w latach 1918–1920 // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2005. T. 40. S. 37–38.

Коммунистическом Интернационале, что значительно раздражало польских коммунистов, находящихся за пределами РСФСР (особенно иностранный филиал ЦК КРПП). Однако следует понимать, что данная ситуация была вызвана не столько желанием российских большевиков ввести в Коминтерн лояльных к своей политике людей, сколько полицейскими репрессиями польской буржуазной власти в отношении коммунистов, что привело к массовым арестам и эмиграции основного актива[526]. Впоследствии решением третьего конгресса Коминтерна, заседавшего с 22 июня по 12 июля 1921 г., было создано самостоятельное представительство КРПП при Исполкоме Интернационала[527].

Польбюро как и учреждения, созданные для польских коммунистов в советской России, должны были обеспечить собственный персонал, и посредством своей деятельности среди польского населения в РСФСР присоединиться к социалистическому строительству. Упомянутая ранее инструкция об организации местных польских отделений определяла также размер членских взносов, принципы финансирования работы (деятельность должна была осуществляться за счет собственных средств местных отделений), а также регламентировала порядок расчета расходов. В пункте 10 инструкции указывается: «[...] Польское бюро пропаганды и агитации, существующее при ЦК РКП(б), руководит работой местных польских секций и работой среди членов Польской Красной Армии. Поддерживает связи с ЦК КРПП с помощью отдельного органа, сформированного из членов бывших групп КРПП в России, информирует ЦК РКП об отношениях в Польше»[528].

Польбюро для власти в РСФСР становилось чем-то вроде коллегиального эксперта по польским делам и ведению пропаганды среди рабочих в Польше. По этим вопросам Бюро координировало работу с

[526] Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 15.
[527] Cimek H. Mniejszości narodowe w ruchu rewolucyjnym w II Rzeczypospolitej. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. S. 29.
[528] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 30. Л. 6-7.

профсоюзами и польским представительством в Межпрофсоюзе (Международном профсоюзе). Это делалось консультационно и параллельно с деятельностью, проводимой ЦК КРПП в Польше[529].

Польбюро возглавлял коллегиальный Секретариат со сменяющимся секретарем. Численность членов секретариата не была постоянной: обычно она составляла около десятка сотрудников. В составе центрального Польбюро были организованы следующие отделы: финансовый, агитационно-пропагандистский, экспедиционный и издательский. Отдельным подразделением в структуре был Партархив с библиотекой[530]. В архивах Москвы хранились также личные анкеты сотрудников Бюро и польских коммунистов, постоянно и временно находившихся на территории советской России[531]. Фактически самым важным был отдел агитации и пропаганды, а остальные подразделения подчинялись его деятельности.

В 1920 г. в секретариате Польбюро работало около десятка человек. Его возглавляли секретарь, члены Бюро и представитель Бюро, остальные сотрудники занимали технические должности (секретари, машинистки, бухгалтера, посыльные-курьеры, дворники и т. д.). Как правило, все были членами партии. Секретариат обычно нанимал несколько машинисток, пишущих на польском и русском языках, и отдельно проверенную машинистку для конфиденциальных документов.

Штатное расписание отделов было разным, но больше всего людей было в отделе агитации и пропаганды и печати. В отделе агитации и пропаганды, кроме технических должностей, существовали также должности руководителей по работе с поляками в России и секретарей партийных курсов[532].

Издательским отделом являлось издательство Польбюро, так

[529] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 119-120.
[530] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-8.; Д. 29. Л. 2.
[531] AAN, CKW KPRP, 397/I-28, k. 18.
[532] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-8.

называемый Польиздат. Совместно с польской секцией Коминтерна Польское бюро курировало деятельность пресс-службы, осуществляя редакции польских коммунистических газет, польских секций III Интернационала и Интернационала профсоюзов и т.д.[533] В первой половине 1920 г. в польской канцелярии работало 18 человек, в середине того же года – 29, в сентябре – 72, в ноябре и декабре – с 29 по 33, с января по март 1921 г. – 50–52, в августе – 38[534]. В 1921 г. в состав Бюро входили такие деятели, как Ю. Мархлевский – председатель, С. Будзинский – член ЦК, С. Гельтман – секретарь, П. Левинский – член ЦК, С. Бобинский – член ЦК, ответственный за работу за рубежом, Б. Сакс - руководитель издательского отдела и др.[535]

Количество региональных подразделений не было заранее определено, и они создавались в соответствии с потребностями и кадровыми возможностями. В марте 1921 г. существовало 8 областных отделений и отделений со штаб-квартирами в Москве, Петрограде, Харькове, Ростове-на-Дону, Баку, Ташкенте, Новониколаевске в Сибири и Минске (Польское отделение в Минске действовало при ЦК КП(б) Беларуси). Существовало 37 губернских и 36 районных управлений[536]. В мае 1921 г. было 58 польских отделений, в июле – 61, в сентябре – 81. В ноябре было 7 польских областных отделений (Ростов-на-Дону, Чита, Новониколаевск, Минск, Харьков, Ташкент, Баку) и 44 губернских отделения, в том числе на территории РСФСР – 17, в Сибири – 8, в Донецке – 4, на Украине – 11, в Белоруссии – 4.[537]

После репатриации части польских граждан и эвакуации беженцев и военнопленных из-за уменьшения количества поляков в Советском Союзе число филиалов Польского бюро уменьшилось. Польские отделения еще существовали при компартиях России, Украины и Белоруссии: региональные

[533] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 137.
[534] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-8.; Д. 27. Л. 1, 9, 16; Также: Д. 82 Л. 34.
[535] Там же: Д. 27. Л. 16-20.
[536] Там же: Д. 207. Л. 2-3.
[537] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 46.

отделения оставались в Москве, Минске, Киеве и Виннице, губернские отделения в Петрограде, Витебске, Киеве и Житомире[538]. Подсчитано, что число коммунистов, зарегистрированных польскими ведомствами, достигало от 15 до 18 тысяч, но полной регистрации не было из-за того, что некоторые граждане несли службу в Красной Армии, часть не успела зарегистрироваться, а часть попросту не захотела этого делать. К 1921 г. отсутствовали данные по большинству городов Беларуси и почти по всей территории Украины[539]. Здесь стоит отметить, что количество польских коммунистов в России превышало количество коммунистов в Польше. Если по данным Польского бюро их число в советской России оценивалось в 15 и 18 тысяч (январь и апрель 1921 г. соответственно), то в Польше в середине 1919 г. их было всего 10 тысяч, а к 1923 г. это число уменьшилось почти наполовину[540].

В работе по «польской линии», будь то партийная, административная, агитационная, образовательная, административная, дипломатическая или агентурно-разведывательная деятельность, существовал постоянный дефицит подготовленных и, что не менее важно, проверенных кадров. В связи с этим отделения Польского бюро открывались только там, где была значительная концентрация поляков. Это означало, что некоторые из польских региональных отделений охватывали огромные территории России, Украины и Белоруссии, хотя номенклатура не всегда была адекватна историческим и географическим границам отдельных регионов. Так, например, региональное отделение Польбюро в Москве отвечало за ячейки от Витебска и Пскова на западе до Саратова на востоке. Это вызвало трудности в координации работы

[538] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 45.; Kupczak J. M. Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. S. 181-182.

[539] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 207. Л. 2-3.

[540] Cimek H. Mniejszości narodowe w ruchu rewolucyjnym w II Rzeczypospolitej. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. S. 29.; Яжборовская И. С. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября, 1918–1923 гг. Москва: Наука, 1967. С. 12.; Świetlikowa F. Komunistyczna Partia Robotnicza Polski, 1918–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1968. S. 72-73; Также: PINY, AMM, 6, k. 483.

и коммуникации между отдельными подразделениями[541].

Первое польское «полевое» отделение было создано в конце 1918 г. в Петрограде (по оценкам, в городе и его окрестностях проживало примерно 150–160 тысяч поляков)[542]. В 1919 г. были добавлены офисы в Брянске (январь) и Смоленске (декабрь)[543]. В феврале 1920 г. группа поляков из Красноярска, обратившись в Польбюро, создала польскую секцию при Енисейском губернском комитете РКП(б) и начала издавать собственный журнал под названием «Głos Komunistyczny»[544].

Следующие отделения Бюро были открыты в 1920 г. в Харькове и Одессе, Екатеринбурге, Иркутске, Ташкенте, Минске, Томске и Новониколаевске, а остальные – в 1921 г.[545] Каждое из них возглавлял секретарь (по примеру московского штаба), а работой отделения руководил секретариат. В зависимости от потребностей создавались и отдельные организационные подразделения (хозяйственные, финансовые, агитационно-пропагандистские отделы и т. д.). Встречи польских отделений на местах проводились в среднем один раз в месяц[546].

Текучесть в отдельных организационных подразделениях, подчиняющихся штаб-квартире Польбюро, была высокой[547]. В многочисленных списках имен польских коммунистов в советской России можно обнаружить партийные рекомендации и указанные участки работы, оптимальные с точки зрения партии. При назначении сотрудников учитывались образование, морально-идеологический настрой, опыт, приобретенный в профессиональной работе и в армии, социальное

[541] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 207. Л. 2-3.
[542] Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. S. 6.
[543] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 209. Л. 14.
[544] Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. S. 169.
[545] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 209. Л. 14.
[546] Там же: Д. 207. Л. 7.
[547] Там же: Д. 20. Л. 1-38.; Д. 21. Л. 1-3.; Д. 22. Л. 1-11.; Д. 23. Л. 1-13.; Д. 24. Л. 1-35.; Д. 25. Л. 12-18.; Д. 26. Л. 1-28.

происхождение, знание языка, место рождения и, конечно же, партийный опыт[548].

При делегировании людей для работы на определенных участках руководство Польбюро часто ориентировалось на происхождение своего сотрудника (в приоритете для работы на местах были жители региона), где они могли рассчитывать на помощь местных коммунистов, друзей или семьи. Во время Советско-польской войны на рубеже 1919–1921 гг. это было особенно важно при отправке людей «за фронт» как в рамках военной целесообразности, так и по причинам массовой слежки за коммунистическими кругами, организованной польскими властями[549].

При формировании Польбюро и его филиалов учитывалось не только происхождение, место рождения или жительства – речь шла, главным образом, о знании польского языка и связях с Польшей и польским населением, проживающим в России. Польбюро направляло своих сотрудников на различные участки для ведения работ по «польской линии» и в разные точки России, от Иркутска до Минска и районов, занятых Красной Армией во время войны с Польшей, желая иметь «своих» людей во всех возможных организационных структурах советского государства и партии[550]. В своих мемуарах Е. Бобинская упоминает обстоятельства, при которых она была переведена в марте 1918 г. из редакции «Trybuny» в Народный комиссариат социального обеспечения, которой руководил С. Будзинский. Ю. Ленский (Лещинский) якобы протестовал, утверждая, что писатели–поляки «не обязательно принадлежат к данному наркомату», на что С. Будзинский принялся объяснять, что среди членов наркомата есть бывшие царские генералы, тайные статские советники и «бог знает кто еще» и «все кругом объединяются в группы». «Мне нужен хотя бы один из наших людей» – говорил он[551]. Бывало и так, что сотрудники филиалов Польского бюро сами

[548] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 20. Л. 27.
[549] Там же: Д. 119. Л. 38.
[550] Там же: Д. 30. Л. 50.
[551] Bobińska H. Pamiętnik tamtych lat. Cz. 1. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1966.

просились вступить в различные организации, руководствуясь желанием сменить место жительства или работы[552].

Численность коммунистов польского происхождения по отношению к общему количеству польского населения Советского Союза была сравнительно велика, поляки были четырнадцатым по численности меньшинством в России, но седьмой нацией по членству в РКП(б). Хотя большинство поляков, проживавших в России после падения Российской империи, пассивно наблюдали за развитием событий, в первый период, после Октябрьской революции 1917 г. около 8 000 из них приняли активное участие в гражданской войне, сражаясь против белых на стороне Красной Армии. В Белгороде еще в ноябре 1917 г. был сформирован 1-й Польский революционный полк, эта инициатива смутила большевиков, выступавших поначалу против создания этнически однородных воинских частей[553].

Примерно 90% поляков, участвовавших в событиях революции и гражданской войны в России впоследствии поступили на службу в Красную гвардию, Красную Армию, Красный Флот, органы ВЧК и партийной номенклатуры, а также вольются в ряды партизанских отрядов, находящихся в орбите влияния большевиков. Поляками по национальности среди командиров или заместителей командира отдельных частей было 126 человек, членов военно-революционных комитетов различных уровней – 111 человек, нижних чинов в РККА – 861, старших командиров – 269; 34 поляка входили в состав военно-революционных советов дивизий, армий и фронтов, 213 работали в политотделах[554]. Поляки, наряду с евреями и латышами, в основном составляли кадры ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем), возглавляемой поляком Ф. Дзержинским, а Я.

S. 128.

[552] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 119. Л. 2.

[553] Materski W. Na widecie: II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943. Warszawa: Rytm, 2005. S. 17, 19.

[554] Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. S. 3-4, 10-12.

Ольский был главой ВЧК в Белоруссии в 1920–1923 гг.[555]

Поляки входили в руководство ВЧК и на губернском уровне. Так, в июне 1918 г. Курскую губчека возглавил И. Озембловский, член партии с 1905 г.[556] Он был делегатом II Всероссийского съезда Советов и избирался во ВЦИК, но на посту председателя запятнал себя злоупотреблениями и беспорядочными расстрелами, включая сожжение заживо пленных офицеров, и уже через месяц был отстранен коммунистами от должности. В 1919 г. его опознали и повесили при попытке выехать из занятого белыми войсками г. Курска. Сменивший его И. Каминский[557], также поляк и профессиональный революционер, впоследствии возглавлял ЧК в Минске, Симферополе и Керчи[558].

На общероссийском уровне работа по «польской линии» была формализована в структуре Особого отдела ВЧК, где 13-е спецотделение вело контрразведку непосредственно против Польши. Ключевую роль здесь играли сотрудники-поляки. Летом 1920 г. А. Х. Артузов, командированный на Западный фронт, сумел ликвидировать разветвленную сеть Польской организации войсковой (ПОВ). Ее резидент в Москве Игнаций Добржинский (Сосновский) был арестован и завербован на идейной основе, после чего сделал блестящую карьеру в ОГПУ, став начальником контрразведки по Белорусскому округу. Вместе с ним на сторону большевиков перешла целая группа бывших членов ПОВ, включая К. Чиллека-Роллера и его жену Марию

[555] Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. S. 20.
[556] Свиридов Г. А. Становление и деятельность территориальных органов государственной безопасности, 1918–1941 гг.: на примере Курского региона: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. С. 21.
[557] Терехов С. А. И. И. Каминский – первый руководитель советских органов государственной безопасности в Крыму // Парадигмы истории и общественного развития: сборник научных трудов. 2020. Вып. 17–18. С. 70-75.
[558] Свиридов Г. А. Становление и деятельность территориальных органов государственной безопасности, 1918–1941 гг.: на примере Курского региона: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. С. 125.

Недзвяловскую, работавших затем в УНКВД Курской области[559].

Поляки занимали серьезные должности на всех уровнях советского государства и в партийных инстанциях, а польские разведывательные и дипломатические миссии в России с интересом наблюдали за деятельностью своих соотечественников – комиссаров-большевиков[560]. По официальным данным, количество «польских» членов партии по отношению к общему польскому населению было в три раза больше, чем аналогичные показатели среди русских, в семь раз больше, чем среди белорусов и в десять раз больше, чем среди украинцев[561]. К 1923 г. польские коммунисты в СССР составляли примерно 1% проживавших в стране поляков, тогда как процент коммунистов среди всего населения страны составлял 0,29%. По численности имеющих партийный билет, это была четвертая группа после русских, украинцев и евреев[562].

Состав Польского бюро при ЦК РКП(б) представляли «старые» выдающиеся революционеры, такие как Ю. Мархлевский, Ф. Дзержинский, Ф. Кон, Ю. Ленский (Лещинский), Э. Прухняк, С. Будзинский, С. Бобинский и С. Гельтман[563]. На момент создания Польбюро большинство из них были членами КРПП. При этом стоит отметить, что «партийное происхождение» у польских коммунистов было различным. Приоритетным считалось иметь партийный стаж в близкой к РСДРП, СДКПиЛ, но и стаж в ППС-левице считался уважаемым. По-видимому, эта дифференциация внутри польских коммунистов имела «большое значение для фильтрации партии и определения срока пребывания в партии, а также для развеивания существующих сомнений

[559] Свиридов Г. А. Становление и деятельность территориальных органов государственной безопасности, 1918–1941 гг.: на примере Курского региона: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. С. 144.
[560] PINY, AMM, 10, k. 17-18.; Север А. 10 мифов о КГБ. Москва: Родина, 2022. С. 4.
[561] Iwanow M. Polacy w Związku Radzieckim, 1917–1990 // Polacy w Kościele katolickim w ZSRR. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1991. S. 56-58.
[562] Cimek H. Mniejszości narodowe w ruchu rewolucyjnym w II Rzeczypospolitej. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. S. 29.
[563] Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. S. 51-52, 58-95, 114-132.; Найдус В. Участие поляков в Октябрьской революции. Варшава: Полония, 1967. С. 65-88.

в отношении к левым товарищам вообще»[564]. Хотя перед объединением ППС-левицы и СДКПиЛ все программные и идеологические разногласия были по максимуму улажены, и общие взгляды объединенной партии соответствовали фундаментальному идейному единству русского и польского народов, дискуссии о прошлом обеих партий и программных вопросах, а также амбиции отдельных активистов повлияли на взаимное восприятие бывших членов ППС и членов СДКПиЛ[565]. В таких случаях бывшие члены социал-демократии припоминали своим коллегам о возражениях некоторых членов ППС-левицы против экономических мер большевиков, которые проводились «слишком поспешно» и приводили к опасным экономическим осложнениям[566].

Касаясь важного вопроса партийной соподчиненности, члены КРПП в результате договоренностей с РКП(б) автоматически становились членами последней при въезде в РСФСР на более длительный срок и теряли членство в партии при выезде из России. Таким образом, польские отделения партии большевиков стали неофициальной составляющей КРПП, а секретари Польбюро регулярно участвовали в заседаниях и конференциях КРПП, затем КПП[567]. Как показывает практика, большинство членов КРПП, польской секции Коминтерна и Польского бюро были одними и теми же людьми[568]. Например, с конца января 1919 г. в состав Центрального исполнительного комитета КРПП в России входили С. Бобинский, С. Братман-Бродовский, М. Бронский, С. Будкевич, Я. Долецкий, Ф. Дзержинский, Ю. Ленский (Лещинский), С. Лазоверт и др. Депутатом от КРПП был Р. Муклевич,

564 РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1 Д. 206. Л. 16.
565 Reguła J. A. Historia Komunistycznej Partii Polski w świetle faktów i dokumentów [J. Mützenmacher]. 2-e wyd., rozszerzone i uzupełnione. Warszawa: nakład autorski: Drukprasa, 1934. S. 16, 22-24.; Samuś P. Najnowsze badania dziejów SDKPiL // Z Pola Walki. 1982. № 3/4. S. 149-189.
566 Tych F. PPS-Lewica w latach wojny 1914–1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1960. S. 125-127.
567 Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 47-48.
568 Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). Москва: РОССПЭН, 2005. С. 81.

параллельно представлявший филиалы Польского бюро партии большевиков[569]. В 1919 г. штаб-квартира советского отделения КРПП располагалась на улице Захаржевской, № 31/2 в Минске, официальным печатным органом партии был «Młot», издававшийся значительным тиражом[570].

Деятельность ЦИК КРПП в России была прежде всего призвана дополнить усилия Польбюро[571]. Хотя большинство сотрудников Польбюро принадлежали к КРПП, и в московском отделении Бюро, и на региональном уровне работали многие коммунисты непольского происхождения, часто русские, украинцы, белорусы, литовцы и особенно коммунисты еврейского происхождения, но происходившие в основном с этнически польских территорий[572]. Наличие евреев в польских партийных структурах никак не возбранялось со стороны польской компартии (напротив, евреи зачастую были образованными людьми и хорошо владели польским языком). Однако при работе с населением данная особенность личного состава польских ведомств не вызывала симпатии у польского населения, прежде всего крестьянства[573]. Что касается лиц, зарегистрированных в Польбюро, не являвшихся поляками, но параллельно занимающими должности в Наркомате внутренних дел РСФСР, то в архивах есть упоминание о представителях еврейской национальности, происходивших из польских земель бывшей Российской империи[574].

Ротация и смена партийных задач в Польском бюро действительно происходили очень часто, на работу в московский штаб приезжали люди из разных уголков советской России; «москвичей» отправляли в провинцию для организационной работы среди местного польского населения, в польских

[569] AAN, CKW, KPRP, 397/I-2, k. 20.
[570] Там же: k. 6.
[571] Там же: k. 20.
[572] AAN, KNP, 21057, k. 16; AAN, KNP, 20729, k. 30.
[573] AAN, KNP, 20729, k. 30.
[574] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 30. Л. 50.

частях, к полякам, служащим в различных соединениях Красной Армии или для работы среди военнопленных[575]. Одних направляли в ВЧК, других в отделы сельскохозяйственных и хозяйственных дел или в другие отделы советских учреждений. Здесь часто происходил обмен кадрами с литовско-белорусской секцией (Литбел) и еврейской секцией. Действительно, одни и те же люди очень часто появлялись в польском отделе, затем в украинском, литовско-белорусском или еврейском[576]. Польские отделения существовали и при ЦК Компартии (большевиков) Украины. В 1921–1922 гг. местное польское ведомство работало под руководством Б. Скарбека[577].

Множество задач, поставленных перед польскими коммунистами, а также нехватка кадров, привели к тому, что одни и те же люди часто выполняли разные функции, в том числе чрезвычайно важные. В состав Центрального исполнительного комитета РСФСР входили Я. Долецкий и Ф. Дзержинский[578]. С. Пестковский трудился в Наркомате по делам национальностей РСФСР заместителем народного комиссара, затем по собственному желанию был переведен на Западный фронт, где стал руководителем Политсовета фронта[579]. В отделах, занимающихся экономической политикой, функционерами значились Я. Ганецкий и М. Бронский, последний работал таже в учреждениях, занимающихся социальным обеспечением. Помимо Ю. Мархлевского в советской дипломатии активно участвовал П. Лапинский. В состав ЦК КП(б) Украины входили Ф. Кон и С. Косиор, а в ЦК Литовско-Белорусской Республики (Литбел) В.Богуцкий, С. Гельтман и С. Берсон. Все эти коммунисты так или иначе являлись членами КРПП, а также вели активную деятельность в составе

[575] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 119. Л. 2, 38.
[576] Там же: Д. 27. Л. 49-50.
[577] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 47.
[578] Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. S. 34.
[579] Pestkowski Z. Wspomnienia rewolucjonisty / Oprac. P. Korzec. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1961. S. 10-11.

Польского бюро.

Стоит подчеркнуть значительную роль поляков в административных структурах Литовско-Белорусской Республики. В созданном в Вильнюсе 27 февраля 1919 г. правительстве республики во главе с В. Мицкевичем-Капсукасом, член КРПП и Польского бюро Ю. Ленский (Лещинский) занял должность наркома просвещения, а среди четырнадцати человек, составлявших Совет народных комиссаров, поляков, включая Лещинского, было шестеро: И. Уншлихт – комиссар по военным делам, С. Берсон – комиссар государственного контроля, М. Козловский – комиссар юстиции[580]. В. Богуцкий и С. Гельтман были руководителями советской Белоруссии, Председателем Малого Совета народных комиссаров и одним из основателей советской судебной системы был упомянутый выше М. Козловский, участник Октябрьского восстания в Петрограде[581]. Помимо Западной польской стрелковой дивизии, которой руководили С. Жбиковский и Р. Логва, в рядах воинских частей во время Гражданской войны сражались и другие поляки, часто занимая видные должности: М. Левандовский командовал 11-й армией Каспийско-Кавказского фронта и 9-й армией Туркестанского фронта во время гражданской войны, 1-й армией Туркестанского фронта командовал И. Блажевич, а И. Дзевалтовский занимал должность заместителя командующего Восточного фронта и военного комиссара Дальневосточной республики (ДВР).

Большинство членов Польбюро выполняли и другие функции: например, Ю. Ленский (Лещинский) был главным редактором польского журнала «Trybuna Komunistyczna», И. Уншлихт одним и создателей НКВД

[580] Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. S. 160-163.
[581] Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. S. 70-71, 140-143, 150-152, 247-251; Найдус В. Участие поляков в Октябрьской революции. Варшава: Полония, 1967. С. 310-366.; Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. S. 118-119, 159-160; Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. S. 19-20.

РСФСР, наркомом военных дел Литбел, а затем входил в состав руководителей ВЧК. Т. Радваньский был начальником политотдела Западно-Польской стрелковой дивизии, публицистом и редактором многих партийных органов, в 1920 г., он служил в Особом отделе ВЧК[582]. Ю. Мархлевский и С. Дзержинская занимали ответственные должности в Народном комиссариате культуры и образования, Э. Прухняк был председателем польского отдела Наркомата по делам национальностей[583]. М. Бронский, член руководства Коммунистической партии Германии, в 1919 г. по просьбе исполнительного органа III Коммунистического Интернационала организовал Западноевропейское Бюро Интернационала. К. Циховский, в свою очередь, был членом Коммунистической партии Литвы и ЦК Коммунистической партии Восточной Галиции[584]. Польские коммунисты, члены и сотрудники Польбюро, публиковались в важнейших органах польской печати, помимо «Młot», «Trybuna Komunistyczna» и также в центральных «Правде» и «Политработнике»[585].

Военно-командная деятельность, членство в РКП(б), КРПП, КП(б)У КП(б)Б, работа на административных должностях в органах власти РСФСР, Галицком ревкоме или Литбеле, должности в польских коммунистических организациях должны были обеспечивать активу польских коммунистов соответствующий опыт, необходимый после прихода к власти в намечаемой ими Польской советской республике. Польский историк, Т. Женчиковский в своей работе о деятельность Польревкома написал о «гибкости патриотизма», которая позволяла польским коммунистам выполнять многочисленные функции в административных, военных и политических структурах

[582] Leinwand A. J. Działalność agitacyjna i propagandowa komunistów polskich w RSFRR w latach 1918–1920 // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2005. T. 40. S. 37-38.
[583] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 27. Л. 37.
[584] Cimek H. Mniejszości narodowe w ruchu rewolucyjnym w II Rzeczypospolitej. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. S. 29-30.
[585] Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. S. 182.

теоретически зарубежных стран, таких как Литовская Республика-Белоруссия[586]. Это, несомненно, облегчалось тем, что польские коммунисты принадлежали одновременно и к КРПП, и к РКП(б), что было уникальным явлением и, по-видимому, распространялось только на польских коммунистов.

Ю. Мархлевский, Ф. Кон, Э. Прухняк, Ю. Ленский (Лещинский) и И. Уншлихт, С. Бобинский, С. Будзинский, С. Пестковский, С. Дзержинская, С. Хельтман и Б. Закс, несомненно, являются наиболее выдающимися членами Польбюро и видными фигурами польского и российского коммунистического движения[587]. Конечно, Ф. Дзержинский, ведущий деятель российского революционного движения и одна из важнейших фигур в истории послереволюционной России, официально не входил в Польское бюро, однако фактически возглавлял Польревком, который был, по сути, филиалом Польского бюро с расширенным спектром полномочий и имел представление о работе Польбюро не только благодаря своей жене Софье, работавшей там, но и будучи лично заинтересованным во всех направлениях «польской работы»[588]. Главный чекист советской России неофициально признавался «старейшим» поляком в партии, а также занимал должность политрука Военного совета Западного фронта[589].

Говоря о кадровом составе организации, можно утверждать, что сотрудники Польбюро являлись давними товарищами по партии, знавшими друг друга еще с дореволюционных, а зачастую и довоенных времен, их часто связывали дружеские, социальные и семейные узы. Жены руководства

---

[586] Żenczykowski T. Dwa komitety 1920–1944: Polska w planach Lenina i Stalina. Warszawa: Spotkania, 1990. S. 22.
[587] Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. S. 41.
[588] 18. Силкин А. А. «Ночью по ВЧК арестован товарищ заведующий»: ликвидация Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б) в 1921 году // Славяноведение. 2021. № 5. С. 16-32. DOI 10.31857/S0869544X0016742-9. С. 16-32.
[589] Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. S. 188-190.

привлекались к работе в государственных органах и по «польской линии». Наиболее яркий пример – С. Дзержинская. После возвращения из эмиграции С. Дзержинская сначала работала в Наркомате просвещения, была секретарем Польского бюро, работала в аппарате Коминтерна[590]. То же самое было характерно и для сотрудников Польбюро более низшего звена. Например, Е. Бобинская, сотрудница Польского бюро в Москве, была сестрой Ю. Бруна, члена Союзной комиссии Коммунистического Интернационала[591]. Начальник отдела агитации и пропаганды Польского бюро Я. Сосновский, работавший в сентябре 1920 г. военным инструктором в составе Западной дивизии, был мужем сотрудницы своего отдела. Я. Войтыга также проходил службу в Западной дивизии, а его жена Александра работала в отделе ЦИК КРПП в России, Стефан и Ядвига Гельтманы работали в архиве Польского бюро[592].

Тесным контактам способствовал общий опыт дореволюционного периода, а также то, что большинство сотрудников Польбюро проживало в Москве по общему адресу: Никитская улица, дом № 18 или в Хлебном переулке, где находился наркомат по польским делам Наркомнаца РСФСР после его переезда из Петрограда. Технические работники, в том числе дворники и уборщицы, проживали в доме № 3 в Кривоникольском переулке, где располагалась штаб-квартира Польбюро и где расквартировалось большинство его членов[593]. С 1922 г. на Кривоникольском располагалось также школьное общежитие Коммунистического университета национальных меньшинств Запада имени Мархлевского, а рядом располагалась квартира Ю. Ленского (Лещинского), что придавало району специфически польский характер[594].

---

[590] Rayfield D. Stalin i jego oprawcy. Szefowie stalinowskiej bezpieki. Warszawa: Amber, 2009. S. 95.
[591] Gmurczyk-Wrońska M. Julian Brun – krytyczny szkic do portretu komunisty // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2010. T. 45. S. 124.
[592] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 27. Л. 4, 10, 31-32.
[593] Там же: Л. 6-10.
[594] Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. S. 173-174, 178.

Чрезвычайно важным и фактически определяющим дальнейшую судьбу Польского бюро в России стал 1921 г. После неудачного западного похода и расформирования Польревкома для Польского бюро как влиятельного органа, который рассматривался его членами как будущая основа Польской Советской Республики, встал вопрос дальнейшего существования. В попытках сохранить влияние как внутри советской России (которое со всей очевидностью пошатнулось), так и в Польше, члены Польского бюро предприняли меры по закреплению своего статуса основного представительства КРПП и в России, и в Коминтерне.

Осенью 1920 г. взявшее на себя продолжавшие существовать на тот момент функции Польревкома, Польбюро все же оказалось в довольно неопределенном положении, так как деятельность революционного комитета, носила квазигосударственный характер, а фактически ему подчинялась польская компартия. По сути, оно являлось представительством КРПП (его деятельности на территории России), затем представляло КРПП в Коминтерне, а в дальнейшем поддерживало связи с КРПП и оказывало ей значительную помощь[595].

20 октября 1920 г. по поручению Польского бюро РКП(б) Мархлевскому надлежало установить контакт и предложить концепцию взаимодействия с заграничным бюро КРПП в Берлине[596]. В письме Польбюро заграничному отделу ЦК КРПП от 14 декабря 1920 г. указывалось требование принятия организационного решения относительно взаимодействия Польбюро и ЦК КРПП. Предлагалось создание «Бюро ЦК КРПП в России» (совещательный орган при представительстве III Интернационала, в обязанности которого входила защита и осуществление интересов польской компартии) в составе 5 наиболее влиятельных членов КРПП в России. Членами ЦК предлагались Ю. Мархлевский, Ф. Дзержинский, С. Бобинский, И. Уншлихт, С. Будзинский.

[595] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 317. Л. 76.; Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 63.
[596] Там же: Л. 134.

Позднее, по прибытию из Польши членов ЦК КРПП, они должны были войти в состав Польбюро. Решение об этом должно было рассматриваться в индивидуальном порядке членами ЦК РКП(б). Также в письме содержалось сообщение о том, что «наше положение в отношении ЦК РКП становится все более трудным»[597].

В этом предложении видится попытка польских коммунистов в России сохранить свое влияние и на зарубежное отделение польской Коммунистической партии. После неудачной советизации Польши, имея ресурсы квазигосударственного образования, Польбюро хотело через посредство КРПП сохранить свою политическую субъектность и весомую роль, которую оно приобрело за время Советско-польского конфликта, по сути, объединив руководство Польбюро и КРПП. Однако к концу 1920 г. становится очевидным давление, оказываемое на польских коммунистов руководством ЦК РКП(б). Отвергает предложение, изложенное в в письме Польбюро, и заграничный отдел ЦК КРПП, считая Польбюро органом ЦК РКП(б) для польской работы в России, несущим ответственность перед партией большевиков. КРПП было готово принимать помощь Польского бюро для работы в Польше и для осуществления контактов с представительством КРПП в ИККИ и ее заграничным отделом, однако не считает Польское бюро своей частью[598].

Такой же позиции придерживался ЦК РКП(б). По мнению руководства российских большевиков, Польбюро должно было сохранить функции посредника между Польшей и РКП(б), а также осуществлять работу по «польской линии» в России, занимаясь делами финансирования и польскими изданиями за рубежом[599]. Рассмотрев вопрос о заграничной работе, 22 октября 1920 г. Польбюро постановило: «Главной задачей Польского Бюро в области

[597] РГАСПИ Ф. 63. Оп. 1. Д. 315. Л. 39.; Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 63.
[598] Там же: Д. 317. Л. 224, 235.
[599] Там же: Д. 316. Л. 18-19.

заграничной работы является помощь КРПП предоставлением агитаторских и организаторских сил, всесторонней информации о советской России, российской партийной прессы, а также материальных средств»[600].

Кроме того, в КРПП полагали: «что в компетенцию представительства КРПП в ИККИ должны входить все вопросы, касающиеся непосредственно интересов коммунистического движения в Польше и польской революции, содействие укреплению связей между революцией в Польше и коммунистическим движением. Свою секцию в Коминтерне КРПП видели политическим представительством КРПП в отношении ЦК РКП(б) и в особенности Политбюро и советского правительства, минуя Польбюро. ЦК и заграничный отдел КРПП обязаны были обслуживать организационные центры польской работы в России (Москва, Смоленск) и на Украине»[601].

Такой подход польской компартии шел вразрез с целями и задачами Польского бюро, подразумевая сведение его функций к незначительным, лишающим былого политического влияния и субъектности. В ответ на это секретарь Польского бюро С. Бобинский направляет 16 февраля 1921 г. в ЦК КРПП письмо с критикой подобной позиции: «То, что Бюро есть орган ЦК и т.д. это мы сами знаем... Вместо урегулирования и облегчения нам здесь нашего положения, как функционеров КРПП, чего мы добивались и добиваемся, такая услуга и такое облегчение... Бюро же создано не для польской работы на территории России, а для работы на территории Польши или в связи с Польшей... В том ложность положения и невыгода его для КРПП. Никак нельзя согласиться, что эта работа касалась бы только ЦК РКП и происходила без ответственности перед КРПП. Мы, по меньшей мере, не желаем ее выполнять как функционеры исключительно ЦК РКП и отдадим самому дьяволу, если иного выхода не будет. Тем временем Мархлевский

[600] РГАСПИ Ф. 63. Оп. 1. Д. 314. Л. 5, 7; Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 63.
[601] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 65.

предлагает “делать по-старому, ибо пострадает дело”, я эту позицию поддерживаю и считаю, что он как уполномоченный КРПП имеет даже обязанность так ставить вопрос... мы не можем на дело Польши: территории и проблем Польши, для которых создано Бюро, смотреть глазами ЦК... перед кем за идеологию, касающуюся Польши, мы должны отвечать? Или же также перед ЦК РКП? ...На случай революции в Польше Польское Бюро ЦК будет выполнять разные функции в Польше, а не на территории России и тогда также должно быть ответственным только перед ЦК РКП?»[602].

Далее в письме говорилось, что Польбюро в советской России ведет, в основном, работу КРПП, которую не может выполнять ее представительство в Коминтерне[603]. Действительно, до 1921 г. официальным представительством КРПП в Коминтерне были члены Польского бюро, что, как уже говорилось ранее, не нравилось как представителям компартии в Польше, так и в ее зарубежном филиале ЦК в Берлине. Однако 17 марта 1921 г. в связи с созданием собственного аппарата КРПП в Коминтерне, особой комиссии поручается выработать план реорганизации работы Польского бюро[604]. Из Польского бюро к аппарату КРПП в Коминтерне по нему переходили, прежде всего, конспиративные дела (поиск лиц, инструктирование, отправка людей, снаряжение, финансовые средства и соответствующая переписка). Польбюро оказывало всяческую помощь представительству в его работе, а представительство содействовало Польбюро в делах, касающихся помощи КРПП, в особенности в отношениях с РКП(б) и советскими инстанциями. Отдел заграничной работы в Смоленске передавался представительству КРПП в III Интернационале[605]. Важную роль в «возвышении» польской компартии сыграл конгресс Коминтерна в июне-июле 1921 г., на котором была

[602] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 315. Л. 103.; Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 66.
[603] Там же.
[604] Там же: Д. 296. Л. 39
[605] Там же: Д. 112. Л. 31.

обозначена стратегическая и тактическая линия, отвечавшая новым условиям, в которых оказалась КРПП. Для польской делегации этот конгресс явился первой после войны встречей с представителями международного коммунистического движения, а также с соратниками по партии, находившимися на территории советской России[606].

В делегацию КРПП входили, прежде всего польские коммунисты критически смотревшие на деятельность Польревкома и Польбюро – К. Лауэр, А. Варский Г. Валецкий и др. с одной стороны и польские коммунисты, находившиеся в советской России – Ю. Мархлевский, С. Бобинский, С. Братман-Бродовский и др. Польская делегация образовала оргбюро, в которое вошли К. Лауэр, А. Варский, Ю. Мархлевский[607]. Заседания делегации, на которых обсуждались вопросы, связанные с повесткой дня конгресса, проходили с 7 июня по 17 июля 1921 г. В некоторых заседаниях принимали участие Ф. Дзержинский, И. Уншлихт, Ф. Кон. Однако именно в рамках этих встреч определялась дальнейшая судьба Польского бюро в советской России[608].

На общем собрании представителей Польского бюро при РКП(б) и представительства КРПП в Коминтерне 21 июля 1921 г. было установлено, что в ведении Польбюро в рамках работы по «польской линии» остается проведение точного учета числа и квалификации коммунистов-поляков и урегулирование распределения партийных сил[609]. Необходимым также называлось усиление деятельности и постоянное ведение партийных курсов для польских коммунистов. Отмечалось, что во многих местах парткомы не понимали значения агитации и пропаганды среди польского населения, не оказывали содействия местным организациям Польбюро. Предлагалось обязать губкомы и уездкомы партии заниматься этим делом. Коммунисты-

[606] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 68.
[607] РГАСПИ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 177. Л. 25-26.
[608] Там же: Л. 14.
[609] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 14. Л. 46.

поляки должны были вести агитационную и пропагандистскую работу. Предусматривалось привлечение молодых поляков в Коммунистический Союз Молодежи и участие в работе молодежных организаций, а также меры по развитию школьного дела и ликвидации неграмотности[610]. По сути, деятельность Польского бюро распространялась только на территорию советской России и сводилась лишь к коммунистической агитации среди польского населения страны. Стоит отметить, что большинство национальных отделов и бюро РКП(б) переходят именно на агитационную работу либо вообще ликвидируются, как это произошло с «Евсекцией» и Центральным бюро немецких секций РКП(б)[611].

Представители Польбюро возражали против этого. На заседании 4 октября 1921 г., на котором присутствовали С. Бобиньский, С. Гельтман, Ю. Ленский (Лещиньский), Ю. Мархлевский и И. Уншлихт, Польбюро приняло постановление: «Обратиться с мотивированной просьбой в Орг- и Политбюро ЦК о нераспространении "положения о подотделах национальных меньшинств" на Польское Бюро и об определении сферы его деятельности и отношения к Отделам ЦК особой инструкцией. В прошении указать на задачи Польского Бюро, превышающие рамки агитации и пропаганды среди польского населения, техническую невозможность и принципиальную нерациональность ограничения Бюро в степени, вытекающей из "положения"». Кроме того, было предложено «внести в Политическое Бюро ЦК РКП(б) мемориал о работе среди национальных меньшинств, показать отрицательные стороны «положения» и представить соответственный проект. Копии прошений направить тт. Ленину, Сталину и другим членам Политбюро. Комиссии, назначенной Оргбюро, предложить схему деятельности Польского Бюро вместе с объяснениями и проект инструкции для Бюро»[612].

---

[610] Trybuna Komunistyczna 1921. № 9. 27 ноября.
[611] Dehl O. Verratene Ideale: zur Geschichte deutscher Emigranten in der Sowjetunion in den 30er Jahren. Berlin: Trafo-Verlag Weist, 2000. P. 279.; Pipes R. Russia Under the Bolshevik Regime. New York: Vintage Books, 1995. P. 363.
[612] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 244. Л. 2, 43, 54.

Смирившись с утратой влияния в международном пространстве, Польбюро, однако, считало, что «общее политическое руководство всеми отраслями работы, имеющими отношение к польскому населению, должно быть сосредоточено» в его руках[613]. Свою компетенцию оно определяло таким образом: «входя в общую организационную схему Агитотдела ЦК, бюро сохраняет некоторую самостоятельность в связи с увеличением его функций ввиду сложностей и особых заданий», проводит агитацию и пропаганду среди польского населения, занимается учетом и распределением коммунистов-поляков, осуществляет руководство польскими отделами и секциями наркоматов, всеми изданиями на польском языке, политический контроль над школой красных командиров, имеет сношения с польскими секциями НКИД, ВЧК, Региструпа и Коминтерна, ведет учет коммунистов, прибывающих из Польши, и дела лиц, находящихся в подполье»[614].

Исходя из вышеперечисленного, можно констатировать, что в области своей работы Польбюро пыталось располагать большей самостоятельностью, чем другие национальные секции РКП(б), подчиняется соответствующему отделу, а по особым заданиям сотрудничает непосредственно с Секретариатом ЦК РКП(б)[615].

Можно наблюдать, с каким завидным упорством члены Польского бюро пытались отстоять свое положение. В письме в Политбюро ЦК РКП(б) от 25 октября 1921 г. Польбюро предлагало: «признать в дальнейшем Польбюро особым органом ЦК, проводящим его задания ввиду особых отношений с Польшей и могущим развернуться в случае необходимости»[616]. По мнению Комиссии и Орготдела ЦК, Польбюро добивалось положения, равного ЦК или, по крайней мере, самостоятельного отдела, независимого от других

[613] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 207. Л. 6.
[614] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 72.
[615] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 21. Л. 1-2.; Ф. 17. Оп. 112. Д. 242. Л. 35-36.; Д. 248. Л. 12-14.
[616] РАГСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 99. Л. 29.

отделов ЦК («маленькое польское ЦК в России»). Орготдел ЦК партии большевиков счел «мотивы Польбюро недостаточными и неправильными»[617].

Для того, чтобы унять амбиции польской организации, пришлось обратиться к авторитетам. 9 ноября 1921 г. Польбюро при участии лидеров польского коммунистического движения в России Ф. Дзержинского и Э. Прухняка, удалось принять компромиссное решение: «Подтвердить прежнее постановление и поддержать в ЦК представленные предложения»[618].

В письме секретарю ЦК РКП(б) от 10 ноября 1921 г. говорилось, что «заключение Орготдела не затрагивает спорного вопроса, будучи в остальном правильным, а) Польская агитпропаганда среди польского населения должна быть подчинена агитпропу. Польбюро просит лишь в виду сложности и трудности работы некоторую самостоятельность. Этот вопрос не вызывает принципиального разногласия, б) Зато Орготдел не высказывается относительно главного вопроса, а именно касающегося работ Польбюро и не относящихся непосредственно к агитпропаганде, а вытекающих из соседства буржуазной Польши и предстоящих с ней столкновений. Как раз этот вопрос Польбюро просит сделать вопросом обсуждения Оргбюро и Политбюро»[619].

Оргбюро ЦК РКП(б) 14 ноября 1921 г., рассмотрев вопрос о Польбюро с участием его руководителей С. Гельтмана, С. Бобинского и заведующего подотделом АПО А.А. Копяткевича, констатировало: «1. Подтвердить прежнее решение. 2. Признать необходимым дополнительное рассмотрение штатов Польбюро[620], имея в виду некоторое увеличение функций в работе Польбюро. 3. Предоставить Польбюро право учета коммунистов-поляков. 4. Предоставить Польбюро право участия в распределении коммунистов-поляков. 5. Соответственный проект положения предложить агитотделу

[617] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 242. Л. 49.
[618] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 14. Л. 60.
[619] РАСГПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 14. Л. 60.; Д. 32. Л. 10.; Ф. 17. Оп. 112. Д. 242. Л. 47.
[620] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 26. Л. 11.

представить на утверждение следующему заседанию Оргбюро (18 ноября). 6. Оставить прежнее название Польбюро»[621].

В связи с таким решением Оргбюро ЦК Польское бюро 15 ноября 1921 г. решает: «Утвердить представленный проект положения Польского Бюро и в соответствии с п. 5 постановления Оргбюро от 14/XI предложить в Агит. проп. ЦК поговорить по этому вопросу с т.т. Дзержинским и Уншлихтом»[622]. 19 ноября ЦК Бюро постановило «настаивать на предложенной редакции проекта положения о Польском Бюро»[623]. Вопрос положения Польского бюро как партийно-административного элемента стоял весьма остро, и Оргбюро ЦК 25 ноября создает комиссию с участием представителей ВЧК, НКИД и Польской секции Коминтерна для разработки «Положения о Польбюро»[624]. 2 декабря 1921 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) выносится финальное постановление относительно деятельности Бюро:

«1) Польбюро принимает участие в работах Уч. Распред, отдела по учету всех т.т. коммунистов-поляков, обращая особое внимание на учет поляков-коммунистов а) репатриируемых, б) прибывающих из Польши и др. стран, в) отправляемых Польской секцией Коминт. для работы в подполье, собирая о них все нужные сведения. Примечание: 1) Для этой работы в Уч. Распредотделе выделяется в случае надобности особый работник, 2) ведет учет репатриируемых коммунистов-поляков.

2) Участвует в распределении коммунистов-поляков согласно потребностям Агитпропработы среди польского населения, а также на основании предъявляемых в Польбюро требований и заявлений со стороны различных партийных и советских учреждений и составляет план переброски партсил, а также дает свои заключения относительно лучшего использования отдельных коммунистов-поляков и их пригодности для той или иной работы.

---

[621] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 242. Л. 2.
[622] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 14. Л. 63-64.
[623] Там же: Л. 64.
[624] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 242. Л. 2.

3) Контроль и руководство всей издательской работой на польском языке на территории Советских Республик через соответствующие Центральные Комитеты и Областкомы (Украины, Белоруссии и т. д.) принадлежит Польбюро ЦК, которое осуществляет его через устанавливаемую редакционную Коллегию. Без контроля Польбюро через его Уполномоченых не может печататься ни одно периодическое и непериодическое произведение на польском языке (кроме изданий Наркоминдела).

4) Под совместным руководством Польбюро и Польсекцией Коминтерна имеется Польское Пресс-бюро для обслуживания Коминтерна и Межпрофсоюза, Редакц[ий] коммунистических газет, областных и местных Польбюро и отдельных т.т., по характеру своей работы нуждающихся в сведениях.

5) При Польбюро имеется научная парт. библиотека, парт. архив, а также временно архив Коммун, раб. парт. Польши. Особое мнение т. Гусева “сохранить п. 6.”.

6) Переписка по делам Коминтерна, НКИД и ВЧК ведется за подписью Секретаря Польбюро каждый раз с санкции Секретаря ЦК, касающаяся Агит. и пропаганды - в общем порядке»[625].

Вместе с тем на 3-й Всероссийской конференции коммунистов-поляков членами Польбюро утверждались С. Гельтман, С. Бобинский, Ю. Ленский (Лещинский)[626]. Такой итог был закономерен. Без соответствующего решения руководства РКП(б) или хотя бы поддержки видных польских коммунистов в России Польское бюро, не реализовавшее Польской Советской Республики, не могло конкурировать с КРПП, которой отводилась главная роль в намечаемой советизации Польши. Особое положение Польского бюро противоречило

[625] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 253. Л. 2, 4, 24.; Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 74-76.
[626] Там же: Л. 2.

принципам РКП(б) и Коминтерна, и члены Польбюро, несмотря на сопротивление, приняли предложенные им ограничения в работе.

Однако данная организация продолжает активную деятельность, формально в рамках установленных компетенций, а неформально (по горизонтальным линиям польского коммунистического движения) выходила за пределы оного. На протяжении 1922 – 1923 гг. Польбюро ведет активную переписку с ЦК РКП(б), в которой, выполняя свои основные функции, отчитывается о перемещениях по должности, назначении поляков на военную, партийную, советскую работу и о направлении польских коммунистов на подпольную работу в Польшу[627].

В дальнейшем в документах Польского бюро прослеживается все меньше работы по дипломатической, разведывательной или военной линиям. В декабре 1924 г. представители Польского бюро при ЦК РКП(б) в резолюции, озвученной на собрании «коммунистов-поляков ответственных партийных и советских работников города Минска», обрушиваются с критикой на представителя КРПП А. Варского после публикации в «Правде» 5 декабря 1924 г. его дискуссионной статьи «В чем состояли наши ошибки», в которой он пишет об ошибках КРПП, а также о причинах неудачной социалистической революции в Польше[628].

На регулярной основе проводятся Всесоюзные совещания работников Польского бюро ЦК РКП(б), совещания в рамках республиканских партийных организаций, а также губкомов, обкомов и райкомов[629]. На организованных Польским бюро собраниях коммунистов-поляков и активных партийных работников происходят слушания по докладам об итогах пленума ЦК Коммунистической рабочей партии Польши с последующим проведением информационных и дискуссионных собраний по подобным вопросам[630].

[627] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 554. Л. 1-18.
[628] Там же: Д. 373. Л. 6, 20.
[629] Там же: Д. 363. Л. 11-14, 16, 22.
[630] Там же: Д. 365. Л. 1-3.

С 1923 по 1926 гг. Польское бюро ведет активную работу среди польского населения. Эта деятельность прослеживается в переписке Польского бюро ЦК РКП(б) с его филиалами в ЦК КП(б)Б и КП(б)У[631], а также губкомах, райкомах и обкомах советской России[632], и в Москву направляются отчеты об «организационно-массовой и агитационно-пропагандистской работе среди польского населения», об экономическом состоянии и настроении польского населения, о работе польских школ, передаются проекты и планы работ польских секций, протоколы общегородских собраний с участием польских коммунистов, совещаниях поляков-коммунистов. В 1925 г. во многих городах СССР со значительным польским населением прошли митинги протеста рабочих, организованные Польским бюро, в связи с убийством в Польше А. Вечоркевича и В. Багинского[633].

Стоит отметить, что Польбюро продолжало курировать деятельность относительно «польского образования» в СССР. В тесном взаимодействии с агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б), центральными Польбюро Наркомпроса РСФСР и УССР, Польбюро при ЦК РКП(б), курирует не только обучение поляков в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада им. Мархлевского (где преподает в том числе секретарь Бюро С. Дзержинская), но и польские педагогические техникумы в Москве, Ленинграде и Киеве. Как это и устанавливалось Оргбюро ЦК партии, через канцелярию Польского бюро проходила документация польских образовательных учреждений, касающаяся порядка приема учащихся, организационно-массовой и политвоспитательной работы, отчеты партийной и комсомольской ячеек, протоколы комсомольских собраний и другое[634].

К потребностям агитационно-пропагандистской работы с польским населением, прежде всего в сельской местности, Польбюро приспосабливало и возрастающую издательскую деятельность. При этом не упускалась из виду

[631] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 382. Л. 1-30.
[632] Там же: Д. 601. Л. 11-23, 43-46.; Д. 614 Л. 28, 32.; Д. 616. Л. 1-24.
[633] Там же: Д. 618. Л. 12, 34, 102.
[634] Там же: Д. 619. Л. 1-35.

необходимость охвата коммунистическим влиянием и других слоев трудящихся-поляков – рабочих, молодежи, женщин, учителей и т.д. Определенную роль сыграла созданная весной 1924 г. издательская комиссия Польбюро в составе Ю. Мархлевского, С. Будзынского и секретаря Польского бюро С. Борского[635], которая в июне 1925 г. предложила придать газетам «Sierp» и «Orka» исключительно крестьянский характер[636].

Одной из важных проблем, стоявших перед Польским бюро во второй половине 1920-х гг., являлся кадровый вопрос. В период с 1926 по 1927 гг. формируется штатное расписание устоявшихся ячеек Польского бюро на местах и даются сводки относительно численности польского населения на территории СССР. С учетом небольших групп поляков в Закавказье и Узбекистане всего в СССР на 1927 г. насчитывалось приблизительно 790 500 поляков[637].

В социально-классовом отношении польское население в СССР не было однородным. Основная масса его состояла, главным образом, из рабочих и крестьян, причем подавляющее большинство составляли крестьяне. По переписи 1926 г. 526 149 поляков были сельскими жителями[638]. Эта статистическая информация была необходима Агитационно-пропагандистскому отделу ЦК РКП(б) для обоснования расширения штата, особенно это касается региональных отделений Бюро[639], в связи с необходимостью усиления работы с сельским польским населением, где дела шли не столь оптимистично: польское крестьянское население, склонное к клерикализму, местечковости и традиционализму, без особой охоты

[635] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 354 Л. 13.
[636] Там же: Л. 82.
[637] Национальная политика ВКП(б) в цифрах. Москва: Изд-во Коммунистической академии, 1930. С. 36, 44.
[638] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Союз Советских Социалистических Республик. Т. 30. Украинская Социалистическая Советская Республика. Москва: ЦСУ Союза ССР, 1929. VI, С. 36.
[639] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 599. Л. 1-60.

воспринимали нововведения советской власти, особо рьяно упорствовали против коллективизации[640].

Важную роль в подведении итогов работы Польбюро, которое в документах значится как Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б), в конце 1920-х гг., дает докладная записка секретаря Польского бюро С. Дзержинской на Всесоюзном совещании работников польских бюро в мае 1928 г.[641] В докладе помимо прочего говорится о первых польских колхозах Проскуровского района Украины. Так, Маньковецкий колхоз объединял 16 хозяйств, в нем работало 65 человек. Колхоз имел 31 десятину земли и всего четыре лошади. При организации, весной 1928 г., колхоз получил кредит от государства в размере 1 535 рублей. В Гречанский колхоз вошло 7 крестьянских хозяйств и 31 человек. В проведении коллективизации среди поляков большую роль сыграла сельская молодежь, комсомольцы. Польбюро ЦК ВКП(б) 29 марта 1929 г. приняло решение об участии польских ячеек ЛКСМ в «походе за урожаем». Оно поставило перед сельскими комсомольцами задачу сделать коллективизацию сельского хозяйства ключевым звеном работы каждой ячейки комсомола в польской деревне[642].

Однако главными в докладе С.С. Дзержинской следует видеть следующие фактологические данные: к моменту доклада, по данным Польского бюро, на территории СССР проживало 782 281 поляк или 0,5% от всего населения, из которых 362 684 человека назвали польский родным языком[643]. Среди них 12 181 поляк – коммунист[644], 8 241 поляк – комсомолец, 78,9% из которых мужчины и 21,1% женщины соответственно[645], 7 500 поляков – пионеров[646]. Основными проблемами, мешающими польскому населению активно воспринимать коммунистические идеи, С. Дзержинская

[640] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 387. Л. 7.
[641] Там же: Д. 387. Л. 7.
[642] Там же: Д. 369. Л. 84.
[643] Там же: Л. 114.
[644] Там же: Л. 11.
[645] Там же: Л. 27.
[646] Там же: Л. 34.

называет: «Пережитки национализма как травма вследствие национального гнета»[647], при этом секретарь Бюро отмечает, что среди польского населения, присутствует ощущение «мнимого превосходства польской нации» по отношению к украинцам, белорусам и особенно к евреям[648].

Особый интерес в рамках изучения деятельности Польского бюро представляет пункт отчета, посвященный проблемам, стоящим перед Бюро: «Особенные затруднения в работе Польбюро за последние годы возникли, в связи с внутрипартийным положением в ВКП(б) и компартии Польши. Борьба с троцкистской оппозицией в рядах коммунистов поляков, отсутствие у Польбюро поддержки в этой борьбе со стороны польского коммунистического актива г. Москвы, попытки здешних сторонников бывшего меньшинства в КПП перенести дискуссию и фракционную борьбу по вопросам КПП в ряды поляков членов ВКП(б). Создавшийся на деле против Польбюро двойной фронт: поляков сторонников троцкистской оппозиции и здешних сторонников бывшего меньшинства в КПП – все это создает чрезвычайно трудные условия для работы Польбюро и отвлекает его от текущей работы»[649].

Ранее, в 1927 г., С. Дзержинская от имени Польбюро направляла в ЦК ВКП(б) письмо с осуждением оппозиции в КПП. Из этих сообщений становиться понятным, что сложные отношения, складывающиеся между КПП и ВКП(б), не могли не отразиться на деятельности Польского бюро, однако, эти же сообщения делают нам очевидным наличие непрерывающихся контактов между польской Компартией и Польским бюро на территории России, в том числе по вопросам, находящимся в ведении Польбюро.

К вопросу агитации и пропаганды можно отнести пункт отчета, в котором отмечается ухудшение качества «польской работы» с красноармейцами. В январе 1921 г. курсы польских красных командиров, открытые в декабре 1918 г. в Москве, были перенесены в Петроград. Польское

[647] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 369. Л. 12.
[648] Там же: Л. 23.
[649] Там же: Л. 13.

бюро оспаривало это решение, полагая, что Москва – лучшее место для подготовки будущих революционеров и командиров Польской Красной Армии, но эти протесты не увенчались успехом. 30 марта 1923 г. на уровне ЦК РКП(б) было принято решение о переносе курсов на Кубань, что Польбюро сочло «политической ошибкой» и заявило, «что в этой ситуации оно не несет ответственности за дальнейшую судьбу и образование польских красных командиров»[650]. Однако, судя по архивным документам, курировало это направление вплоть до ликвидации курсов в 1928 г.: «Несмотря на выработанное Польбюро и утвержденное Главным Политическим Управлением в 1925 г. положение о работе среди красноармейцев поляков – никакая работа на польском языке, за исключением времени сборов, среди них не ведется. В 1928 г. ликвидированы объединенная польская школа коммунаров, польская рота и бригада, в связи с чем невозможно обеспечить войска командирами, хорошо владеющими польским языком»[651].

Сложно оценить приоритет данной работы для ВКП(б) на момент 1928 г., однако сам факт, что этот вопрос поднимается на Всесоюзном совещании работников польских бюро, говорит, что, по крайней мере, до 1928 г., Польбюро привлекалось к этому процессу. Стоит добавить, что «польская работа» по разведывательно-диверсионной линии в этот период набирала обороты. Недавно отгремела «военная тревога»[652], и в Москве под эгидой Коминтерна 25 октября 1929 г. были созданы специальные польские курсы со сроком обучения 9 месяцев в составе 30 слушателей[653].

Также в отчете упомянуто количество сотрудников Польского бюро, задействованных в агитационной деятельности на территории СССР на момент доклада: Ленинград – 596, Москва – 778, Сев.Кав. – 280, Сиб. – 359,

---

[650] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 48-50.
[651] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 369. Л. 98.
[652] Рыков Г. О. Рыцарь Коминтерна // Власть. 2023. Т. 31, № 4. С. 225–230. DOI 10.31171/vlast.v31i4.9746. С. 237.
[653] Дамаскин И. А. Сталин и разведка. Москва: Вече, 2004. С. 82.

Закавказье – 72, Средняя Азия – 154, УССР – 1 479, БССР – 436[654]. Стоит отметить, что в докладе указывается не количество сотрудников Польского бюро и его филиалов в разных регионах, а именно количество лиц, задействованных непосредственно в работе «на земле»[655]. Наблюдается убыль польского населения относительно предыдущего статистического исследования годом ранее. Это позволяет говорить о некой объективизации данных относительно численности поляков в СССР, так как Польское бюро в силу своих интересов было главной структурой, в интересах которой было завышать количество поляков, живущих в советской России.

В 1928–1929 гг. Польское бюро занимается составлением учебных планов 3-х годичной совпартшколы нацменьшинств, в первую очередь имея в виду польских учащихся. Под руководством Бюро составляется программа польских местных курсов, содержащая тезисы и методические указания по программе истории классовой борьбы в Польше. Польбюро ведет переписку с Киевской, Минской, Житомирской, Могилевской и другими партийными школами об изменениях и добавлениях к программе для польских студентов[656].

В октябре 1929 г. в Польское бюро при ЦК КП(б)У поступила информация о том, что 350 польских семей из Одессы, Киева, Херсона и других городов желают уехать в Польшу. В ответ Польбюро потребовало от местных структур всяческого сдерживания процесса эмиграции, выяснения социального состава и политической ориентации заявителей, а также более активного вовлечения «польской бедноты» в колхозы[657].

Несмотря на очевидную сосредоточенность на внутрисоветских делах, Польское бюро ведет переписку с представительством КПП при ИККИ, с ИККИ и Польской комиссией Истпарта ЦК ВКП(б). В документах польской секции Коминтерна сохранился архив переписки за 1928 г., в которой

[654] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 369. Л. 93.
[655] Там же: Д. 368. Л. 1-45.
[656] Там же: Д. 389. Л. 23, 32-58.
[657] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2930. Арк. 11.

прослеживается взаимодействие польской секции и Польского бюро по таким вопросам, как отправка материалов 4 съезда КПП и нелегальных изданий партии, поездка польских делегатов 6 конгресса Коминтерна в Ленинград, награждение польского коммуниста С. Ланцуцкого орденом Красного знамени и передача знамени Польревкома в Музей Революции СССР. Однако среди прочего обсуждаются и вопросы, безусловно связанные с «польской линией», однако выходящие за пределы компетенции Польбюро, среди них позиция ИККИ по поводу раскола в КПЗУ и положении дел в том числе польского населения в Западной Белоруссии[658].

В течение всего 1929 г. представители Польского бюро консультируются с представительством польской секции в Коминтерне относительно редактуры газет о партшколе КПП в Москве. Также поднимается вопрос об оказании содействия в присылке статей и печатных материалов из Польши для нужд агитации и пропаганды Польского бюро. Со своей стороны Бюро занимается предоставлением пропусков на парад 7 ноября польским делегатам 10 пленума ИККИ[659]. О вовлеченности в вопросы, связанные с прибытием в СССР польских делегатов, свидетельствуют также материалы «особой папки», составленной на основании документов фондов РГАСПИ, из них следует, что помимо функционеров НКИДа выписки из решений заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), по крайней мере до 1929 г., доводились до руководителя Польского бюро Я. Неймана[660].

Вопрос о том, когда Польское бюро перестало функционировать, на данный момент однозначно не разрешен. В материалах «Энциклопедии истории Белоруссии» указывается, что 2-й (и последний) Всебелорусский съезд поляков-коммунистов состоялся в 1929 г., на чем основывается предположение о том, что Польское бюро при ЦК КП(б)Б прекратило свое

[658] РАСГПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 100. Л. 76-191.
[659] Там же: Д. 118. Л. 23, 54-100.
[660] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 53.

существование в этом году[661]. Однако это, скорее всего, неверно. Последним по дате документом в фонде Польского бюро агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) является протокол заседания Бюро Мархлевского райкома КП(б) Украины от 3 января 1930 г. и резолюция ЦК КП(б) Украины по докладу Польского бюро Мархлевского райкома 14 января того же года[662].

В архивных материалах Польского бюро в карточке описи «Статья и корреспонденции для польской печати в России» конечным указан уже 1931 г.[663], да и в целом в описании фонда годы работы Польского бюро обозначены как 1919–1931 гг.[664]. Можно было бы предположить, что в этот год заканчивается деятельность Польского бюро и его филиалов, которое, как многие национальные секции РКП(б) ранее, ликвидируется за ненадобностью. В записке С.С. Дзержинской от 1941 г. сообщается о передаче дел Польского бюро Я. Нейману, который, судя по архивным данным, до конца 1929 г. значился секретарем Польского бюро АППО при ЦК ВКП(б)[665], заняв ее место на посту секретаря организации, и, как многие польские коммунисты, был репрессирован в 1937 г.[666] То есть по крайней мере до 1931 г. Бюро существовало. Более того, работа по «польской линии» внутри СССР с 1931 по 1935 гг. велась весьма активно. Шло интенсивное развитие польских национальных автономий, председателем исполкома, одной из которых был секретарь Польского бюро Белоруссии Б. Вонсовский.

Однако в данном вопросе существует любопытное свидетельство, некоторым образом пролонгирующее существование Бюро. В своей работе, посвященной репрессиям в отношении польского населения в СССР в конце 1930-х гг., польский историк Н. Иванов, ссылаясь на автора из народной

---

[661] Карашчанка І. Польскае бюро пры ЦК КП(б)Б // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 5. Мінск: БелЭн, 1999. С. 545.
[662] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 386. Л. 1-7.
[663] РГАСПИ Ф. 63. Оп. 2.
[664] РГАСПИ Ф. 63.
[665] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 118. 38-40.
[666] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 369. Л. 169.

Польши[667] и перечисляя актив Польского бюро при ЦК КП(б)У, указывает на то, что руководитель украинского отделения С. Лазоверт числился таковым с 1923 по 1939 гг.[668] Этим данным противоречит информация из польского биографического словаря[669], в соответствии с которой руководство Польским Бюро Украины осуществилось С. Лазовертом с 1923 по 1930 гг., а с 1935 по 1937 гг. он руководит Институтом польской пролетарской культуры Академии Наук Украинской ССР. Как уже указывалось выше, даже если Бюро прекращает существование в 1931 г., до 1935 г. польские автономии и организации в СССР продолжают функционировать, управляемые теми же самыми людьми. А причину отсутствия документов этого периода можно частично объяснить работой органов госбезопасности, которые, собирая материалы по деятельности польских коммунистов, приобщали архивные документы Польского бюро к материалам уголовных дел[670].

Кроме того, можно с определенной долей вероятности предположить следующее: в связи с тем, что Польское бюро активно занималось взаимодействием с образовательными организациями СССР и фиксировало отбытие и прибытие поляков на территорию советской России, отметим тот факт, что в 1933 г. в Международной Ленинской Школе числилось 12 студентов из Польши[671], а с 1932 по 1936 гг. – 5 аспирантов[672], и это может говорить о том, что данные лица поступили МЛШ посредством взаимодействия с Польским бюро, если оно еще существовало, либо с инстанциями, выполняющими его существовавшие функции.

---

667 Kawecka K. Z dziejów szkolnictwa polskiego w Związku Radzieckim, 1917–1923 // Z Dziejów Stosunków Polsko-Radzieckich: studia i materiały. T. 7. Warszawa: Książka i Wiedza, 1970. S. 148.

668 Iwanow M. Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. «Operacja polska» 1937–1938. Kraków: Znak Horyzont, 2014. S. 476.

669 Polski Słownik Biograficzny. T. 18, zesz. 76–79: Lubomirski Aleksander – Machowski Walenty. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973. S. 296.

670 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 411. Л. 1-35.

671 РГАСПИ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 144. Л. 17.

672 Там же: Д. 107. Л. 11.

Если придерживаться этих выводов, а также опираться на имеющиеся источники, то к 1931 г. и до начала репрессий руководящий состав Польского бюро или неких иных органов польских этно-политических групп, мог выглядеть следующим образом: Я. Нейман – секретарь Польбюро при ЦК ВКП(б), П. Вноровский, Б. Вонсовский, М. Мазепус – основной актив Польбюро ЦК КП(б) Белоруссии, Б. Скарбек, С. Лазоверт – Польбюро ЦК КП(б) Украины[673]. По другим данным на момент ареста в 1937 г. Я. Нейман и Б. Вонсовский не занимали партийных должностей[674].

К этому моменту в связи со снижением роли Польского бюро в политике СССР многие активные члены, не считая тех, кто покинул организацию по причине смерти, в основном, занимались другой деятельностью в рамках советской партийно-государственной системы. Много бывших членов Польбюро перешло в Коминтерн, прежде всего в польскую секцию. Так или иначе, горизонтальные связи между польскими коммунистами никогда не ослабевали, велась как деловая, так и личная переписка, а взаимодействие по линии Польское бюро – Коминтерн – КПП, всегда велось не без участия, впрочем, органов ВЧК-ОГПУ и НКИДа, где польские коммунисты также были неплохо представлены. Эта тесная связь польских коммунистов между собой, учитывая регулярные трения и «ошибки» польской компартии, а также уход с политической арены СССР высокопоставленных соотечественников, во многом сыграли против них и в период репрессий 1937–1938 гг. накопившийся массив в советской России претензий в адрес польского коммунистического движения превратился для его представителей, находившихся в стране, в круговую поруку.

---

[673] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. Москва: МФД, 2004. С. 310.; Iwanow M. Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. «Operacja polska» 1937–1938. Kraków: Znak Horyzont, 2014. S. 297.

[674] Жертвы политического террора в СССР: база данных / Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». 4-е изд. Москва: Мемориал, 2007. URL: https://lists.memo.ru (дата обращения: 22.02.2024).

Выводы. Создание в советской России Польбюро было прямым ответом на решение Исполнительного комитета КРПП в России о самороспуске и перебазировании на Украину, которое не устраивало ЦК РКП(б) и лично Ф. Дзержинского, стремившихся сохранить контроль над польскими коммунистическими кадрами, а уже 28 июня 1919 г. Оргбюро ЦК РКП(б) формально ограничило сферу деятельности Бюро «пределами России», одновременно допустив его участие в борьбе с польским шпионажем и консультировании НКИД.

Накануне вступления Красной Армии на польские территории, до 1917 г. входившие в состав Российской империи, 19 июля 1920 г., решением ЦК РКП(б) было создано новое Польское бюро с широкими полномочиями под председательством Ф. Дзержинского, а прежнее Польское бюро агитации и пропаганды во главе с С. Дзержинской стало одним из его отделов, после чего осенью 1920 г. обновленный орган взял на себя функции ликвидированного наркомата по польским делам, бывшего структурным подразделением Наркомата по делам национальностей РСФСР.

Польбюро осуществляло многоаспектную работу среди польского населения России, включая репатриантов, мигрантов и военнопленных, причем его сотрудники пытались отговорить поляков от выезда на родину, а в случае неизбежности отъезда занимались вербовкой и предоставлением агентурных контактов с КРПП, что делало Бюро ключевым звеном в системе подготовки и переброски кадров для подпольной работы в Польше.

Организационная структура Польбюро была многоступенчатой и включала в советской России областные, губернские, районные и городские отделения при соответствующих комитетах РКП(б), причем центр формально выполнял консультативные функции, но фактически, особенно в кадровых вопросах, имел решающий голос, а местные отделения обязывались информировать центр обо всей деятельности и согласовывать с ним кадровые назначения.

Согласно Инструкции ЦК РКП(б) об организации местных отделений, члены польской секции РКП(б) обязывались прежде всего подчиняться региональной общепартийной организации, использование польского языка допускалось лишь для улучшения взаимопонимания с населением, а все члены групп КРПП в России должны были пройти перерегистрацию и вступить в общепартийные организации по месту проживания, сохраняя связь с Польбюро, что создавало механизм двойного подчинения.

Группы КРПП в советской России изначально обладали организационной автономией внутри РКП(б), но ее сохранение противоречило ленинскому принципу территориальности, согласно которому в одной стране могла существовать только одна коммунистическая партия, поэтому по мере закрытия «российских» групп на базе Польбюро было создано Исполнительное управление КРПП в России, служившее связующим звеном между двумя партиями.

Члены Исполнительного управления КРПП, одновременно считавшиеся членами Польбюро, представляли КРПП в Коминтерне, что вызывало раздражение заграничного филиала ЦК КРПП в Берлине, однако эта ситуация была обусловлена прежде всего полицейскими репрессиями в Польше, а не стремлением большевиков к доминированию, и завершилась созданием в 1921 г. самостоятельного Представительства КРПП при ИККИ.

Отделения Польбюро в советской России создавались только в местах значительной концентрации поляков, что приводило к парадоксальной ситуации, когда отдельные региональные отделения охватывали огромные территории, а московское отделение, например, отвечало за ячейки от Витебска и Пскова до Саратова, что создавало серьезные трудности в координации работы.

В кадровой политике Польбюро при назначении польских коммунистов во властные структуры советской России учитывали образование, идеологический настрой, социальное происхождение, знание языка, место рождения и партийный стаж, причем приоритет при направлении на места

отдавался уроженцам соответствующих регионов, а основным критерием было не столько этническое происхождение, сколько знание польского языка и наличие связей с Польшей и польским населением.

Руководство Польбюро составляли революционеры с дореволюционным стажем, причем их «партийное происхождение» было различным и имело значение для внутренней фильтрации: приоритетным считался стаж в СДКПиЛ, но и стаж в ППС-левице признавался уважаемым, хотя программные разногласия и амбиции отдельных активистов продолжали влиять на взаимное восприятие бывших членов разных партий внутри единой организации.

Члены КРПП в результате договоренностей с РКП(б) автоматически становились членами последней при въезде в советскую Россию на длительный срок и теряли членство при выезде, что делало польские отделения партии большевиков неофициальной составляющей КРПП, а секретари Польбюро регулярно участвовали в заседаниях и конференциях польской компартии, причем большинство членов КРПП, Польбюро и польской секции Коминтерна были одними и теми же людьми.

В составе Польбюро работали не только этнические поляки, но и коммунисты непольского происхождения, особенно еврейского, что не возбранялось партийными инстанциями, однако данная особенность кадрового состава не вызывала симпатии у польского населения, прежде всего крестьянства, что снижало эффективность агитационной работы на селе. Ротация кадров в Польбюро происходила чрезвычайно часто, причем постоянно происходил обмен сотрудниками между польской, литовско-белорусской и еврейской секциями, а одни и те же сотрудники выполняли множество функций, входя одновременно в руководящие органы РСФСР, КП(б)У, ВЧК и Коминтерна, что создавало уникальную систему перекрестного представительства польских коммунистов во всех значимых структурах в советской России.

Поляки занимали ключевые позиции в Литовско-Белорусской Республике, где из четырнадцати членов Совнаркома шестеро были поляками, включая наркомов просвещения, военных дел, государственного контроля и юстиции, что подтверждает их доминирующее положение в партийно-государственном аппарате этого региона советской России. Ф. Дзержинский, официально не входивший в состав Польбюро, фактически возглавлял Польревком и имел полное представление о работе Бюро через жену Софью, будучи лично заинтересованным во всех направлениях «польской работы», что делало его неформальным патроном польской линии в советской политике, а сотрудников Бюро связывали давние партийные, дружеские и семейные узы, подкрепленные совместным проживанием в Москве по общим адресам.

1921 г. стал рубежным для Польбюро, поскольку после неудачного Западного похода Красной Армии и расформирования Польревкома встал вопрос о его дальнейшем существовании, и члены Бюро предприняли попытку сохранить политическую субъектность, предложив создать «Бюро ЦК КРПП в России» в составе наиболее влиятельных польских коммунистов, что фактически означало стремление к слиянию руководства Польбюро и КРПП. Однако предложение Польбюро было отвергнуто заграничным отделом ЦК КРПП, который рассматривал Бюро исключительно как орган РКП(б) для польской работы в советской России, а секретарь Польбюро С. Бобинский в ответ направил острое письмо, в котором подчеркивал, что Бюро создавалось для работы на территории Польши и в связи с Польшей и его члены не желают выполнять эту работу как функционеры исключительно ЦК РКП (б).

Третий конгресс Коминтерна в июне-июле 1921 г. определил судьбу Польбюро, поскольку в работе польской делегации встретились как критически настроенные к Польревкому деятели из КРПП, так и его сторонники из советского польского актива, по итогам дискуссии была создана комиссия для выработки плана реорганизации, что привело к передаче конспиративных дел и заграничной работы представительству КРПП в

Коминтерне. Исход борьбы за повышение статуса был закономерен, поскольку без поддержки руководства РКП(б) и видных польских коммунистов Польбюро, не реализовавшее проект Польской Советской Республики, не могло конкурировать с КРПП, которой отводилась главная роль в намечаемой советизации Польши, а особое положение Бюро противоречило базовым принципам партийного строительства и Коминтерна. На протяжении 1922–1923 гг. Польбюро продолжало деятельность в советской России, формально в рамках установленных компетенций, а неформально выходя за их пределы по горизонтальным линиям польского коммунистического движения, отчитываясь о назначении поляков на партийную и советскую работу и направлении их в Польшу для подпольной деятельности, что свидетельствовало о сохранении за его сотрудниками кадровой функции.

В декабре 1924 г. Польбюро выступило с критикой статьи А. Варского в «Правде» об ошибках КРПП, а в 1925 г. организовало митинги протеста в связи с убийством в Польше коммунистов А. Вечоркевича и В. Багинского, что подтверждает сохранение за Бюро роли координатора идеологических кампаний среди польского населения СССР. В середине 1920-х гг. Польбюро продолжало курировать польское образование, взаимодействуя с республиканскими наркомпросами советской России и контролируя деятельность Коммунистического университета имени Мархлевского, польских педагогических техникумов и партийных школ, а также развивало издательскую деятельность, создав в 1924 г. специальную издательскую комиссию для придания газетам на польском языке крестьянского характера.

К 1928 г., как отмечалось на Всесоюзном совещании, против Польбюро сложился двойной фронт из сторонников троцкистской оппозиции и бывшего меньшинства в КПП, пытавшихся перенести фракционную борьбу в ряды поляков – членов ВКП(б), что создавало чрезвычайно трудные условия и отвлекало Бюро от текущей работы, а ранее, в 1927 г. польские коммунисты направляли в ЦК письмо с осуждением оппозиции в КПП.

Несмотря на формальное ограничение компетенции, Польбюро продолжало взаимодействовать с представительством КПП при ИККИ по широкому кругу вопросов, включая позицию по расколу в КПЗУ, положение в Западной Белоруссии, отправку нелегальных изданий и прием польских делегатов, а выписки из решений Политбюро ЦК ВКП(б) доводились до руководителя Бюро как минимум до 1929 г., что подтверждает сохранение за Бюро консультативной роли. Вопрос о дате прекращения функционирования Польбюро остается дискуссионным: согласно архивным данным фонда, его деятельность охватывает период с 1919 по 1931 гг., последним документом является протокол от января 1930 г., при этом работа по «польской линии» в рамках польских национальных автономий активно велась до 1935 г., а отсутствие документов после 1931 г. может объясняться изъятием архива органами госбезопасности в период активной фазы репрессий.

Выводы по второй главе.

Анализ организационной эволюции польских коммунистических структур в советской России в 1917–1931 гг. позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, институциональное оформление национальной политики большевиков началось при непосредственном участии польских коммунистов. Организация Наркомата по делам национальностей в ноябре 1917 г. была возложена на представителя СДКПиЛ С. Пестковского, ставшего заместителем наркома. Первым из национальных отделов Наркомнаца РСФСР был создан именно Комиссариат по польским делам, что свидетельствовало о приоритетности польского направления в национальной политике на раннем этапе и обеспечило польским коммунистам ключевые позиции в этом ведомстве, и в некоторых других партийно-государственных органах РСФСР 1917–1922 гг.

Во-вторых, особое положение польских коммунистов заключалась в двойной партийной лояльности: члены КРПП автоматически становились

членами РКП(б) при въезде в советскую Россию, а польские отделения большевистской партии фактически выполняли функции представительств польской компартии. Эта конструкция, существовавшая вплоть до III конгресса Коминтерна (1921 г.) и сохранявшаяся в переходных формах до 1922 г., не имела аналогов среди других национальных секций и обеспечивала польским коммунистам беспрецедентное институциональное влияние, но одновременно делала их положение крайне уязвимым в сравнении с другими национальными секциями и структурами РСФСР.

В-третьих, ключевые польские организации – Комиссариат по польским делам, Польское бюро ЦК РКП(б) и Временный революционный комитет Польши – представляли собой не смену разрозненных органов, а последовательную трансформацию единой властной элитной группы, сохранявшей кадровую преемственность. Руководство всеми тремя структурами осуществлялось одними и теми же лицами (Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, Э. Прухняк, И. Уншлихт, Ф. Кон, С. Бобинский), что обеспечивало концентрацию всех рычагов управления «польской линией» в руках узкого круга деятелей.

В-четвертых, количественные показатели подтверждают диспропорционально высокую степень вовлеченности польских коммунистов в партийные и советские структуры. Численность польского коммунистического актива в советской России составляла от 15 до 18 тысяч человек; поляки являлись седьмой нацией по членству в РКП(б), будучи четырнадцатым по численности меньшинством; к 1923 г. процент коммунистов среди польского населения примерно втрое превышал средний показатель по РСФСР/СССР. Поляки, наряду с евреями и латышами, составляли значительную часть кадров ВЧК, занимая диспропорционально высокий процент руководящих должностей в органах госбезопасности.

В-пятых, поляки занимали ключевые позиции не только в центральном партийно-государственном аппарате советской России, но и в региональных структурах власти. В Литовско-Белорусской Республике из четырнадцати

членов Совнаркома шестеро были поляками, включая наркомов просвещения, военных дел, государственного контроля и юстиции. Это подтверждает доминирующее положение польской этнополитической группы в партийно-государственном аппарате целого ряда региональных образований РСФСР.

В-шестых, неформальные механизмы патроната играли не меньшую роль, чем формальные институты. Ф. Дзержинский, официально не входивший в состав Польбюро, фактически являлся его неформальным лидером и главным защитником интересов польских коммунистов перед высшим советским партийно-государственным руководством. Личные, дружеские и семейные связи между сотрудниками Польбюро, подкрепленные совместным проживанием в Москве по общим адресам, обеспечивали высокую степень сплоченности группы и ее способность к коллективному отстаиванию своих интересов.

В-седьмых, ключевым рубежом в эволюции положения польских коммунистов стало решение Оргбюро ЦК РКП(б) от 2 декабря 1921 г., которым Польбюро было низведено до уровня специализированного агитационно-пропагандистского органа. Этому предшествовала острая борьба за сохранение прежнего особого статуса, в ходе которой аппарат ЦК квалифицировал притязания польских коммунистов как попытку создания «маленького польского ЦК в России». Данный эпизод наглядно демонстрирует, что привилегированное положение национальной группы в советской партийно-государственной системе держалось не на формальных гарантиях, а на способности доказывать свою как востребованность, так и незаменимость.

В-восьмых, дальнейшая эволюция польских структур в 1920-е гг. характеризовалась постепенным угасанием центрального институционального механизма влияния. Смерть Ф. Дзержинского в 1926 г. лишила польских коммунистов главного патрона; уход из жизни Ю. Мархлевского (1866–1925) и отход от активной деятельности других основателей Польбюро привели к смене руководящего состава. К 1931 г.

Польское бюро де-факто прекратило существование, причем это прекращение не было оформлено специальным постановлением, что контрастирует с ожесточенной борьбой за статус десятилетней давности.

В-девятых, исчезновение центрального Польбюро не означало немедленного демонтажа всей инфраструктуры. На республиканском уровне – в Белоруссии и на Украине – польские функционеры продолжали действовать, а главным проектом, в котором реализовывалось их влияние, стали польские национальные автономные районы. Таким образом, происходит переход от централизованной модели управления «польской линией» к региональной, что свидетельствовало о существенном снижении политического веса группы.

В-десятых, тесные горизонтальные связи между польскими коммунистами, десятилетиями объединявшие их в единую сеть, в новых условиях из актива превратились в фактор уязвимости. В период обострения репрессий 1937–1938 гг. именно эти связи были использованы органами НКВД для обоснования тезиса о существовании широкой шпионской сети «Польской военной организации», что обернулось для польских коммунистов трагедией.

Глава 3. Представители польского коммунистического движения в советской партийно–государственной системе. 1917–1938 гг.

3.1. «Польская линия» как один из векторов советской национальной политики: проекты, институты, противоречия. 1920-е гг.

История становления советской государственности – это уникальный пример выстраивания национальной политики, совмещающей принципы интернационализма, заложенные в доктрину марксизма, а также политического прагматизма большевиков, исходивших из объективных требований времени. Создание Польского бюро, как и других национальных отделений РКП(б), носило не только военно-политический замысел, как представляют это современные польские историки[675], но оно вписывалось в ранние практики национальной политики большевиков, позднее они будут оформлены в доктрину коренизации, которая (в случае с поляками) дошла до создания территориальных единиц на территории союзных республик СССР. Задача в каждом конкретном случае заключалась в попытках не только подчеркнуть уважение к национальным меньшинствам, но и выразить все эти позитивные изменения в советской России через посредство правящей партии[676].

Все формы социалистической автономии, реализованные в Советском Союзе, должны были решать другие задачи. Речь шла, прежде всего, об эффективной советизации компактных национальных групп. Гораздо безболезненнее эту задачу можно было реализовать на родном языке, уважая культуру и исторические традиции народов с собственными государствами в Европе, не всегда дружелюбно настроенных по отношению к «Родине мирового пролетариата».

Первой основной задачей для оперативного построения социалистического общества в Польше было решение кадрового вопроса. Для

---

[675] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 310.

[676] Brubaker R. Nacjonalizm inaczej: struktura narodowa i kwestie narodowe w nowej Europie. Warszawa; Kraków: PWN, 1998. S. 31.

работы в новых условиях была необходима база из многочисленных советских административных чиновников польского происхождения или хотя бы владеющих польским языком. Например, стал формироваться кадровый резерв из партийных функционеров, сотрудников польской советской администрации, преданной компартии польской интеллигенции, происходившей из местного населения, знавшей местные условия и знакомой с сущностью польского национального сознания.

В целях расширения влияния Коммунистической партии среди польского населения в советской России и «углубления классового сознания» поляков была создана разветвленная сеть так называемых «совпартийных» и комсомольских школ. В их задачи входило воспитание и образование польских коммунистических активистов, на которых можно было рассчитывать в последующих проектах, связанных с созданием польской автономии в СССР, которая, по замыслу Ф. Дзержинского, должна была стать своего рода «коммунистическим Пьемонтом»[677] по отношению к вновь образованной II Речи Посполитой.

Идея создания настоящей «витрины польского социализма» гармонично вписывалась в общую тенденцию национальной политики Коммунистической партии, программа которой относительно гражданства предусматривала значительное расширение прав всех без исключения национальных меньшинств[678]. В связи с поставленной задачей Наркомат по делам национальностей РСФСР делегировал своих представителей в отдельные республики в качестве постоянных представителей и советников, одновременно открывая при Наркоматте представительства отдельных республик и областей[679]. Советская власть, как писал Сталин в работе

[677] Iwanow M. Polski Piemont Komunistyczny // Magazyn Polski na Uchodźstwie. 2017. № 9 (140). S. 28-35.
[678] Iwanow M. Polacy w Związku Radzieckim, 1917–1990 // Polacy w Kościele katolickim w ZSRR. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1991. S. 62.
[679] Там же: S. 63-64.

«Марксизм и национальный вопрос»[680], допускает различные формы автономии в зависимости от уровня культурного, цивилизационного, экономического развития и т. д. Эта автономия не дается раз и навсегда и может быть изменена в зависимости от потребностей и развития ситуации в отдельных регионах[681].

Позже И.В. Сталин, выступая с докладами о советской национальной политике на 10-м и 12-м съездах РКП(б) в марте 1921 г. и апреле 1923 г. соответственно, убеждал собравшихся, что только советская система, система диктатуры пролетариата способна решить национальный вопрос. Он утверждал, что нации, победившие буржуазию, не могут существовать отдельно из-за угрозы империализма и что «Федерация Советских Республик является искомой формой государственного союза». Эта форма предоставляет свободу культурного и языкового развития всем национальным группам. Однако И.В. Сталин предостерег поляков, евреев и латышей от переоценки значения национальной специфики в партийной работе, которая может привести к панславизму или пантюркизму. Таким образом, он сформулировал программу борьбы со всеми проявлениями национального возрождения, причем таковым можно было считать любое отклонение от генеральной линии партии[682] в советской России.

Коренизация коснулась не только национальностей, отстающих в социально-экономическом развитии, но и жителей развитых республик, таких как Украина или Белоруссия, а также проживающих там национальных меньшинств. В случае Польши «чувство пролетарского интернационализма и советского патриотизма, выраженное в национально-польских формах, должно было полностью вытеснить польский клерикализм и внутреннюю

[680] Kupczak J. M. Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. S. 97.
[681] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. 1918–1933 гг. Кн. 1. Москва: РОССПЭН, 2005. С. 40-41.
[682] Kupczak J. M. Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. S. 97.

лояльность к польскому государству»[683].

26 августа 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) изложило новые принципы работы отдельных национальных секций, ориентированные на их унификацию и централизацию. Предполагалось, что работа всех национальных отделений партии подчинялась бы, помимо Наркомата по делам национальностей, отделу ЦК партии, ответственному за работу среди национальных меньшинств[684]. Таким образом, национальные управления, имевшие определенную автономию в вопросах, касающихся «своих» стран и национальных групп, становились второстепенными ведомствами, полностью зависимыми от ЦК партии.

В октябре Польбюро резко протестовало против этих изменений, утверждая, что они имеют негативные не только организационные, но и политические последствия для функционирования всех польских отделений в советской России. По мнению Польбюро, с введением новых правил в деятельность национальных секций приведет к увеличению зависимости от ЦК, что буквально «каждое письмо» может быть отправлено по назначению только после утверждения ответственного руководителя по делам национальных меньшинств, который даже не знает языка, на которых общается большинство представителей конкретной секции. Они протестовали против схематического подхода ко всем национальным отделам-управлениям и предлагаемым им формам деятельности и организации, независимо от различий и индивидуального характера наций, среди которых они работают[685].

В письме также подчеркивалась специфика польского населения, к

---

[683] Iwanow M. Polacy w Związku Radzieckim, 1917–1990 // Polacy w Kościele katolickim w ZSRR. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1991. S. 63.; Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 135-136.

[684] Павлов О. Д. Образовательная и политическая подготовка экстерриториальных меньшинств Запада в СССР. Опыт Коммунистического университета им. Ю. Ю. Мархлевского (1921–1925 гг.). Часть 1 // Клио. 2024. № 10 (214). DOI 10.24412/2070-9773-2024-10-129-136. С. 131.

[685] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 130.

которому были адресованы усилия Польбюро и польских коммунистов. Писалось, что трудности в работе среди них значительно усиливались в связи с близость границы буржуазной Польши, а также ее религиозно-националистическим влиянием, относительно высоким культурным уровнем этого населения, нехваткой кадров и неподготовленностью поляков-коммунистов, выходцев из Польши и, наконец, еще незавершенными колоссальными миграционными движениями поляков в России[686].

Следовательно, по их мнению, «польская» работа требует исключительно политработников высокой квалификации, понимающих польскую специфику, знающих польский язык и, прежде всего, большего времени и подготовки. Кроме того, переподчинение Польского бюро и вывод из его ведения существенного ряда функционала, грозило решительным падением влияния польских коммунистов как в партии, так и в целом внутри советской системы. Поэтому после заседания 4 октября 1921 г. тогдашний секретарь Польбюро С. Гельтман, а также Ю. Мархлевский, Ю. Ленский (Лещинский), С. Бобинский и И. Уншлихт направили в Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б) просьбу отложить дату введения новой организационной структуры по крайней мере до завершения уже начатой работы[687].

Однако к польским коммунистам в этот раз не было особого отношения: реакция ЦК РКП(б), без сомнения, имевшего осадок поражения в польском походе, была отрицательной и, можно сказать, жесткой. Авторов письма обвинили в том, что Польбюро «требовало положения, равного ЦК РКП(б) или, в лучшем случае, автономии и независимости от других отделений ЦК партии». Аргументация функционеров Польского бюро была признана необоснованной и неуместной[688].

---

[686] Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 275.
[687] Там же.; Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 130.
[688] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 74.

Позиция польских коммунистов в советской России на эти обвинения неудивительна – они боялись потерять часть своих компетенций, новая организация работы среди меньшинств могла сократить масштабы их деятельности, и наконец, и здесь их опасения подтвердились, им пришлось «отдать» часть деятельности по работе с польским населением представителям КП(б)Б и КП(б)У, которые, проводя политику коренизации в своих республиках, не были заинтересованы в значительной численности поляков на вверенных им территориях и тем более влиянии польских коммунистов на них[689].

19-23 ноября 1921 г. на Третьей конференции польских коммунистов в Москве были закреплены положения, принятые Оргбюро ЦК РКП(б), а также был произведен плебисцит, в рамках которого утверждено новое руководство Польбюро: Ю. Ленский (Лещинский), С. Бобинский, С. Будзинский, Ф. Кон и Ю. Мархлевский[690]. Последний, по воспоминаниям С. Гельтмана: «все время был в составе Бюро. Он олицетворял преемственность Польской работы, был фактическим руководителем, хотя никогда не был секретарем Бюро. Он был нашим лидером. При своей врожденной скромности он никогда не навязывал своего мнения, и тем не менее высказываемое им мнение чаще всего было авторитетным»[691]. На заседании 21 ноября 1921 г. провозглашалось: «Ю. Ленский (Лещинский) и другие польские коммунисты в России взяли на себя ответственную задачу по привлечению советской польской общины к сознательному участию в строительстве социализма. В то же время они должны были позаботиться о правах польского меньшинства на свободное развитие»[692].

---

[689] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 50.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 253. Л. 2-4.

[690] Jakubowski D. Julian Marchlewski – bohater czy zdrajca? Warszawa: Instytut Wydawniczy „Książka i Prasa", 2007S. 194.

[691] Там же: S. 195.

[692] Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. S. 175.; Kupczak J. M. Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. S. 71-81.

Эта конференция стала поворотным моментом в деятельности польских коммунистов в Советской России[693]. В то время деятельность групп КРПП в России, Польского комиссариата, Польбюро и его 96 отделений была разбросана по всей территории советской России. Вместе с очагами проживания групп польского населения, они не были официально объединены и подконтрольны единому органу (хотя по факту все организации возглавлялись одними и теми же лицами). После провала попытки объединения Польского бюро в единый ЦК с КРПП и утраты организацией влияния в Коминтерне, главной задачей польских коммунистов в советской России стала концентрация в своих руках всей работы по «польской линии». Стоит отметить, что в тот период со стороны партии большевиков на Польское бюро оказывалось значительное давление[694]. Итак, в ноябре 1921 г. Лещинский и другие польские коммунисты в России взяли на себя ответственную задачу по привлечению советской польской общины к сознательному участию в строительстве социализма в советской России. В то же время они должны были позаботиться о правах польского меньшинства на свободное развитие.

В 1922 г. с аналогичной инициативой выступило руководство Поволжской Германской республики. Оно предлагало создать Германскую Конфедерацию по всей стране, состоящую из немецких концентраций на Волге, Украине и Сибири. Интересны были доводы немецких коммунистов в поддержку выдвинутого с этой целью тезиса: утверждалось, что «только немецкое население имеет достаточно высокий уровень общей культуры и образования, чтобы быть в авангарде социалистического строительства»[695]. Однако эти предложения не были приняты руководством РКП(б). Ни одной

[693] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3: Апрель 1920 г. – март 1921 г. Москва: Наука, 1965. С. 493-499.; Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. S. 276.
[694] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 315. Л. 39.
[695] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1026. Л. 4.

нации не разрешалось создавать автономию, если эта группа не проживала на определенной территории[696].

Следует также помнить, что на перспективах работы Польского бюро и его потенциальной важности в рамках советской политической системы непосредственно отражалось определение численности польского населения в советской России, с которым были определенные проблемы. Польбюро, которое было заинтересовано в выявлении и фиксации в отчетах как можно большего числа поляков в советских республиках (это оправдывало дальнейшее содержание большого количества отделений и агентств Бюро), регулярно вступало если не в конфликт, то в противоречие в рамках отчетных документаций: материалы польской секции всегда противоречили республиканским показателям. По советским данным на 1921 г. 394 545 человек, проживавших в РСФСР, претендовали на польскую национальность[697]. Польское бюро такое количество решительно не устраивало.

Секретарь Бюро С. Гельтман резко раскритиковал работу переписных управлений и счетчиков, приведя в качестве примера их неточности и некомпетентности тот факт, что приведенная ими численность поляков только в одном районе Украины и Белоруссии была больше, чем во всем округе. Польские коммунисты также знали, что украинские и белорусские власти совершали явные фальсификации при переписи населения. Это поставило Польбюро в чрезвычайно тяжелое положение: с одной стороны, оно хотело продемонстрировать как можно большее количество поляков в советской России, а с другой – удержать центральную власть и руководство в отдельных регионах в убеждении, что оно представляло одно из крупнейших меньшинств

[696] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1026. Л. 1-5.

[697] Masiarz W. ZSRR wobec Polaków w Rosji 1922–1991 // Związek Radziecki wobec krajów Europy Środkowej i Wschodniej w latach 1920–1991. Kraków: DANTE, 2004. C. 73-74.; Sariusz J. Walka Rosji z polskością na polskich ziemiach wschodnich przed Wielką Wojną. Warszawa: Wydawnictwo Towarzystwa Obrony Kresów Wschodnich, 1942. S. 52-53.

в стране[698]. Признание фальсификаций советских властей в ходе переписей на Украине и в Белоруссии означало официальное указание меньшего числа поляков и, таким образом, ослабление роли и значения этого меньшинства, в то же время это нанесло ущерб авторитету польских коммунистов и Польбюро.

В 1922 г. кампания массовой репатриации поляков завершилась. После реорганизации Польбюро в ноябре 1922 г. его члены больше не фигурируют в отчетах об операции по реэвакуации, хотя официально она продолжалась до июня 1924 г., а СССР покинули последние мигранты в рамках операции по репатриации по итогам Рижского мира[699].

По данным официальной переписи, в 1926 г. официальная численность поляков на Украине составляла 476 тысяч человек и 97 тысяч в Белоруссии соответственно. Общая численность польского населения в СССР не превышала 782 тысяч человек[700].

Польское бюро, напротив, предполагало, что количество поляков в СССР составляло около 1,5 миллиона человек. Однако данные статистики показывают, что помимо банального занижения численности поляков со стороны партийных функционеров в республиках[701], ассимиляция среди них шла быстрыми темпами: и в течение 1920–1930-х гг. наблюдалась тенденция к естественному сокращению польского населения.

В 1924 г. по официальным данным для советской Украины, среди польского населения было 62,3% однородных браков (муж и жена одной

---

[698] Sariusz J. Walka Rosji z polskością na polskich ziemiach wschodnich przed Wielką Wojną. Warszawa: Wydawnictwo Towarzystwa Obrony Kresów Wschodnich, 1942. S. 26-27.

[699] Stadnik K. The Repatriation of Polish Citizens from Soviet Ukraine to Poland in 1921–1922 // Homelands: war, population and statehood in Eastern Europe and Russia, 1918–1924. London: Anthem Press, 2004. P. 137.

[700] Kupczak J. M. Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. S. 38-39, 47.;Нестеренко В. А. Польское население Правобережной Украины в период украинской национально-демократической революции (1917–1920 гг.) // Поляки в России: эпохи и судьбы = Polacy w Rosji: epoki i losy. Краснодар: [б. и.], 2009. С. 87.

[701] Dzwonkowski R. Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej. Lublin: Oddział Lubelski Stowarzyszenia „Wspólnota Polska", 1994. S. 30-31.

национальности), тогда как у украинцев этот показатель составлял 97,6%, у евреев 96,2%, у немцев 88,8 % и у россиян 68,7%. В свою очередь, в 1925 г. процент поляков, женившихся на не польках, составлял 39,23%, а на польках – 42,68%. Аналогичные данные для немцев и евреев были в несколько раз ниже (около 11% и 4,5%).

В свою очередь, по данным переписи 1926 г., поляки среди всех меньшинств Украины имели один из самых низких показателей использования родного языка дома. Он составил 44,2%, и только у белорусов этот показатель был ниже – 19,7% (в то время как немцы ежедневно пользовались своим языком у 94,7% населения, а евреи – у 75,6% населения)[702]. Это было результатом многих факторов, в том числе отголосками политики русификации имперских времен, языкового родства польского языка с другими славянскими языками и, наконец, большого расселения польского населения, а также в значительной степени результатом ликвидации церковных структур, всегда являвшихся для польского населения скрепляющим фактором.

Тем не менее польские коммунисты в советской России не оставляли попыток построить «польское социалистическое общество» в каком-либо формате, используя для этого все свое влияние в РКП(б)/ВКП(б). Еще осенью 1922 г. руководители Польского бюро при ЦК РКП(б) Ф. Кон и Ю. Мархлевский на заседании одной из комиссий IV конгресса Коммунистического Интернационала, проходившего в Москве, внесли предложение о необходимости создании польских автономных территориально-административных единиц вблизи польской границы[703]. Для существенного увеличения концентрации польского населения в

[702] Kupczak J. M. Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. S. 44, 60-62.; Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. S. 25.
[703] Kupczak J. M. Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. S. 60-61.

приграничные с Польшей районы Украины, по данным польской разведки, с декабря 1923 г. по конец 1925 г. из Центральной России и Сибири на переселение в дальнее пограничье было отправлено 37,8 тыс. польских семей[704].

Такие административно-политические единицы должны были стать своего рода полигоном для «обкатки» институтов управления намечаемой в будущем Польской советской республики, каким ранее фактически был Польревком. Но прежде всего их мотивацией было оправдание дальнейшего существования Польского бюро и сети связанных с ними польских организаций в России, которые стали последовательно ликвидироваться. Руководители Польского бюро, лишившиеся возможности доминировать над КРПП и исключенные из многих элементов работы по «польской линии», хотели консолидировать в своем (хотя бы и номинальном) подчинении все раскиданные по стране административные, общественно-политические, польские школы, партийные, пропагандистские и военные курсы. Они были инициаторами и основными интересантами любой деятельности, связанной с Польшей, и, соответственно, горячо поддерживали так называемый «польский эксперимент» в советской России.

По сути, планировалось создание разветвленной сети различных автономных учреждений с функционирующей в них польской администрацией, состоящей из сознательного советского польского рабочего класса. С точки зрения лидеров польских коммунистов, это было необходимо, чтобы именно советские поляки в будущем сыграли роль революционного авангарда для всей польской нации.

Польские организации в РСФСР, имевшие определенную самостоятельность, вполне логично рассматривать как часть общей «польской советской автономии». И в этом рассмотрении не следует ограничиваться национальными образованиями, которые будут складываться вокруг

[704] Kupczak J. M. Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. S. 60-61.

Мархлевска и Дзержинска, а включить в перечень всю разветвленную сеть польских организаций и некоторые государственные институты во многих городах в советской России. Это был несколько иной тип автономии, но он также логически вписывался в структуру деятельности польских секций под руководством Польского бюро.

Крупнейшим городским скоплением поляков был Петроград, получивший в 1928 г. имя вождя мировой революции. По данным местного Польского бюро, в 1928 г. только в городе проживало более 49 тысяч поляков (по данным всеобщей переписи населения 1926 г. – 43 тысяч)[705] После русских и евреев поляки составляли третью по величине национальную группу города.

После Октябрьской революции 1917 г. будущий Ленинград, хотя и оставался самым густонаселенным польским городским центром советской России, безвозвратно утратил свои позиции политического и культурного центра польского национального меньшинства. Основной причиной был не только отъезд большей части интеллигенции в Польшу, но и позиция советской власти, которая активно боролась с традиционными для поляков ценностями, прежде всего с религиозностью и стремилась к советизации поляков[706].

В систему польской советской автономии Ленинграда входила довольно разветвленная сеть польских отделений РКП(б)/ВКП(б), существовавшая на многих ведущих промышленных предприятиях «второй» столицы. Под патронажем Польбюро находились польский факультет педагогического института Герцена, польский педагогический техникум, несколько польских детских домов, детских садов и польских школ[707]. Их количество значительно сократилось – с 24 в 1918 г. до 4 в 1929 г. и 1 в 1938 г. Первоначально этот процесс сокращения количества школ был результатом общей тенденции к созданию более крупных школьных центров с лучшими условиями обучения,

[705] ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 30. Д. 325. Л. 1, 2.
[706] Iwanow M. Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. «Operacja polska» 1937–1938. Kraków: Znak Horyzont, 2014. S. 97.
[707] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 618. Л. 34-37.

но позже он был связан с антипольскими репрессиями[708]. Стоит сказать, что частичным объяснением сокращения количества польских школ послужило то, что поляки, далеко не массово поддержавшие советскую власть, опасаясь усиления идеологической обработки, сознательно ограничивали отправку своих детей в польские школы[709], поскольку, по заявлению генерального консула II Речи Посполитой в своем отчете: *«*[...] не только Польское государство, но и вся польская история и, следовательно, все польское [...] там систематически и сознательно осквернялось. Польские родители предпочитают отдать ребенка в русскую школу, чем постоянно заставлять объяснять ребенку правду о Польше, и таким образом подвергают себя опасности, если учитель узнает, что его тезисы опровергаются в доме ученика*»*[710].

Данные тезисы польского дипломата, хотя и не лишены определенной достоверности, так как подтверждение некоторым фактам встречается в том числе и в советских источниках, должны восприниматься как идеологические и ставящие перед собой задачи антисоветской агитации. Расценивать тезисы консула в полной мере как объективный источник следует с осторожностью, так как за ним не скрывается какая-либо статистика или четкие данные. Напротив, до 1934–1935 гг. польское образование значительным образом культивировалось, создавалось большое количество учебных заведений, печаталось много литературных изданий на польском языке. Причину сокращения польских школ Ленинграда надо видеть в их невостребованности вследствие незаполняемости. У последней, помимо указанных консулом причин, может быть и следующее обоснование: боязнь оказаться в списке нацменьшинств, встречавшаяся в ту пору.

Во время переписи населения 1926 г. представители Польбюро

---

[708] Garczyk B. Radziecka polityka narodowościowa w latach 1917–1941 na przykładzie Piotrogrodu-Leningradu. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2011S. 166-167.

[709] Iwanow M. Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. «Operacja polska» 1937–1938. Kraków: Znak Horyzont, 2014. S. 98.

[710] AAN, MSZ, 11769, k. 22, 23.

информировали поляков – заводских уполномоченных о необходимости дать полные сведения о своей национальности: «Разъяснить рабочим массам, чтобы никто не уклонялся от регистрации и полнее давал сведения о себе для проведения правильной политики нацменьшинств и не скрывал своей национальности»[711]. Последнее обстоятельство представляется странным, но объясняется распространенными опасениями: «имеются малосознательные, особенно женщины, которые боятся сокращения, если будут причислены к нацменьшинству»[712].

Главным центром, занимавшимся польской работой в Ленинграде, был польский клуб – домпросвет имени Ю. Мархлевского. При нем действовали различные кружки (в том числе отделение Ассоциации воинствующих безбожников) и библиотека. Оценка работы польского клуба им. Мархлевского во второй половине 1920-х гг. была неоднозначной. Так, в феврале 1927 г. в «Итоговом докладе по обследованию клубов нацменьшинств» Губполитпросвета констатируется, что «в Польском клубе, где аудитория избалована танцами, платными кино и художественной частью, лекции проходят слабо»[713].

Польская секция Ленинградского губкома ВКП(б) в своем отчете в мае 1927 г., характеризуя уже почти годичную работу польского домпросвета, настроена более оптимистично, хотя отмечает недостатки: «массовая работа страдает однообразием форм, еще слаба организационно и в художественном отношении, несколько кружков распались, работа среди женщин в зачаточном состоянии, руководство юнсекцией неудовлетворительное»[714].

В то же время названы и некоторые достижения: «проведено 20 вечеров

---

[711] Смирнова Т. М. Становление советских польских клубов и Дома просвещения в Петрограде – Ленинграде (1918–1920-е гг.) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. № 4. С. 69-87.
[712] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11586. Л. 7.
[713] Там же: Д. 11108. Л. 3.
[714] Смирнова Т. М. Становление советских польских клубов и Дома просвещения в Петрограде – Ленинграде (1918–1920-е гг.) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. № 4. С. 69-87.

с политическими докладами, 10 лекций на значимые научные и общественные темы, 10 кино-лекций, два семейных вечера, вечер вопросов и ответов, две экскурсии, шесть утренников для детей с художественной частью и демонстрацией кинофильма. Остались кружки, хорошо спаянные изнутри интересом участников (хоровой, драматический, музыкальный, кройки и шитья, спортивный), с общим количеством участников 211 человек. В библиотеке 500 читателей, в читальню выписывается 20 газет и журналов. Отмечаются все праздники красного календаря»[715].

К началу 1930-х гг. в силу общей лояльности советской власти к польским национальным проектам Польский дом просвещения окреп, выработал систему своей деятельности и привлечения к работе активной части польского населения Ленинграда. Укрепились также организационные и финансовые основы деятельности домпросвета. Однако в 1937 г. в связи с резким изменением советской национальной политики по отношению к национальным меньшинствам, и в том числе к полякам, Польский дом просвещения, как и другие национальные клубы Ленинграда, был закрыт[716].

Поляки северной столицы занимали особое место среди поляков Советского Союза. Это были представители экономической эмиграции еще дореволюционных времен или их потомки, отличавшиеся относительно хорошим материальным положением, высоким уровнем образования и национального самосознания. Поляки из Ленинграда также имели устоявшиеся духовные традиции, поэтому были сравнительно мало подвержены советизации, однако почти не имели связей с Польшей. После начала борьбы с «церковными предрассудками» польское население Ленинграда, отказавшееся от ревностного католичества, часто не просто советизировалось, но и весьма быстро русифицировалось, теряя главную

[715] ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11157. Л. 3.
[716] Смирнова Т. М. Становление советских польских клубов и Дома просвещения в Петрограде – Ленинграде (1918–1920-е гг.) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. № 4. С. 69-87.

скрепу, соединявшую их с Польшей[717].

В столице СССР, по данным Польского бюро ЦК ВКП(б), в 1928 г. проживало 29 тысяч поляков (по данным Всесоюзной переписи – 20 тысяч)[718], в период становления советской власти здесь находился центр польской жизни России. Принято считать концом «московского центра польской политики» 1930 г., когда якобы происходит роспуск Польского отделения ЦК ВКП(б), однако Польское бюро АППО при ЦК ВКП(б) достоверно существовало до 1931 г.[719], а возможно, в той или иной форме, его составляющие действовали и в последующие годы. Нельзя не отметить уменьшение роли КПП на внутрикоминтерновской политической сцене, которое имело место быть в 1930-е гг., однако сама «польская линия» советской работы набирала обороты, не считая создания и укрепления положения советских польрайонов, наблюдается и увеличение подготовки польских кадров по политической и разведывательно-диверсионной линии[720].

В Москве в конце 1920-х – начале 1930-х гг. внецерковная легальная польская жизнь развивалась почти исключительно в рамках деятельности Польского центрального рабочего клуба имени Б. Весоловского. Как и в Ленинграде, в Москве при клубе действовали различные политические кружки: политического просвещения, марксизма-ленинизма, истории польского рабочего движения, а также общеобразовательные кружки – ликвидации неграмотности, польской литературы, польского языка, кружки по освоению ремесел, искусства и спортивные секции. Этот клуб, открытый в 1922 г., быстро охватил значительную часть польского общества столицы. Например, в 1925 г. в его кружках и других видах деятельности участвовало 2

[717] AAN, MSZ, 11769, k. 21-24.
[718] Trybuna Radziecka, 1929. № 38. 20 октября.
[719] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 369. Л. 169.
[720] Рыков Г. О. Генерал «Вальтер» – Кароль Сверчевский // Исторические чтения на Лубянке. Юбилейные даты отечественных органов госбезопасности в 2023 г., посвященные 100-летию образования ОГПУ и памяти историка спецслужб доктора исторических наук, профессора Владимира Николаевича Хаустова. Москва: Фронткнига, 2023. С. 313.

749 человек, а через два года – 10 619[721].

После начала реализации проекта создания польских автономий Киев и Минск заняли ведущее место в жизни поляков Советского Союза. В Киеве, где, по данным местного Польского бюро ЦК КП(б)У, в 1930 г. проживало 13 706 поляков, помимо различных центральных польских советских учреждений, таких как Польский институт, Социальное образование или Польский педагогический техникум, социально-культурные нужды местных поляков обеспечивались тремя начальными польскими школами, профсоюзной вечерней школой, партийной вечерней школой, рабочим клубом с тремя филиалами в разных концах города, Центральной государственной библиотекой на польском языке, тремя польскими детсадами, драматическим театром и другими польскими учреждениями[722].

Минск в начале 1930-х гг. по количеству польских советских учреждений не отставал от Киева. Здесь работали Польский педагогический институт, Польский педагогический техникум имени Б. Весоловского, Польский театр, Польский научный сектор Академии наук БССР и три польские школы[723]. В Минске проживал также вице-президент Академии наук Белоруссии, ведущий идеолог Польской социалистической автономии, член КПП Т. Домбаль[724].

Таким образом, идея создания витрины польского социализма гармонично вписывалась в общую тенденцию национальной политики партии, программа которой предусматривала значительное расширение прав всех без исключения национальных меньшинств, а Наркомат по делам национальностей делегировал своих представителей в отдельные республики в качестве постоянных представителей и советников.

---

[721] Trybuna Radziecka. 1927. № 45. 4 декабря.
[722] ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 446. Арк. 97.
[723] Збор законаў і распараджэнняў Рабоча-Сялянскага Ўрада Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. Менск: Кіраўніцтва спраў СНК БССР, 1932. № 19. С. 307.
[724] Trybuna Radziecka. 1933. № 2. 11 января.

Выводы. Создание Польского бюро, как и других национальных отделений РКП(б), вписывалось в ранние практики национальной политики российских большевиков, которые позже оформились в доктрину коренизации и были призваны не только подчеркнуть уважение к национальным меньшинствам, но и выразить позитивные изменения через посредство партии, а задача заключалась в попытках эффективной советизации компактных национальных групп на родном языке при уважении их культуры и исторических традиций.

Первостепенной задачей для оперативного построения в будущем социалистического общества в Польше являлось решение кадрового вопроса, для чего формировался резерв из партийных функционеров, сотрудников польской советской администрации и преданной партии польской интеллигенции, знавшей местные условия и знакомой с сущностью польского национального сознания.

Коренизация коснулась не только национальностей, отстающих в социально-экономическом развитии, но и жителей развитых советских союзных республик, включая проживавшие там национальные меньшинства, причем в случае Польши чувство пролетарского интернационализма и советского патриотизма, выраженное в национально-польских формах, должно было полностью вытеснить польский клерикализм и внутреннюю лояльность к польскому государству.

26 августа 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) изложило новые принципы работы национальных секций, ориентированные на их унификацию и централизацию, согласно которым все национальные отделения правящей в советской России партии подчинялись, помимо Наркомата по делам национальностей РСФСР, отделу ЦК, ответственному за работу среди национальных меньшинств, что превращало ранее автономные управления во второстепенные ведомства, полностью зависимые от ЦК РКП(б). Такое намерение вызвало в среде польских коммунистов протест, в котором подчеркивалась специфика польского населения, трудности в работе с

которым значительно усиливались в связи с близостью границы буржуазной Польши и ее религиозно-националистическим влиянием, относительно высоким культурным уровнем этого населения, нехваткой кадров, неподготовленностью поляков-коммунистов и незавершенными колоссальными миграционными движениями поляков в России, что требовало политработников высокой квалификации и большего времени. Опасения польских коммунистов были небеспочвенны: новая организация работы среди меньшинств сокращала масштабы их деятельности, и им пришлось передать часть работы с польским населением представителям КП(б)Б и КП(б)У, которые, проводя политику коренизации в своих республиках, не были заинтересованы в значительной численности поляков на вверенных территориях и тем более во влиянии польских коммунистов на них.

На Третьей конференции польских коммунистов 19 – 23 ноября 1921 г. в Москве были закреплены положения, принятые Оргбюро ЦК РКП(б), и утверждено новое руководство Польбюро в составе Ю. Ленского, С. Бобинского, С. Будзинского, Ф. Кона и Ю. Мархлевского, причем последний, по воспоминаниям С. Гельтмана, олицетворял преемственность польской работы и был фактическим руководителем, чье мнение чаще всего являлось авторитетным. Конференция стала поворотным моментом: после провала попытки объединения Польского бюро с КРПП и утраты влияния в Коминтерне главной задачей польских коммунистов в советской России стала концентрация в своих руках всей работы по «польской линии», а Ю. Ленский и другие взяли на себя ответственную задачу по привлечению советской польской общины к сознательному участию в строительстве социализма в советской России при одновременной заботе о правах польского меньшинства на свободное развитие.

В 1922 г. руководство Поволжской Германской республики выступило с инициативой создания Германской Конфедерации по всей стране, однако эти предложения не были приняты руководством РКП(б), поскольку ни одной

нации не разрешалось создавать автономию, если эта группа не проживала на определенной компактной территории.

На перспективах работы Польского бюро непосредственно отражалось определение численности польского населения СССР, с которым существовали серьезные проблемы: Польбюро, заинтересованное в фиксации как можно большего числа поляков для оправдания содержания разветвленной сети отделений, регулярно вступало в противоречие с республиканскими показателями, которые оно считало заниженными. Секретарь Бюро С. Гельтман резко критиковал работу переписных управлений, указывая на их неточности и некомпетентность, при этом польские коммунисты знали, что украинские и белорусские власти совершали явные фальсификации при переписи населения, что ставило Польбюро в чрезвычайно тяжелое положение между стремлением продемонстрировать многочисленность поляков и необходимостью сохранять авторитет перед центральной властью.

В 1922 г. кампания массовой репатриации поляков завершилась, после реорганизации Польбюро его члены больше не фигурируют в отчетах об операции по реэвакуации, хотя официально она продолжалась до июня 1924 г., а по данным переписи 1926 г. общая численность польского населения в СССР не превышала 782 тысяч человек, тогда как Польбюро предполагало остаточное количество около 1,5 миллиона.

Ассимиляция среди поляков шла быстрыми темпами: по официальным данным 1924 г. для советской Украины среди польского населения было лишь 62,3% однородных браков, тогда как у украинцев этот показатель составлял 97,6%, у евреев – 96,2%, у немцев – 88,8%, а в 1925 г. процент поляков, женившихся на не польках, достигал 39,23%. По данным переписи 1926 г. поляки среди всех меньшинств Украины имели один из самых низких показателей использования родного языка дома – 44,2%, что уступало только белорусам с 19,7% и было результатом отголосков русификации имперских времен, языкового родства с другими славянскими языками, большого

расселения польского населения и ликвидации церковных структур, всегда являвшихся для поляков скрепляющим фактором.

Для увеличения концентрации польского населения в приграничных районах Украины, по данным польской разведки, с декабря 1923 г. по конец 1925 г. из Центральной России и Сибири на переселение в дальнее пограничье было отправлено 37,8 тысячи польских семей, что должно было создать демографическую базу для будущих автономных образований. Планировавшиеся административно-политические единицы должны были стать полигоном для обкатки институтов управления Польской советской республики, каким ранее фактически был Польревком, но прежде всего их создание было призвано оправдать дальнейшее существование Польского бюро и сети связанных с ним польских организаций, которые стали последовательно ликвидироваться.

Руководители Польского бюро, лишившиеся возможности доминировать над КРПП и исключенные из многих элементов работы по «польской линии», хотели консолидировать в своем хотя бы номинальном подчинении в советской России административные, общественно-политические, школьные, партийные, пропагандистские и военные учреждения, выступая основными интересантами так называемого «польского эксперимента». Крупнейшим городским скоплением поляков был Ленинград, где в 1928 г. проживало более 49 тысяч поляков, составлявших третью по величине национальную группу города после русских и евреев, однако после Октябрьской революции он безвозвратно утратил позиции политического и культурного центра польского меньшинства вследствие отъезда интеллигенции и активной борьбы советской власти с традиционными для поляков ценностями.

В систему польской советской автономии Ленинграда входила разветвленная сеть польских отделений РКП(б)/ВКП(б) на ведущих промышленных предприятиях, а под патронажем Польбюро находились польский факультет педагогического института Герцена, польский

педагогический техникум, несколько польских детских домов, детских садов и школ, количество которых значительно сократилось – с 24 в 1918 г. до 4 в 1929 г. и 1 в 1938 г.

Польские родители нередко сознательно ограничивали отправку детей в польские школы, предпочитая русские, поскольку, по заявлению генерального консула II Речи Посполитой, в польских учебных заведениях систематически и сознательно осквернялись польское государство и польская история, однако этот тезис следует воспринимать с осторожностью как идеологически мотивированный, а сокращение школ объяснялось их невостребованностью вследствие незаполняемости и опасений поляков оказаться в списках нацменьшинств. Главным центром польской работы в Ленинграде являлся домпросвет имени Ю. Мархлевского, при котором действовали различные кружки и библиотека, причем оценка его работы во второй половине 1920-х гг. была неоднозначной: от критики за избалованность аудитории танцами и платным кино до признания достижений в виде проведения политических докладов, лекций, экскурсий и работы кружков с общим количеством участников 211 человек и 500 читателей в библиотеке.

В Москве в конце 1920-х – начале 1930-х гг. внецерковная легальная польская жизнь развивалась почти исключительно в рамках Польского центрального рабочего клуба имени Б. Весоловского, открытого в 1922 г. и быстро охватившего значительную часть польского общества столицы: в 1925 г. в его кружках участвовало 2749 человек, а через два года – 10619. К началу 1930-х гг. Польский дом просвещения в Ленинграде укрепил организационные и финансовые основы деятельности, но в 1937 г. в связи с резким изменением советской национальной политики по отношению к национальным меньшинствам был закрыт, как и другие национальные клубы города.

После начала реализации проекта создания польских автономий Киев и Минск заняли ведущее место в жизни поляков Советского Союза, причем в Киеве в 1930 г. помимо центральных польских советских учреждений действовали три начальные польские школы, профсоюзная и партийная

вечерние школы, рабочий клуб с тремя филиалами, Центральная государственная библиотека на польском языке, три польских детсада и драматический театр. Минск в начале 1930-х гг. по количеству польских советских учреждений не отставал от Киева: здесь работали Польский педагогический институт, Польский педагогический техникум имени Б. Весоловского, Польский театр, Польский научный сектор Академии наук БССР и три польские школы, а также проживал вице-президент Академии наук Белоруссии и ведущий идеолог Польской социалистической автономии Т. Домбаль.

3.2. Польские автономные районы как инструменты внешнеполитической пропаганды СССР

Первоначальными институтами польской автономии, как это было на примере автономий у иных национальностей, должны были стать национальные советы. По теоретическим предположениям польских коммунистов, они должны создаваться в советской России везде, где по плотности населения проживает значительное количество поляков. Нормативный набор в Украине, достижение которого было необходимо для создания такой автономной единицы, составлял 500 человек, а в Белоруссии – 1 200 человек. Однако в Белоруссии это центральное постановление не всегда соблюдалось в полном объеме. Нередко случалось, что польские сельские национальные советы создавались даже тогда, когда местное польское население было меньше, чем официально требовалось[725].

На Украине, как говорилось на заседании Польского бюро в Харькове, в июне 1922 г. при участии лидеров польского движения в РСФСР Ю. Мархлевского, С. Гельтмана, С. Бобинского, С. Скарбека и Я. Адамского, ситуация была «трагической», а полное отсутствие польских коммунистов не позволило приступить к работе. При оценке ситуации в Плоскировском, Радомыском, Каменецком, Уманском и Бердичевском уездах писалось о политическом бандитизме среди местного польского населения, что означало «противодействие и неодобрение польской общины действиям большевиков»[726]. На 3-й конференции польских отделений компартии Белоруссии выяснилось, что почти из 80 тысяч поляков в деревнях было всего два члена и десять кандидатов в партию из этой местной среды[727].

[725] НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 68. Л. 46.

[726] Kupczak J. M. Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. S. 182-184.

[727] Iwanow M. Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. «Operacja polska» 1937–1938. Kraków: Znak Horyzont, 2014. S. 58.

Сельское наслоение в целом было враждебно настроено по отношению к советской власти, и даже польские коммунисты неохотно проводили идеологическую работу среди его жителей. В документе от апреля 1921 г. даже содержалось требование Польбюро ко всем областным, районным и городским партийным организациям в России, на Украине и в Белоруссии обязать польскоязычных коммунистов, состоящих в их реестрах, организовывать собрания, беседы, лекции и т. д. и участвовать в них под угрозой «партийной дисциплины»[728]. Лишь в 1924 г. стали организовываться польские сельсоветы, задачей которых была советизация местного населения (в польском случае оно шло неохотно: в этом году было создано 15 польских советов, 98 немецких и 19 еврейских)[729].

Высшей формой польской «социалистической национальной автономии» на территории СССР были польские национальные районы на Украине – им. Юлиана Мархлевского, а в Белоруссии – им. Феликса Дзержинского. Эти относительно крупные территориально-административные единицы должны были стать центрами «Польского социалистического общества» в СССР. Польские коммунисты несколько наивно ожидали, что объем национальных образований будет настолько велик, что вся документация и даже переписка будут вестись на польском языке. Однако на практике этого, как правило, не происходило. Воплощение этой инициативы оставалось в сфере теории по объективным причинам, не связанным с каким-либо давлением со стороны республиканских представительств или партии большевиков. Отсутствие необходимого числа коммунистов польской национальности для организации подобной работы и снижение числа польскоязычного населения[730] приводило к тому, что подобные планы приходилось откладывать на период «светлого будущего».

---

[728] Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 122.
[729] Гарэцкі Г. Нацыянальныя асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу 1926 г. // Полымя. 1929. № 5. С. 79-114.
[730] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1 Д. 369. Л. 34, 93.

Но, несомненно, сам факт наличия такой автономии был серьезным стимулом как населению, так и администрации для расширения использования польского языка на польском пограничье.

Период существования польских автономий в СССР был сравнительно недолгим и занял всего 10 лет (1925–1935 гг.), которые, однако, характеризовались особой интенсивностью реализуемых проектов в социалистическом строительстве нового польского общества в советской России. Условно выделяются три периода в истории польского национального строительства в РСФСР/СССР:

1924–1928 гг. – первый период, который можно назвать пробным, когда польские коммунисты только приступали к реализации намеченных задач. Именно в этот период были спроектированы структуры будущих польских автономий, проходили апробацию формы и методы «социалистического строительства» среди польского населения, не всегда полностью лояльного для советских преобразований. В массе своей поляки – граждане советской России, прежде всего наиболее консервативное крестьянское население, проживавшее в дальнем приграничье, проявляло значительное недоверие к планам партии, а активисты Польского Бюро, несмотря на нескрываемое желание создать автономии, на практике не всегда могли однозначно предсказать судьбу проекта[731] и, порой, просто не верили в собственную способность быстро и эффективно советизировать широкие массы польского крестьянского населения.

Стоит отметить, что Всепартийная перепись 1922 г. показала численность поляков-коммунистов всего лишь 5 649 человек. К 1928 г. их численность увеличилась вдвое и составила 12 181 человек, что составляло чуть более 1,5% от всего польского населения Советского Союза[732]. Несмотря на довольно высокий процент поляков среди коммунистов в советской России

[731] Jakubowski D. Julian Marchlewski – bohater czy zdrajca? Warszawa: Instytut Wydawniczy „Książka i Prasa", 2007. S. 142
[732] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 369. Л. 11.

по сравнению с другими народами, это была не очень большая группа, не способная охватить все задачи, стоящие перед польским коммунистическим движением в России[733]. В связи с подобной ситуацией и пониманием, что в 1920-е гг. «польская линия» виделась партийно-государственному руководству РСФСР/СССР перспективной, с целью увеличения количества польских коммунистов, для работы с населением получает развитие тенденция к повышению количества партийных курсов для поляков[734].

В Польше, тем временем со значительной нервозностью относились к сообщениям о «польской социалистической автономии». 9 мая 1927 г. варшавское периодическое издание «Эпока» опубликовало статью под названием «Республика Польша имени Мархлевского в советской России», в которой давались следующие заключения: «Чтобы создать образцовый центр антипольской агитации, правительство СССР создало независимую польскую административную единицу в Советской Украине [...] Сегодня в СССР уже существует миниатюрная республика, призванная стать центром будущей более широкой организации. Культурной деятельностью руководит г-жа Дзержиньская, вдова известного коммуниста, а экономической деятельностью – бывший депутат сейма г-н Томаш Домбаль...»[735]. Такая характеристика советской политики в отношении польского национального меньшинства, несмотря на ее упрощенность, в полной мере отражает не только ее суть, но и именно тот эффект, который должен был производить факт наличия польской автономии в СССР на буржуазную Польшу.

---

[733] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 57-58.; Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. S. 5-6, 13-14, 25-26.

[734] Materski W. Na widecie: II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943. Warszawa: Rytm, 2005. S. 131-132.; Iwanow M. Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. «Operacja polska» 1937–1938. Kraków: Znak Horyzont, 2014. S. 30-33.; Masiarz W. ZSRR wobec Polaków w Rosji 1922–1991 // Związek Radziecki wobec krajów Europy Środkowej i Wschodniej w latach 1920–1991. Kraków: DANTE, 2004. S. 73-74.

[735] Epoka. 1927. № 19. 5 мая.

Коммунистические власти Советского Союза были очень заинтересованы в использовании польской общины в СССР в качестве идеологического оружия против II Речи Посполитой и исключить обратное. Бурная реакция польской общественности на ход становления польской автономии в составе Советского Союза тщательно отслеживалась, рассматривалась как свидетельство очередной идеологической победы. Фрагменты цитируемой статьи из «Эпоки» были тут же перепечатаны в «Trybune Radzieckoj», а ее содержание прокомментировал Т. Домбаль[736]. В статье с красноречивым названием «Страна Пилсудского и польское население в СССР» Т. Домбаль не скрывал удовлетворения польским общественным мнением, отмечающим его усилия по созданию «миниатюрной Польской Республики Советов»[737]. Для него эти громкие публикации были неоспоримым доказательством эффективности советской пропаганды и его личного успеха.

Затем настает этап смены приоритетов в реализации концепции польской социалистической автономии, выпавший на 1929–1931 гг., когда происходит расширение рамок всего польского проекта. Его целью было снижение растущего влияния украинских и белорусских коммунистических активистов на местах, которые в рамках продвижения коренизации вступали в контакты с националистически настроенным элементом[738]. Данное явление было широко проявлено особенно на Украине, где националистический элемент несколько сильнее представлен, хорошо законспирирован, но при этом через посредство украинских националистических организаций с зарубежьем имел связи с немецкой разведкой[739].

В начале второго периода (1929–1931 гг.) ВКП(б) признала местный

[736] Cimek H. Tomasz Dąbal, 1890–1937. Rzeszów: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1993. S. 223.
[737] Trybuna Radziecka. 1927. № 23. 22 мая.
[738] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 66.
[739] Бердник М. Пешки в чужой игре: тайная история украинского национализма. Москва: Алгоритм, 2014. С. 228.

национализм главной опасностью в процессе реализации «ленинской национальной политики». Поэтому партийные функционеры занялись работой по выявлению националистических настроений белорусского и украинского населения приграничья[740]. Стоит сказать, что в политических играх СССР и Польши национальный вопрос разыгрывался с двух сторон. И если украинского национализма поляки в определенной степени опасались[741], то «белорусская карта» активно использовалась как в Польше, так и в СССР[742]. Работая по этой линии, польская секция ВКП(б) получила карт-бланш на «полонизацию» группы белорусских и украинских католиков, наличие которых, с одной стороны, воспринималось нежелательным центральными властями советской России, и увеличивало «польский» контингент, за работу с которым отвечало Польское бюро, с другой[743].

В это время начинается значительный рост числа польских сельских советов, школ и других учреждений. Польское бюро Мархлевского райкома при КП(б) Украины в докладах ЦК от 3 января 1930 г. отмечает устойчивое увеличение польских учреждений на Мархлевщине[744] и число вовлеченного в социалистическую деятельность населения[745]. В этот же период происходит рост польских национальных советов на территории советской Белоруссии, возросших с 19 в 1928 г. до 40 в 1931 г.[746]

Наступление третьего периода (1932–1938 гг.) существования польских

---

[740] Snyder T. Sketches from a secret war: a Polish artist's mission to liberate Soviet Ukraine. New Haven; London: Yale University Press, 2005. 23, P. 49-112.
[741] Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. Санкт-Петербург: Нева, 2004. С. 10-37.
[742] Historia Białorusinów Podlasia / P. Chomik i in. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2016. S. 167-186.
[743] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 67.
[744] Мархлевщина – неофициальное, но широко употреблявшееся в документах и публицистике название Мархлевского польского района (Украина), образованное от его административного центра – поселка Мархлевск.
[745] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 386. Л. 1-7.
[746] Елизаров С. А. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.). Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. С. 116.

автономий на территории Советского Союза связано со значительным потеплением взаимоотношений между Польшей и СССР в 1932–1935 гг. Это, однако, не затормозило деятельности по созданию польских автономий в СССР. Советско-польский пакт о ненападении 1932 г. выдвинул на первый план задачу польской автономии – ее показательную доброжелательность к польскому меньшинству в Советском Союзе. В этот период в Белоруссии был создан второй польский автономный район, получившая имя в честь Феликса Дзержинского. На Украине активно предпринимались усилия по организации еще одного, третьего польского региона. В Белоруссии планировалось создать четвертую в границах СССР польскую автономию. Под покровительством Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б) по крайней мере вплоть до начала 1930-х гг. существовала разветвленная сеть польских советских социальных, культурных и научных учреждений[747].

Первая польская советская автономия была создана на Житомирщине[748] в 1925 г. Инициатива создания крупной автономной польской административной единицы на Украине принадлежала руководству Польского бюро при ЦК КП(б)У, которое в соответствии с полученными из Москвы в начале 1925 г. директивами представило в ЦК ВКП(б) политическое обоснование своих намерений по этом вопросу[749]. В апреле 1925 г. решением Всеукраинского исполнительного комитета при ЦК КП(б)У была создана специальная комиссия для организации выделения территории Польского национального округа[750]. В ходе работы было установлено, что ни в одном из регионов УССР нет ни одного полноценного района, где бы польское население составило значительное большинство. Поэтому было принято решение создать польский регион, состоящий из нескольких приграничных

[747] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 68.
[748] Житомирщина – это разговорное название Житомирской области, региона на северо-западе Украины.
[749] ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 535. Арк. 16.
[750] Там же: Спр. 6. Арк. 38.

частей Барановского и Протравенского районов. К концу июня в новый район вошли 25 сельских советов, охватывающих 96 сел и поселков, в большинстве своем населенных поляками. 21 июля 1925 г. по решению Всеукраинского исполнительного комитета на советской Волыни был создан первый в СССР польский национальный округ. Административным центром нового региона стал город Довбыш с населением, в то время составлявшим приблизительно 3 000 человек, большинство из которого составляли поляки[751]. В начале следующего года, по просьбам «польских трудящихся», г. Довбыш был переименован в Мархлевск.

Создание польского национального округа вызвало подъем энтузиазма у всех представителей польского рабочего движения в СССР, что было вполне понятно. Тем самым они получили некую политическую альтернативу советской Польши, а также определенным образом вновь легитимировали работу Польского бюро на советской территории. Ту радость, с которой польские коммунисты встретили создание советской автономии выразил Ф. Дзержинский, который 3 октября 1925 г. обратился к «трудящимся массам» организованного региона с письмом, в котором подчеркивал колоссальное значение польской советской автономии для поляков всего мира и революционного движения в целом[752].

На момент создания района его население составляло 40 577 человек, из которых почти 70%, по документам, были поляками. Украинцы составляли около 20% населения, немцы – 7%, евреи – 3%, русское население было представлено в районе статистической погрешностью[753].

В отличие от других областей Украины и Белоруссии польское население Мархлевщины почти не было затронуто волнами каких-либо миграций. Рабочий класс был представлен слабо, в основном, за счет сотрудников небольших стекольных заводов и фарфорового завода в

[751] ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 6. Арк. 39.
[752] Там же: Спр. 481. Арк. 17.
[753] Там же: Спр. 6. Арк. 38.

райцентре. Среди местных поляков почти не было зажиточных крестьян и потомков обедневшей шляхты, традиционно наиболее последовательных и настойчивых носителей польских национальных традиций, зачастую вступающих в решительную оппозицию с советской властью. По данным местных структур Польбюро, поляки Мархлевского района состояли, в основном, из однородной автохтонной крестьянской массы, которая в разное время была полонизирована, перейдя сначала в унию, а затем в католичество[754]. В целом в Мархлевском районе ко всем местным католикам относились исключительно как к полякам. Однако это был только лишь определяющий этническую принадлежность в переписи фактор, роль католичества в значительной мере занижалась. На территориях польской автономии пестовалось формирование национального самосознания вне религиозных доктрин, основываясь на принципах социалистического сознания новых советских поляков[755].

В первое время существования польская автономия не могла соперничать с соседними регионами по темпам экономического роста и социального строительства, представляя из себя слабо урбанизированный отсталый сельскохозяйственный регион. Не было на Мархлевщине и заметной общественно-культурной деятельности. Советская власть намеревалась исправить данное упущение, так как польская автономия, с точки зрения идеологии, должна выглядеть передовиком. Однако в течение всей своей истории Мархлевщина была дотационной, бюджет ее на 80-90% формировался за счет УССР[756].

Благодаря выделяемым средствам польский национальный район (польрайон) быстро преображался, была построена электростанция, проложен телефонный кабель. В 1928–1930 гг. в Мархлевске была построена больница с

[754] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 69.
[755] Wróbel J. Polityka ZSRR wobec Kościoła Katolickiego w latach 1917–1939 // Polacy w Kościele Katolickim w ZSRR. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1991. S. 91.
[756] ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 528. Арк. 7.

современным медобеспечением и квалифицированным персоналом, а также пять новых школьных зданий, в том числе здание «образцовой польской семилетней школы» и два клуба[757]. Кроме того, были построены и сданы в эксплуатацию здание почты и связи, новые здания райисполкома и райкома партии. Тогда же началось строительство аптеки, кинотеатра, ветеринарной клиники, а также нескольких многоэтажных жилых домов для партийных работников и служащих советской администрации, налажено регулярное автобусное сообщение с г. Житомиром[758].

В конце 1920-х гг. роль польской автономии, а как следствие и роль польских коммунистов, возрастает в национальной политике на советской Украине[759]. Польский историк Н. Иванов объясняет это началом идеологической кампании на Украине против поднимающего голову в партийных рядах КП(б)У украинского национализма. Для борьбы с его предполагаемыми и реальными проявлениями часто использовались польские активисты, а точнее «польская линия», когда украинских партийцев обвиняли в подрыве марксистско-ленинских принципов национальной политики партии в связи с усмотренным с их стороны саботажем процесса создания польской национальной автономии. В вину украинским функционерам вменялось занижение фактической численности польского населения за счет применения по отношению к полякам «понятия украинский католик, не говорящий по-польски в повседневной жизни»[760], с чем с начала 1920-х гг. боролось Польское бюро. Эта кампания предоставила польским коммунистам новые возможности для упрочения своего влияния как на Украине, так и в целом в ВКП(б). Стоит сказать, что и далее польские активисты будут использовать

[757] Tęgoborski W. Polacy Związku Radzieckiego: ich pochodzenie, udział w rewolucji październikowej i w budownictwie socjalistycznym: szkic historyczno-opisowy. Moskwa: Centralne Wydawnictwo Ludów ZSRR, 1929. S. 178.; ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 535. Арк. 10.; Kawecka K. Szkolnictwo polskie w ZSRR w latach 1921–1930 // Rozprawy z Dziejów Oświaty. 1981. T. 24. S. 54-66.
[758] ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 481. Арк. 28.
[759] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 72.
[760] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 27. Д. 766. Л. 84.

карту борьбы с украинским национализмом в рамках внутриполитических склок. Так, на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. представитель КПП в Коминтерне Я. Белевский (Пашин) сообщал о вредоносном влиянии украинского национализма, просочившегося даже в КПЗУ, через которую он проникает в ряды КП(б)У, и об активной борьбе последней с ним не без помощи польской Компартии[761]. Однако позже подобные заявления сыграют с представителями КПП и польскими коммунистами в целом злую шутку, обернувшуюся против них.

В 1930 г. Мархлевский район был расширен за счет присоединения к нему нескольких приграничных сел, ранее считавшихся украинскими. Число польских сельских советов увеличилось до 40, а население – до 52 447 человек. 71% населения автономии составляли поляки. По данным на 1933 г. общая территория Мархлевщины составляла 856,4 км^2, на которой проживало 54,3 тысячи человек[762]. В тот же год в районе действовало 89 польских школ (укомплектованные преподавательским составом из 289 человек) и 83 польских избы-читальни. В 85 центрах по ликвидации неграмотности получили образование 4 574 человека. За весь период существования польрайона в подобных пунктах дополнительного образования читать и писать по-польски научились 14 901 человек[763]. Были предприняты последовательные и эффективные усилия для того, чтобы каждый житель района мог пользоваться польским языком в работе и быту. Ликвидация неграмотности проводилась исключительно на польском языке.

Польские коммунисты, находящиеся в Советском Союзе, не оставляли желания получить хотя бы незначительное по масштабам, но полноценное польское советское общество. С 1928 г. по 1931 г. Польское бюро при ЦК КП(б)У пытается создать на территории региона «Польское социалистическое

[761] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 201. Л. 16.
[762] Стронський Г. Й. Злет і падіння: Польський національний район в Україні у 20–30-ті роки. Тернопіль: [б. в.], 1992. С. 18.
[763] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 27. Д. 766. Л. 84.

общество» с полноценной классовой структурой. Поэтому глава украинского Польбюро С. Косиор в своем программном документе «О предстоящих задачах работы среди национальных меньшинств» указал на необходимость формирования пролетарского слоя среди местных поляков на базе Мархлевского польрайона[764]. В постановлении значилось необходимым увеличить численность польской автономии, а также создать там польскую социалистическую интеллигенцию. Комплектация интеллигенции и создание разного рода курсов предполагалась за счет активистов отделений Польбюро и членов КПП, оказавшихся в СССР в значительном количестве. А вот создание полноценного рабочего класса в полностью крестьянской, не находящейся в центре промышленных предприятий и не обладающей промышленными ресурсами Мархлевщине, виделась на деле как неразрешимая задача[765].

Однако меры по реализации поставленных задач на территории польской автономии были приняты. В условиях тех обстоятельств, целей и задач, стоявших перед польскими коммунистами на Мархлевщине, единственной возможностью формирования собственного польского рабочего класса в районе было развитие промышленности, имевшей в регионе соответствующую базу и сырье. Поэтому было решено использовать центральные средства, выделенные на эти цели, для строительства новых стекольных заводов и основательной модернизации существующих. В 1928–1931 гг. были построены два новых стекольных завода в бывших поселках, получивших статус городов – Быковка и Мариановка. Дореволюционные сталелитейные заводы в Мархлевске и Каменном Броде были основательно модернизированы. Каменнобродский металлургический завод увеличил производство почти в десять раз по сравнению с дореволюционным периодом,

[764] ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 15-16.

[765] Iwanow M. Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. «Operacja polska» 1937–1938. Kraków: Znak Horyzont, 2014. S. 77.

а количество работающих там увеличилось втрое – с 580 до 1 505 человек[766]. Общее количество рабочих в районе составило 5 884 человека, это почти 11,2% от общей численности населения польрайона[767]. Польский этнорегион определенно занял одно из первых мест среди сельских регионов Украины по количеству промышленных рабочих.

Проведенная в динамичном темпе индустриализация Мархлевского района и образование сравнительно многочисленного рабочего класса в его пределах позволило польским коммунистам в СССР говорить о значительных достижениях польского рабочего класса, достигшего столь значимых высот благодаря национальной автономии. По их мнению, Мархлевщина медленно, но верно превращалась в образцовую территориально-административную единицу, ядро будущей Польской Советской Республики. Печатный орган Мархлевского райкома партии – газета «Советская Мархлевщина» – писала, что, среди прочего: «[...] в ряды польского рабочего класса Мархлевского края должны воспитывать будущих рулевых Социалистического строительство Польской Республики Советов»[768].

В действительности, этот довольно быстрый рост числа польских рабочих в Мархлевском районе на деле не привел к созданию в СССР «политически сознательного авангарда польского социалистического общества». Вчерашние крестьяне, воспитанные в духе национальной традиции польского приграничья, в большинстве своем весьма религиозные, не могли и не хотели «вступить в первые ряды борющихся за новую Польшу и проникнуться пролетарским классовым сознанием»[769]. Желание польских коммунистов воспринимать местных польских рабочих как потенциальный актив борцов за Польскую Советскую Республику выглядело либо

[766] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 27. Д. 766. Л. 61.
[767] Там же: Л. 87.
[768] Marchlewszczyzna radziecka. 1932. 15 апреля
[769] Там же.

наивностью, либо нежеланием признавать очевидных вещей[770].

В советской Белоруссии процесс создания польской социалистической автономии значительно отличался от украинского опыта. Несмотря на то, что в Белоруссии проживало значительно большее число лиц польской национальности (7,5%) по сравнению с Украиной, проблема заключалась в отсутствии польских населенных пунктов в конкретных районах. Поляки в Белоруссии проживали рассеянно, относительно равномерно по всей территории республики. Поэтому выделение достаточно большой территории, на которой могла бы быть реализована польская национальная автономия, стало сложной задачей для польских коммунистов. Во-первых, политическая ситуация в Белоруссии во второй половине 1920-х гг. не способствовала организации польской автономии. Усилия Польского бюро ЦК КП(б)Б, направленные на создание в союзной республике СССР крупной польской административной единицы, не принесли ожидаемого результата, даже несмотря на поддержку в этом вопросе центрального филиала Польбюро при ЦК ВКП(б) в Москве. Все попытки польских коммунистов добиться своего национального региона наталкивались на жесткое сопротивление со стороны руководства БССР, проводившего политику «белорусизации» и имевшего разные взгляды с поляками относительно национальной принадлежности местного католического населения[771].

В Белоруссии руководство республики в рассматриваемый период успешно противостояло созданию польской автономии, но вплоть до 1930 г.[772], когда произошла смена генеральной линии партии по национальному вопросу, которая выражалась в отмене лозунга о «русском великодержавном шовинизме как главной опасности» и введением нового – о «необходимости первичной борьбы с местным мелкобуржуазным национализмом». Поэтому в БССР, как и на Украине, развернулась широкомасштабная кампания по

[770] Iwanow M. Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. «Operacja polska» 1937–1938. Kraków: Znak Horyzont, 2014. S. 78.
[771] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 27. Д. 766. Л. 5.
[772] Там же: Л. 6.

разоблачению так называемых националистов, проникших в местные отделения компартии и исполнительные органы. Активным образом в изобличении националистических устремлении белорусских товарищей занимались польские коммунисты, вменяя им в том числе и саботаж процесса создания «Польской социалистической национальной автономии» и обвинения в сотрудничестве с «польским фашизмом». Также, как и в УССР, под определенным давлением Польского бюро население, ранее определяемое как белорусские католики, отнесли к группе «поляков, не говорящих по-польски в повседневной жизни»[773].

Главный редактор ведущей польскоязычной газеты Белоруссии «Орка» писал по этому поводу следующее: «Белорусские национал-демократы в интересах польского фашизма, дабы разжечь национальные раздоры, выдвинули теорию, что в Беларуси нет поляков, а есть только полонизированные белорусы. Согласно этой теории, когда-то были разработаны планы, предрекавшие полное исчезновение польского образования. Сегодня остатки этой теории находят практическое оправдание в игнорировании широкой массовой работы среди польского населения, в неоткрытии польских учебных заведений там, где это необходимо, в непонимании всей глубины задачи построения польской культуры национальной по форме и социалистической по содержанию»[774].

Новый курс политики ВКП(б) в национальных вопросах позволил открыть путь к созданию польской автономии в БССР. Создавшаяся политическая ситуация в Белоруссии привела к временному разрешению спора о национальной принадлежности католического населения республики между ее руководством и местными польскими коммунистами в пользу

[773] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 82.; Graczykowska T. Język polski w Rosji Radzieckiej w okresie międzywojennym a polszczyzna na Białorusi Radzieckiej: (na materiale wybranych zagadnień fleksji rzeczownika) // Acta Baltico-Slavica. 2011. T. 35. S. 37-58.
[774] Princ E. Na rubieży dwuch światów. Mińsk: Wydawnictwo Państwowe Białorusi, Sektor Polski, 1932. S. 25.

последних. Польские коммунисты уже могли учитывать в своих расчетах гораздо большее число поляков, к которым было отнесено католическое меньшинство белорусов. В документации Польского бюро, а именно его филиала на территории БССР, можно заметить следы имевшей место борьбы, конфликта белорусской партийной номенклатуры и польских коммунистов. В документах заседания Польского бюро ЦК КП(б) Белоруссии за 1928 г. все протоколы велись на русском и белорусском языках; польский язык, традиционно являвшийся основным для протоколов Польского бюро в любой точке СССР, был исключен[775].

Несмотря на решение национального вопроса в пользу польских коммунистов, найти на территории республики достаточно большую территорию, где польское население проживало бы компактными общинами, по-прежнему было непросто. Возникли и другие трудности. Например, командование Западного военного округа было категорически против создания польского округа в приграничной зоне. Опасения военного руководства были связаны главным образом с имевшимся опытом советско-польской войны, когда местное католическое население активно содействовало польской армии[776]. Имели место протесты со стороны отдельных белорусских коммунистов, которые утверждали, что коренное белорусское население полонизируется под прикрытием коммунистических лозунгов[777].

В начале 1932 г. ЦК ВКП(б) поддержал реорганизацию Койдановского района в польский национальный регион, несмотря на протесты со стороны военных. Можно предположить, что приоритет этому направлению в рамках польской работы был отдан главным образом из соображения пропагандистского влияния на Польшу. Можно также констатировать, что польские коммунисты имели определенный вес в партии, хотя нельзя отрицать

[775] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 380. Л. 1-37.
[776] НАРБ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 19. Л. 158.
[777] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 27. Д. 766. Л. 3.

того факта, что они выступали лишь с точки зрения реализации партийных целей, по которым они и руководители ВКП(б) имели схожее видение. До поры до времени цели поляков и компартии в СССР будут совпадать[778].

Определившись с территорией нового региона, местные белорусские власти разработали комплекс мероприятий по идеологической подготовке польского населения к жизни в условиях широкой польской автономии. Центральный исполнительный комитет (ЦИК) республики направил во все сельсоветы области своих специальных представителей, которые должны были на митингах разъяснить местному населению суть очередного шага власти[779]. 15 марта 1932 г. ЦИК БССР принял постановление о реорганизации Койдановского района в Койдановский национальный польский район[780]. Из семнадцати сельских советов, включенных в новый район, девять были польскими (в основном, недавно преобразованными из белорусских), шесть – белорусскими и один – польско-еврейским[781].

Через месяц после создания Койдановского национального польского района, как сообщала польская советская печать, «трудоспособное население нового района обратилось во ВЦИК в Москве с просьбой назвать район именем Феликса Дзержинского». Имя новой административно-территориальной единице было выбрано не случайно. Во-первых, Дзержинский позиционировался как главный поляк в партии большевиков, а во-вторых, менее, чем в 10 километрах через границу с Польшей, находилось родовое имение Дзержинских, в котором и в то время проживали его родственники[782]. В июне 1932 г. регион получил ставшее популярным в

[778] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 86.
[779] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 27. Д. 766. Л. 3.; Orka. 1932. 20 марта.
[780] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 27. Д. 766. Л. 3.
[781] Шпилевский А., Баброви́ч Л. А. Гістарычны нарыс Дзяржыншчыны (Койданаўшчыны). Менск: [б. в.], 1932. С. 5.
[782] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 87.

межвоенный период название - «Советская Дзержинщина»[783]. Полгода спустя – 7 ноября 1933 г., в годовщину Октябрьской революции в маленьком бывшем приграничном городке Койданово, который по аналогии с Мархлевском стал именоваться Дзержинском, в присутствии вдовы основателя ВЧК и секретаря Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б) С. Дзержинской был открыт один из первых в СССР памятников одному из создателей советского государства. Это была бронзовая фигура «Железного Феликса» высотой 8,5 метров, установленная в центре города[784].

Важно отметить, что руководящие позиции в партийных и административных органах второй польской автономии заняли польские коммунисты из Польбюро, представители, а недавние политэмигранты, члены КПП, и, в меньшей степени, представители местного польского населения. Лишенные возможности легально действовать у себя на родине[785], польские коммунисты активно участвовали в создании «Польского автономного социалистического общества». Председателем исполкома района стал Б. Вонсовский – один из крупнейших авторитетов среди польских коммунистических активистов в Белоруссии и по совместительству секретарь Польского бюро при ЦК РКП(б)Б[786].

Как и в случае с Мархлевщиной, в Белоруссии партия сосредоточила усилия на показателях экономического роста, не игнорировалась также культурно-просветительская линия. Дотации в Дзержинщину[787] из бюджета БССР почти вдвое превышали средства, получаемые соседними белорусскими административными единицами с аналогичной численностью населения. Только в 1932–1933 гг. на экономическое развитие польского района было

[783] Orka. 1932. 22 июля.

[784] Orka. 1933. 10 ноября.

[785] Лось М. Идейно-политическая обстановка в Коммунистической партии Польши и ее деятельность в 1935–1938 годах: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1990. С. 31.

[786] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 252. Д. 728. Вонсовский Бронислав Антонович.

[787] Дзержинщина – неофициальное, но широко употреблявшееся в документах и публицистике название Дзержинского польского района (Белоруссия), образованное от его административного центра – города Дзержинск.

выделено 1,5 миллиона рублей[788]. В Дзержинске были построены новые административные здания, школы, клубы. В совокупности, в районе действовало 93 начальные и 14 средних школ[789].

Чтобы превратить «Советскую Дзержинщину» в настоящий центр польской жизни в Белоруссии, были предприняты попытки перевести в Дзержинск все польские учреждения и организации, находившиеся в республике. 31 мая 1932 г. здесь был открыт Польский техникум, специализировавшийся на подготовке кадров для создаваемых в Беларуси польских национальных колхозов. В имении Станьково, начал свою деятельность Институт польского научного комбината. Фактически это было несколько расширенное специальное педагогическое училище, готовившее учителей для младших классов польских школ республики. В 1933 г. в нем обучалось 110 студентов[790]. В следующем году в Дзержинске начал действовать Польский передвижной колхозно-совхозный театр, для которого планировалось построить современное здание в центре города. Однако этот проект не удалось реализовать из-за ликвидации Дзержинского района.

В первой половине 1930-х гг. центр Польской социалистической автономии в СССР переместился в Белоруссию. Мархлевщина, расположенная в глухой болотистой местности, не могла эффективно конкурировать с Дзержинщиной, расположенной в самом центре Беларуси (30 км от Минска) и протянувшейся вдоль важной железнодорожной линии Москва – Варшава. Мархлевский район постепенно отходил на второй план, а пропагандистское значение Дзержинщины возрастало с каждым днем[791].

Помимо двух существовавших в начале 1930-х гг. польских автономных районов, планировалось создание других аналогичных автономных польских

---

[788] Princ E. Na rubieży dwuch światów. Mińsk: Wydawnictwo Państwowe Białorusi, Sektor Polski, 1932. S. 15-16.

[789] Trybuna Radziecka. 1933. № 5. 10 февраля.

[790] Trybuna Radziecka. 1934. № 13. 4 июля.

[791] Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. S. 93

административных единиц. К концу 1930 г. Национальный комитет при ЦК РКП(б)У подготовил документацию, необходимую для организации новой административной единицы, и 31 января 1931 г. запрос по этому поводу был внесен в Президиум ЦИК Украины[792]. Для образования нового польского края, его центром должно было стать большое село Гречаны, расположенное всего в 2 км от г. Проскурова, предлагалось объединить его с четырьмя польскими национальными сельскими советами (с населением 9 499 жителей, 88,8% из которых были поляками), а также три небольших украинских сельсовета с незначительным процентом польского населения. В результате этого административного шага население предлагаемого польрайона увеличилось бы до 13 918 человек, а количество поляков в нем до 8 770 человек, и составило бы 63%[793].

Однако создания еще одного польского этнического региона на Украине не произошло. Этому способствовали три основных фактора. Во-первых, тлеющий конфликт относительно разности позиций представителей Польского бюро и большинства руководителей КП(б)У относительно национальности местного католического населения. Во-вторых, технические трудности с поиском достаточно большой концентрации поляков, подходящей для организации национального района. И, в-третьих, не самый позитивный с точки зрения экономических показателей опыт Мархлевского района, превратившегося в своеобразное белое пятно на карте всеобщей коллективизации Украины. Это сделало отношение руководства советской России, как и украинского ЦК, более скептическим к дальнейшему развитию идей о польских автономиях.

[792] ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 509. Л. 5.
[793] Там же: Л. 6.

Стоит сказать, что 1934–1935 гг., когда на Украине будут активно вестись процессы против ячеек Польской[794] и Украинской[795] военных организаций, фигурантами которых становились многие польские коммунисты и граждане польской национальности, имело место значительное давление украинского ГПУ на поляков[796]. Жалуясь на данные факты и выступая против новых арестов на Украине, к начальнику польского отделения ОГПУ обратились секретарь комиссии по борьбе с провокаторами в КПП В. Бертинский и представитель польской компартии в Коминтерне Б. Бортновский (сам в прошлом опытный чекист), называя все дела против поляков «дутыми»[797]. Последний даже написал письмо Н. И. Ежову, в котором указывал на ошибки сотрудников украинских ГПУ, выявляющих мнимых шпионов: «При огромной положительной работе, проделанной органами НКВД в деле разоблачения провокаторской и шпионской агентуры, работе, оказавшей большую помощь партии в борьбе с провокацией, имеются отдельные недостатки, которых легко можно было бы избежать, которые имеют подчас серьезные политические последствия»[798]. Однако серьезных положительных последствий обращение Б. Бортновского не вызвало[799].

Выводы. Всепартийная перепись 1922 г. показала, что численность поляков-коммунистов всего в 5 649 человек, к 1928 г. она удвоилась до 12 181 человека, что составляло чуть более полутора процентов от всего польского населения СССР, и эта группа была объективно неспособна охватить все

[794] Польская военная организация (ПОВ, POW, пол. Polska Organizacja Wojskowa) - подпольная (нелегальная) военизированная организация, созданная во время Первой мировой войны в целях борьбы за возвращение польских территорий.
[795] Украинская войсковая организация, Украинская военная организация (УВО) (укр. Українська військова організація) – подпольная националистическая организация, созданная бывшими офицерами армии УНР и Украинской Галицкой армии на территории Чехословакии 3 августа 1920 года.
[796] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. С. 304.
[797] ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-4807. Т. 2. Л. 159.
[798] Там же: Т. 1. Л. 127.
[799] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. С. 305.

задачи, стоявшие перед польским коммунистическим движением в России. Первая польская советская автономия была создана на Житомирщине[800] в 1925 г. по инициативе руководства Польского бюро при ЦК КП(б)У, которое в соответствии с директивами из Москвы представило политическое обоснование своих намерений, а после работы специальной комиссии, установившей отсутствие ни одного района с уверенным польским большинством, было принято решение создать польский регион из приграничных частей Барановского и Протравенского районов.

Польскими коммунистами намечалось, что первыми институтами польской автономии в западном приграничье СССР должны были стать национальные Советы, создаваемые в местах компактного проживания поляков, причем нормативный набор для их создания составлял 500 человек на Украине и 1 200 человек в Белоруссии, однако в БССР это постановление не всегда соблюдалось и польские сельсоветы создавались даже при меньшей численности польского населения. На советской Украине ситуация с организацией польских Советов оценивалась как трудно реализуемая из-за почти полного отсутствия польских коммунистов на местах. В Белоруссии почти из 80 тысяч поляков в деревнях насчитывалось всего два члена ВКП(б) и десять кандидатов в партию из местной среды, что свидетельствовало о недоверии польским крестьянским населением к советской власти. В этой связи и польские коммунисты неохотно проводили идеологическую работу среди сельских жителей, например, в апреле 1921 г. Польбюро потребовало обязать всех польскоязычных коммунистов участвовать в агитационной работе под угрозой вынесения дисциплинарных наказаний, а первые польские сельсоветы начали организовываться лишь в 1924 г.

[800] Лушин А. И., Осипов Н. А. Политика коренизации в рамках национального строительства СССР в 1920–1930-е гг. на примере польского Мархлевского национального района // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2021. № 2. С. 192-214.; Уваркина М. А. «Эксперимент» национальной политики СССР – «Советская Полония» и польские автономные районы // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2011. № 2 (8). С. 16-26.

Общественность буржуазной Польши с нервозностью реагировала на сообщения о создании польской социалистической автономии в СССР, варшавское издание «Эпока» в мае 1927 г. даже опубликовало статью «Республика Польша имени Мархлевского в советской России», в которой утверждалось, что правительство СССР создало миниатюрную республику как образцовый центр антипольской агитации, и эта характеристика, несмотря на упрощенность, отражала тот пропагандистский эффект, который должно было производить существование польской автономии в советской России.

На этапе 1929–1931 гг. произошло расширение рамок польского проекта, целью которого было снижение растущего влияния украинских и белорусских коммунистических активистов на местах, вступавших в рамках коренизации в контакты с националистически настроенным элементом, причем ВКП(б) признала местный национализм главной опасностью в реализации так называемой ленинской национальной политики. В политических играх СССР и Польши национальный вопрос разыгрывался с двух сторон, и польская секция ВКП(б) получила карт-бланш на полонизацию группы белорусских и украинских католиков, что, с одной стороны, воспринималось нежелательным центральными властями, а с другой – увеличивало польский контингент, за работу с которым отвечало Польское бюро. В этот период начался значительный рост числа польских сельских советов, школ и других учреждений, причем число польских национальных Советов на территории советской Белоруссии возросло с 19 в 1928 г. до 40 в 1931 г., а Польское бюро Мархлевского райкома фиксировало устойчивое увеличение числа вовлеченного в социалистическую деятельность населения.

На территориях польских автономий целенаправленно формировалось национальное самосознание вне религиозных доктрин, основываясь на принципах социалистического сознания новых советских поляков, однако в первое время Мархлевщина не могла соперничать с соседними регионами по темпам экономического роста и социального строительства, оставаясь недостаточно урбанизированным дотационным регионом, бюджет которого

на 80–90% формировался в УССР. Благодаря централизованному финансированию Мархлевский район быстро преображался: была построена электростанция, проложен телефонный кабель, возведены больница с современным обеспечением, пять новых школьных зданий, два клуба, здание почты, а также налажено регулярное автобусное сообщение с Житомиром.

В конце 1920-х гг. роль польской автономии и польских коммунистов возрастает в связи с началом идеологической кампании против украинского национализма в рядах КП(б)У, причем польские активисты использовали обвинения украинских функционеров в саботаже создания польской автономии и занижении численности польского населения через применение понятия «украинский католик, не говорящий по-польски». К 1930 г. Мархлевский район был расширен за счет присоединения приграничных сел, число польских сельских Советов увеличилось до 40, население до 52 447 человек, а к 1933 г. на территории района действовало 89 польских школ с 289 преподавателями, 83 польских избы-читальни, 85 центров по ликвидации неграмотности, в которых обучились 4574 человека, причем ликвидация неграмотности проводилась исключительно на польском языке.

В 1928–1931 гг. Польское бюро при ЦК КП(б)У пыталось создать на территории Мархлевщины польское социалистическое общество с полноценной классовой структурой, для чего требовалось сформировать пролетарский слой из местных поляков и создать польскую социалистическую интеллигенцию, однако полноценного рабочего класса в крестьянском регионе, не обладавшем промышленными ресурсами, являлось практически неразрешимой задачей. Единственной возможностью формирования собственного польского рабочего класса стало развитие промышленности на базе местного сырья. Так, в 1928–1931 гг. были построены два новых стекольных завода, модернизированы дореволюционные предприятия, общее количество рабочих в районе достигло 5 884 человек, что составляло почти 11,2% населения, а Мархлевщина заняла одно из первых мест среди сельских регионов Украины по числу промышленных рабочих. Ускоренная

индустриализация позволила польским коммунистам говорить о значительных достижениях польского рабочего класса, достигнутых благодаря национальной автономии. Печатный орган Мархлевского райкома писал о воспитании будущих рулевых социалистического строительства Польской Республики Советов, однако в действительности вчерашние крестьяне, воспитанные в духе национальной и религиозной традиции, не могли и не хотели проникаться пролетарским классовым сознанием.

В советской Белоруссии процесс создания польской автономии значительно отличался от украинского опыта, поскольку, несмотря на большее число лиц польской национальности, поляки проживали рассеянно и относительно равномерно по всей территории республики, что делало выделение компактной территории для автономии неразрешимой задачей. Все попытки польских коммунистов создать крупную польскую административную единицу в БССР наталкивались на жесткое сопротивление руководства республики, проводившего политику белорусизации и имевшего разные с поляками взгляды на национальную принадлежность местного католического населения, причем руководство БССР успешно этому сопротивлялось вплоть до 1930 г.

Смена генеральной линии партии по национальному вопросу в 1930 г., выразившаяся в отмене лозунга о русском великодержавном шовинизме как главной опасности и началом ведения борьбы с местным мелкобуржуазным национализмом, позволила польским коммунистам развернуть кампанию по разоблачению белорусских националистов и отнести население, ранее определяемое как белорусские католики, к группе поляков, не говорящих по-польски в повседневной жизни. Следы конфликта между белорусской партийной номенклатурой и польскими коммунистами видны в документации Польского бюро ЦК КП(б) Белоруссии за 1928 г., где все протоколы неожиданно велись на русском и белорусском языках, тогда как польский язык, традиционно являвшийся основным для протоколов Польбюро в любой точке СССР, был исключен.

Несмотря на решение национального вопроса в пользу польских коммунистов, сохранялись серьезные препятствия. Например, командование Западного военного округа было категорически против создания польского округа в приграничной зоне, опасаясь повторения опыта Советско-польской войны, когда местное католическое население активно содействовало польской армии Ю. Пилсудского. Однако в начале 1932 г. ЦК ВКП(б) поддержал реорганизацию Койдановского района в польский национальный район. Дотации в Дзержинщину из бюджета БССР почти вдвое превышали средства, получаемые соседними белорусскими административными единицами с аналогичной численностью населения, только в 1932–1933 гг. на экономическое развитие района было выделено полтора миллиона рублей, в Дзержинске были построены новые административные здания, школы, клубы, а всего в районе действовало 93 начальные и 14 средних школ.

В перспективе в советской России планировалось создание третьего польского автономного района, на Украине с центром в селе Гречаны близ г. Проскурова с населением около 14 тысяч человек и долей поляков 63%, а в Белоруссии – четвертой польской автономии. Но эти проекты не были реализованы из-за существовавшего конфликта между Польбюро и КП(б)У относительно фиксации в документах национальности местного католического населения, а также технических трудностей с поиском территории компактного проживания поляков и не самого позитивного экономического опыта Мархлевского района. К тому же в 1934–1935 гг. на Украине открылись процессы против Польской организации войсковой и Украинской войсковой организации, фигурантами которых становились польские коммунисты, что вызывало жалобы на сильное давление украинского ГПУ. Представитель КПП в Коминтерне Б. Бортновский вынужден был обратиться к начальнику польского отделения ОГПУ, называя дела против поляков «дутыми», а в письме к наркому НКВД СССР Н.И. Ежову указывал на ошибки сотрудников украинских органов, выявляющих мнимых шпионов.

3.3. Предпосылки и особенности политических репрессий в отношении польских коммунистов

Анализируя причины неожиданного и достаточно трагического роспуска в 1938 г. Коммунистической партии Польши и ликвидации связанных с ней структур в СССР, можно прийти к неоднозначным выводам. С одной стороны, «польская линия» в партийной и дипломатической действительности советской России занимала ключевую роль, причем следствием этого был колоссальный массив материалов, пригодных для исследования и аналитики. С другой стороны, реконструкция подлинных причин расформирования КПП, попытка разобраться в сложных переплетениях советской и в целом коминтерновский номенклатуры, не оперируя устоявшимися антисоветскими штампами, заставляет обращаться к весьма незначительному, но доступному для исследования кругу источников.

Например, из материалов дел в отношении репрессированных польских коммунистов следует определенное сходство подследственных лиц в биографическом аспекте. Зачастую присутствовал опыт конспирационной деятельности в дореволюционной России, т. к. многие из первых репрессированных были членами ППС и участвовали в Октябрьской революции 1917 г. Многие успели отметиться на работе в Польском бюро при ЦК РКП(б), а затем и в органах Коминтерна. Последние страницы материалов дел заканчивались почти всегда одинаково: аресты и высшая мера за предполагаемую связь с польской контрреволюционной шпионской организацией. Этому способствовали черные пятна на образцовых коммунистических биографиях – дворянское происхождение, родственные и социальные связи с Польшей, пребывание в числе «военнопленных» (1914–1921 гг.)[801] или в польской социалистической партии. Однако далеко не только это могло стать основанием для прекращения деятельности столь значительной конгломерации организаций, которые в совокупности можно

[801] Речь идет не столько о факте пребывания в плену, сколько об устоявшемся термине «военнопленные», относящийся к группе партийцев.

назвать польское коммунистическое движение в советской России. Это был лишь предлог, финальный аккорд, поставивший точку в череде «разочарований», которые пронесли за собой польские коммунисты с 1917 г. по 1937 г. Нельзя не отметить ту особую роль польских коммунистов, находившихся в СССР и стоявших у истоков советского проекта польской компартии и польских организаций в советской России.

Говоря об «особой роли», хочется, прежде всего, сказать о том, что сами польские коммунисты во многом стояли у истоков той системы, которая впоследствии их и погубила. И речь тут совсем не о советском строе. К концу 1920 г. соратник Ф. Дзержинского известный чекист М. Лацис пытался подвести теоретическую основу под полный контроль советского общества со стороны ЧК: «Контрреволюция развивается везде, во всех сферах нашей жизни, она проявляется в самых различных формах, поэтому очевидно, что нет такой области, куда не должна вмешиваться ЧК»[802]. И именно опыт работы в ЧК, ставшей суровой школой для многих поляков, станет одним из тех факторов, которые приведут к «трагедии польской компартии»[803].

Вопреки стереотипу, процент евреев в ВЧК был значительным, но не подавляющим. Поляки же, уступая евреям и латышам в общей численности аппарата ВЧК, занимали непропорционально высокий процент руководящих должностей, особенно на Украине и в Белоруссии. Например, в 1918 г. поляки по происхождению составляли 3,7% аппарата ВЧК в Москве, но среди них было 4,3% комиссаров и 8,6% старших офицеров. В губернских учреждениях в 1920 г. поляки составляли 9,1% персонала. В целом, в первый год советской власти 65,5% всех лиц польского происхождения, работавших в ВЧК, имели высшие чины, из них 19,1% были следователями. После переименования и реструктуризации органов ВЧК в ГПУ/ОГПУ в 1923 г. поляки составляли 15,5% личного состава. Соответственно, процент поляков функционеров и

[802] Гордиевский О. А., Эндрю К. КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачева. Москва: Центрполиграф, 1999. С. 45.
[803] Deutscher I. Marxism in our time / Ed. by T. Deutscher. Berkeley, California: Ramparts Press, 1971. P. 113-160.

офицеров ЧК и ГПУ/ОГПУ был выше в районах с высоким процентом польского населения (Украина, Белоруссия, Москва, Петроград)[804]. Не лишним будет добавить, что многие евреи в партии большевиков были либо выходцами из Польши, либо тесно связаны с польской средой.

Описывая совокупность причин, приведших к роспуску польской компартии в 1938 г., необходимо рассмотреть в ретроспективе весь имеющийся контекст отношения большевиков советской России и польских коммунистов. Начать, конечно же, стоит со сложностей в выработке единой линии представителей СДКПиЛ и ППС при объединении партий. В целом, флер недоверия даже к членам левой и революционной фракции польских социалистов никогда полностью не оставлял рабочую атмосферу даже в среде польских коммунистов, не говоря уже о представителях РКП(б)[805]. Но и польско-литовская социал-демократия не всегда безоговорочно следовала в фарватере политики большевиков. И если «литовская» часть партии, в которой были безоговорочно сильны позиции Ф. Дзержинского, зачастую не вызывала вопросов, то (условно) польская часть, имевшая крепкие связи с немецкой социал-демократией[806] и опирающаяся в идеологическом плане на позицию Р. Люксембург, часто вступала в противоречие с ленинской позицией[807]. Весьма вероятно, что кроме собственных, отличных от большевиков, взглядов на идеологическое оформление политических решений, польские коммунисты

[804] Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). Москва: РОССПЭН, 2005. С. 106-109.; Rayfield D. Stalin i jego oprawcy. Szefowie stalinowskiej bezpieki. Warszawa: Amber, 2009. S. 79-81, 89.; Север А. 10 мифов о КГБ. Москва: Родина, 2022. С. 4.

[805] Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1. Marzec 1917 – listopad 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 462-463.

[806] Tych F. The KPD–KPP Political "Axis" against Zinoviev – Stalin in the Communist International 1919–1924 // Centre and Periphery: The History of the Comintern in the Light of New Documents. Amsterdam: International Institute of Social History, 1996. P. 81–88.

[807] Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 15.

опасались влияния РКП(б)/ВКП(б) в формирующемся Коминтерне[808], но по объективным причинам не могли этому препятствовать.

Однако в период активной революционной фазы и Гражданской войны в России, во время установления советской власти, левые социалистические силы имели определенную консолидацию. На политической повестке стояла победа над белогвардейцами и возможная война с вновь воссозданной и агрессивной Польшей. Одной из важнейших операций, проведенной органами ВЧК, не без значительного участия польских функционеров, был так называемый «Синдикат». Целью операции было устранение важной фигуры в антибольшевистском движении Б. В. Савинкова, который из Варшавы координировал работу Российского политического комитета во время Советско-польской войны. В его задачи входила не только вербовка русских добровольцев для комплектования «русской народной армии», сражающейся на стороне поляков, но и создание агентурной сети в советской России для сбора разведывательной информации и подготовки выступления против большевистского режима. Согласно советским источникам, «почти все агенты Савинкова одновременно находились на содержании поляков, при этом польская полиция помогала переправлять их через границу»[809]. В течение всего периода с 1920 г. по 1921 г. на территории советских Украины и Белоруссии активнейшим образом действовало множество агентов, связанных с Польшей, а также местные группировки и просто бандиты[810]. В связи с этим фактом еще в январе 1921 г. Польское бюро ЦК КП(б)У приняло секретный циркуляр, в котором ставилась задача выявлять в среде поляков и разоблачать деятельность любых «контрреволюционных элементов на местах»[811]. Именно

[808] Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 15.
[809] Гордиевский О. А., Эндрю К. КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачева. Москва: Центрполиграф, 1999. С. 64.
[810] Materski W. Na widecie: II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943. Warszawa: Rytm, 2005. S. 34-36.; Materski W. Tarcza Europy: stosunki polsko-sowieckie, 1918–1939. Warszawa: Książka i Wiedza, 1994. S. 27-29.
[811] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 1542. Арк. 2.

поляки в силу специфики работы лучше всего подходили для противодействия диверсионно-разведывательным мероприятиям противника.

Однако именно поражение советской России в Советско-польской войне послужило началом этапа снижения роли польского коммунистического движения в СССР. Более не требовалось столь влиятельной квазигосударственной организации как Польревком. А попытки польских коммунистов и советских функционеров сохранить свое влияние в партии через сохранение за Польбюро при ЦК РКП(б) широких полномочий (и даже попытки подчинить Бюро КРПП), были решительно отвергнуты руководством партии большевиков. Без советской Польши такой важный орган в руках «польской секции» терял свою целесообразность. Однако роль «польской линии» в национальной политике советского государства все еще была огромной.

Выступая с докладами о советской национальной политике на X и XII съездах РКП(б) в марте 1921 г. и апреле 1923 г. соответственно, еще находясь на посту наркома по делам национальностей, И. В. Сталин убеждал собравшихся, что только советская система, система диктатуры пролетариата способна решить национальный вопрос. Он утверждал, что нации, победившие буржуазию, не могут существовать отдельно из-за угрозы империализма, и что «Федерация Советских Республик является искомой формой государственного союза». Эта форма предоставляет свободу культурного и языкового развития всем национальным группам. Однако И. В. Сталин предостерег поляков, евреев и латышей от переоценки значения национальной специфики в партийной работе[812]. Это был важный момент, когда будущий генсек публично обратил внимание именно на особую роль поляков (и других национальностей, имеющих значительное представительство в органах госбезопасности). Необходимо еще раз отметить, что в 1920-е гг., по официальным данным, количество «польских» членов

[812] Kupczak J. M. Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. S. 97.

партии по отношению к общему польскому населению было в три раза больше, чем аналогичные показатели у русского населения, в семь раз больше, чем у белорусов, и в десять раз больше, чем у коммунистов-украинцев[813]. К 1923 г. польские коммунисты в советской России составляли примерно 1% проживавших в СССР поляков, тогда как процент коммунистов среди всего населения страны составлял 0,29%, что делало польских коммунистов четвертой по численности группой коммунистов после русских, украинцев и евреев[814]. Этот факт сложно было игнорировать.

В связи с провалом советизации Польши руководство польских коммунистов начинает активную агитацию среди населения Польши. На этом фоне на партийной конференции КРПП в 1921 г. намечается раскол в партии. Одной из причин стало неопределенное отношение к польским социалистам, рассматриваемыми как соглашатели с буржуазией и враги рабочего движения[815]. Противники изменения тактики и поиска союзников в «деле революции» среди левых В. Ковальский, В. Дмовский оставались в ЦК партии, однако в делегацию КРПП на Третьем конгрессе Коминтерна вошли А. Варский, Х. Валецкий, Э. Прухняк, Ю. Мархлевский, выступавшие за проникновение коммунистов в низовые организации ППС и профсоюзы с целью привлечения на свою сторону их электорат. Планировалось интенсифицировать работу и среди других слоев населения, прежде всего крестьянства[816].

Несмотря на очевидную поддержку умеренной линии представителями Коминтерна, после Третьего конгресса политическая борьба по определению тактики и стратегии в польской компартии только усиливается. Группа

[813] Iwanow M. Polacy w Związku Radzieckim, 1917–1990 // Polacy w Kościele katolickim w ZSRR. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1991. S. 56-58.
[814] Cimek H. Mniejszości narodowe w ruchu rewolucyjnym w II Rzeczypospolitej. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. S. 29.
[815] Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 17.
[816] Jakubowski D. Julian Marchlewski – bohater czy zdrajca? Warszawa: Instytut Wydawniczy „Książka i Prasa", 2007. S. 77.

Ковальского, известная как группа «Гжеха», резко выступала против участия в буржуазных выборах и решительно отвергала саму идею сотрудничества с социал-демократами, а также, что немаловажно в рамках рассматриваемого вопроса, выступала с резкой критикой НЭПа в советской России. В итоге, в начале 1922 г. ЦК КРПП, несмотря на принятие на конгрессе тезисов о «тактике единого фронта», выступил категорически против выстраивания каких-либо отношений с ППС и другими социал-демократическими партиями[817].

В 1923 г. Польша рассматривалась советским руководством в качестве основного потенциального агрессора, в связи с чем военно-конспиративная деятельность развивалась одновременно по линии Разведуправления РККА и Коминтерна. Главным куратором обеих линий был польский коммунист, член Польского бюро и руководящий работник Коминтерна И. Уншлихт. В рамках его деятельности были организованы коммунистические партизанские отряды под командованием С. А. Ваупшасова и К. П. Орловского. Под них маскировались группы «активной разведки» РУ РККА, проводившие диверсионно-террористические операции на занятых поляками территориях Западной Украины и Западной Белоруссии. Эти операции были адекватным ответом на аналогичные действия диверсионных групп комитета, уже упомянутого Б. В. Савинкова, отрядов народно-добровольческой армии С. Булак-Балаховича и 3-й Русской армии Б. С. Пермикина[818].

В начале 1920-х гг. вся работа спецслужб по «польской линии» велась со значительной опорой на польских коммунистов, членов Коминтерна. Сотрудник советского полпредства в Польше Г. З. Беседовский, ставший впоследствии невозвращенцем, в своих мемуарах писал: «В это время, то есть в первой половине 1923 г., во главе отдела ЧК и военной разведки при посольстве в Польше стоял Мечислав Логановский. Это был поляк по

[817] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 6. Л. 20-24; Оп. 1. Д. 1. Л. 69.
[818] Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. Москва: Рипол Классик, 2005. С. 242.

происхождению, бывший член польской социалистической партии, перешедший затем к коммунистам. Во время гражданской войны в России М. Логановский отличился на фронте, имел орден Красного Знамени и пользовался личным расположением Ф. Дзержинского. Дзержинский, любивший окружать себя польскими коммунистами, предложил Логановскому перейти на работу в ЧК, и М. Логановский принял предложение. Одновременно с этим он принял также предложение И. Уншлихта быть резидентом Разведупра в Польше. Эта работа давала М. Логановскому большое политическое влияние, так как И. Уншлихт руководил тогда не только военной разведкой, но и польской секцией Коммунистического Интернационала. От Уншлихта (в качестве 1-го заместителя председателя ГПУ, а затем члена Реввоенсовета Уншлихт курировал деятельность советских разведслужб, а также Военной и Нелегальной комиссий Орготдела ИККИ), а не от НКИДа зависело направление советской политики в отношении Польши»[819].

В конце декабря 1923 г. пленум ЦК КРПП направляет в ИККИ и Политбюро ЦК РКП(б) письмо, в котором выражает несогласие с тактикой Коминтерна и ВКП(б) в ходе двух провалившихся левых выступлений в Германии в 1921 г. и 1923 г. ЦК партии также выражал несогласие со сталинским осуждением оппозиции в РКП(б), особенно Л. Д. Троцкого[820]. Руководство польской компартии настаивало, что не поддерживает Л. Д. Троцкого, но настаивает на наличии в Коминтерне альтернативных точке зрения от занимаемых «тройкой» И. В. Сталин – Г. Е. Зиновьев – Л. Б. Каменев позиций. Лидеры КРПП называли складывающуюся достаточно конфликтную ситуацию в РКП(б) «нездоровой» и настаивали на ее немедленном

[819] Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. Москва: Рипол Классик, 2005. С. 267.
[820] Лось М. Идейно-политическая обстановка в Коммунистической партии Польши и ее деятельность в 1935–1938 годах: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1990. С. 113

обсуждении на предстоявшем Пятом конгрессе Коминтерна[821].

Несмотря на наметившуюся тенденцию противостояния членов ЦК польской компартии и руководящего состава РКП(б), в СССР по линии Коминтерна польские коммунисты продолжали занимать весьма важные должности. Зимой 1924 г. при исполкоме Коминтерна создается секретная военная комиссия (также известная как Военное Бюро, «В.Б.», которое, в частности, занималось и перестройкой работы военной организации Коммунистической партии Германии, и, безусловно, работало по «польской линии». Секретарем комиссии значился И. Уншлихт[822]. Помимо него туда входили Г. Клингер, И. Пятницкий, К. Радек, М. Трилиссер, О. Куусинен и еще один польский коммунист, бывший член Польревкома и один из руководителей Польского бюро при ЦК РКП(б) – Э. Прухняк[823]. В состав рабочей подкомиссии, созданной весной 1924 г. для реорганизации специальных комиссий при ИККИ, в постоянную комиссию по работе в армии и постоянную нелегальную комиссию вошли видные коммунисты-поляки. В протоколе заседания рабочей подкомиссии в преддверие конгресса III Интернационала значились В. Мицкевич-Капсукас, Э. Прухняк и Ф. Меринг[824].

На Пятом конгрессе, по предложению И. В. Сталина и под его представительством, была создана специальная польская комиссия, заседавшая пять дней в начале июля 1924 г.[825] Вступительное слово было

[821] Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 22.; Tych F. The KPD–KPP Political "Axis" against Zinoviev – Stalin in the Communist International 1919–1924 // Centre and Periphery: The History of the Comintern in the Light of New Documents. Amsterdam: International Institute of Social History, 1996. P. 85.
[822] Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. Москва: Рипол Классик, 2005. С. 242.
[823] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 1335. Л. 1-2.
[824] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: документы. Москва: РОССПЭН, 2004. С. 275.
[825] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 49. Д. 1. Л. 2.

предоставлено представительству КРПП[826]. От пробольшевитски настроенной части партии выступал бывший комиссар по польским делам и помощник И. В. Сталина Ю. Леньский (Лещиньский), поддержавший позицию Коминтерна в отношении польской компартии. Он настаивал на проведении революционной тактики не на словах, а на деле, опираясь на «здоровый большевистский хребет» партии для подготовки революционных кадров и обеспечение революционного руководства партией[827]. В пику ему высказывалась видная польская коммунистка, член ЦК КРПП и последовательная сторонница Р. Люксембург, М. Кошутская (Костшева)[828]. Она протестовала против дискредитации Л. Д. Троцкого в Коминтерне, вступила в полемику с И. В. Сталиным, призывая его не отталкивать Л. Д. Троцкого и его сторонников, а, напротив, привлечь их к партийным ценностям[829]. Член ЦК А. Варский, занимающий более мягкую позицию, в очередной раз подчеркнул, что компартия Польши никогда не была на стороне Троцкого и всегда солидаризировалась с позицией ЦК РКП(б). В то же время он напомнил о выступлениях Р. Люксембург против методов «русской Октябрьской революции». Со слов А. Варского, Р. Люксембург не всегда поддерживала политику большевиков, в частности, имела разногласия с В. И. Лениным в национальном и аграрном вопросах, выступала против разгона Учредительного собрания, против организационной структуры большевистской партии. «И вот мы были тем, чем была Роза Люксембург, мы ее духовные дети. То, что переживала она, переживала вся наша партия», – заявил он[830]. Но такая позиция решительно не устраивала руководство РКП(б)/ВКП(б)[831].

---

[826] Тых Ф. А., Шорст Х. Юлиан Мархлевский (1866–1925): биографический очерк. Москва: Мысль, 1969. С. 85.
[827] РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 1-14.; Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 23.
[828] Гришина А. М. Мария Кошутская. Годы противостояния // Новая Польша. 2011. № 5 (130). С. 46–57.
[829] РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 249. Л. 22-25.; Д. 258. Л. 1-9.
[830] РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 263. Л. 6-9.
[831] Лебедева Н. С. Коминтерн и Польша (1919–1943). Warszawa: Neriton, 2005. С. 336

И. В. Сталин обрушился с критикой на польскую компартию, указывая на очевидные кризисные явления в ее политике, прежде всего по причине некомпетентности руководства. Подчеркивалась важность «русского вопроса» как для компартии Польши в частности, так и для всего коммунистического движения в целом[832]. В своем выступлении И. В. Сталин говорил: «Советская власть есть база, это оплот, прибежище революционного движения всего мира. И если в этой базе, то есть в СССР, власть начинает колебаться, значит, все революционное движение во всем мире должно потерпеть какой-то минус... Колебание, ослабление дисциплины, разлад внутри партии, стоящей у власти, это есть колебание власти, это расшатывание основ, опоры революционного и международного движения, которое называется у нас советской властью»[833].

По итогам работы польской комиссии в ее резолюции значилось: «ЦК КРПП, политически руководимый группой Варского, Костшевой и Валецкого, оказался при всей своей революционности на словах, не способным проводить на деле революционную линию КИ. Проводимая им политика, которая лишила партию революционной боеспособности, являлась продолжением оппортунистических традиций и навыков руководящей группы ЦК, навязавшей партии свою позицию. Используя свое исключительное положение по отношению к нелегальной партии и являясь ее единственными информаторами по вопросам интернациональной политики, эти товарищи вводили партию в заблуждение относительно тактической и организационной линии Коминтерна, в частности, РКП и КПГ, дабы сделать из партии орудие правых элементов в КИ. В особенности же они скрыли перед партией действительное положение в РКП и свою деятельность в пользу оппозиции, несмотря на понимание громадной важности этого вопроса для международного рабочего движения»[834].

---

[832] Рыков Г. О. Международная деятельность Коминтерна: на пути к единому фронту (1920–1930-е гг.) // Власть. 2022. Т. 30, № 1. DOI 10.31171/vlast. v30i1. 8804. С. 191.
[833] РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 258. Л. 1-9.; Ф. 495. Оп. 49. Д. 3. Л. 45-62.
[834] РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 249. Л. 73-74.; Д. 270. Л. 6-7.

Известный немецкий коммунист А. Тальгеймер, освещавший итоги Пятого конгресса Коминтерна в своей статье, касаясь «польского вопроса» писал, что, по его мнению, ЦК КРПП по существу придерживался большевистских позиций, но пытался играть роль некоего посредника в конфликте И. В. Сталина с Л. Д. Троцким и К. Радеком: «На этой почве произошел кризис польского руководства, причем внезапно группа старейших товарищей в польском движении (Варский, Прухняк, Костшева, Валецкий), руководивших до сих пор партией, оказались оппортунистами или правыми, а остальные оказались «левыми», включая сюда заграничных товарищей из “левой” оппозиции, не имевших до сих пор никакого влияния»[835].

Во избежание еще большего ухудшения отношений КРПП и Политбюро ЦК РКП(б) 3 января 1925 г. принимают совместное решение о создании «для руководства польской партийной конференцией» комиссии, включив в нее Ф. Дзержинского, И. Уншлихта, Г. Е. Зиновьева, А. И. Рыкова, И. В. Сталина и Н. И. Бухарина. Комиссии поручалось рассмотреть все данные о состоянии рабочего движения в Польше, особенно на ее окраинах и доложить Политбюро[836].

В соответствии с решением Оргбюро ИККИ от 1 ноября 1924 г. по результатам работы Пятого конгресса были образованы Постоянная военная комиссия (другие названия – Антивоенная, Военно-конспиративная, Комиссия «М») и Постоянная комиссия по нелегальной работе. Куратором комиссий такого плана со стороны ИККИ был И. Пятницкий, от РВС – И. Уншлихт, от ОГУ – М. Трилиссер. В состав руководства первой из них вошли Ф. Н. Петров, В. Мицкевич-Капсукас, И. Унщлихт, О. Гешке; членами второй стали В. Мицкевич-Капсукас, М. Тридиссер, О. Гешке, В. Богуцкий, Ф. Эйдукевич. В обеих комиссиях работало значительное количество поляков и

[835] РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 588. Л. 53-54.
[836] Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений, 1923–1944 гг. Москва: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 11.

выходцев из Польши, привлекаемых в том числе для переправки в Польшу[837]. Однако отметим, что в состав комиссий более не входит председатель компартии Польши при ИККИ Э. Прухняк, состоявший ранее как в секретном Военном бюро, так и в разработке постоянных комиссий, но, как отмечается, выступивший на стороне тех, кто критиковал сторонников сталинско-зиновьевской позиции части КРПП.

В течение всего 1924 г. в рамках взаимодействия Польского бюро и представительства КРПП в Исполкоме Коминтерна в распоряжение представительства для работы в Польше отбирались и направлялись лица польской национальности с определенным опытом административной, политической и военной работы[838]. Параллельно с этим в течение всей середины 1920-х гг. обращается внимание на участившиеся случаи нарушения государственной границы польскими «диверсантами». Периодическое издание польских коммунистов в СССР «Серп» сообщило о волне агентов 2-го управления Генштаба Польши, «врывавшихся» на территорию УССР с целью «убить ответственных советских сотрудников»[839]. Также были опубликованы письма рабочих и учащихся польских школ УССР, поддерживающие суровые наказания в показательных процессах над шпионами, проходивших в Москве[840].

Но агенты СССР в польском тылу тоже не бездействовали. В 1924 г. в Новогрудском воеводстве польские власти ликвидировали связанную с КП(б)Б организацию. Из показаний задержанных следует, что конечной целью их работы в Польше было вызвать массовые волнения в Западной Белоруссии, что привело бы к ее объединению с БССР[841]. Непосредственными руководителями этой организации были депутаты сейма В. Рогула и Ф.

---

[837] Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. Москва: Рипол Классик, 2005. С. 285.
[838] РГАСПИ. 63. Оп. 1. Д. 318. Л. 53-54.
[839] Sierp. 1925. 12 апреля.
[840] Sierp. 1925. 4 июля.
[841] AAN, ARPM, z 510, 161, k. 1-2.; Kruszyński M. Ambasada RP w Moskwie 1921–1939. Warszawa: IPN, 2010. S. 176-177.

Головач. Последний поддерживал тесную связь с органами ГПУ в Минске, откуда получал инструкции и финансирование[842]. По приблизительным оценкам, за период с апреля по ноябрь 1924 г. советские диверсионные группы провели в восточных района Польши не менее 89 крупных боевых операций[843]. Борьба Польши и СССР на разведывательно-диверсионном поле набирала обороты.

19 февраля 1925 г., стремясь избежать раскола внутри польской компартии, при этом склонив ее на позиции РКП(б)/ВКП(б), руководство последней рассмотрело предложение ИККИ о создании постоянного издания ежемесячного теоретического органа КПП в Москве и приняло положительное решение. В его редакцию должны были войти Ф. Дзержинский, И. Уншлихт и представитель КИ, а также в совещательный комитет сотрудников при ней М. Бронский, С. Бобинский, А. Варский, В. Богуцкий. Этот новый орган был призван обеспечить «устойчивость теоретической линии партии» и проводить в жизнь принятые на Пятом конгрессе решения по «польскому вопросу»[844].

Весной 1925 г., чтобы не обострять и без того сложную ситуацию в приграничье Польши и СССР, а также, вероятно, в связи с идеей легализовать деятельность КПП[845], началось расформирование отрядов «активной разведки», действующей на территории Польши. Это было также связанно с переподчинением агентурных сетей. Ранее вопросы диверсионной работы, в основном, курировались Главным разведывательным управлением Генерального штаба Красной Армии, затем, согласно постановлению, подготовленному Ф. Дзержинским и принятому Политбюро ЦК 25 февраля

[842] AAN, ARPM, z 510, 161, k. 1-2.; Kruszyński M. Ambasada RP w Moskwie 1921–1939. Warszawa: IPN, 2010. S. 176-177.
[843] Колпакиди А. И. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. В 2 книгах. Кн. 2. Москва: ОЛМА-Пресс, 2000. С. 127.
[844] Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений, 1923–1944 гг. Москва: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 11-12.
[845] РАГСПИ. Ф. 495. Оп. 61. Д. 1. Л. 2.

1925 г., деятельность диверсионно-разведывательных групп против Польши была изъята у спецслужб СССР и переходила в ведение Коминтерна и его функционеров на местах, а именно к коммунистическим партиям Западной Белоруссии и Западной Украины[846]. ЦК КПЗБ направил всем командирам партизанских отрядов циркуляр с приказом прекратить диверсионные и террористические операции. В рамках новой задачи члены компартии, находившиеся в Польше, должны были перенаправить деятельность на организацию массовой агитационно-пропагандистской работы среди крестьянства (прежде всего украинского и белорусского)[847]. Часть партизан вывели на территорию СССР, часть переехала на новое место жительства в другие районы Польши. Однако польские спецслужбы сумели оперативно выявить и арестовать более двух тысяч бывших партизан и подпольщиков, что крайне негативно сказалось на работе советской агентуры как на Западной Украине и Западной Белоруссии, так и на территории Польской Республики в целом[848].

Новый пик обострения «польской линии» в политике СССР и особого внимания со стороны ИККИ к польской компартии связан с переворотом Ю. Пилсудского и неадекватной реакцией на него со стороны КПП. В ноябре 1925 г. под давлением ВКП(б) и Коминтерна и прежде всего его секретаря Г. Е. Зиновьева был преодолен «радикально левый» курс в польской компартии, а руководитель группы по результатам Четвертой конференции КПП Г. Домский был исключен из ЦК[849]. Состав Центрального комитета был согласован с партией большевиков. Польская Компартия наметила политику борьбы с фашизацией II Речи Посполитой, в первую очередь выступая против

[846] Тарас А. Е. Тайная война против Польши: террор, грабежи и поджоги как форма «экспорта революции» (Западная Беларусь, 1921–1937 гг.) // Секретные исследования. 2007. № 24 (161). С. 12-14.
[847] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 86-86.
[848] Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. Москва: Рипол Классик, 2005. С. 299.
[849] Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. Польская секция Коминтерна от переворота Пилсудского до Большого террора // Славяноведение. 2021. № 3. DOI 10.31857/S0869544X0014845-2. С. 8

усиления позиций Ю. Пилсудского. Однако в конце весны 1926 г., вдохновившись значительным подъемом в массах, участием значительного количества крестьянства и рабочих, вызванного переворотом Ю. Пилсудского, ЦК компартии Польши меняет свою позицию.

По мнению лидеров партии, в стране происходила мелкобуржуазная революция, которую нужно было поддержать для превращения ее в социалистическую. Естественно, что с подобной позицией были согласны не все партийцы. КПП, можно сказать, раскололось на две фракции: «большинства» – сторонников двухэтапной революции, возглавляемой А. Варским, М. Кошутской (Костшевой), Г. Лауэром, и «меньшинства» – противников соглашательства с буржуазным элементом и сторонниками революции с опорой на пролетариат во главе с Ю. Ленским (Лещинским), Е. Рынгом, А. Лямпе, А. Генриковским. Борьба между этими течениями в компартии продолжалась до осени 1929 г.[850]

13 мая 1926 г. была созвана польская комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б), получившая статус постоянной – Постоянная польская комиссия[851]. Ключевое положение в ней занимали И. Уншлихт и И. В. Сталин. Комиссии предстояло экстренно определить политику партии большевиков в отношении переворота и разработать директивы для польской компартии. Представители Польской комиссии возмутились призывами ЦК КПП поддерживать Ю. Пилсудского с оружием в руках. В листовках КПП, распространенных 13 мая, декламировалось следующее воззвание к пролетариату Польши: «Наши цели, конечно, идут дальше, чем цели Пилсудского. Но все же рабочие должны поддержать войска Пилсудского, поддержать лагерь Пилсудского морально и материально»[852].

Уже на следующий день КПП предложила другим левым партиям

---

[850] Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. Польская секция Коминтерна от переворота Пилсудского до Большого террора // Славяноведение. 2021. № 3. DOI 10.31857/S0869544X0014845-2. С. 7.
[851] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 553. Л. 2.
[852] РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 96. Л. 4-5.

создать единый фронт против правительства, и агитировать рабочих организовывать стачки на предприятиях. Однако со стороны социал-демократов и ППС поддержки данных инициатив не последовало. 15 мая Польская комиссия Коминтерна совместно с Польской комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) направляет в Польшу следующие сообщение: «Политика нейтральности для нашей партии была бы недопустима. Поддержка Пилсудского тоже недопустима. Не делая пока острых выступлений против Пилсудского, необходимо толкать его правительство на апелляцию к более широким слоям населения и обострять наши лозунги лишь постепенно по мере роста движения в массах и обострения гражданской войны между пилсудчиками и их противниками. Это не исключает, а предполагает наше самое активное участие в борьбе против эндеков, Витоса и монархистов... Ваше заявление о поддержке войск Пилсудского, если оно правильно передано телеграфом, является ошибкой»[853].

В резолюции Польской комиссии при Политбюро ЦК ВКП(б) также значилось: «Считать серьезной политической ошибкой ЦК КПП лозунг поддержки «революционных войск, выступивших под командой Пилсудского»; начать прямую разоблачительную кампанию против Пилсудского и его правительства, сказав, что Пилсудский заключил на деле единый фронт с фашистами против рабочих и крестьян; предложить польской комиссии через Президиум ИККИ преподать более подробные указания ЦК КПП; критику, решительное разоблачение и борьбу против правительства Пилсудского необходимо вести все шире, выдвигая при этом с особой силой требования мира со всеми соседями; грубый отказ ППС от единого фронта с коммунистами использовать для атаки против ППС в массах. Новых обращений к верхушке ППС не делать, дав лозунг единства снизу»[854].

22 мая 1926 г. в президиуме ИККИ Г. Е. Зиновьев и поддерживающий

[853] РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 169. Л. 7-8.; Д. 546. Л. 17.
[854] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: документы. Москва: РОССПЭН, 2004. С. 369-370.

его, ранее опальный Г. Домский, открыто говорили о грубых ошибках ЦК КПП и соглашательстве с пробуржиазными силами ППС: «Ясно, что в первый момент резкие выпады против Пилсудского были невозможны. Теперь для нас очевидно, что и против Керенского невозможно было сразу выступить открыто после февральской революции. Со стороны польской партии было правильным воздержаться в первый момент от выступлений против Пилсудского. Если бы партия сделала только это, было бы верно. Но она пошла дальше, она дала пароль поддержке “революционных войск Пилсудского”»[855].

Однако руководство КПП упорно игнорировало ноты Политбюро ЦК ВКП(б) и Исполкома Коминтерна. На заседании партии 23 – 26 мая 1926 г. польские коммунисты приняли «тактическую линию ЦК партии в отношении вооруженного выступления Ю. Пилсудского в общем правильной», хотя и признали наличие «некоторых ложных формулировок»[856]. Пленум КПП принял решение поддержать кандидатуру Ю. Пилсудского на пост президента страны[857]. Данное известие вызвало крайне негативную реакцию в Коминтерне и ЦК ВКП(б). В решении «о Польше», принятом 27 мая Польской комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) на основании доклада Г. Е. Зиновьева, значилось: «Считать недопустимым ни при каких условиях голосование за кандидатуру Пилсудского в президенты»[858].

Известие о принятии Польской комиссией такого решения не остановило ЦК КПП. В письме А. Варского в Исполком Коминтерна утверждалась невозможность компартией выдвинуть своего собственного кандидата. Сложно переоценить то негодование, которое испытывало руководство Коминтерна, ЦК ВКП(б) и польские коммунисты в СССР

[855] РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 154. Л. 6.
[856] Там же: Д. 169. Л. 2-4.
[857] Kolebacz B. Komunistyczna Partia Polski 1923–1929: problemy ideologiczne. Warszawa: Książka i Wiedza, 1984. S. 158.
[858] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: документы. Москва: РОССПЭН, 2004. С. 371, 374.

подобным поведением своих «польских товарищей», с учетом того, что поддержка компартией Ю. Пилсудского сыграла на руку последнему, но никак не польским коммунистам. По итогам переворота КПП, мягко говоря, не только не добилась никаких преференций, но и испортила отношения как с левыми силами в Польше, так и вовне, прежде всего с ВКП(б). Установление диктатуры Ю. Пилсудского во II Речи Посполитой крайне обеспокоило Ф. Дзержинского[859]. В середине июля он требует усилить польское отделение контрразведывательного отдела ОГПУ и вообще работу в отношении Польши и Румынии, а также повысить бдительность органов госбезопасности на Украине и в Белоруссии[860].

В начале августа 1926 г. в ЦК КПП поступает письмо из Президиума ИККИ, содержащее, по сути, мысли, уже озвученные Польской комиссией при Политбюро ВКП(б) ранее[861]. В нем говорилось о колоссальных ошибках польской компартии, об ущербе, в который вылилась недальновидная позиция поддержки Пилсудского, для дела польской и мировой революции. Именно поддержка буржуазных и фашиствующих элементов «пилсудчины» вменялась в вину КПП, а также тот факт, что в Польше установилась диктатура, которая, в первую очередь, будет направлена против коммунистического движения страны[862].

Печальный итог поддержки польской компартией установления в Польше режима «санации», а также та категоричность, с которой польские коммунисты отвергали все постановления Коминтерна и ЦК ВКП(б), не могла негативно не сказываться не только на их положении в рамках мирового коммунистического движения, но и в отношении к ним советского партийно-государственного руководства. Имея в виду уже имеющийся конфликт группы

[859] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. С. 144.
[860] Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926: сборник документов. Москва: Междунар. фонд «Демократия»: Материк, 2007. С. 668.
[861] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 60. Л. 86, 166.; Коминтерн против фашизма: документы. Москва: Наука, 1999. С. 156-163.
[862] Коминтерн против фашизма: документы. Москва: Наука, 1999. С. 156-163.

«большинства» в ЦК КПП и И. В. Сталина, нельзя не сказать, что со временем позиции сталинской группировки в ВКП(б) упрочнялись. Особенно важным событием в контексте «польского вопроса» стала смерть председателя ОГПУ Ф. Дзержинского в конце лета 1926 г. Во многом именно он, негласно считавшийся «главным поляком партии», оказывал содействие в продвижении своих соотечественников не только у себя в ведомстве, но и в рамках советской административно-партийной системы в целом, а также курировал польскую линию в СССР. Занявший его место поляк В. Менжинский не имел такого веса ни среди польских коммунистов, ни среди большевиков, и в случае чего уже не мог оказывать столь решительное содействие и быть заступником для своих соотечественников как «железный Феликс»[863].

После установления в Польше околофашистского режима, откровенно враждебного коммунистическим силам, политика Коминтерна в отношении КПП была направлена строго на «большевизацию» партии. После «выходки» польских коммунистов, связанной с поддержкой Ю. Пилсудского, в ИККИ было принято решение ограничить самостоятельность партии и исключить отклонение ее политики от генеральной линии ЦК ВКП(б). Провести данные изменения без смены руководства КПП было невозможно. Среди польских коммунистов, бывших сторонников Р. Люксембург и Л. Йогихеса (Тышки), было много авторитетных лидеров, не согласных с российскими большевиками и лично с И. В. Сталиным, более того поддерживающих в той или иной степени Л. Д. Троцкого, Н. И Бухарина и Г. Е. Зиновьева, что в складывающихся политических реалиях было недопустимо. Для усиления контроля за компартиями в рамках Коминтерна в 1926 г. создаются лендер-секретариаты. За польскую политику отвечал Польско-Прибалтийский секретариат[864], возглавляемый В. Мицкевичем-Капсукасом[865]. Несколько позже данную организацию возглавит функционер ВЧК, бывший начальник

[863] Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. Москва: Рипол Классик, 2005. С. 377.
[864] Лебедева Н. С. Коминтерн и Польша (1919–1943). Warszawa: Neriton, 2005. С. 345.
[865] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 61. Д. 1. Л. 60.

Разведуправления штаба Западного фронта, заместитель начальника четвертого управления Генштаба РККА и один из руководителей польской секции в Коминтерне Б. Бортновский[866].

В 1925–1927 гг. в советско-польском приграничье разворачивается настоящая война диверсионных групп. От рук диверсантов, связанных с КПЗБ и прошедших подготовку в советской Белоруссии, ежегодно погибало от пяти до пятнадцати сотрудников польской полиции и польской контрразведки[867]. 12 марта 1927 г. польская политическая полиция г. Гродно получила информацию о том, что советская разведка начала описательно-разведывательную работу в приграничных районах Польши. В задачу советской агентуры входила оценка инфраструктуры, состояния дорог, мостов[868]. В мае 1927 г. ЦК Коммунистической партии Польши издал общий приказ, разрешавший местным партийным комитетам выносить смертные приговоры информаторам полиции, за исполнение которых отвечали отряды партийной самообороны. В результате этого приказа количество акций против правительственной агентуры значительно возросло[869].

Весной 1927 г. политические отношения с Польшей остаются враждебными. 18 апреля председатель Совета Народных Комиссаров СССР А. И. Рыков заявил на IV съезде Советов, что СССР стремится к мирному сосуществованию со своими соседями, но на пути достижения этой задачи стоит враждебная Польша[870]. А. И. Рыков обвинил руководителей Польши в узурпации права посредничества в переговорах СССР с Румынией, странами

---

[866] Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ. Дела и люди: справочник. Санкт-Петербург: Нева; Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 120.

[867] Тарас А. Е. Тайная война против Польши: террор, грабежи и поджоги как форма «экспорта революции» (Западная Беларусь, 1921–1937 гг.) // Секретные исследования. 2007. № 24 (161). С. 14

[868] ГАГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 18. Л. 199.

[869] Gawin T. Polska i Polacy w planach Stalina w latach 1921–1939 w kontekście ziem północno-wschodnich II RP // Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy. 2020. T. 20. S. 189-217.

[870] СССР. Съезд Советов. Четвертый съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик, Москва, 18–26 апреля 1927 г.: стенографический отчет / СССР, 4 Съезд Советов. Москва: Издание ЦИК Союза ССР, 1927. С. 26.

Балтии и Финляндией[871]. Убийство советского посла П. Л. Войкова в Варшаве 7 июня 1927 г., совершенное российским контрреволюционным эмигрантским активистом Б. С. Ковердой, еще больше осложнило советско-польские отношения, но благодаря дипломатическим усилиям Польши не привело к дальнейшей эскалации конфликта[872]. А в августе 1927 г. руководство ВКП(б) обвиняет ЦК КПП в поддержке опальных большевиков – противников линии И. В. Сталина, прежде всего председателя Коминтерна Г. Е. Зиновьева, который «совместно с троцкистским элементом» в польской партии был вдохновителем «майских ошибок» КПП в 1926 г.[873] За этим последовало снятие Г. Е. Зиновьева с должности и исключение из ВКП(б), что значительно усилило положение И. В. Сталина в ИККИ. Именно Г. Е. Зиновьев был наиболее активным борцом с «левым сектантством» в польской компартии, стремясь ослабить влияние в ИККИ сталинского единомышленника Д. З. Мануильского, поддержавшего лидера ультралевых Г. Домского. Дискредитация группы «левых» в КПП, послужила тому, что польские коммунисты не только не выступили против «пилсудчины», но и поддержали его приход к власти в Польше.

На Шестом конгрессе Интернационала, состоявшемся 6 сентября 1928 г., процесс «большевизации» польской компартии продолжился. Поступило предложение от Политбюро ЦК ВКП(б) о введении в состав ЦК КПП двух членов ВКП(б) – В. Г. Кнорина, являвшегося до этого два года секретарем ЦК компартии Белоруссии, и заведующего Агитационно-пропагандистским отделом ЦК КП(б) Украины Н. Н. Попова (псевдоним Ловицкий). И тот, и другой должны были стать кандидатами в члены ИККИ от КПП, членами - Э.

[871] СССР. Съезд Советов. Четвертый съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик, Москва, 18–26 апреля 1927 г.: стенографический отчет / СССР, 4 Съезд Советов. Москва: Издание ЦИК Союза ССР, 1927. С. 26.
[872] Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: сборник документов. Т. 2: 1926–1932 гг. Москва: Аспект Пресс, 2017. С. 212.
[873] Iwanow M. Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. «Operacja polska» 1937–1938. Kraków: Znak Horyzont, 2014. S. 209.

Прухняк и Ю. Ленский (Лещинский)[874]. Однако стоит сказать, что большевизация партии была еще и следствием тотальной зависимости польских коммунистов от дотаций из Москвы. При формировании бюджета секций ИККИ за 1928 г. отмечалось «особо значение Польши» и необходимость наличия «сильного аппарата» в коммунистических организациях страны[875]. Режим, установившийся в Польше, оценивался Коминтернам как откровенно фашистский и враждебный делу революции. Посему, одной из важнейших задач, стоявших перед КПП, была борьба против опасности антисоветской войны со стороны западных стран и прежде всего Польши[876]. II Речь Посполитая никогда не покидала место наиболее вероятного противника для СССР[877].

Противодействие между «правым» большинством и «левым» меньшинством в КПП, а также поддержка «правыми» ряда функционеров (Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и других опальных большевиков) не могло не сказаться на работе по «польской линии» внутри СССР. В своем годовом отчете за 1928 г. секретарь Польского бюро при АППО ЦК ВКП(б) С. Дзержинская пишет о значительных проблемах в работе Польбюро в связи с внутрипартийным конфликтом ВКП(б) и КПП. С. Дзержинская сообщает, что внутрипартийный конфликт польской партии в связи со значительным взаимопроникновением членов КПП и ВКП(б) проникает в партию большевиков через поляков-коммунистов. Активисты Польского бюро прикладывают все силы для недопущения раскола среди польских членов партии и выявления троцкистов, однако не находят поддержки у «польского коммунистического актива» в Москве, особенно среди прибывающих из

[874] Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений, 1923–1944 гг. Москва: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 43.
[875] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 1335. Л. 66.
[876] Коминтерн и идея мировой революции: документы. Москва: Наука, 1998. С. 765-767.
[877] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. С. 313.

Польши[878]. Это, по сути, весьма тревожное сообщение показывает ту прочную взаимосвязь коммунистического движения Польши и польских коммунистов в СССР. Проблемы польской партии не могли не отражаться на умонастроениях поляков-коммунистов в советской России и на всей «польской работе», помимо политических трудностей еще больше осложняя ее, усиливая конфликты и взаимное недоверие.

В этом же году новый секретарь Польского бюро Я. Нейман, обращаясь в представительство компартии Польши при ИККИ, сообщает о необходимости изъять из продажи в БССР все экземпляры книги членов ЦК КПП А. Варского и Э. Прухняка «На идеологическом фронте». В своем сообщении он обращает внимание на то, что первый том книги уже осужден Политсекретариатом ИККИ как «отвлекающий внимание партии от действительных корней правого уклона» и «содержащий материалы, касающиеся вопроса о «национал-оппортунизме», а также «оправдывающий оппортунизм ППС-левицы». То, что книга печатается и издается на территории СССР, с точки зрения Я. Неймана, свидетельствует о том, «…что Польбюро АППО ЦК ВКП(б), фактически содействуя распространению этих идеологически вредных, по существу антипартийных книг, объективно содействовало пропаганде право-оппортунистических взглядов в БССР»[879].

В целом, в конце 1920-х гг. издания польских коммунистов в СССР, а также периодика, непосредственно связанная с КПП, начала подвергаться цензуре и, прежде всего, самоцензуре. Осознание конфликта внутри партии делало ее уязвимой как для внутренних, так и внешних провокаторов[880]. Это понимали многие и в Польбюро, и в представительстве КПП в Коминтерне, однако данное положение вещей не соответствовало генеральной линии польской компартии. Все вышеизложенное не могло не нести за собой

[878] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 369. Л. 13.
[879] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 118. Л. 38-40.
[880] AAN, KPP, 158/V-1, t. 11, k. 59-65 и t. 25, k. 2-3.; Firsow F., Jażborowska I. Międzynarodówka Komunistyczna a KPP // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa: Książka i Wiedza, 1989. S. 47.

последствия для польских коммунистов в советской России. В мае 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение положить конец фракционной борьбе «правых» и «левых» и окончательно привести КПП к идеологическим стандартам партии большевиков. В ходе работы ОГПУ правое большинство в главе с А. Варским и М. Кошутской (Костшевой) были выведены из состава ЦК[881], а во главе партии оказался руководитель левых, бывший комиссар по польским делам в РСФСР и доверенное лицо И. В. Сталина Ю. Ленский (Лещинский)[882].

После ареста «правых» секретарь ЦК КПП Ленский рапортует в ИККИ о ликвидации «правых» и «троцкистских» провокаторов в партии. Помимо прочего, одним из руководителей польской секции в Коминтерне становится будущий секретарь Польско-Прибалтийского лендер-секретариата, «старый большевик» и член ВЧК Б. Бортновский.[883] Встав на большевистскую идеологическую платформу, с новым руководством польская компартия начала укреплять свое влияние в польских массах, число ее членов возросло до 7 тысяч человек.

К 1930 г. главным координатором работы советских спецслужб в Польше оставался И. Уншлихт, причем, судя по всему, он курировал работу всех органов (ИККИ, РУ РККА, ИНО ГПУ–ОГПУ), занимающихся «польской линией»[884]. В 1930–1931 гг. происходит серия значимых провалов советской агентуры в компартиях западных стран (прежде всего в КП Германии и КП Польши). Именно тогда из-за нарушений правил конспирации представителями КПП контрразведка Польши получает информацию о подготовке компартий к развертыванию диверсионно-подрывной деятельности в случае нападения западных стран на СССР[885]. Утечку инфор-

[881] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 464. Л. 22.
[882] Лебедева Н. С. Коминтерн и Польша (1919–1943). Warszawa: Neriton, 2005. С. 347
[883] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 61. Д. 93в. Л. 163.
[884] Агабеков Г. С. Секретный террор: записки разведчика. Москва: Современник, 1996. С. 21-22.
[885] Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. Москва: Рипол Классик, 2005. С. 618.

мации руководство ВКП(б) восприняло болезненно, поскольку в этот период правительство СССР предпринимало усилия, чтобы стать полноправным участником крупной международной дипломатии и стремилось избежать ухудшения отношений с капиталистическими странами, нападение которых не было окончательно исключено.

Однако на фоне масштабного экономического кризиса, сотрясавшего Европу, в ВКП(б) и ИККИ уделяли значительное внимание формированию стратегии возможной революции в одном из европейских государств. Польша как наиболее пострадавшая от кризиса страна[886] рассматривалась среди первых. В резолюции политсекреатриата Коминтерна от 29 февраля 1932 г. среди главных задач КПП значилась необходимость усиления агитационной работы среди солдат, женщин и интеллигенции. Предписывалось подготавливать почву для забастовок и стачек. С учетом предыдущих провалов во главу угла работы ставилась максимально возможная конспиративность и недопущение возможного просачивания в печать информации о создании легальных, полулегальных и нелегальных организаций и революционной мобилизации. Особое внимание Коминтерн уделял работе КПЗУ и КПЗБ, финансирование которых было увеличено[887].

Несмотря на заявление министра иностранных Польши Ю. Бека 9 октября 1933 г. в беседе с временным поверенным в делах СССР в Польше Б. Г. Подольским о том, что Польша готова к улучшению отношений с Советским Союзом[888], в Варшаве среди влиятельных лиц звучали обратные заявления. Так, 1 сентября 1933 г. крупный помещик, бывший министр иностранных дел князь Я. Сапега заявил, что «…главной целью внешней политики Польши должно стать германо-польское соглашение. Польше лучше

[886] Лось М. Идейно-политическая обстановка в Коммунистической партии Польши и ее деятельность в 1935–1938 годах: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1990. С. 23.
[887] Коминтерн и идея мировой революции: документы. Москва: Наука, 1998. С. 765-767.
[888] Случ С. З. Германо-польский акт о ненападении 1934 г. – дестабилизирующий фактор международной обстановки в Европе // Ежегодник германской истории 1983. Москва: Наука, 1984. С. 86-89.; Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: сборник документов. Т. 3: 1932–1939. Москва: Аспект Пресс, 2017.С. 126-130.

быть форпостом германского наступления на восток и всячески содействовать «европейской солидарности и европейской экспансии», чем стать полем битвы между Востоком и Западом»[889]. Возможное сближение Польши и Германии было абсолютно нежелательным процессом для СССР, представляя экзистенциальную угрозу его существованию.

Параллельно с этим польская разведка продолжала активную деятельность на территории СССР. С августа 1931 г. по 1935 г. в столице советской Белоруссии функционировала польская разведгруппа. В перечень ее деятельности входило изучение инфраструктуры приграничной полосы и ближнего тыла, сбор информации о частях Белорусского военного округа, составе, расположении, вооружении, а также изучение социально-экономической и политидеологической обстановки в Минске и его окрестностях. Для нужд будущей агентуры польской разведкой производилась закупка образцов советской бумаги, конвертов, спичек, женской и мужской одежды. Руководителем разведгруппы значился Б. Яловецкий, находившийся в БССР в статусе вице-консула Польши[890]. В 1931 г. был задержан и выслан из СССР Е. Незбжицкий, возглавлявший польскую резидентуру на Украине под легендой должности в консульстве Польши в Киеве с 1928 г. по 1930 г[891].

17 ноября 1933 г. в своем докладе в центр начальник ГПУ Украины В. А. Балицкий писал следующее: «Актив «ПОВ», находящийся на территории Польши, получает указание от руководства организации различными путями пробираться в СССР, главным образом на Украину. Для этой цели члены организации проникают в левые рабочие организации, оттуда в КПЗУ и КПП и затем, прикрываясь партийными билетами, под видом эмигрантов,

[889] Климовский, Д. С. Зловещий пакт. Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия. Минск: Издательство Белорусского государственного университета, 1968. С. 38-39.
[890] Мельников И. В. Польские шпионы в Минске // Спецназ. 2012. № 2. С. 33-36.
[891] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. С. 454.

пробиваются на Украину»[892].

Подобная активность польской разведки и усиление работы в КПЗУ и КПЗБ не могли не спровоцировать начало репрессивных мер в отношении неблагонадежных лиц, в том числе состоявших в компартиях. На XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. представитель КПП в Коминтерне Я. Белевский (Пашин) сообщал о выявлении большого количества националистов, проникших в КПЗУ, а оттуда в ряды КП(б)У и активной борьбе с этим явлением со стороны КПП[893]. И. В. Сталин, выступая на съезде, отмечал беспокоящую его тенденцию в среде польских коммунистов: «…уклон в сторону национализма есть приспособление интернационалистической политики рабочего класса к националистическому классу буржуазии»[894].

Среди подверженных «уклону» указывались такие видные польские коммунисты, как секретарь Польбюро ЦК КП(б)У Б. Скарбек и Г. Политур-Радзейовский, оба бывшие члены ППС, оба были в плену у «белополяков». Обоим вменялось пособничество польской военщине в желании отделить Украину и Белоруссию от СССР[895]. В ходе борьбы с выявлением агентуры иностранных спецслужб многие польские коммунисты в СССР, члены КПП и западноукраинские партийцы привлекались органами госбезопасности в рамках следствия по делам украинских националистических организаций «Союза освобождения Украины», Украинской военной организации (УВО) или в рамках «уклонов» в КПЗУ[896].

Не могло не беспокоить руководство ВКП(б) то, что в польской компартии, несмотря на значительное очищение рядов, в период 1932–1935 гг. действовал троцкистский «Союз польских коммунистов-

---

[892] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. С. 324

[893] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 201. Л. 16.

[894] «Большой террор» в Украине: немецкая операция 1937–1938 годов: сборник документов. Ч. 1. Киев: К.І.С., 2018. С. 256-263.

[895] Kupczak J. M. Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. S. 26.

[896] AAN, KPP, 158/V-1, t. 25, k. 2-3.; W walce z Prowokacją. Artykuł: B. Bronkowski, Nowy Przegląd. 1933. № 10 (68). Ноябрь-декабрь.

интернационалистов». В июле 1933 г. под давлением Ю. Ленского (Лещинского) наиболее активная часть выходит из партии, образовав «Рабочую оппозицию КПП» с национал-коммунистическими уклоном[897]. В мае 1934 г. после длительной разработки была вскрыта крупная ячейка, приписанная к Польской военной организации (ПОВ) и провокаторам в компартии Польши[898]. Эта стало возможным благодаря информации, полученной из КПП, а также работы советской контрразведки, выявившей польскую резидентуру в советской Украине[899]. Стоит сказать, что к 1934 г. совокупная численность компартии Польши совместно с ее украинским и белорусским филиалами составляла 17 тысяч 800 человек[900], что являлось весьма значительным показателем успехов коммунистической агитации, с одной стороны, и широких возможностей для внедрения агентуры, с другой.

Опасным симптомом для польской компартии, который не могли не заметить в Москве, была частая критика профсоюзами, близкими к КПП, деятельности Ю. Ленского (Лещинского). В ноябре 1934 г. на одном из заседаний коммунистической фракции профсоюзов прозвучало широко поддержанное требование к ЦК КПП о возвращении к руководству партией А. Варского[901]. Впоследствии многие поддержавшие требование отойдут от партии, присоединившись к «Рабочей оппозиции». Вся ситуация, складывающаяся вокруг КПП, весьма беспокоила Коминтерн, и в оценке ее деятельности уже к началу 1935 г. на передний план все больше выходил тезис о «засорении партии агентами классового врага» и ставился вопрос о роспуске

[897] Tomasiewicz J. „Faszyzm lewicy" czy „ludowy patriotyzm"? Tendencje antyliberalne i nacjonalistyczne w polskiej lewicowej myśli politycznej lat trzydziestych (1931–1939). Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020. S. 240

[898] Хаустов В. Н. Из предыстории массовых репрессий против поляков. Середина 1930-х гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Москва: Звенья, 1997. С. 12.

[899] Semczyszyn M. «O polską republikę rad!» Działalność polskich komunistów w USRR w latach 1920–1937 // Lewica polska: koncepcje – ludzie – działalność. Wrocław: ATUT, 2012. T. 2. S. 45-62.

[900] Лось М. Идейно-политическая обстановка в Коммунистической партии Польши и ее деятельность в 1935–1938 годах: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1990. С. 34.

[901] Там же. С. 106.

«наиболее зараженных провокацией организаций»[902]. В этом же году прекращена деятельность Польско-Прибалтийского лендер-секретариата в связи со «снижением эффективности в работе компартий в этих странах, в том числе и в военной области»[903]. На деле это означало в связи с планами по реорганизацией аппарата Коминтерна и растущим недоверием к кадрам польской секции.

В партийно-государственном руководстве СССР, очевидно, крепла убежденность в засоренности польской компартии, КПЗБ, КПЗУ и в целом польских коммунистов провокаторами, троцкистами, агентами иностранных спецслужб, и громкие аресты способствовали этому. В конце декабря 1935 г. – начале января 1936 г. НКВД, по предложению секретаря ИККИ Д. З. Мануильского, в рамках мероприятий против проникновения шпионов и диверсантов в СССР через аппарат Коминтерна, закрывает «окна» для переходов границы для польских коммунистов. Так называемые «зеленые переправы» перестают функционировать не только для членов КПП, но и для представителей компартий Финляндии, Латвии, Литвы и Эстонии, получивших статус «неблагополучных». Использование «окон» допускалось в особых случаях исключительно по согласованию с ЦК ВКП(б)[904]. Представители КПП, КПЗУ и КПЗБ, находящиеся на территории советской России, более не могли выехать за границы СССР[905]. 19 января 1936 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) Н. И. Ежова от Д. З. Мануильского приходит письмо следующего содержания: «Дорогой Николай Иванович! Прошу Вас в ближайшие дни принять меня по вопросу о мероприятиях против проникновения, под видом политэмигрантов, членов братских компартий, на

[902] РАГСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1071. Л. 5-7.
[903] Найденко Б. Н. Военная политика Советского государства в отношении стран Прибалтийского региона и Польши, 1918–1940 гг.: Дис. ... докт. ист. наук, Москва, 2001. С. 317
[904] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: документы. Москва: РОССПЭН, 2004. С. 728
[905] Савіч А. А. Камуністычны рух у Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гг. і стварэнне КПЗБ: гістарыяграфічны дыскурс // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2014. № 2. С. 12-23.

территорию СССР шпионов и диверсантов [...]. Я хотел бы с Вами обсудить вопрос о мероприятиях по проверке польской компартии, являвшейся, как Вам известно, в последние годы главным поставщиком шпионских и провокаторских элементов в СССР»[906].

С даты отправки этого письма можно начать отсчет случившейся череды громких арестов 1936 г. представителей компартии Польши в СССР. В феврале комиссией Коминтерна были рассмотрены дела 368 польских коммунистов, проживавших в Москве, по которым было принято решение об аресте 53 человек, направлении за границу 238 и оставлении в СССР на свободе 77[907]. Из 3 669 арестованных в течение 1936 г. 1 275 были обвинены в связях с польской разведкой. До ноября большинство польских коммунистов, не замеченных в связях с разведслужбами, высылались из СССР с пометкой: «Выслать в Польшу без связи с партией». Однако в ноябре тенденция изменилась: дела польских коммунистов все чаще стали передаваться «на разработку в соответствующие органы»[908]. На момент 29 ноября 1936 г. по 2 058 делам польских политэмигрантов из материалов описи личных дел членов КПП и КПЗБ, переданных отделом кадров ИККИ в представительство компартии Польши в Коминтерне, значатся следующие резолюции: «Оставить в СССР – 345, отправить в Край (в Польшу) – 1 274 (из них: без связи с партийной организацией – 990, со связью с партийными органами ИККИ – 170, вопрос о связи решить дополнительно – 114), рекомендован в ВКП(б) – 36, передать в разработку в соответствующие органы – 271, арестовано соответствующими органами – 146, оставить в резерве партии – 24, расстреляны – 5, умерло – 16, вопрос не решен – 2»[909].

Кроме того, органы НКВД подверглись чистке личного состава после отстранения 26 сентября Г. Г. Ягоды и занятия должности наркома Н. И. Ежовым. Из аппарата НКВД удаляются видные чекисты – поляки по

[906] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1147а. Л. 1, 2, 3.
[907] Лебедева Н. С. Коминтерн и Польша (1919–1943). Warszawa: Neriton, 2005. С. 349
[908] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 234. Л. 6-94.
[909] Там же: Л. 95.

национальности или выходцы из Польши[910]. Позже в письме Н. И. Ежова в ГУГБ НКВД основной причиной «безнаказанно антисоветской деятельности» ПОВ будет названо то, что в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД и РУ РККА на протяжении многих лет находились польские шпионы И. Уншлихт, С. Мессинг, Р. Пилляр, Ф. Медведь, Я. Ольский, И. Сосновский, Ю. Маковский, К. Баранский, М. Логановский, и другие[911]. В вину им также вменялась неудача СССР в Советско-польской войне.

В первой половине 1937 г. аресту подверглись 30 из 37 членов ЦК КПП, а также многие рядовые члены этой партии, польские коммунисты, получившие советское гражданство и занимавшие различные посты в партийном и государственном аппарате СССР[912]. Многие из них были вызваны в Москву из-за рубежа, в том числе 21 мая 1937 г. из Парижа (где находилось Политбюро ЦК КПП) прибывает Ю. Ленский (Лещинский)[913]. Осенью 1937 г. Коминтерн прекращает финансирование польской компартии, которая к тому времени остается без руководства[914]. Секретарь ИККИ Г. Димитров получил на руки материалы следствия. Несмотря на сомнения Г. Димитрова, из показаний следовало, что обвинения были предъявлены 9 руководителям КПП, в том числе Ю. Ленскому (Лещинскому), Г. Валецкому. Взаимно обвиняя друг друга, они подтвердили свою причастность к польской разведке и ПОВ. Из показаний польских коммунистов однозначно прослеживалось наличие в Коминтерне широкой сети польской шпионской

---

[910] Trembicka K. Między apologią a negacją: studium myśli politycznej Komunistycznej Partii Polski w latach 1918–1932. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1995. S. 77.; Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. С. 307.

[911] АУМВСУ-ХО, Колекція документів. Арк. 89-136.; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. Москва: МФД, 2004. С. 303-321, 500-502.

[912] Пачковский А. Поляки под чужим и собственным насилием // Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. Москва: Три века истории, 2001. С. 344.

[913] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 184. Д. 11. Л. 17.

[914] Szumiło M. Stalinista refleksyjny: Roman Zambrowski 1909–1977: studium z dziejów elity komunistycznej w Polsce. Warszawa: IPN, 2014. S. 115-116.

организации[915].

С 1937 г. по 1938 г. органами госбезопасности советской России проводится так называемая «польская операция» в рамках приказа НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г. В соответствии с ним аресту подлежали «…активисты ПОВ; все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии периода 1919–1920 гг.; перебежчики из Польши; политэмигранты и те, кто прибыл в СССР в результате обмена заключенными из Польши; бывшие члены ППС и других польских политических партий; активисты местных антисоветских и националистических организаций польских районов СССР»[916].

В польской историографии существует устойчивое мнение о пытках, под которыми сотрудниками НКВД выбивались признательные показания[917]. Однако, не исключая возможности какого-либо воздействия, нужно в первую очередь сказать, что обвинительные приговоры составлялись на основании материалов, которыми следственные органы активно снабжали сами польские коммунисты вполне добровольно. Стремясь избежать ареста, члены КПП писали доносы на своих товарищей по партии. Среди таких лиц были и весьма высокопоставленные партийцы. Так, представитель КПП в ИККИ Я. Боровский передал ОГПУ материалы на 65 руководящих работников партии, но и это не спасло его самого от ареста, так как его коллеги в своих показаниях назвали и его фамилию[918]. В июле 1937 г. последний член Политбюро КПП, не находившийся под следствием, Я. Белевский (Пашин) пришел к выводу, что аресты его сопартийцев являются свидетельством существования «агентуры классового врага» в рядах КПП. Он предложил еще более тщательно выявлять агентов ПОВ в партийных рядах. Однако уже в сентябре этого же года сам Я.

[915] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 414. Л. 1-35.
[916] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 142.
[917] Iwanow M. Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. «Operacja polska» 1937–1938. Kraków: Znak Horyzont, 2014. S. 346.
[918] Лебедева Н. С. Коминтерн и Польша (1919–1943). Warszawa: Neriton, 2005. С. 350.

Белевский (Пашин) был арестован НКВД и разделил судьбу своих коллег по партии[919].

23 ноября 1937 г. первые лица Коминтерна подготовили проект постановления ИККИ о роспуске компартии Польши. 28 ноября Г. М. Димитров направил его И. В. Сталину, уточнив: «Целесообразно ли делать это выступление до окончания следствия в отношении арестованных бывших руководителей польской партии, или нужно еще подождать?».

И. В. Сталин ответил: «С роспуском опоздали года на два. Распустить нужно, но опубликовать в печати, по-моему, не следует»[920]. Позиция И. В. Сталина заключалась в необходимости немедленного роспуска партии, однако, без огласки. Коммунистическая партия Польши была ликвидирована. В феврале 1938 г. главное издание Коминтерна вышло со статьей, в которой сообщалось, что КПП засорена провокаторами польской охранки, которые проникли и в руководство партии, добиваясь ее подчинения «преступным замыслам “пилсудчины”». Официально о ее роспуске будет объявлено только 16 августа 1938 г[921]. Вместе с КПП роспуску подверглись также КПЗУ и КПЗБ как ее филиалы, из Москвы последовала задача «провести роспуск местных парторганизаций»[922]. В своей докладной записке представитель компартии Болгарии Б. Богданов, которому Коминтерн поручил довести информацию о роспуске партии до польских коммунистов, сражающихся в Испании в составе интербригад, сообщал: «Мое сообщение о роспуске партии в первые минуты было встречено с известной подавленностью, несколько минут длилось полное молчание, на отдельных глазах были заметны слезы. Но скоро они узнавали решение ИККИ в целом, и настроение заметно менялось. Желание

[919] Cimek H., Kieszczyński L. Komunistyczna Partia Polski 1918–1938. Warszawa: Książka i Wiedza, 1984. S. 347-348.; Od Agrykoli do Żywnego: mały słownik patronów ulic warszawskich / Praca zbiorowa pod red. G. Kieniewiczowej i A. Sokołowskiej. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1968. S. 136.
[920] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 402. Л. 2.
[921] Там же: Оп. 2. Д. 264. Л. 198, 202-205.
[922] Там же: Д. 420. Л. 24.

высказаться было всеобщее и поголовное. Не было, однако, ни одного случая несогласия с решением ИККИ»[923].

Говоря о роспуске КПП и предшествовавших ему репрессиях в отношении польских коммунистов, нельзя не задаться вопросом относительно целесообразности столь жестких мер. Действительно ли партия была пронизана шпионски сетями, троцкистами и оппортунистами, в той мере, что это потребовало ее ликвидации? Имея ввиду, что из всех партий только КПП прекратила свое существование задолго до роспуска Коминтерна, можно быть уверенным, что руководство ВКП(б) не сомневалось в необходимости такой меры. Совокупность имеющейся информации позволяет говорить о том, что польские коммунисты растеряли кредит доверия, а польское государство, действительно имевшее разведывательную сеть на территории СССР, представляло основную угрозу для советской России.

Поднимая вопрос об обвинении польских коммунистов в участии в Польской военной организации, которая официально перестала действовать в 1921 г., стоит отметить, что данная организация влилась в состав польских вооруженных сил, а ее актив, получивший прекрасный опыт военной и разведывательно-диверсионной работы, предложил выполнять свои функции в рамках польской разведки. В 1922 г. бывшими членами Польской военной организации была создана Польская организация свободы (их польские аббревиатуры выглядят одинаково – POW)[924]. Для органов советской госбезопасности смена названия или реорганизация ПОВ не могло стать препятствием для контрразведывательной деятельности против поляков: «Для тех, кто боролся с Польской организацией войсковой в годы Гражданской и советско-польской войн (а таких было достаточно много среди сотрудников органов госбезопасности), аббревиатура ПОВ оставалась обозначением шпионских и диверсионно-подрывных структур польской разведки на нашей

[923] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 404 Л. 26-31.
[924] Матвеев Г. Ф. Пилсудский. Москва: Молодая гвардия, 2008. С. 379.

территории»[925].

Рассматривая имеющиеся примеры работы ячеек ПОВ в советской России, необходимо отметить, что в период Советско-польской войны и некоторое время позже по делам о шпионаже в пользу Польши и взаимодействии с ПОВ в органах ВЧК проходило 1 385 человек, из которых виновными были признаны 533 человека[926]. Однако наиболее интересным сюжетом в истории противоборства советской и польских разведок может стать вербовка органами ВЧК главного резидента польской разведки в СССР, агента ПОВ, И. Сосновского (Добржинского)[927]. После захвата опергруппой ВЧК с польским агентом ведут допросы высокопоставленные чекисты А. А. Артузов, Р. Пиляр и В. Менжинский, после которых его на личную встречу приглашают Ф. Дзержинский и Ю. Мархлевский. После этой встречи И. Добржинский, под псевдонимом И. Сосновский, вступает в ВЧК, и рекомендуется членами Польского бюро при ЦК РКП(б) Ф. Я. Коном и Ю. Мархлевским в члены РКП(б). Более того, по воспоминаниям А. А. Артузова, арестовавшего И. Сосновского: «Дзержинский разрешил обещать Сосновскому не стрелять идейных пилсудчиков из его агентов, а выпустить в Польшу под честное слово не заниматься более шпионажем против РСФСР. На этом условии Сосновский стал давать показания»[928].

Далеко не все представители органов госбезопасности разделяли уверенность своего «польского руководства» в искренности И. Сосновского в своем переходе на сторону большевиков. Например, начальник Особого отдела Западного фронта Ф. Медведь писал Ф. Дзержинскому следующее: «Во время моей поездки в Москву 28/X-1/XI с. г. я увидел в ОО ВЧК, что

[925] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. С. 288.
[926] Сафонов В. Н., Мозохин О. В. Особый отдел ВЧК против польской разведки, 1918–1921 гг. Москва: Вече, 2018. С. 133-134.
[927] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. С. 369.; Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941: справочник. Москва: Звенья, 1999. С. 390.
[928] Там же: С. 390.

Добржинский и Витковский (Марчевский) у т. Артузова являются самыми близкими людьми, для которых нет ничего секретного, теперь же от тов., приезжающих из Москвы, узнаю, что непосредственным помощником т. Артузова является Добржинский, хотя и не официально, из телеграммы же, что Витковский – нач. 3-го специального отделения.

Я знаю, что т. Артузов им безгранично верит… но… когда они работают в самом центре ОО ВЧК, то это может иметь плохие последствия для нас. Это я пишу потому, что никогда не доверил бы им подобной руководящей работы… они молоды, вели ответственную работу у белополяков и слишком скоро перешли на нашу сторону…

Во всяком случае, ставить их чуть ли не во главе Особотдела – это рискованно… они становятся руководителями нашей работы благодаря тому, что к ним привыкли, сжились с ними и им доверяет т. Артузов»[929].

Тут еще раз необходимо сказать о том значительном количестве как этнических поляков, так и лиц, имевших происхождение из Польши, среди функционеров формирующихся органов госбезопасности. К середине 1920-х гг. на самых высоких постах находились поляки Ф. Дзержинский, В. Менжинский, И. Уншлихт и С. Реденс, поляки же занимали 17% должностей высшего командного состава Красной Армии[930]. Как уже упоминалось выше, польская разведка, крайне активно действующая в СССР, не могла не пользоваться значительным представительством соотечественников как в партии большевиков, так и в силовых структурах советской России. Выступавший на пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. начальник ГПУ УССР В. А. Балицкий, рапортовавший о наличии агентов ПОВ в рядах польских и западноукраинских партийцев, еще в 1933 г. сообщал: «Два слова я хотел сказать относительно Сосновского. О Сосновском не может быть двух мнений, что это враг. Когда у нас, на Украине, было вскрыто дело польской

[929] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 116. Л. 2-3.
[930] Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов: Состав, социокультурные особенности, политическая роль: Дис. ... докт. ист. наук, Орел, 2000. С. 247.

военной организации, то тогда уже по показаниям Лапинского, – а Лапинский-Михайлов – это очень крупный агент, присланный специально Пилсудским на Украину, – тогда уже была ясна и понятна роль этого Сосновского.

Затем Лапинского берут в Москву и через некоторое время расстреливают, хотя мы требовали, чтобы Лапинского возвратили для дачи дополнительных показаний и для дальнейшего распутывания всего этого дела. Но его нам не вернули и расстреляли, потому что, безусловно, Сосновский был заинтересован в том, чтобы Лапинский не существовал»[931].

В августе 1936 г. Сосновский, как и многие поляки, был арестован, однако первый протокол его допроса значится 1937 г. На основании его показаний были арестованы более 30 человек – польских коммунистов, а также сотрудников органов госбезопасности, работающих по польской линии[932].

Подводя итоги, следует признать, что судьба Коммунистической партии Польши и связанных с ней польских организаций в СССР была предопределена совокупностью факторов, накапливавшихся на протяжении двух десятилетий. Во-первых, КПП так и не смогла полностью изжить внутреннюю оппозицию: бывшее «большинство» во главе с А. Варским и сторонники люксембургианской критики большевизма сохраняли влияние, а фракционная борьба между «правыми» и «левыми» подрывала единство партии и вызывала растущее раздражение в ВКП(б) и Коминтерне. Во-вторых, руководство КПП неоднократно совершало шаги, воспринимавшиеся в Москве как «политические ошибки»: от солидаризации с оппозицией Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева до поддержки майского переворота Ю. Пилсудского в 1926 г.[933] В-третьих, нелегальные условия работы в Польше,

[931] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 12С. 22.
[932] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. С. 309.
[933] Tomasiewicz J. „Faszyzm lewicy" czy „ludowy patriotyzm"? Tendencje antyliberalne i nacjonalistyczne w polskiej lewicowej myśli politycznej lat trzydziestych (1931–1939). Katowice:

аресты активистов польской полицией и вербовка их контрразведкой привели к глубокой инфильтрации партии провокаторами, что убедило органы НКВД в наличии разветвленной шпионской сети, связанной с Польской военной организацией[934].

Эти подозрения подкреплялись тесным переплетением кадров КПП, Коминтерна и советских силовых структур, где поляки и выходцы из Польши традиционно занимали значительное число командных постов. Сложившаяся еще в начале 1920-х гг. система, при которой одни и те же лица – Ф. Дзержинский, И. Уншлихт, М. Логановский, И. Сосновский и другие – совмещали работу в ОГПУ, Разведупре и польской секции Коминтерна, в условиях «большого террора» стала восприниматься не как преимущество, а как угроза. По мере того, как в 1937–1938 гг. раскручивался маховик репрессий против «старых большевиков»[935], польское коммунистическое движение, лишенное после смерти Ф. Дзержинского влиятельных покровителей, оказалось обречено. Именно польские коммунисты вызывали наибольшее подозрение, и бывший секретарь ИККИ Д. З. Мануильский на съезде ВКП(б) в 1939 г. выразил это с предельной откровенностью: «Больше всех зараженной вражескими элементами оказалась Коммунистическая партия Польши, в которой агенты польского фашизма смогли захватить руководящие посты»[936]. Совокупность идеологических, политических и разведывательных факторов привела к тому, что КПП стала единственной компартией, распущенной решением Коминтерна задолго до его официального роспуска.

Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020. S. 240; Cimek H. Komuniści, Polska, Stalin. Białystok: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1990. S. 166.

[934] Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. С. 312.

[935] Анфертьев И. А. М. Н. Рютин и судьбы участников «Союза марксистов-ленинцев», 1932–1937 годы // История сталинизма: репрессированная российская провинция: материалы международной научной конференции, Смоленск, 9–11 октября 2009 г. Москва: РОССПЭН; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. С. 479-494.

[936] Гордиевский О. А., Эндрю К. КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачева. Москва: Центрполиграф, 1999. С. 91.

Выводы. Реконструкция подлинных причин роспуска в 1938 г. КПП и ликвидации связанных с ней структур в СССР затруднена ограниченным кругом доступных источников, при этом из материалов следственных дел прослеживается определенное сходство биографий подследственных: опыт конспиративной деятельности в дореволюционной России, членство в ППС, участие в Октябрьской революции 1917 г., работа в Польском бюро и Коминтерне, а также наличие компрометирующих с точки зрения следствия факторов – дворянского происхождения, родственных связей в Польше.

Сложности в выработке единой линии между представителями СДКПиЛ и ППС при объединении партий, а также сохранявшееся недоверие даже к левой фракции польских социалистов никогда полностью не исчезали из рабочей атмосферы, причем польская часть СДКПиЛ, имевшая прочные связи с немецкой социал-демократией и опиравшаяся на позицию Р. Люксембург, часто вступала в противоречие с ленинской линией по идеологическим и организационным вопросам.

В период активной революционной фазы и Гражданской войны в России левые силы имели определенную консолидацию, а одной из важнейших операций ВЧК с участием польских функционеров стала операция «Синдикат» по устранению Б. В. Савинкова, который из Варшавы координировал работу Российского политического комитета, вербовал добровольцев и создавал агентурную сеть в советской России, причем почти все его агенты одновременно находились на содержании польских спецслужб.

В начале 1921 г. Польское бюро ЦК КП(б)У приняло секретный циркуляр, ставивший задачу выявлять и разоблачать контрреволюционные элементы среди польского населения, и именно поляки в силу специфики работы лучше всего подходили для противодействия диверсионно-разведывательным мероприятиям противника.

К 1923 г. польские коммунисты составляли примерно 1% проживавших в СССР поляков при среднем показателе по стране 0,29%, являясь четвертой по численности группой коммунистов после русских, украинцев и евреев, что

делало их заметной и потенциально уязвимой группой в партийно-государственной системе РСФСР/СССР.

После провала в 1920–1921 гг. попытки советизации Польши на партийной конференции КРПП в 1921 г. наметился раскол: группа В. Ковальского выступила против участия в буржуазных выборах, отвергла сотрудничество с социал-демократами и критиковала НЭП в советской России, тогда как А. Варский, Х. Валецкий, Э. Прухняк и Ю. Мархлевский отстаивали тактику проникновения в низовые организации ППС и профсоюзы для привлечения их электората.

В 1923 г. Польша рассматривалась советским руководством как основной потенциальный агрессор, в связи с чем военно-конспиративная деятельность развивалась одновременно по линии Разведуправления РККА и Коминтерна под кураторством члена Польского бюро и руководящего работника Коминтерна И. Уншлихта, который организовывал коммунистические партизанские отряды и группы «активной разведки», проводившие диверсионно-террористические операции на занятых поляками территориях. Работа спецслужб по «польской линии» в начале 1920-х гг. велась со значительной опорой на польских коммунистов, причем, как свидетельствовал впоследствии невозвращенец Г.З. Беседовский, именно И. Уншлихт, курировавший деятельность советских разведслужб и польской секции Коминтерна, а не НКИД, определял направление советской политики в отношении Польши.

В конце декабря 1923 г. пленум ЦК КРПП направил в ИККИ и Политбюро ЦК РКП(б) письмо с выражением несогласия с тактикой Коминтерна и ВКП(б) в ходе провалившихся выступлений в Германии, а также со сталинским осуждением оппозиции в РКП(б), настаивая на наличии в Коминтерне альтернативных точек зрения и характеризуя складывающуюся ситуацию как «нездоровую». Зимой 1924 г. при Исполкоме Коминтерна была создана секретная военная комиссия, секретарем которой стал И. Уншлихт, а в ее состав вошли другие видные польские коммунисты, включая бывшего

члена Польревкома и руководителя Польского бюро Э. Прухняка, что свидетельствовало о сохранении за польскими кадрами ключевых позиций в военно-конспиративной работе, несмотря на нараставшие политические разногласия.

На V конгрессе Коминтерна в июле 1924 г. по предложению И. В. Сталина была создана специальная польская комиссия, в ходе работы которой пробольшевистски настроенный Ю. Ленский (Лещинский) настаивал на проведении революционной тактики с опорой на «здоровый большевистский хребет» советской парти, тогда как М. Кошутская протестовала против дискредитации Л. Д. Троцкого, а А. Варский напомнил о выступлениях Р. Люксембург против методов Октябрьской революции в России 1917 г., заявив, что польские коммунисты являются ее духовными детьми. В ответ И. В. Сталин обрушился на польскую партию с критикой, указывая на кризисные явления в ее политике из-за некомпетентности руководства, и подчеркнул, что колебание и ослабление дисциплины внутри партии, стоящей у власти, расшатывает основы международного революционного движения, поскольку советская власть является базой и оплотом революционного движения всего мира.

По итогам работы 8 июля 1924 г. польской комиссии в резолюции значилось, что ЦК КРПП, руководимый группой Варского, Костшевой и Валецкого, оказался неспособным проводить революционную линию Коминтерна на деле, вводил партию в заблуждение относительно тактики Коминтерна, РКП и КПГ, скрывал действительное положение в РКП и свою деятельность в пользу оппозиции.

Немецкий коммунист А. Тальгеймер, освещая итоги конгресса, писал, что ЦК КРПП, по существу, придерживался большевистских позиций, но пытался играть роль посредника в конфликте Сталина с Троцким и Радеком, в результате чего группа старейших деятелей польского движения неожиданно оказалась «оппортунистами», а остальные «левыми». Для урегулирования отношений КРПП и Политбюро ЦК РКП(б) 3 января 1925 г. была создана

комиссия с участием Ф. Дзержинского, И. Уншлихта, Г. Е. Зиновьева, А. И. Рыкова, И. В. Сталина и Н. И. Бухарина, которой поручалось рассмотреть данные о состоянии рабочего движения в Польше и доложить Политбюро, что свидетельствовало о стремлении Москвы сохранить контроль над польской партией без ее полного разгрома.

В соответствии с решением Оргбюро ИККИ от 1 ноября 1924 г. были образованы Постоянная военная комиссия и Постоянная комиссия по нелегальной работе, в которых работало значительное количество поляков и выходцев из Польши, однако в их состав не вошел Э. Прухняк, выступивший на стороне критиков сталинско-зиновьевской позиции. В течение 1924–1925 гг. параллельно с отбором польских кадров для работы в Польше происходила эскалация разведывательно-диверсионного противостояния: советские диверсионные группы провели в восточных районах Польши не менее 89 крупных боевых операций за период с апреля по ноябрь 1924 г., а польские власти ликвидировали связанную с КП(б)Б организацию, руководители которой поддерживали связь с ГПУ в Минске.

Весной 1925 г. по постановлению Политбюро, подготовленному Ф. Дзержинским, деятельность диверсионно-разведывательных групп против Польши была изъята у спецслужб СССР и передана в ведение Коминтерна и компартий Западной Белоруссии и Западной Украины, после чего партизанские отряды получили приказ прекратить диверсионные операции, однако польские спецслужбы сумели оперативно выявить и арестовать более двух тысяч бывших партизан и подпольщиков.

Созданная 13 мая 1926 г. постоянная польская комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б) с ключевым участием И. Уншлихта и И. В. Сталина экстренно осудила призывы ЦК КПП поддерживать Ю. Пилсудского, а в принятой 15 мая резолюции поддержка «революционных войск, выступивших под командой Пилсудского» была квалифицирована как серьезная политическая ошибка, при этом предписывалось начать разоблачительную кампанию против нового правительства. Несмотря на последовательные указания из

Москвы, руководство КПП упорно игнорировало ноты Политбюро и ИККИ, 23 – 26 мая 1926 г. признало тактическую линию в целом правильной, а пленум принял решение поддержать кандидатуру Ю. Пилсудского на пост президента Польши, что вызвало крайне негативную реакцию в СССР, последовало и решение польской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б)исчитать такое голосование недопустимым ни при каких условиях.

После майских событий 1926 г. в Польше политика Коминтерна в отношении КПП была направлена на «большевизацию» партии и ограничение ее самостоятельности, для чего в 1926 г. были созданы лендер-секретариаты, а Польско-Прибалтийский секретариат, возглавляемый сначала В. Мицкевичем-Капсукасом, а затем Б. Бортновским, должен был обеспечить проведение генеральной линии.

В 1925–1927 гг. в советско-польском приграничье развернулась настоящая война диверсионных групп, ежегодно от рук диверсантов, связанных с КПЗБ, погибало от пяти до пятнадцати сотрудников польской полиции и контрразведки, а в мае 1927 г. ЦК КПП разрешил местным комитетам выносить смертные приговоры информаторам полиции, что значительно увеличило количество акций. Убийство советского посла П. Л. Войкова в Варшаве 7 июня 1927 г. еще больше осложнило советско-польские отношения, а в августе того же года руководство ВКП(б) обвинило ЦК КПП в поддержке опальных большевиков, прежде всего Г. Е. Зиновьева, который совместно с «троцкистским элементом» в польской партии был назван вдохновителем «майских ошибок» 1926 г.

На VI конгрессе Коминтерна в сентябре 1928 г. процесс «большевизации» польской компартии продолжился. Политбюро ЦК ВКП(б) предложило ввести в состав ЦК КПП двух членов ВКП(б) – В. Г. Кнорина и Н. Н. Попова, а большевизация партии была также следствием тотальной зависимости польских коммунистов от дотаций из Москвы, при формировании бюджета секций ИККИ особо отмечалось значение Польши.

Информация о внутрипартийном конфликте в КПП через значительное взаимопроникновение членов КПП и ВКП(б) распространилась в среде российских большевиков, о чем в годовом отчете за 1928 г. сообщала секретарь Польского бюро С. Дзержинская, отмечавшая, что активисты Польбюро прикладывают все силы для недопущения раскола среди польских членов партии и выявления троцкистов, однако не находят поддержки у польского коммунистического актива в Москве. В конце 1920-х гг. издания польских коммунистов в СССР и периодика, связанная с КПП, начали подвергаться цензуре и самоцензуре, причем новый секретарь Польского бюро Я. Нейман потребовал изъять из продажи в БССР книгу А. Варского и Э. Прухняка «На идеологическом фронте», которая была осуждена Политсекретариатом ИККИ как оправдывающая оппортунизм ППС-левицы.

К 1930 г. главным координатором работы советских спецслужб в Польше оставался И. Уншлихт, курировавший все органы, занимающиеся «польской линией», а в 1930–1931 гг. произошла серия значимых провалов советской агентуры в компартиях западных стран, причем из-за нарушений правил конспирации представителями КПП контрразведка Польши получила информацию о подготовке европейских компартий к развертыванию диверсионно-подрывной деятельности.

На фоне масштабного экономического кризиса в Европе Польша рассматривалась Коминтерном как одна из первых стран для возможной революции, в резолюции политсекретариата польской компартии от 29 февраля 1932 г. среди главных задач КПП значилось усиление агитации среди солдат, женщин и интеллигенции, а особое внимание уделялось работе КПЗУ и КПЗБ, финансирование которых было увеличено.

В 1934–1935 гг. на Украине активно велись процессы против Польской организации войсковой и Украинской войсковой организации, а 17 ноября 1933 г. начальник ГПУ Украины В.А. Балицкий докладывал в центр, что актив ПОВ получает указания пробираться в СССР под видом политэмигрантов

через левые рабочие организации, КПЗУ и КПП, что провоцировало начало репрессивных мер в отношении неблагонадежных лиц.

В феврале 1936 г. комиссией Коминтерна были рассмотрены дела 368 польских коммунистов в Москве, из которых 53 подлежали аресту, 238 – высылке за границу, а к ноябрю тенденция изменилась: дела польских коммунистов все чаще стали передаваться на разработку в соответствующие органы, и на 29 ноября по 2 058 делам политэмигрантов 271 было передано в разработку, 146 арестовано, 5 расстреляны.

Выводы по третьей главе.

Проведенный анализ положения польских коммунистов в советской партийно-государственной системе в 1920-е–1930-е гг. позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, «польское направление» советской национальной политики представляло собой комплексный политический проект, в котором сочетались внутриполитическая задача советизации польского населения и внешнеполитическая функция инструмента идеологического давления на II Речь Посполитую. Наиболее ярким выражением этого проекта стали польские национальные автономные районы, задуманные как «коммунистический Пьемонт» — одновременно витрина социализма и плацдарм для возможной будущей советизации Польши.

Во-вторых, проект польских автономий изначально нес в себе неустранимые внутренние противоречия. Экономическая дотационность районов, сопротивление консервативного польского крестьянства коллективизации, конфликты Польбюро с республиканскими элитами по вопросам национальной идентификации католического населения и уязвимость приграничных территорий перед инфильтрацией польской разведки предопределили постепенное свертывание проекта, завершившееся ликвидацией автономий к 1935–1937 гг.

В-третьих, ликвидация польских автономий сопровождалась значительным падением влияния польских коммунистов в советской партийно-государственной системе. Процесс сопровождался сужением их институциональных возможностей: если в начале 1920-х гг. Польбюро претендовало на роль координирующего центра по всему спектру «польской линии», то к концу десятилетия его функции свелись к агитационно-пропагандистской работе среди польского населения, а после 1931 г. централизованные структуры прекратили существование.

В-четвертых, снижение роли польских коммунистов проходило через последовательный институциональный демонтаж: фактическое прекращение деятельности Польского бюро к 1931 г.; ликвидация Мархлевского района и Польско-Прибалтийского лендер-секретариата в 1935 г.; закрытие «окон» для перехода границы в 1935–1936 гг.; роспуск КПП, КПЗУ и КПЗБ в 1938 г. Каждый последующий этап логически вытекал из предыдущего, так что к моменту формального роспуска партии польские коммунисты уже утратили практически все рычаги влияния и институциональной защиты.

В-пятых, трагический финал польского коммунистического движения не был следствием субъективной воли одного человека или немотивированных факторов. Он стал результатом сложного комплекса объективных обстоятельств: политических ошибок КПП, кульминацией которых стала поддержка переворота Ю. Пилсудского в 1926 г.; затяжной фракционной борьбы, перенесенной на советскую почву; тесных связей польских коммунистов с лидерами внутрипартийных оппозиций в ВКП(б); реальной угрозы польской разведки в условиях надвигающейся мировой войны.

В-шестых, проблема инфильтрации польских спецслужб в коммунистические ячейки требует дальнейшего критического анализа. С одной стороны, архивные материалы содержат сведения о деятельности агентурных сетей Польской военной организации и ее преемников. С другой стороны, значительная часть обвинений строилась на показаниях, полученных

в ходе следствия с применением методов психологического и физического воздействия, что ставит вопрос о достоверности этих источников и требует осторожности в интерпретациях.

В-седьмых, репрессии против польских коммунистов стали закономерным итогом длительного процесса эрозии доверия к польской некогда влиятельной этнополитической группе. Прежние механизмы патроната перестали действовать после смерти Ф. Дзержинского и Ю. Мархлевского; горизонтальные неформальные связи начали интерпретироваться как конспиративная сеть; а сам факт значительного представительства поляков в органах госбезопасности в изменившихся условиях стал восприниматься как доказательство системного проникновения польской агентуры. Письмо Д. З. Мануильского Н. И. Ежову от 19 января 1936 г. и ответ И. В. Сталина на проект роспуска КПП стали концентрированным выражением этого кризиса доверия.

В-восьмых, «польская операция» НКВД 1937–1938 гг. стала завершающим этапом ликвидации польской этнополитической группы в советской партийно-государственной системе. Арест 30 из 37 членов ЦК КПП, прекращение финансирования польской компартии Коминтерном и ее официальный роспуск в августе 1938 г. означали не только физическое уничтожение актива, но и полное институциональное исчезновение польского коммунистического движения как субъекта советской политики. Группа видных польских коммунистов, стоявшая у истоков создания советской России, была полностью ликвидирована.

В-девятых, предложенная в исследовании объяснительная модель позволяет преодолеть односторонность как советской, так и зарубежной историографических традиций. Ни тезис о субъективных факторах, ни концепция пассивной жертвы внешних обстоятельств не объясняют сложную комбинацию причин, приведших к финалу. Только комплексный анализ взаимодействия объективных институциональных процессов и субъективных политических решений позволяет понять, каким образом влиятельная

этнополитическая группа прошла путь от «архитекторов» советской политики до «ликвидированной» категории.

В-десятых, исследование показало, что привилегированное положение национальной группы в советской партийно-государственной системе было принципиально нестабильным. Оно держалось не на формальных институциональных гарантиях, а на сочетании внешнеполитической конъюнктуры, кадрового потенциала группы и способности доказывать свою незаменимость. Утрата любого из этих факторов неизбежно запускала процесс маргинализации, который в условиях ужесточения политического режима и нарастания внешних угроз приводил к полной ликвидации группы.

Заключение

Проведенное диссертационное исследование, охватившее период с 1917 по 1938 гг., позволило на основе комплексного анализа архивных источников и критического переосмысления обширной историографии реконструировать целостную картину эволюции роли польских коммунистов в партийно-государственной системе советской России. В центре исследовательского внимания находилась уникальная в историческом отношении траектория этой достаточно многочисленной группы деятелей, выявившая фундаментальное противоречие: путь от положения системообразующей и привилегированной политической силы, обладавшей значительными властными рычагами и фактически формировавшей «польское направление» политики в советской России, до статуса полностью ликвидированной и репрессированной. Анализ показал, что данная трансформация не была ни случайным проявлением субъективных факторов, ни следствием изначально «враждебной» природы КПП, как это представляется в полярных историографических традициях – советской, польской буржуазно-эмигрантской и постсоветской. Разрешение этого центрального противоречия потребовало выявления и последовательного изучения трех фаз эволюции объединения польских коммунистов, каждая из которых детально реконструирована в соответствующих главах диссертации.

Понятие «польские коммунисты» трактуется в исследовании не в узко-этническом смысле, а как операциональная категория, объединяющая активистов, которые в силу своего происхождения, языковой компетенции и специфики партийной деятельности были интегрированы в систему «работы по польской линии». Данная формулировка, принятая в советском партийном делопроизводстве, подразумевала участие в польских секциях и бюро РКП(б)/ВКП(б), членство в Коммунистической партии Польши, а также кадровую и культурно-просветительскую работу среди польского населения. Таким образом, термин «польский коммунист» указывает не только на национальность, сколько на институциональную и функциональную

принадлежность к данной этнополитической группе. Это терминологическое уточнение имеет принципиальное значение для понимания того, почему в орбиту «польской работы» вовлекались лица не только польского происхождения, и почему репрессивные меры 1937–1938 гг. распространялись на более широкий круг лиц, чем те, кто формально принадлежал к польской национальности.

Фаза первая – конституирования и эскалации институционального статуса (1917–1920 гг.). В этот период происходило не просто организационное оформление польского коммунистического движения, но и закладывались фундаментальные основы того уникального положения, которое польские коммунисты заняли в советской партийно-государственной системе. Это положение стало закономерным итогом действия целого комплекса взаимосвязанных факторов.

Ключевой предпосылкой явился кадровый потенциал польских коммунистов и их глубокая укорененность в российском революционном движении. Польские социалистические партии – СДКПиЛ и ППС-левица – имели прочные и давние связи с РСДРП(б); СДКПиЛ еще с 1906 г. входила в состав РСДРП. Накануне и в ходе Октябрьской революции 1917 г. польские коммунисты не были сторонними наблюдателями: Ф. Дзержинский стал членом ЦК РСДРП(б) и вошел в состав Военно-революционного центра по руководству восстанием; И.С. Уншлихт являлся членом Петроградского ВРК; Ю. Мархлевский был избран в ЦИК Советов; Я. Ганецкий, М. Бронский, Ю. Ленский (Лещинский), С. Бобинский и многие другие находились на ответственных постах в формирующихся органах советской власти. Таким образом, на момент захвата власти российскими большевиками польские революционеры уже обладали значительным политическим весом и опытом, что делало их не просителями, а полноправными со-творцами нового государства – советской России.

Вторым фактором стал количественный и качественный состав польского коммунистического актива на территории советской России. По

имеющимся оценкам, в 1919 г. в советской России находилось не менее 18 тысяч польских коммунистов – почти вдвое больше, чем в самой Польше. При этом поляки составляли четвертую по численности национальную группу в РКП(б), а процент коммунистов среди польского населения СССР втрое превышал аналогичный показатель у русского населения. Эта демографическая аномалия, в сочетании с высоким уровнем революционной подготовки и конспиративным опытом, выкованным в условиях подпольной борьбы с дореволюционной государственной властью России, превращала польских коммунистов в исключительно ценный кадровый ресурс для советской власти – особенно в сферах, требовавших особого доверия: госбезопасность, разведка, работа в национальных окраинах.

Третьим фактором стала роль польских коммунистов в создании Коммунистического Интернационала – организации, которая на долгие годы стала важнейшим инструментом советской внешней политики. Именно представители польского и немецкого левого движения (Р. Люксембург, Л. Йогихес (Тышка), Ю. Мархлевский) еще в 1916 г. выдвинули инициативу создания нового социалистического Интернационала. На I конгрессе Коминтерна польскую делегацию представлял И. Уншлихт, а воззвание о созыве конгресса было подписано Ю. Мархлевским сразу после В. И. Ленина. При этом в исследовании зафиксирован важный нюанс: внутри польского коммунистического движения с самого начала существовало напряжение между «автономистским» крылом, ориентированным на наследие Р. Люксембург и связи с германской социал-демократией, и пробольшевистским большинством, ядро которого составляли польские коммунисты в советской России. Это напряжение, на раннем этапе купированное общими революционными задачами, впоследствии перерастет в открытый конфликт, который окажет решающее влияние на судьбу всей польской компартии.

Наконец, период Советско-польской войны 1919–1920 гг. стал моментом наивысшей институционализации влияния польских коммунистов и одновременно точкой, в которой наиболее отчетливо проявилась их роль как

главных интересантов и бенефициаров «польского направления» советской политики. Польские коммунисты, прежде всего члены Польского бюро и Польреввоенсовета (Ф. Дзержинский, И. Уншлихт, Ю. Мархлевский, Э. Прухняк), были теми, кто настойчиво убеждал В. И. Ленина и руководство РКП(б) в необходимости и неизбежности советизации Польши, в слабости воссоздаваемого польского буржуазного государства и готовности польского пролетариата к революции в Польше. Создание Временного революционного комитета Польши в Белостоке (июль 1920 г.) стало кульминацией этого влияния: впервые в истории советской власти группа национальных коммунистов получила в свое распоряжение не совещательный орган, а полноценное квазигосударственное образование с правом издания декретов, собственной администрацией, вооруженными формированиями и судебной системой. На занятых Красной Армией территориях действовало около 70 местных ревкомов, подчиненных Польревкому. Руководство Польревкома одновременно оставалось руководством Польского бюро ЦК РКП(б), что демонстрирует полную институциональную и кадровую идентичность этих организаций.

Анализ дипломатической активности польских коммунистов в период войны показывает, что уже на этом этапе они выступали не просто как исполнители решений Москвы, а как самостоятельные политические акторы. Миссия Ю. Мархлевского в 1919 г., предпринятая им по собственной инициативе для установления тайных контактов с представителями Ю. Пилсудского, продемонстрировала способность польских коммунистов действовать в качестве посредников между советским правительством и буржуазной Польшей. Этот прецедент «особого положения» – когда польский коммунист, член ЦК КРПП и одновременно функционер Польбюро, ведет переговоры от имени советской России – закрепил за польскими коммунистами уникальную нишу во внешнеполитическом механизме большевиков.

Таким образом, на данном этапе сформировались конституирующие признаки уникального положения польских коммунистов: двойная партийная лояльность (члены КРПП/КПП автоматически становились членами РКП(б)/ВКП(б) при въезде в советскую Россию, что создавало беспрецедентную ситуацию взаимопроникновения двух партийных организмов); концентрация в руках узкой группы лиц (Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, И. Уншлихт, Э. Прухняк, Ф. Кон) ключевых рычагов власти в сфере госбезопасности, внешней политики и коминтерновской работы в советской России, что делало эту группу не полностью подконтрольной обычным российским партийным инстанциям; монополия на экспертное знание и принятие решений по всему спектру вопросов, связанных с Польшей и поляками, – от дипломатических нот до операций по линии ВЧК; наличие собственных вооруженных формирований, образовательных учреждений и административных структур, которые рассматривались не как временные, а как прообраз будущих институтов «Польской Советской Республики».

Однако уже на этом этапе были выявлены и внутренние противоречия, ставшие факторами будущей утраты этого положения: сохранявшиеся идейные расхождения между пробольшевистским ядром польских коммунистов в России и «автономистским» крылом КРПП, ориентированным на наследие Р. Люксембург; неготовность значительной части польского крестьянства и рабочих поддержать коммунистов в Польше, ошибочно принятая руководством Польбюро за готовность к революции; и, наконец, фундаментальная зависимость всей конструкции «польского проекта» от военного успеха Красной Армии, поражение которой в августе 1920 г. создало новую политическую реальность, в корне изменившую перспективы сохранения польскими коммунистами их привилегированного статуса в советской России.

Фаза вторая – редукции центральных полномочий и формирования региональных структур (1921–1931 гг.). В этот период можно выделить три

последовательные стадии эволюции положения польских коммунистов в советской России после краха надежд на советизацию Польши.

На первой стадии (до августа 1920 г.) происходило стремительное расширение институциональных возможностей: от Комиссариата по польским делам при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР, который был первой из созданных национальных секций Наркомнаца и чье мнение было обязательно для всех государственных учреждений, что не имело аналогов для других национальных комиссариатов, к Польскому бюро, ставшему центром принятия решений по «польской линии» с правом давать заключения по дипломатическим нотам и участвовать в борьбе с польской контрреволюцией совместно с ВЧК, и далее к Польревкому – квазигосударственному образованию, воплотившему в себе уникальный статус этой группы. Уже на этапе Комиссариата при Наркомнаце, как демонстрирует анализ кадрового состава, ключевые посты в нем заняли те же люди, которые впоследствии составят ядро Польбюро и Польревкома: С. Бобинский, К. Циховский, Э. Прухняк, С. Пестковский.

На второй стадии (осень 1920 г. – осень 1921 г.) польскими коммунистами была предпринята попытка удержать этот статус после исчезновения его главной опоры – перспективы создания Польской Советской Республики. Эта попытка включала в себя проект слияния Польбюро с ЦК КРПП, который был отвергнут обеими сторонами, и прямой конфликт с Оргбюро ЦК РКП(б) за сохранение организационной самостоятельности. В письме в Политбюро от 25 октября 1921 г. Польбюро прямо предложило признать себя «особым органом ЦК», сохраняющим самостоятельность «ввиду особых отношений с Польшей и могущим развернуться в случае необходимости». Однако эти притязания были квалифицированы аппаратом ЦК РКП(б) как стремление к положению, «равному ЦК или, по крайней мере, самостоятельного отдела, независимого от других отделов ЦК». В аппарате ЦК РКП(б) это назвали попыткой создать «маленькое польское ЦК в России». Мотивы Польбюро были признаны «недостаточными и неправильными».

На третьей стадии (декабрь 1921 г.) произошла институциональная фиксация начавшейся маргинализации. Решением Оргбюро ЦК РКП(б) от 2 декабря 1921 г. Польбюро было низведено до уровня специализированного агитационно-пропагандистского органа с ограниченными, строго очерченными функциями. Согласно этому документу, за Польбюро сохранялись: участие в учете коммунистов-поляков; участие в их распределении согласно потребностям агитационно-пропагандистской работы; контроль и руководство издательской деятельностью на польском языке; совместное с Польской секцией Коминтерна руководство пресс-бюро; хранение партийного архива и библиотеки. При этом ключевой пункт – о переписке по делам Коминтерна, НКИД и ВЧК – обставлялся жестким условием: такая переписка должна была вестись «за подписью Секретаря Польбюро каждый раз с санкции Секретаря ЦК». Это решение стало рубежным. Оно означало, что Польбюро окончательно лишалось права самостоятельных сношений с ключевыми ведомствами в советской России и превращалось из центра выработки и проведения «польской политики» в специализированный агитационно-пропагандистский орган с ограниченными, строго очерченными функциями. Внешнеполитические, дипломатические и разведывательные аспекты работы по «польской линии» отныне выводились из его компетенции.

Дальнейшая эволюция в рамках второй фазы характеризовалась неуклонным, хотя и постепенным угасанием центрального институционального механизма влияния польских коммунистов. Смерть Ф. Дзержинского в 1926 г. лишила их главного патрона в высшем советском руководстве. Уход из жизни Ю. Мархлевского (1925 г.) и отход от активной политической деятельности других основателей Польбюро привели к смене руководящего состава организации: место «старых революционеров» заняли функционеры «второго плана», не обладавшие сопоставимым политическим весом. К 1931 г. Польское бюро как централизованный общесоюзный орган прекратило свое существование, причем это прекращение – в отличие от

ожесточенной борьбы за статус в 1921 г. – не было оформлено каким-либо специальным постановлением ЦК ВКП(б). Группа, еще недавно претендовавшая на роль правительства Советской Польши, утратила даже то значение, которое требовало бы формального оформления ее ликвидации. Этот контраст между борьбой за статус в 1921 г. и тихим исчезновением десять лет спустя сам по себе является ярчайшей иллюстрацией масштаба пройденного пути.

При этом важно подчеркнуть, что исчезновение центрального Польбюро не означало немедленного демонтажа всей инфраструктуры, работавшей по «польской линии». Как показывает анализ, на местах – прежде всего в Белоруссии и на Украине – польские партийные функционеры продолжали действовать. К 1931 г. руководящий состав польских этнополитических групп на республиканском уровне мог выглядеть следующим образом: в Белоруссии основной актив составляли П. Вноровский, Б. Вонсовский и М. Мазепус (члены Польбюро ЦК КП(б)Б); на Украине – Б. Скарбек и С. Лазоверт (руководители Польбюро ЦК КП(б)У). Именно эти люди в первой половине 1930-х гг. будут руководить польскими национальными автономиями и связанными с ними учреждениями.

Остаточные формы польского присутствия в партийно-государственной системе советской России сохранялись на республиканском уровне, и главным проектом, в котором реализовывалось влияние польских коммунистов в этот период, стали польские национальные автономные районы – Мархлевский (создан в 1925 г. на Украине) и Дзержинский (создан в 1932 г. в Белоруссии). Как показано в исследовании, эти районы выполняли двойную функцию: с одной стороны, польские коммунисты во главе с Ф. Коном, Т. Домбалем и Б. Вонсовским стремились создать на этих территориях образцовое «польское социалистическое общество» – своего рода «коммунистический Пьемонт», призванный служить авангардом будущей советизации Польши; с другой стороны, для советского руководства эти автономии выполняли роль внешнеполитической витрины, демонстрировавшей II Речи Посполитой

преимущества социалистического национального строительства. В работе доказана изначальная противоречивость этого проекта: экономическая дотационность национальных районов (бюджет Мархлевщины на 80–90% формировался из финансовых вливаний УССР), сопротивление консервативного польского крестьянства коллективизации, конфликты Польбюро с украинским и белорусским партийным руководством, а также использование автономий польской разведкой для внедрения агентуры. Эти факторы в совокупности предопределили свертывание проекта в 1935–1937 гг.

Фаза третья – институциональной дезактивации и прекращения организационной деятельности (1931–1938 гг.). В этом периоде можно выделить три последовательные стадии.

Первая стадия – угасание и исчезновение центрального Польского бюро к 1931 г. – ознаменовала демонтаж того уникального организационного механизма, который на протяжении двенадцати лет служил главным инструментом консолидации и реализации влияния польских коммунистов в масштабах советской России. На смену централизованному органу пришли локальные, республиканские структуры и отдельные персоналии, уже не обладавшие прежним политическим весом. Об угасании центрального аппарата Польбюро свидетельствует следующий комплекс доказательств. Во-первых, в архивном фонде Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф. 63) последним по дате документом является протокол заседания Бюро Мархлевского райкома КП(б) Украины от 3 января 1930 г. и резолюция ЦК КП(б) Украины по докладу Польского бюро Мархлевского райкома от 14 января того же года. Во-вторых, в карточке описи «Статья и корреспонденции для польской печати в России» конечным указан 1931 г., и в целом в описании фонда годы работы Польского бюро обозначены как 1919–1931 гг. В-третьих, согласно архивным данным, последним известным секретарем Польского бюро АППО при ЦК ВКП(б) являлся Я. Нейман, который упоминается в этом качестве в документах до конца 1929 г. В записке С. Дзержинской от 1941 г. сообщается о передаче дел Польского бюро Я.

Нейману – однако, ни точная дата этой передачи, ни точная дата прекращения исполнения Я. Нейманом секретарских функций источниками не фиксируются. Известно лишь, что на момент ареста в 1937 г. Я. Нейман и другой видный деятель польского коммунистического движения в Белоруссии Б. Вонсовский уже не занимали партийных должностей. Совокупность этих данных позволяет с достаточной степенью уверенности утверждать, что к 1931 г. Польское бюро как централизованный общесоюзный орган прекратило свое существование.

Вторая стадия – 1935 г. – стала точкой, после которой возврат к прежним формам присутствия польской этнополитической группы в рамках советской партийно-государственной системы стал невозможен. В этом году произошли два внешне не связанных, но глубоко симптоматичных события, каждое из которых означало ликвидацию одной из последних специализированных структур, созданных в предшествующий период под эгидой польских коммунистов. Во-первых, был ликвидирован Мархлевский польский национальный район на Украине – первый и наиболее крупный проект польской советской автономии, созданный в 1925 г. при активном участии Ф. Дзержинского и Ю. Мархлевского. К 1934–1935 гг., когда на Украине развернулись громкие процессы против «Польской военной организации» (ПОВ) и «Украинской военной организации» (УВО), фигурантами которых становились польские коммунисты и граждане польской национальности, существование Мархлевского района как компактного центра польского населения в приграничной зоне стало восприниматься органами госбезопасности как прямая угроза. Во-вторых, в том же 1935 г. была прекращена деятельность Польско-Прибалтийского лендер-секретариата Исполкома Коминтерна – ключевого органа, через который с 1926 г. осуществлялся контроль ВКП(б) и Коминтерна за деятельностью компартий Польши, Литвы, Латвии и Эстонии. Создание лендер-секретариатов в 1926 г. было прямым следствием «майских ошибок» КПП, когда большинство ЦК польской Компартии поддержало переворот Ю. Пилсудского вопреки

директивам Москвы. Возглавляемый В. Мицкевичем-Капсукасом, а затем Б. Бортновским – функционером ВЧК, бывшим начальником Разведуправления штаба Западного фронта и одним из руководителей польской секции в Коминтерне, – этот орган был призван обеспечить жесткий контроль за «большевизацией» КПП. Его ликвидация в 1935 г. с формулировкой «в связи со снижением эффективности в работе компартий в этих странах, в том числе и в военной области» фактически означала признание того, что польская компартия более не рассматривается как перспективный инструмент советской политики. Это был важнейший симптом: за два года до официального роспуска КПП Коминтерн уже списал ее со счетов как неэффективную и засоренную организацию. В этом же контексте следует рассматривать и закрытие «окон» для перехода границы польскими коммунистами, произведенное НКВД по предложению секретаря ИККИ Д. З. Мануильского в конце 1935 – начале 1936 гг.

Третья стадия – 1937–1938 гг. – стала заключительным этапом институциональной дезактивации. В первой половине 1937 г. аресту подверглись 30 из 37 членов ЦК КПП, включая генерального секретаря партии Ю. Ленского (Лещинского), вызванного в Москву из Парижа 21 мая 1937 г. Аресты охватили практически всех польских коммунистов, занимавших какие-либо посты в советском партийном и государственном аппарате: бывших членов Польбюро, функционеров Коминтерна, сотрудников НКВД, преподавателей, журналистов. С августа 1937 г. развернулась так называемая «польская операция» НКВД, проводившаяся на основании приказа № 00485 от 11 августа 1937 г. и нацеленная на поголовную зачистку советского общества от лиц, подпадавших под критерии «польской угрозы». В ноябре 1937 г. Коминтерн прекратил финансирование КПП, а 28 ноября Г. М. Димитров направил И. В. Сталину проект постановления о ее роспуске, сопроводив его вопросом о сроках публикации. Ответ И. В. Сталина – «С роспуском опоздали года на два. Распустить нужно, но опубликовать в печати, по-моему, не следует» – подвел черту под двадцатилетней историей польской компартии. В

феврале 1938 г. главное издание Коминтерна сообщило о том, что КПП засорена провокаторами польской охранки, проникшими в руководство партии. Официально о роспуске было объявлено 16 августа 1938 г. Вместе с КПП были распущены также КПЗУ и КПЗБ как ее филиалы, ликвидирован Дзержинский польский национальный район, а его руководитель Б. Вонсовский арестован и расстрелян.

В исследовании обосновано, что этот финал не был следствием субъективной воли одного человека или немотивированных факторов. Он стал результатом сложного комплекса объективных обстоятельств, накапливавшихся на протяжении всего рассматриваемого периода. К их числу относятся:

а) накопленные политические ошибки самой КПП, кульминацией которых стала поддержка переворота Ю. Пилсудского в 1926 г., катастрофически подорвавшая доверие Москвы. 13 мая 1926 г. была созвана польская комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б), которая экстренно осудила призывы ЦК КПП поддерживать Пилсудского. В принятой 15 мая резолюции поддержка «революционных войск, выступивших под командой Пилсудского» была квалифицирована как серьезная политическая ошибка. Несмотря на последовательные указания из Москвы, руководство КПП упорно игнорировало ноты Политбюро и ИККИ, что окончательно подорвало кредит доверия к польской партии;

б) затяжная и разрушительная фракционная борьба между «большинством» и «меньшинством», перенесенная на советскую почву и дестабилизировавшая работу Польбюро и польских секций Коминтерна. Как отмечалось, эта борьба была особенно острой на V конгрессе Коминтерна, где А. Варский заявил, что польские коммунисты являются «духовными детьми» Р. Люксембург, а И. В. Сталин обрушился на польскую партию с критикой, указывая на кризисные явления в ее политике. В резолюции польской комиссии конгресса значилось, что ЦК КРПП оказался неспособным проводить революционную линию Коминтерна на деле;

в) проблема инфильтрации польских спецслужб в коммунистические ячейки, масштабы которой остаются предметом дискуссии в историографии. С одной стороны, советские и польские архивные материалы содержат сведения о деятельности агентурных сетей Польской военной организации (ПОВ) и ее преемников, включая показания перевербованного резидента польской разведки И. И. Сосновского (Добржинского), на основании которых в 1937 г. были арестованы десятки сотрудников НКВД и членов КПП. С другой стороны, анализ следственных дел выявляет существенные противоречия: многие обвинения строились на показаниях, полученных в ходе допросов с применением методов психологического и физического воздействия, а сами обвинительные приговоры нередко основывались на косвенных уликах или оговорах подследственных, стремившихся смягчить свою участь. Наличие значительного числа выходцев из Польши в аппарате ВЧК-ОГПУ-НКВД (к 1923 г. поляки составляли до 15,5% личного состава) создавало объективные предпосылки для подозрений, однако прямых документальных подтверждений системной работы польских спецслужб в центральном аппарате советских органов госбезопасности в исследованных материалах обнаружено не было. Таким образом, проблема инфильтрации, несмотря на ее несомненную значимость для понимания логики репрессивной политики, требует дальнейшего критического анализа с учетом как сохранившихся архивных источников, так и методологических ограничений, связанных с природой следственных материалов 1930-х гг., тесные личные и политические связи многих видных польских коммунистов с лидерами внутрипартийных оппозиций в ВКП(б) – Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым, Н. И. Бухариным. Как отмечалось, немецкий коммунист А. Тальгеймер писал, что ЦК КРПП пытался играть роль посредника в конфликте И. В. Сталина с Л. Д. Троцким и К. Б. Радеком, в результате чего группа старейших деятелей польского движения неожиданно оказалась «оппортунистами»;

д) общий кризис доверия к полякам в советском руководстве в условиях надвигающейся мировой войны, в которой Польша рассматривалась как

наиболее вероятный противник СССР. В 1923 г. Польша уже рассматривалась советским руководством как основной потенциальный агрессор, а к 1930-м гг. эти опасения только усилились. Совокупность этих факторов превратила польские коммунисты из «своих» в «чужих» и предопределила финальный исход.

Таким образом, центральный вопрос, поставленный во введении – как и почему влиятельная группа, стоявшая у истоков советского государства, была полностью ликвидирована, получает следующее решение. Ликвидация польских коммунистических структур в советской России не была единовременным актом, а стала результатом длительного процесса, в котором объективные институциональные факторы сочетались с субъективными политическими решениями. С одной стороны, уникальный статус польских коммунистов держался на трех опорах: внешнеполитической конъюнктуре (Польша как мост для экспорта революции в Европу), кадровом потенциале группы (наличие влиятельных патронов в высшем советском руководстве) и способности группы обосновывать свою незаменимость. Как только эти факторы ослабли – после провала польского похода Красной Армии 1920 г., смерти Ф. Дзержинского и ухода из жизни Ю. Мархлевского, а также после серии политических ошибок КПП, началось неуклонное падение сплоченной польской группировки. С другой стороны, сам характер деятельности польских коммунистов, их двойная лояльность (членство одновременно в КРПП/КПП и РКП(б)/ВКП(б)), тесные связи с германской социал-демократией и внутрипартийными оппозициями в ВКП(б), а также объективная уязвимость перед инфильтрацией польских спецслужб делали эту группу потенциально нестабильной в условиях ужесточения политического режима и нарастания внешнеполитических угроз. К 1935 г., когда были ликвидированы Мархлевский район и Польско-Прибалтийский лендер-секретариат, институциональная инфраструктура польских коммунистов была практически полностью демонтирована. Оставалась лишь сама Коммунистическая партия Польши – организационно ослабленная,

раздираемая внутренними конфликтами и находящаяся под растущим подозрением со стороны советских спецслужб. Ее роспуск в 1937–1938 гг. и последовавшие репрессии стали закономерным завершением этого процесса, но не его причиной. Причиной же был комплекс объективных обстоятельств, накапливавшихся на протяжении двух десятилетий, которые превратили польских коммунистов из «своих» в «чужих» и предопределили их полное исчезновение как субъекта советской политики.

Реконструированная в исследовании траектория эволюции роли польских коммунистов в партийно-государственной системе советской России представляет собой уникальный исторический феномен. Группа, обладавшая в начале 1920-х гг. беспрецедентным для этнополитической группы объемом власти – собственным правительством (Польревком), вооруженными формированиями, монополией на экспертное знание по «польскому направлению» советской политики, прямой связью с высшим руководством ВКП(б) и Коминтерна, прошла через двадцатилетний цикл институционального подъема, редукции и дезактивации к полному прекращению деятельности. Анализ этого цикла позволяет сделать ряд концептуальных выводов, значимых как для понимания конкретной исторической судьбы польского коммунистического движения, так и для изучения общих закономерностей функционирования советской системы.

Во-первых, случай польских коммунистов демонстрирует, что особый, привилегированный статус национальной группы в советской системе был принципиально нестабильным и обратимым. Он держался не на формальных институциональных гарантиях, а на сочетании трех факторов: внешнеполитической конъюнктуры, кадрового потенциала группы (наличие влиятельных патронов в лице Ф. Дзержинского, И. Уншлихта, Ю. Мархлевского) и способности группы обосновывать свою незаменимость. Как только эти факторы ослабли – после провала «польского похода», смерти Ф. Дзержинского и серии политических ошибок КПП, началось неуклонное падение. Это позволяет утверждать, что привилегированное положение любой

национальной группы в советской системе было производным от ее функциональной полезности для режима и не имело самостоятельной ценности.

Во-вторых, проведенный анализ вскрывает внутреннюю противоречивость самого положения польских коммунистов, которая заключалась в фундаментальном конфликте между «автономистскими» устремлениями КРПП/КПП и пробольшевистской линией польских коммунистов в СССР. Этот конфликт, проявившийся в дискуссиях о пределах наступления Красной Армии в 1920 г., об отношении к «германской революции» 1923 г., а кульминационно – в поддержке большинством ЦК КПП переворота Ю. Пилсудского в 1926 г., стал долгосрочным фактором нестабильности, в конечном счете способствовавшим дискредитации всей организации. Польские коммунисты в СССР, ориентировавшиеся на большевистскую линию, не могли полностью контролировать действия КПП в Польше, а КПП, в свою очередь, не всегда была готова следовать директивам из Москвы. Эта двойственность делала организацию уязвимой для обвинений в нелояльности с обеих сторон.

Во-третьих, исследование показало, что ликвидация КПП и репрессии против польских коммунистов не были единовременным актом, а стали заключительным звеном в длинной цепи институционального демонтажа: ликвидация Польбюро (1931 г.) – ликвидация автономий и лендер-секретариата (1935 г.) – роспуск КПП и репрессии (1937–1938 гг.). Эта последовательность свидетельствует о том, что к моменту формального роспуска партии польские коммунисты уже утратили практически все рычаги влияния и институциональной защиты. Процесс шел постепенно, и каждый его этап был логическим продолжением предыдущего: сначала сужение функций центрального аппарата, затем демонтаж региональных структур, и наконец – ликвидация самой партийной организации. Такая поэтапность позволяет рассматривать финальные события 1937–1938 гг. не как внезапный разрыв, а как завершение длительного процесса институциональной дезактивации.

Во-четвертых, предложенная в диссертации новая объяснительная модель причин финального исхода позволяет уйти от доминирующих в историографии упрощенных трактовок. Ни тезис о субъективных факторах, ни концепция одностороннего объяснения, ни попытки представить репрессии как немотивированный акт не объясняют той сложной комбинации объективных и субъективных факторов, которая в действительности привела к прекращению деятельности польского коммунистического движения. Реконструкция этой комбинации – политических ошибок КПП, реальной инфильтрации польских спецслужб, внутрипартийной фракционной борьбы, кризиса доверия в условиях надвигающейся войны – является одним из главных научных результатов исследования.

В ходе исследования полностью решены поставленные задачи:

Проанализирован процесс зарождения и институционального оформления польского коммунистического движения на территории советской России, установлены механизмы интеграции польских социалистических партий в систему советской власти. Уже на раннем этапе, с созданием Комиссариата по польским делам в ноябре 1917 г., польские коммунисты получили уникальные полномочия, включая обязательность их мнения для всех государственных учреждений. Этот прецедент заложил основу для дальнейшего расширения их институциональных возможностей вплоть до создания Польревкома в 1920 г.

Исследована роль польских коммунистов в создании и функционировании Коминтерна, выявлены идейно-политические противоречия между «автономистским» и пробольшевистским крылом. Установлено, что эти противоречия, восходящие к полемике В. И. Ленина и Р. Люксембург, проявились на V конгрессе Коминтерна в 1924 г., где А. Варский заявил о том, что польские коммунисты являются «духовными детьми» Р. Люксембург, что вызвало резкую критику со стороны И. В. Сталина. Этот конфликт стал долгосрочным фактором нестабильности всей организации.

Прослежена институциональная эволюция польских организаций (Комиссариат по польским делам – Польское бюро ЦК РКП(б) – Временный революционный комитет Польши), установлена их прямая преемственность и кадровая идентичность. Доказано, что руководство всеми тремя структурами осуществлялось одними и теми же лицами (Ю. Мархлевский, Ф. Дзержинский, Э. Прухняк, И. Уншлихт, Ф. Кон, С. Бобинский), что делает их не сменой разных органов, а эволюцией одной и той же властной группы в советской России.

Реконструирована эволюция «польского направления» советской политики от проекта советизации Польши до создания польских национальных автономий и их последующего свертывания. Установлено, что польские автономные районы (Мархлевский на Украине и Дзержинский в Белоруссии) были изначально противоречивым проектом, который столкнулся с экономической дотационностью, сопротивлением крестьянства и конфликтами с республиканским руководством, что предопределило их ликвидацию в 1935–1937 гг.

Установлен комплекс причин, приведших к ликвидации польской компартии и репрессиям в отношении польских коммунистов во второй половине 1930-х гг. Доказано, что роспуск КПП не был следствием субъективной воли одного человека, а стал результатом накопленных политических ошибок КПП, фракционной борьбы, реальной инфильтрации польских спецслужб и кризиса доверия в условиях надвигающейся мировой войны.

В ходе исследования был собран и проанализирован значительный массив источников, которые ранее не объединялись в единую источниковую базу в рамках комплексного изучения проблемы польских коммунистов в советской партийно-государственной системе в 1920–1930-е гг. В работе осуществлен новый взгляд на уже известные документальные комплексы, а также привлечен ряд материалов, остававшихся вне поля зрения российских и зарубежных исследователей. Прежде всего это касается фондов Российского

государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), в частности, документов Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б) (Ф. 63), а также фондов Исполнительного комитета Коминтерна (Ф. 495), личных фондов Ф. Дзержинского (Ф. 76) и Г. Е. Зиновьева (Ф. 324). Существенное значение для исследования имело привлечение материалов польских архивов, прежде всего Варшавского Архива Новых актов (AAN), содержащего фонды Центрального исполнительного комитета КРПП и компартии Польши. Сопоставительный анализ документов российских и польских архивов, а также материалов периодических изданий 1920–1930-х гг. на польском языке позволил выявить новые аспекты институциональной динамики польских коммунистических организаций и их взаимодействия с советскими партийны-государственными структурами. Ряд привлеченных источников, особенно польскоязычные исследования и архивные коллекции, остаются недостаточно известными в современной российской историографии, и их перекрестное изучение позволило пересмотреть устоявшиеся интерпретации, в частности, отказаться от односторонних трактовок КПП как пассивного объекта советской политики. Предлагаемое исследование, опираясь на труды предшественников как в отечественной, так и в зарубежной историографии, продолжает и развивает их, предлагая новую концептуальную рамку для понимания эволюции статуса польских коммунистических групп в советской партийно-государственной системе.

Проведенное исследование не только заполняет существенную лакуну в отечественной и зарубежной историографии, но и предлагает новый концептуальный взгляд на сложные и противоречивые процессы взаимодействия советской власти и национальных коммунистических движений в советской России, на механизмы принятия решений о репрессиях и на природу внутрипартийных конфликтов в межвоенный период. Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших компаративных исследований, посвященных сравнительному анализу судьбы других национальных групп в советской партийно-государственной системе

(немцев, латышей, финнов), а также для более глубокого изучения механизмов функционирования Коминтерна как инструмента советской внешней политики. Сохраняют актуальность и требуют дальнейшей разработки вопросы о роли польских коммунистов, уцелевших после репрессий, в формировании новых партийных органов в период Великой Отечественной войны и послевоенного обустройства Народной Польши – сюжеты, которые могут стать предметом отдельного монографического исследования.

Список использованных источников и литературы

Архивные документы

1. Архивные материалы

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

1. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 553. Л. 2. Протокол № 17 от 25 марта 1926 года. Материалы польской комиссии при Политбюро ЦК ВКП(б).

2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 45. Л. 1, 6. Письма А. Иоффе о положении в Литве, Белоруссии и на границе с Польшей, о созыве съездов Советов Белоруссии и Литвы и образовании объединенного правительства, о территориальном составе республик и др.

3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 46. Л. 3, 14, 21. Доклад областного комитета о работе на оккупированной территории; письма и телеграммы Бобруйского районного комитета РКП(б), Полесского ревкома, военного комиссара Пинского уезда Минской губернии, коммунистов и крестьян о положении в Белоруссии, о борьбе против эсеров.

4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 18. Л. 282. Протоколы Велижской уездной конференции РКП(б) Витебской губернии, заседаний уездного комитета РКП(б), партийных собраний Велижской организации; отчеты и сведения о составе организации, о состоянии партийной работы в уезде, о деятельности группы интернационалистов и др.

5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 150. Л. 20–27, 39–40. Протоколы заседаний Минского городского и Мозырского уездного комитетов КП Литвы и Белоруссии, их президиумов, собраний городской партийной организации; отчеты о работе Центрального бюро литовско-белорусских секций и Минского горкома и др.

6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 63. Д. 4. Л. 2, 5, 12, 15, 20, 24–26. Отчеты, доклады Центрального бюро Литовско-Белорусских секций при ЦК РКП(б) о партийной, агитационно-пропагандистской, культурно-просветительной,

издательской деятельности бюро, о работе литовских совпартшкол, литовского подотдела Наркомнаца и др.

7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 63. Д. 8. Л. 26. Переписка по вопросу созыва Всероссийской конференции членов РКП(б) – уроженцев Литвы и Белоруссии, об организации при комитетах РКП(б) отделов пропаганды и агитации для работы среди нацменьшинств, о ликвидации неграмотности среди литовцев и белорусов, проживающих в РСФСР; о положении партийных работников в польских белогвардейских тюрьмах; списки литовских и русских заложников, подлежащих обмену и др.

8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 63. Д. 16. Л. 16. Регистрационные, личные карточки, анкеты на членов РКП(б) уроженцев Литвы и Белоруссии, удостоверения, мандаты, отзывы на отдельных лиц; списки членов РКП(б), мобилизованных на партийную работу в Литву и Белоруссию и др.

9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 168. Л. 1–3, 6–8. Положение о Польском бюро ЦК РКП(б), схема его организации, объяснительная записка к схеме.

10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 5–8, 17, 21, 26–29. Доклады, тезисы, письма, телеграммы и другие материалы Польского Бюро пропаганды и агитации при ЦК РКП(б) В.И. Ленину и ЦК РКП(б) о положении в Польше, о работе Коммунистической Рабочей партии Польши, о мирном договоре между РСФСР, Украиной и Польшей, о деятельности Временного Революционного Комитета Польши, реэвакуации польского имущества и другим вопросам.

11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 242. Л. 2, 35–36, 47, 49. Протокол № 96 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 14 ноября 1921 г., подписанный секретарем ЦК РКП(б) В.М. Молотовым.

12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 244. Л. 2, 43, 54. Протокол № 98 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 18 ноября 1921 г., подписанный секретарем ЦК РКП(б) В.М. Молотовым.

13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 248. Л. 12–14. Протокол № 102 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 25 ноября 1921 г., подписанный секретарем ЦК РКП(б) В.М. Молотовым.

14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 253. Л. 2–4, 24. Протокол № 107 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 2 декабря 1921 г., подписанный секретарем ЦК РКП(б) В.М. Молотовым, и материалы к протоколу.

15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 86. Протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) «Особая папка».

16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 142. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении приказа Наркомвнудела СССР о ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ, от 9 августа 1937 г.

17. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 1. Л. 1а. Выписки из протоколов заседаний Оргбюро ЦК РКП(б) за 1919–1921 гг., присланные в Польское бюро при ЦК РКП(б).

18. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 14. Л. 46, 60, 63–64. Протоколы заседаний Польского бюро ЦК РКП(б) за 1921 год с участием Ф. Дзержинского, Ю. Мархлевского и Ф. Кона.

19. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–38. Протоколы заседаний Секретариата Исполнительного бюро Коммунистической рабочей партии Польши в Москве за 1919 год. Протоколы заседаний Польского бюро ЦК РКП(б).

20. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–3. Проекты положений о Польском бюро при ЦК РКП(б).

21. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–11. Циркуляры Польского бюро при ЦК РКП(б) за 1920 год.

22. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–13. Приказы Польского бюро при ЦК РКП(б) за 1920–1921 год с № 1 по № 22.

23. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–35. Приказы и распоряжения Польского бюро при ЦК РКП(б) за 1920–1921 год.

24. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–18. Отчеты Польского бюро при ЦК РКП(б) за 1920–1921 год.

25. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–28. Штаты Польского бюро при ЦК РКП(б) и переписка с ЦК РКП(б) по штатам.

26. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 27. Л. 1, 4, 6–10, 16–20, 31–32, 37, 49–50. Списки сотрудников Польского бюро при ЦК РКП(б) и его отделов.

27. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 29. Л. 2. Положение о польской секции 3-го отделения Госархива РСФСР.

28. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 30. Л. 1, 6–7, 20–21, 50. Проект положения об организации при комитетах РКП(б) отделов пропаганды и агитации для работы среди национальных меньшинств, инструкция об организации польских секций РКП(б), докладные записки в Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) и переписка с ЦК РКП(б) по организации и руководству работой местных польских бюро.

29. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 32. Л. 10. Письма в ЦК РКП(б) о постановке на Оргбюро ЦК РКП(б) вопросов, связанных с работой Польского бюро, о кандидатурах в Коммунистическую фракцию ВЦИК, об организации еврейской партии на территории Польши и др.

30. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 40. Л. 23–25. Переписка с ЦК Литвы и Белоруссии и Заграничным бюро компартии Литвы, о созыве конференции членов РКП(б) уроженцев Литвы и Белоруссии, о присылке литературы и др.

31. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 42. Л. 12. Переписка с ВЦИК о выдаче разрешений на выезд из Москвы отдельным лицам, командированным на партийную работу, в армию и др.

32. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 66. Л. 8. Протоколы заседаний Секретариата Исполнительного бюро Коммунистической рабочей партии Польши (в Смоленске) за 1919 г.

33. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 72. Л. 8. Переписка с ЦК Литвы и Белоруссии, с Заграничным бюро Компартии Литвы о выдаче польской

литературы для рассылки польским организациям; вопросы о партийной принадлежности и др.

34. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 73. Л. 1, 7. Конспиративная переписка с местными подпольными организациями Коммунистической рабочей партии Польши, находящимися на территории, занятой белополяками, об экономическом и политическом положении в Польше, о настроении населения в оккупированных местностях, о деятельности, условиях работы и связи с партийными организациями и лицами, посланными на нелегальную работу.

35. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 78. Л. 1. Анкеты коммунистов-поляков, состоящих на учете в Исполнительном бюро Коммунистической рабочей партии Польши.

36. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 82. Л. 34. Протоколы заседаний Польского бюро ЦК РКП(б) за время пребывания его на Западном фронте, с участием Ф.Э. Дзержинского, Ф.Я. Кона и Ю. Мархлевского; на л. 13 – автограф Ф.Э. Дзержинского.

37. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 99. Л. 29. Директивные письма ЦК РКП(б) и переписка с ЦК РКП(б) об учете, распределении, регистрации поляков-коммунистов, определении партийной принадлежности членов Коммунистической рабочей партии Польши, прибывающих в Советскую Россию, порядке выдачи командировок и др.

38. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 112. Л. 31. Переписка с Политуправлением Реввоенсовета Республики, Реввоенсоветами и политотделами армий, Управлением формирования частей красных коммунаров и другими военными учреждениями о мобилизации на Западный фронт, перемещениях по должности, направлении в распоряжение армий Западного фронта, высылке документов и др.

39. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 119. Л. 2, 38. Переписка с районными партийными и советскими организациями г. Москвы, издательствами, профессиональными союзами и др. учреждениями о посылке поляков на работу, репатриации, устройстве на учебу, выдаче личных документов и др.

40. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 206. Л. 4–5, 6, 16. Циркулярные письма польским бюро при губкомах РКП(б) о присылке сведений о составе польского населения, регистрации коммунистов, владеющих польским языком, организации культурно-просветительной работы среди польского населения на местах, репатриации военнопленных поляков и польских беженцев, использовании фактов, приведенных буржуазной польской печатью для проведения агитационно-пропагандистской работы среди поляков и др.

41. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 207. Л. 2–3, 6–7. Отчеты и сводки о работе местных польских бюро при губкомах РКП(б), о культурно-просветительной работе среди польского населения Советской России.

42. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 209. Л. 14. Списки местных польских бюро при губкомах РКП(б) и данные о количественном составе польского населения и поляков-коммунистов на местах (в республиках, губерниях, городах).

43. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 295. Л. 1–7. Протоколы Секретного отдела Польского бюро при ЦК РКП(б) [г. Смоленск] за 1920–1921 г.

44. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 296. Л. 39, 42–46. Протоколы Польского бюро при ЦК РКП(б) за 1920–1921 г., присланные для сведения в Секретный отдел Польского бюро [г. Смоленск].

45. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 297. Л. 1–11. Протокол № 12 заседания Заграничного отдела ЦК Коммунистической рабочей партии Польши и отчет о совещании представителей ЦК КРПП, Заграничного отдела КРПП и гостей из Верхней Силезии, присланные в Заграничный отдел Польского бюро ЦК РКП(б).

46. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 314. Л. 5, 7. Письмо В.И. Ленину и переписка Заграничного отдела Польского бюро при ЦК РКП(б) с ЦК РКП(б) о положении политзаключенных в Польше, о пересылке денег для нужд Коммунистической рабочей партии Польши.

47. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 315. Л. 39, 103. Письма Польского бюро при ЦК РКП(б) в Заграничный отдел Коммунистической рабочей партии

Польши (г. Берлин) об обмене военнопленными, о заключении мирного договора с Польшей, установлении связи с партийными организациями Польши, об оказании материальной помощи КРПП.

48. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 316. Л. 18–19. Письма Польского бюро при ЦК РКП(б) в Заграничный отдел Коммунистической рабочей партии Польши в Берлин об организации связи с Польшей, пересылке литературы и др.

49. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 317. Л. 76, 134, 224, 235. Письма Заграничного отдела Коммунистической рабочей партии Польши в Берлине в Польское бюро при ЦК РКП(б) о заключении мирного договора с Польшей, об обмене военнопленными и освобождении политзаключенных, установлении связи с ЦК КРПП, о работе среди польских рабочих за границей, представительстве КРПП в III Интернационале, об оказании материальной помощи Компартии Польши.

50. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 318. Л. 20, 37–40, 53–54. Письма Секретного отдела Польского бюро при ЦК РКП(б) [г. Смоленск] в Заграничный отдел о посылке польских работников на нелегальную работу, о связи с подпольными организациями Коммунистической рабочей партии Польши; сведения о подпольной работе и о положении на оккупированной белополяками территории.

51. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 354. Л. 13, 82. Протоколы заседаний Польского бюро ЦК РКП(б) за 1924 год.

52. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 363. Л. 11–14, 16, 22. Протоколы и резолюции Всесоюзного совещания работников Польского бюро ЦК РКП(б) 29 декабря 1923 г. – 5 января 1924 г., переписка с ЦК РКП(б) и местными польскими бюро об организации совещания, анкеты и списки участников совещания.

53. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 365. Л. 1–3. Резолюция собрания коммунистов-поляков активных партийных работников по докладу об итогах

пленума ЦК Коммунистической рабочей партии Польши и предложения о проведении информационных и дискуссионных собраний по этому вопросу.

54. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 368. Л. 1–45. Анкеты и списки делегатов, участвующих в совещании работников Польского бюро отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) 7–12 мая 1928 г.

55. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 369. Л. 11–13, 23, 27, 34, 84, 93, 98, 114, 169. Материалы к отчету секретаря Польского бюро отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) С.С. Дзержинской на Всесоюзном совещании работников польских бюро в мае 1928 г. и др.

56. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 373. Л. 6, 20. Письмо А. Варского в Польское бюро ЦК РКП(б) по поводу его дискуссионной статьи «В чем состояли наши ошибки», опубликованной в «Правде» 5 декабря 1924 г., и резолюции собраний коммунистов-поляков ответственных партийных и советских работников г. Минска от 10-го и 20-го декабря 1924 г. по поводу этой статьи.

57. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 380. Л. 1–37. Протоколы заседаний Польского бюро ЦК КП(б) Белоруссии за 1928 год.

58. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 382. Л. 1–30. Справки, присланные Польским бюро ЦК КП Белоруссии в Польбюро ЦК РКП(б) об экономическом состоянии и настроении польского населения, работе польских школ-передвижек, минского польского педтехникума, могилевской совпартшколы и др.

59. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 386. Л. 1–7. Протокол заседания Бюро Мархлевского райкома КП(б) Украины от 3 января 1930 г., резолюция ЦК КП(б) Украины по докладу Мархлевского райкома.

60. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 387. Л. 7. Протокол совещания польских коммунистов и комсомольцев Проскуровского округа, письмо в Польбюро ЦК КП(б) об агитационно-политической и культурно-просветительной работе среди польского населения и др.

61. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 389. Л. 23, 32–58. Проект учебного плана 3-х годичной совпартшколы нацменьшинств, программа польских местных курсов, программа, тезисы, методические указания по программе истории классовой борьбы в Польше и переписка с Киевской, Минской, Житомирской, Могилевской и другими партийными школами об изменениях, добавлениях к программе.

62. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 554. Л. 1–18. Переписка Польбюро при ЦК РКП(б) с ЦК РКП(б) о перемещениях по должности, назначении поляков на военную, партийную, советскую работу и о направлении польских работников на подпольную работу в Польшу.

63. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 599. Л. 1–60. Переписка Польбюро при ЦК РКП(б) с Агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б) и местными организациями об укомплектовании штатов польских бюро на местах; протоколы заседаний местных польбюро, статистические сводки о численности польского населения на территории СССР, штатное расписание польских бюро на 1926–1927 гг. и др. документы.

64. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 601. Л. 11–23, 43–46. Переписка Польбюро при ЦК РКП(б) с Агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б), центральными польбюро Наркомпроса РСФСР и УССР; протокол заседания польбюро Одесского губкома, выписки из отчетов польбюро Минского, Малинского и Севастопольского комитетов РКП(б) о культурно-просветительной работе среди польского населения.

65. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 614. Л. 28, 32. Переписка Польбюро ЦК РКП(б) с Польбюро Гомельского губкома РКП(б) о работе среди польского населения с приложением протоколов заседаний, докладов, отчетов и планов работы.

66. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 616. Л. 1–24. Переписка Польбюро ЦК РКП(б) с Польбюро Крымского обкома и Симферопольским райкомом РКП(б) об организационно-массовой и агитационно-пропагандистской работе среди

польского населения в Крымской области; протоколы заседаний и собраний коммунистов-поляков и др. документы.

67. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 618. Л. 12, 34–37, 102. Переписка Польбюро ЦК РКП(б) с Польской секцией при Агитпропе Ленинградского губкома РКП(б) о работе среди польского населения; отчеты, планы работы секции; протоколы общегородских собраний, совещаний поляков-коммунистов; резолюции массового митинга ленинградских рабочих с протестом против убийства в Польше Вечоркевича и Багинского и др. документы.

68. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 619. Л. 1–35. Переписка Польбюро ЦК РКП(б) с польским педагогическим техникумом в Ленинграде о порядке приема учащихся, об организационно-массовой и политвоспитательной работе, отчеты партийной и комсомольской ячеек, протоколы комсомольских собраний Педтехникума и др. документы.

69. РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 24. Л. 8, 12–14, 27, 54, 70–76. Переписка Временного революционного комитета Польши с Белостокским комитетом Коммунистической рабочей партии Польши, комендантом г. Белостока и местными ревкомами о направлении коммунистов на работу среди молодежи, еврейского населения и в профсоюзы, о приеме в члены РКП(б) и РКСМ, об организации революционного трибунала с участием представителей Белостокского ревкома, о положении в Галиции и др.

70. РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 27. Л. 10–44, 58–65, 67, 70, 77, 82–84, 92–94. Списки сотрудников и отделов Временного революционного комитета Польши.

71. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 116. Л. 2–3. Письмо, доклад, рапорт начальников Особого отдела Западного фронта и Минской городской милиции, постановление ВЧК и др. о конфликте между Особым отделом и милицией, о работе губвоенкоматов, особых отделов и политбюро, действиях войск ВОХР в районе Западного фронта, о создании комиссии по выработке

инструкции для политбюро при Минской ЧК, о сотрудниках Особого отдела ВЧК Добржинском и Витковском, с резолюциями Ф.Э. Дзержинского.

72. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 96. Л. 4–5. Агитационные листовки КПП от 13 мая 1926 года.

73. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 154. Л. 6. Выступление Г.Е. Зиновьева 22 мая 1926 года в президиуме ИККИ.

74. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 169. Л. 2–4, 7–8. Сообщение от 15 мая Польской комиссии Коминтерна.

75. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 546. Л. 17. Сообщение от 15 мая Польской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б).

76. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 588. Л. 53–54. Материалы 5-го конгресса Коминтерна. Статья А. Тальгеймер, посвященная итогам Пятого конгресса Коминтерна.

77. РГАСПИ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5. Протоколы заседаний представителей коммунистических партий, Организационного и Центрального Бюро коммунистических организаций оккупированных местностей.

78. РГАСПИ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 3. Л. 19, 35. Петроградское бюро ЦК РКП(б).

79. РГАСПИ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–3. Отчет о собрании представителей районных правлений СДКПиЛ Варшавской организации.

80. РГАСПИ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 168. Л. 1–28. Статьи А. Малецкого «Положение в РСДРП» (о наличии в РСДРП двух направлений: революционного и ликвидаторского, о решении МСБ созвать конференцию с целью выработки условий их объединения) и отрывок из статьи «Плечо к плечу с русскими рабочими».

81. РГАСПИ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 171. Л. 1. Заявление представителя Краевого правления СДКПиЛ на заседании Межпартийного рабочего совета о несогласии с позициями и деятельностью ППС-левицы и Бунда и ликвидации М.Р.С.

82. РГАСПИ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 177. Л. 14, 25–26. Протоколы заседаний польской делегации 3 конгресса Коминтерна.

83. РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–14. Стенограмма 1-го заседания польской комиссии 5 конгресса Коминтерна. 1-й экземпляр.

84. РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 249. Л. 22–25, 73–74. Стенограмма 3-го заседания польской комиссии 5 конгресса Коминтерна. 1-й экземпляр.

85. РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 258. Л. 1–9. Речь Костшевы на заседании польской комиссии 5 конгресса Коминтерна.

86. РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 263. Л. 6–9. Заявление в Исполком Коминтерна и в комиссию по польскому вопросу 5 конгресса Коминтерна об ошибках ЦК КП Польши.

87. РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 270. Л. 6–7. Резолюция по польскому вопросу, утвержденная расширенным пленумом Исполкома Коминтерна. 1-й экземпляр.

88. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 69. Протоколы №№ 1–40 заседаний Бюро ИККИ (1-й экз.). Валецкий и Мархлевский были назначены представителями КРПП в ИККИ и в Исполком Профинтерна.

89. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 60. Л. 86, 166. Протокол № 42 заседания Президиума ИККИ от 13 января 1926 г. и материалы к протоколу.

90. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 264. Л. 198, 202–205. Протокол № 19 заседания Президиума ИККИ от 7 мая 1937 г. и материалы к протоколу.

91. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 420. Л. 24. Письмо ИККИ ко всем организациям Польши (протокол № 2 заседания Президиума ИККИ от 23 июля 1924 г.).

92. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1071. Л. 5–7. Протокол № 26 заседания Секретариата ИККИ и материалы к нему.

93. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1147а. Л. 1–3. Переписка Секретариата ИККИ с Благоевой, Ежовым, Кулик и др.

94. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 464. Л. 22. Сборник решений, принятых ИККИ по компартии Польши (т. 1).

95. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 1335. Л. 1–2, 66. Проекты плана антивоенной работы Орготдела ИККИ.

96. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 49. Д. 1. Л. 2. Протокол № 1 заседания Польской комиссии ИККИ.

97. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 49. Д. 3. Л. 45–62. Стенограмма заседания Польской комиссии ИККИ (имеется речь т. Сталина).

98. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 61. Д. 1. Л. 2, 60. Протоколы заседаний Польско-Прибалтийского секретариата ИККИ и материалы к ним.

99. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 61. Д. 93в. Л. 163. Информационный материал Польско-Прибалтийского ЛС ИККИ.

100. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 402. Л. 2. Письмо Димитрова Г.М. Сталину И.В. о решении Президиума ИККИ, о роспуске Компартии Польши.

101. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 404. Л. 26–31. Докладная записка члена КПБ Б. Богданова.

102. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 414. Л. 1–35. Докладная записка отдела кадров ИККИ Димитрову Г.М. о провалах и провокациях в КП Польши.

103. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 6. Л. 9–24. Информационный материал представителей КРПП при ИККИ для печати.

104. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 100. Л. 76–191. Переписка Представительства КПП при ИККИ с ИККИ, ЦК и обкомами ВКП(б), Польбюро, Польской комиссией Истпарта ЦК ВКП(б) о воззвании ИККИ по поводу раскола в КПЗУ, о положении в западной Белоруссии, о присылке материалов 4 съезда КПП и нелегальных изданий партии, о поездке польских делегатов 6 конгресса Коминтерна в Ленинград, о награждении С. Ланьцуцкого орденом Красного знамени, о передаче знамени Польревкома в Музей Революции СССР и по др. вопросам.

105. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 118. Л. 23, 38–40, 54–100. Переписка Представительства КПП при ИККИ с Политбюро и отделами ЦК ВКП(б), Польбюро и Институтом Ленина при ЦК ВКП(б), МК и губкомами ВКП(б), редакциями газет о партшколе КПП в Москве, об оказании помощи

представителю СОКК в Польше С. Семполовской, о присылке статей и печатных материалов из Польши, о предоставлении пропусков на парад 7 ноября польским делегатам 10 пленума ИККИ и по др. вопросам.

106. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 201. Л. 16. Выступление представителя КПП при ИККИ Я. Белевского на 17 съезде ВКП(б) с приветствием съезду от имени ЦК КПП.

107. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 234. Л. 6–95. Сдаточные описи и списки личных дел членов КПП и КПЗБ, переданных Отделом кадров ИККИ в Представительство КПП при ИККИ.

108. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 124. Д. 22. Л. 36–40, 128, 167. Письма в Заграничный отдел ЦК КРПП.

109. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 124. Д. 27. Л. 13–17. Протоколы заседаний 3 конференции КРПП, доклады делегатов.

110. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 125. Д. 52. Л. 2. Описи документальных материалов представительства Компартии Польши при ИККИ за 1919–1935 гг., принятых комиссией Отдела кадров ИККИ. Акт сдачи-приема вещей, обнаруженных в польской секции ИККИ (1937–1938 гг.).

111. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 184. Д. 11. Л. 17. Шифропереписка Секретариата ИККИ с руководством компартий.

112. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 252. Д. 728. Личное дело: Вонсовский Бронислав Антонович.

113. РГАСПИ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 107. Л. 11. Списки студентов и аспирантов МЛШ за 1932–1936 гг.

114. РГАСПИ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 144. Л. 17. Списки студентов МЛШ с указанием фамилий и адресов их родственников, которым высылалось пособие за границу.

Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ РФ)

115. ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-4807. Т. 1. Л. 127; Т. 2. Л. 159. Из материалов допроса бывшего начальника польского отделения ОГПУ Гендина. 1937 год.

116. ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-8470. Т. 3. Л. 21–26. Письмо бывших членов ПОВ к своим товарищам на польской стороне.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

117. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1026. Л. 4. Советская резолюция немецких делегатов вокруг Москвы, Уфы, Таганрога и Волги, всесторонне охватывающая деревни немцев РСФСР. Резолюция выдана организацией Немецкого Чойственного Альянса. 26 июня 1922 г.

118. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 21. Д. 391. Л. 112. Материалы отдела по польским национальным делам Наркомнаца РСФСР.

119. ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 30. Д. 325. Л. 1–2. Перекрестные данные о количестве поляков в Ленинграде по переписи 1926 года и данные переписи Польского Бюро г. Ленинграда о количестве поляков.

120. ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 27. Д. 766. Л. 3, 5–6, 61, 84, 87. Доклад о хозяйственно-культурном строительстве среди трудящихся поляков Союза ССР.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

121. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 179. Л. 298. Препроводительные к письмам, присланным военным контролем.

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб)

122. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11108. Л. 3. Списки лекторов и преподавателей вечерней совпартшколы нацменьшинств на 1927/1928 учебный год.

123. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11157. Л. 3. Отчеты о работе польской секции отдела нацменьшинств Губкома ВКП(б) с октября 1926 г. по июль 1927 г.

124. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11586. Л. 7. Протоколы общегородских совещаний заводских уполномоченных и совещаний районных троек, и уполномоченных по работе среди поляков.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ)

125. НАРБ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 19. Л. 158. Октябрьский пленум ЦК КП(б)Б. Стенографический отчет. Выступление тов. Вноровского.

126. НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 68. Л. 46. Список сельских и городских национальных советов за 1928 год.

Государственный архив Гродненской области (ГАГО)

127. ГАГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 18. Л. 199. Переписка с госполицией Гродненского уезда о преследовании коммунистического движения и административно-хозяйственным вопросам.

Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦДАГОУ)

128. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 1542. Арк. 2. Циркуляр польского бюро ЦК КП(б)У от 1921 года о выявлении в среде польского населения деятельности любых «контрреволюционных элементов на местах».

129. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2930. Арк. 11. Докладная записка в Политбюро ЦК КП(б)У о желании 350 польских семей из Одессы, Киева, Херсона и других городов Украины уехать в Польшу.

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ)

130. ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 15–16. Постановление ЦК КП(б)У о наиважнейших задачах работы среди национальных меньшинств в 1930–1932 году.

131. ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 6. Арк. 38–39. Пояснительная записка к проекту польского национального района на Волыни.

132. ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 446. Арк. 97. Доклад Польского Бюро ЦК КП(б)У в Киеве о состоянии работы с нацменьшинствами в г. Киеве.

133. ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 481. Арк. 17, 28. Резолюция Президиума ВУЦИК и СНК доклад польского Мархлевского райисполкома. 1929 год.

134. ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 509. Арк. 5–6. Протоколы заседания комиссии ВУЦИК по вопросам национальностей. 1931 год.

135. ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 528. Арк. 7. Подробная запись в канцелярии Наркомфина СССР о финансировании Мархлевского района. 1931 год.

136. ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Спр. 535. Арк. 10, 16. Доклад Мархлевского райисполкома на IV съезде Советов Мархлевщины.

Архив Управления МВС Украины Харьковской области (АУМВСУ-ХО)

137. АУМВСУ-ХО. Колекція документів. Арк. 89–136. Пояснительная записка к Оперативному приказу № 00485 Народного комиссара Внутренних дел СССР Ежова Народным Комиссарам Внутренних дел союзных республик, начальникам Управлений НКВД автономных республик, областей и краев «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной и террористической деятельности польской разведки в СССР». 11 августа 1937 г. Опубликовано: Полянский А.И. Ежов. История железного сталинского наркома. М., 2001. С. 341–376.

Archiwum Akt Nowych (AAN)

138. AAN. CKW, 397/I-2, k. 6, 9, 15, 20; CKW, 397/I-26, k. 2; CRW, 397/I-28, k. 1, 18, 174. Переписка между ЦК КРПП и Комиссариатом по польским делам и Польбюро.

139. AAN. KPP, 158/X-1, t. 1, k. 44, 88. Контрабандные материалы, ввозимые в Польшу, которые в межвоенный период передавались в Коммунистическую партию Польши.

140. AAN. KPP, 158/X-1, t. 2, k. 124. Белорусская революционная организация (Białoruska Organizacja Rewolucyjna – BOR), возглавляемая Я. Логиновичем-Корчиком, объединилась с КПЗБ в декабре 1923 года.

141. AAN. KPP, 158/V-1, t. 11, k. 59–65. Резолюция ЦК КПП по борьбе с провокацией.

142. AAN. KPP, 158/V-1, t. 25, k. 2–3. Резолюция о борьбе с национализмом на Западной Украине.

143. AAN. TSK, 323, k. 2. Отчет общества пограничной стражи г. Ковеля за октябрь 1919 года о «все более угрожающей антипольской агитации со стороны враждебных русских».

144. AAN. PRRR, 146, k. 13. Статистические данные о количестве поляков (без учета пограничных районов) накануне мировой войны, с учетом их занятости и целей пребывания в России.

145. AAN. KNP, 21057, k. 16. Антибольшевистская агитация Польского национального комитета в брошюре «Польский политический год 1918».

146. AAN. KNP, 20729, k. 30. «Именно евреи-социалисты в России осуществили наиболее энергичную внутреннюю дезорганизацию России: разложение промышленности, экспроприацию земли, административную анархию». Письмо с материалами аналитики для подготовки антибольшевистских материалов от декабря 1917 года, направленное в Польский национальный комитет.

147. AAN. MSZ, 11769, k. 21–24. Доклад Генерального консульства Польши в Ленинграде за апрель 1927 года.

148. AAN. ARPM, 104, k. 4–6. Отчет конфидента польского посольства в Москве за март 1922 года.

149. AAN. ARPM, z 510, 161, k. 1–2. Отчет конфидента польского посольства в Москве за март 1923 года, в том числе, о вероятной встрече польских граждан с Ф. Дзержинским.

Pilsudski Institute, New York (PINY)

150. PINY. AMM, 1, k. 142. Приводится мнение ряда польских коммунистов о том, что «социальной революции по приказу извне не может произойти» и что она должна «созреть».

151. PINY. AMM, 6, k. 2. Доклад о резолюции, с которой выступила группа офицеров Деникина, взятых в плен, в которой просила разрешения принять участие в войне с поляками.

152. PINY. AMM, 6, k. 483. Доклад Верховного командования Польского Войска «Состояние и организация Коммунистической рабочей партии Польши» от 17 апреля 1919 г.

153. PINY. AMM, 7, k. 3. Постановление Народного комиссара внутренних дел от 8 мая 1920 года, предписывающее развивать пропаганду и вести агитационную работу во всех населенных пунктах с целью убедить собравшихся на специально организованных митингах и собраниях, что война с Польшей – это национальная война, война с захватчиком, война с «жадностью польской буржуазии».

154. PINY. AMM, 10, k. 17–18. Материалы польской разведки об участии польского населения в большевистских вооруженных формированиях и агитации среди поляков.

155. PINY. AMM, 13. Пресса в Польше с тревогой сообщала о ходе мобилизации среди польских коммунистов в России. Вырезки из польской прессы.

156. PINY. S-BW, 22, k. 3. Воспоминания Вацлава Богушевского о том, что в мае 1920 года он, ранее освобожденный от призыва, был мобилизован и поступил в унтер-офицерское пулеметное училище для поляков.

Archiwum Państwowe w Lublinie (APL)

157. APL. SPR, 1, k. 25. Доклад поветовых властей в Радзыне-Подляском о состоянии дел после ухода большевиков.

2. Польская коммунистическая периодика 1917-1938 гг.

1. Epoka. 1927. № 19. 5 мая.
2. Wulkan rewolucji. Głos Robotniczy. 1917. № 43. 14 ноября.
3. Do zjednoczenia. Głos Robotniczy. 1918. № 79. 7 ноября.
4. Marchlewszczyzna radziecka. 1932. 15 апреля.
5. Niech zyje zjednoczenie! Artykuł: A. Warski, Nasza Trybun. 1918. №. 5. 13 декабря.

6. W walce z Prowokacją. Artykuł: B. Bronkowski, Nowy Przegląd. 1933. № 10 (68). Ноябрь-декабрь.

7. Orka. 1932. 20 марта; 22 июля; 1933. 10 ноября.

8. Sierp. 1925. 12 апреля; 4 июля.

9. Trybuna. 1917. № 3. 23 октября.

10. Trybuna Komunistyczna 1921. № 9. 27 ноября.

11. Trybuna Radziecka. 1927. № 23. 22 мая; № 45. 4 декабря. 1929. № 38. 20 октября; 1933. № 2. 11 января; № 5. 10 февраля; 1934. №13. 4 июля.

3. Делопроизводственные и учетные материалы

1. «Большой террор» в Украине: немецкая операция 1937–1938 годов: сборник документов. Ч. 1. Киев: К.І.С., 2018. 1248 с.

2. Бронковский Б. Коммунистическая партия Польши: приложение: программа КПП. Минск: Изд-во Белорусской АН, 1935. 91 с.

3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3: Апрель 1920 г. – март 1921 г. Москва: Наука, 1965. 610 с.

4. Еврейский вопрос: поиски ответа: документы 1919–1926 гг. Винница: Глобус-пресс, 2003. 352 с.

5. Збор законаў і распараджэнняў Рабоча-Сялянскага Ўрада Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. Менск: Кіраўніцтва спраў СНК БССР, 1932. № 19.

6. Костюшко И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б), 1920–1921 гг. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2005. 143 с.

7. Ленин в борьбе за революционный Интернационал: научное издание / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории; Москва: Наука, 1970. С. 671.

8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 20. Москва: Политиздат, 1973. 583 с.; Т. 26. Москва: Политиздат, 1969. 643 с.; Т. 31. Москва: Политиздат, 1969. 671 с.

9. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. Москва: МФД, 2004. 736 с.

10. Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений, 1923–1944 гг. Москва: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. 144 с.

11. Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941: справочник. Москва: Звенья, 1999. 502 с.

12. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: документы. Москва: РОССПЭН, 2004. 960 с.

13. Резолюции III-ей Партийной Конференции Коммунистической рабочей партии Польши. Варшава: [б. и.], 1922. 23 с.

14. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: сборник документов. Т. 2: 1926–1932 гг. Москва: Аспект Пресс, 2017. 560 с. / Т. 3: 1932–1939. Москва: Аспект Пресс, 2017. 712 с.

15. СССР. Съезд Советов. Четвертый съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик, Москва, 18–26 апреля 1927 г.: стенографический отчет / СССР, 4 Съезд Советов. Москва: Издание ЦИК Союза ССР, 1927. 598 с.

16. Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926: сборник документов. Москва: Междунар. фонд «Демократия»: Материк, 2007. 868 с.

17. Bagiński H. Wojsko Polskie na Wschodzie: 1914–1920. Warszawa: Główna Księgarnia Wojskowa, 1921. 598 s.

18. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1. Marzec 1917 – listopad 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. 747 s.

19. Komintern a Polska 1919–1943: wybór dokumentów. Warszawa: Neriton, 2005. 631 s.

20. KPP: uchwały i rezolucje. T. 1: 1918–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1955. 586 s.

21. KPP: uchwały i rezolucje. T. 2: III i IV Zjazd (1924–1929). Warszawa: Książka i Wiedza, 1955. 586 s.

22. Lenin W. I. Dzieła. T. 27: luty–lipiec 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1954. 653 s.

23. Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1: Marzec 1917 – listopad 1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1957. 725 s.

24. PPS-Lewica, 1906–1918: materiały i dokumenty. T. 2: 1911–1914. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. 514 s.

25. Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy: materiały i dokumenty. T. 2: 1902–1903. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. 644 s.

26. Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy: materiały i dokumenty. T. 2: 1914–1918. Moskwa: Towarzystwo Wydawnicze Robotników Zagranicznych w ZSRR, 1936. 411 s.

27. Sprawozdanie z drugiej konferencji partyjnej. Kraków: Wydawnictwo Centralnego Komitetu Robotniczego P. P. S., 1910. 88 s.

4. Статистические и справочные источники

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Союз Советских Социалистических Республик. Т. 30. Украинская Социалистическая Советская Республика. Москва: ЦСУ Союза ССР, 1929. VI, 111 с.

2. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. Москва: Сов. энцикл., 1987. 720 с.

3. История Коммунистического Интернационала, 1919–1943: документальные очерки. Москва: Наука, 2002. 412 с.

4. Карашчанка І. Польскае бюро пры ЦК КП(б)Б // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 5. Мінск: БелЭн, 1999. 545 с.

5. Коминтерн и идея мировой революции: документы. Москва: Наука, 1998. 949 с.

6. Коминтерн против фашизма: документы. Москва: Наука, 1999. 509 с.

7. Национальная политика ВКП(б) в цифрах. Москва: Изд-во Коммунистической академии, 1930. 328 с.

8. Филиппов Э. М. Публикации документов по истории польско-прибалтийского лендер-секретариата Исполкома Коминтерна (ИККИ) // Сборник материалов Пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2015». Москва: Политическая энциклопедия, 2015. С. 409–413.

9. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. 1918–1933 гг. Кн. 1. Москва: РОССПЭН, 2005. 784 с.

10. Chałupczak H., Browarek T. Mniejszości narodowe w Polsce 1918–1995. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1998. 323 s.

11. Glass H. Obrona Polski przed bolszewizmem. Płock; Warszawa: Dobra Prasa, 1927. 38 s.

12. Kwestja polska a ruch socjalistyczny: zbiór artykułów o kwestji polskiej R. Luxemburg, K. Kautsky'ego, F. Mehringa, Parvusa i innych. Kraków: [b. w.], 1905. 177 s.

13. Międzynarodówki socjalistyczno-komunistyczne eksploatujące sprawę robotniczą: praca zbiorowa. Warszawa: Centralne Biuro Porozumienia Antykomunistycznego, 1938. 138 s.

14. Od Agrykoli do Żywnego: mały słownik patronów ulic warszawskich / Praca zbiorowa pod red. G. Kieniewiczowej i A. Sokołowskiej. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1968. 202 s.

15. Partia komunistyczna w Polsce: struktury, ludzie, dokumentacja. Lublin; Radzyń Podlaski: Archiwum Państwowe: Radzyńskie Towarzystwo Naukowe, 2012. 656 s.

16. Polski Słownik Biograficzny. T. 18, zesz. 76–79: Lubomirski Aleksander – Machowski Walenty. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973. 640 s.

17. Ślisz A. Prasa polska w Rosji w dobie wojny i rewolucji (1915–1919). Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1968. 567 s.

18. Tęgoborski W. Polacy Związku Radzieckiego: ich pochodzenie, udział w rewolucji październikowej i w budownictwie socjalistycznym: szkic historyczno-opisowy. Moskwa: Centralne Wydawnictwo Ludów ZSRR, 1929. 219 s.

5. Биографические издания / Мемуарная литература

1. Дзержинская С. С. В годы великих боев: воспоминания о Ф. Э. Дзержинском. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Мысль, 1975. 502 с.

2. Bobińska H. Pamiętnik tamtych lat. Cz. 1. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1966. 210 s.

3. Pestkowski Z. Wspomnienia rewolucjonisty / Oprac. P. Korzec. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1961. 192 s.

4. Trocki L. Moje życie: próba autobiografii. Warszawa: Alfa, 1990. 624 s.

6. Научно-исследовательская литература

1. Агабеков Г. С. Секретный террор: записки разведчика. Москва: Современник, 1996. 448 с.

2. Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна, 1919–1943. Москва: Росспэн, 1997. 286 с.

3. Анфертьев И. А. Трансформация РКП(б) – ВКП(б) из политической партии в государствообразующую структуру на примере объединения ЦКК с Наркоматом РКИ. 1920–1926 гг. // Законодательное регулирование деятельности политических партий в Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования: сборник научных статей / Юго-Западный государственный университет, Кафедра конституционного права, Научно–образовательный Центр консервативной политики. Курск: ЮМЭКС, 2011. С. 14–26.

4. Анфертьев И. А. ЦКК РКП(б) – ВКП(б) – инструмент укрепления партийно-государственной власти. Исторический опыт ликвидации

многопартийности в России и уроки для современности. 1920-е – 1930-е гг. // Историческая наука о путях развития России: взгляд в будущее: материалы международной научной конференции, Красногорск, 21 марта 2011 г. Красногорск: Ваш полиграфический партнер, 2011. С. 52–77.

5. Анфертьев И. А. М. Н. Рютин и судьбы участников «Союза марксистов-ленинцев», 1932–1937 годы // История сталинизма: репрессированная российская провинция: материалы международной научной конференции, Смоленск, 9–11 октября 2009 г. Москва: РОССПЭН; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. С. 479–494.

6. Анфертьев И. А. Внесудебное пространство партийных чисток 1920-х гг. по документам Центральной контрольной комиссии РКП (б) // Права человека: история, теория, практика. Сборник научных статей / Минобрнауки России, Юго-западный государственный университет, Кафедра конституционного права, НОЦ «Консервативной политики», Научно-дискуссионный клуб имени П. А. Столыпина. Курск, 2014. С. 3–8.

7. Анфертьев И. А. Руководство РКП(б) в условиях перехода к новой экономической политике: Центральная контрольная комиссия и «чистки» партийных кадров // Новый исторический вестник. 2015. № 3 (45). С. 65–78.

8. Анфертьев И. А. Политический и административный ресурс правящей РКП(б)-ВКП(б): поиск модели социального государства в 1920-1930-х гг. // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 197–224.

9. Анфертьев И. А. О некоторых причинах ликвидации правящей коммунистической партией большевиков многопартийности в стране // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 131–152.

10. Анфертьев И. А. Правящая РКП(б): отказ от политики военного коммунизма и рост властных полномочий партийного аппарата в управлении страной в 1920-е гг. // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Сборник научных трудов / Министерство образования и науки РФ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Уральский

федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2016. С. 115–128.

11. Анфертьев И. А. Деятельность правящей РКП(б) по созданию и ликвидации буферных национальных государственных образований в условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции на примере Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (ЛитБел) // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2017. № 2. С. 50–58.

12. Анфертьев И. А. Политическая биография правящей РКП(б) – ВКП(б) в 1920-1930-е годы: критический анализ: монография / Российский государственный гуманитарный университет. Москва: ИНФРА–М, 2017. 321 с.

13. Анфертьев И. А. Правящая РКП (б) – ВКП (б): интеграция территориальных и национальных государственных образований в состав РСФСР и СССР в 1920–1930-е годы // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Сборник научных трудов / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. С. 496–507.

14. Анфертьев И. А. Политический конструктивизм правящей партии: программные установки РСДРП(б)–РКП(б)–ВКП(б). 1917–1930-е годы: монография. Москва: ИНФРА–М, 2020. 555 с.

15. Анфертьев И. А. Модернизация советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований РКП(б) – ВКП(б) как инструменты борьбы за власть: монография. Москва: ИНФРА–М, 2022. 593 с.

16. Бердник М. Пешки в чужой игре: тайная история украинского национализма. Москва: Алгоритм, 2014. 400 с.

17. Бочковский Д. Поляки в СССР в 1919–1939 гг. // Малцинствени и етнорелигиозни проблеми в Югоизточна и Централна Европа между двете

световни войни: доклади от научна конференция, 17–19 юни 2003 г. София: Институт по балканистика БАН, 2005. С. 87–106.

18. Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). Москва: РОССПЭН, 2005. 552 с.

19. Васильев Ю. А. Вызов времени: люди Коминтерна в условиях нарастающих угроз со стороны Запада (1920–1930-е гг.) // Высшее образование для XXI века: Ответы на глобальные вызовы: сборник статей. Москва: МосГУ, 2021. С. 64–69.

20. Васильев Ю. А. Тайны Коминтерна. Альфред: человек и легенда Тууре Лехен: монография. Московский гуманитарный университет. Москва: МосГУ, 2025. 192 с.

21. Ватлин А. Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. Москва: Политическая энциклопедия, 2019. 173 с.

22. Ватлин А. Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. Москва: РОССПЭН, 2009. 374 с.

23. Ватлин А. Ю. Мировая революция и современное коминтерноведение // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. Москва: АИРО-XX, 1996. С. 331–357.

24. Ватлин А. Ю., Фирсов Ф. И. Бухарин и Коминтерн // Рабочий класс и социальный прогресс. Москва: Наука, 1990. С. 251–282.

25. Верт Н. Государство против своего народа. Насилие, репрессии и террор в Советском Союзе // Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. 2-е изд., испр. Москва: Три века истории, 2001. С. 66–259.

26. Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. Санкт-Петербург: Нева, 2004. 416 с.

27. Гордиевский О. А., Эндрю К. КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачева. Москва: Центрполиграф, 1999. 666 с.

28. Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. 496 с.

29. Дамаскин И. А. Сталин и разведка. Москва: Вече, 2004. 400 с.

30. Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК–НКВД. 1918–1938. Москва: Крафт+, 2017. 480 с.

31. Зуев М. Н., Изонов В. В., Симонова Т. М. Советская Россия и Польша, 1918–1920 гг.: советско-польское вооруженное противостояние 1918–1919 гг. Советско-польская война 1920 г. Москва: Ин-т военной истории МО РФ, 2006. 249 с.

32. Елизаров С. А. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.). Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. 222 с.

33. Ермолаева Р. А. Агитационно-пропагандистская деятельность коммунистов-поляков в Советской России в период польско-советской войны (1920 г.) // Из истории польского рабочего движения: (к 20-летию Польской рабочей партии, 1942–1962). Москва: Соцэкгиз, 1962. С. 297–331.

34. Ермолаева Р. А. Поляки-интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне (1917–1920 гг.) // СССР и Польша: интернациональные связи – история и современность. Т. 1. Москва: Политиздат, 1977. С. 345–389.

35. Из истории польского рабочего движения: к 20-летию Польской рабочей партии, 1942–1962. Москва: Соцэкгиз, 1962. 477 с.

36. Климовский Д. С. Зловещий пакт: из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия. Минск: Изд-во БГУ, 1968. 176 с.

37. Козловский Ч. Очерки истории польского рабочего движения. Москва: Политиздат, 1980. 383 с.

38. Климовский, Д. С. Зловещий пакт: Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия. Минск: Издательство Белорусского государственного университета, 1968. 175 с.

39. Колпакиди А. И. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. В 2 книгах. Кн. 2. Москва: ОЛМА-Пресс, 2000. 446 с.

40. Коханьский А. Некоторые проблемы изучения участия поляков в Октябрьской революции // Связи революционеров России и Польши XIX – начала XX века. Москва: Наука, 1968. С. 132–140.

41. Круталевич В. А. От войны к миру: (польско-советские отношения в 1920–1922 гг.). Минск: Право и экономика, 2006. 150 с.

42. Ларуэль М., Ривера Э. Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа. Москва: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2019. 64 с.

43. Лебедева Н. С. Коминтерн и Польша (1919–1943). Warszawa: Neriton, 2005. С. 323–355.

44. Ленин в борьбе за революционный Интернационал. Москва: Наука, 1970. 667 с.

45. Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. Москва: Рипол Классик, 2005. 686 с.

46. Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ. Дела и люди: справочник. Санкт-Петербург: Нева; Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 639 с.

47. Макдермотт К., Агню Дж. Коминтерн: история международного коммунизма от Ленина до Сталина. Москва: АИРО-XX, 2000. 224 с.

48. Маккензи К. Коминтерн и мировая революция, 1919–1943. Москва: Центрполиграф, 2008. 351 с.

49. Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России: Февраль – октябрь 1917 г. Москва: Наука, 1965. 412 с.

50. Матвеев Г. Ф. Пилсудский. Москва: Молодая гвардия, 2008. 474 с.

51. Найдус В. Участие поляков в Октябрьской революции. Варшава: Полония, 1967. 103 с.

52. Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский – легенды и факты. Москва: Политиздат, 1990. 399 с.

53. Неволина В. С. Коминтерн и революционное сотрудничество РКП(б) и Коммунистической рабочей партии Польши (1918–1923 гг.) // СССР

и Польша: интернациональные связи – история и современность. Т. 1. Москва: Политиздат, 1977. С. 390–430.

54. Неволина В. С. III конгресс Коминтерна и Коммунистическая рабочая партия Польши // Третий конгресс Коминтерна: развитие конгрессом политической линии коммунистического движения: коммунисты и массы. Москва: Политиздат, 1975. С. 293–311.

55. Неволина В. С. IV конгресс Коминтерна и Коммунистическая рабочая партия Польши // Четвертый конгресс Коминтерна: разработка конгрессом стратегии и тактики коммунистического движения в новых условиях. Политика единого фронта. Москва: Политиздат, 1980. С. 250–267.

56. Нестеренко В. А. Польское население Правобережной Украины в период украинской национально-демократической революции (1917–1920 гг.) // Поляки в России: эпохи и судьбы = Polacy w Rosji: epoki i losy. Краснодар: [б. и.], 2009. С. 87–94.

57. Пачковский А. Поляки под чужим и собственным насилием // Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. Москва: Три века истории, 2001. С. 343–359.

58. Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020: сборник статей. Москва: Кучково поле, 2020. 176 с.

59. Пухлов Н. Н. Из истории Польской социал-демократической партии (1893–1904 гг.). Москва: Наука, 1968. 256 с.

60. Радляк Б. Социалистические партии Польши и Октябрьская революция // СССР и Польша: Интернациональные связи – история и современность. Т. 1. Москва: Политиздат, 1977. С. 309–344.

61. Рыков Г. О. Генерал «Вальтер» – Кароль Сверчевский // Исторические чтения на Лубянке. Юбилейные даты отечественных органов госбезопасности в 2023 г., посвященные 100-летию образования ОГПУ и памяти историка спецслужб доктора исторических наук, профессора Владимира Николаевича Хаустова. Москва: Фронткнига, 2023. С. 311–317.

62. Сафонов В. Н., Мозохин О. В. Особый отдел ВЧК против польской разведки, 1918–1921 гг. Москва: Вече, 2018. 480 с.

63. Север А. 10 мифов о КГБ. Москва: Родина, 2022. 304 с.

64. Стронський Г. Й. Злет і падіння: Польський національний район в Україні у 20–30-ті роки. Тернопіль: [б. в.], 1992. 184 с.

65. Случ С. З. Германо-польский акт о ненападении 1934 г. – дестабилизирующий фактор международной обстановки в Европе // Ежегодник германской истории 1983. Москва: Наука, 1984. С. 84–104.

66. Тых Ф. А., Шорст Х. Юлиан Мархлевский (1866–1925): биографический очерк. Москва: Мысль, 1969. 367 с.

67. Фирсов Ф. И. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. Москва: АИРО-XXI, 2019. 672 с.

68. Фирсов Ф. И. Ленин, Коминтерн и становление коммунистических партий. Москва: Политиздат, 1985. 359 с.

69. Фирсов Ф. И. Международная организация коммунистов. Механизм функционирования // Международная организация коммунистов. Москва: Мысль, 1990. С. 61–91.

70. Фирсов Ф. И. Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. Москва: АИРО-XXI: КРАФТ+, 2007. 576 с.

71. Фирсов Ф. И. Секреты Коммунистического Интернационала. Шифропереписка. Москва: РОССПЭН, 2011. 494 с.

72. Фирсов Ф. И. Сталин и Коммунистический Интернационал // История и сталинизм. Москва: [б. и.], 1991. С. 131–200.

73. Хаустов В. Н. Из предыстории массовых репрессий против поляков. Середина 1930-х гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Москва: Звенья, 1997. С. 10–21.

74. Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев: жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. 5-е изд., доп. Минск: Наука и техника, 1987. 476 с.

75. Шпилевский А., Баброви́ч Л. А. Гістарычны нарыс Дзяржыншчыны (Койданаўшчыны). Менск: [б. в.], 1932. 109 с.

76. Яжборовская И. С. Идейное развитие польского революционного рабочего движения: (конец XIX – первая четверть XX в.). Москва: Наука, 1973. 415 с.

77. Яжборовская И. С. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября, 1918–1923 гг. Москва: Наука, 1967. 300 с.

78. Яжборовская И. С., Бухарин Н. И. Польское рабочее движение в борьбе за социализм: исторические уроки. Москва: Наука, 1986. 336 с.

79. Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. 2-е изд. Москва: РОССПЭН: Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 519 с.

80. Bäcker R. Polska Partia Socjalistyczna wobec Traktatu Ryskiego // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. S. 229–240.

81. Batowski H. Rozpad Austro-Węgier 1914–1918: (sprawy narodowościowe i działania dyplomatyczne). Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1965. 268 s.

82. Brubaker R. Nacjonalizm inaczej: struktura narodowa i kwestie narodowe w nowej Europie. Warszawa; Kraków: PWN, 1998. 242 s.

83. Butkiewicz T., Ślisz A. Polscy żołnierze Wielkiego Października. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. 262 s.

84. Cimek H., Kieszczyński L. Komunistyczna Partia Polski 1918–1938. Warszawa: Książka i Wiedza, 1984. 478 s.

85. Cimek H. Komuniści, Polska, Stalin. Białystok: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1990. 344 s.

86. Cimek H. Mniejszości narodowe w ruchu rewolucyjnym w II Rzeczypospolitej. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. 176 s.

87. Cimek H. Poglądy Komunistycznej Partii Polski na kwestię narodową. Sprawa rozwiązania partii // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa: Książka i Wiedza, 1989. S. 71–119.

88. Cimek H. Tomasz Dąbal, 1890–1937. Rzeszów: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1993. 262 s.

89. Czubiński A. Komunistyczna Partia Polski (1918–1938): zarys historii. 2. wyd. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1988. 319 s.

90. Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Kraków: Znak, 2006. 356 s.

91. Dehl O. Verratene Ideale: zur Geschichte deutscher Emigranten in der Sowjetunion in den 30er Jahren. Berlin: Trafo-Verlag Weist, 2000. 393 s.

92. Deutscher I. Marxism in our time / Ed. by T. Deutscher. Berkeley, California: Ramparts Press, 1971. 312 p.

93. Dziewanowski M. K. The Communist Party of Poland: an outline of history. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1959. 369 p.

94. Dzwonkowski R. Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej. Lublin: Oddział Lubelski Stowarzyszenia „Wspólnota Polska", 1994. 150 s.

95. Firsow F., Jażborowska I. Międzynarodówka Komunistyczna a KPP // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa: Książka i Wiedza, 1989. S. 9–79.

96. Gadomski B. Biografia agenta: Józef-Josek Mützenmacher (1903–1947). Warszawa: Tedson, 2009. 360 s.

97. Garczyk B. Radziecka polityka narodowościowa w latach 1917–1941 na przykładzie Piotrogrodu-Leningradu. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2011. 317 s.

98. Garlicki A. U źródeł obozu belwederskiego. Warszawa: PWN, 1978. 386 s.

99. Gregorowicz S. Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski – ocena koncepcji i działalności // Wojna polsko-sowiecka 1920 roku: Przebieg walk i tło

międzynarodowe: Materiały sesji nauk. w Inst. historii PAN 1-2 października 1990. Warszawa: Wydaw. Inst. historii PAN, 1991. S. 172–181.

100. Grosfeld L. Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach pierwszej wojny światowej. Warszawa: PWN, 1962. 391 s.

101. Historia Białorusinów Podlasia / P. Chomik i in. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2016. 538 s.

102. Holzer J., Molenda J. Polska w pierwszej wojnie światowej. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1963. 380 s.

103. Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim, 1921–1939. Warszawa; Wrocław: PWN, 1991. 399 s.

104. Iwanow M. Polacy w Związku Radzieckim, 1917–1990 // Polacy w Kościele katolickim w ZSRR. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1991. S. 56–79.

105. Iwanow M. Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. «Operacja polska» 1937–1938. Kraków: Znak Horyzont, 2014. 554 s.

106. Jabłoński H. Ruch robotniczy i ludowy w Polsce (1914–1923). 2-e wyd. Warszawa: Książka i Wiedza, 1961. 547 s.

107. Jakubowski D. Julian Marchlewski – bohater czy zdrajca? Warszawa: Instytut Wydawniczy „Książka i Prasa", 2007. 256 s.

108. Jakubowski D. Julian Marchlewski wobec „kwestii żydowskiej" // Żydzi a lewica: zbiór studiów historycznych. Warszawa: Żydowski Instytut Historyczny, 2007. S. 39–64.

109. Kasprzakowa J. Ideologia i polityka PPS-Lewicy w latach 1907–1914. Warszawa: Książka i Wiedza, 1965. 321 s.

110. Kawecka K. Z dziejów szkolnictwa polskiego w Związku Radzieckim, 1917–1923 // Z Dziejów Stosunków Polsko-Radzieckich: studia i materiały. T. 7. Warszawa: Książka i Wiedza, 1970. S. 139–155.

111. Kessler M. Bund a Socjalistyczna Międzynarodówka Robotnicza // Bund: 100 lat historii 1897–1997. Warszawa: Volumen, 2000. S. 61–70.

112. Kęsik J. Pomiędzy współpracą a irredentą: ukraińska mniejszość narodowa w II Rzeczypospolitej // Tematy polsko-ukraińskie: historia, literatura, edukacja / Pod red. R. Traby. Olsztyn: Borussia, 2001. S. 80–92.

113. Kolebacz B. Komunistyczna Partia Polski 1923–1929: problemy ideologiczne. Warszawa: Książka i Wiedza, 1984. 322 s.

114. Kowalczyk J. Wielki proces: [dotyczy procesu przeciw członkom Komunistycznej Partii Galicji Wschodniej]. Warszawa: Książka i Wiedza, 1963. 73 s.

115. Kowalski J. Zarys historii polskiego ruchu robotniczego w latach 1918–1939. Cz. 1. Lata 1918–1928. 2-e wyd., rozszerzone. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. 434 s.

116. Kruszyński M. Ambasada RP w Moskwie 1921–1939. Warszawa: IPN, 2010. 365 s.

117. Kupczak J. M. Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. 358 s.

118. Kuszyk W. Walki klasowe na wsi polskiej 1918–1919: materiały źródłowe. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1968. 548 s.

119. Leinwand A. J. Sztuka w służbie utopii: o funkcjach politycznych i propagandowych sztuk plastycznych w Rosji Radzieckiej lat 1917–1922. Warszawa: Instytut Historii PAN, 1998. 251 s.

120. Leinwand A. Wojna polsko-sowiecka w latach 1919–1920. Polityka i strategia stron walczących // Wojna polsko-sowiecka 1920 roku: przebieg walk i tło międzynarodowe: materiały sesji naukowej w Instytucie Historii PAN, 1–2 października 1990 r. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii PAN, 1991. S. 20–34.

121. Lewićkyj B. Polityka narodowościowa w Z.S.R.R. w dobie Chruszczowa. Paryż: Instytut Literacki, 1966. 302 s.

122. Lincoln W. B. Red Victory: a history of the Russian Civil War, 1918–1921. New York: Da Capo Press, 1999. 637 p.

123. Lukomski G., Polak B., Wroszek M. Wojna polsko-bolszewicka 1919-1920: Działania bojowe. Kalendarium. T. 1 (1 stycznia 1919-29 lutego 1920 r.). Koszalin, 1990. 99 s.

124. Ładyka T. Polska Partia Socjalistyczna (Frakcja Rewolucyjna) w latach 1906–1914. Warszawa: Książka i Wiedza, 1972. 357 s.

125. Łossowski P. Zerwane pęta: usunięcie okupantów z ziem polskich w listopadzie 1918 roku. Warszawa: PIW, 1986. 255 s.

126. Malinowski H. Program i polityka rolna Komunistycznej Partii Robotniczej Polski, 1918–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1964. 344 s.

127. Malinowski H. Szkice z dziejów klasy robotniczej: wybrane zagadnienia z lat 1917–1919. Warszawa: Książka i Wiedza, 1973. 463 s.

128. Markowski M. B. Społeczeństwo województwa kieleckiego wobec wojny polsko-bolszewickiej 1919–1920. Kielce: Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Jana Kochanowskiego, 1998. 220 s.

129. Masiarz W. ZSRR wobec Polaków w Rosji 1922–1991 // Związek Radziecki wobec krajów Europy Środkowej i Wschodniej w latach 1920–1991. Kraków: DANTE, 2004. S. 73–82.

130. Materski W. Na widecie: II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943. Warszawa: Rytm, 2005. 776 s.

131. Materski W. Tarcza Europy: stosunki polsko-sowieckie, 1918–1939. Warszawa: Książka i Wiedza, 1994. 386 s.

132. Mączyński C. Boje lwowskie. Cz. 1: Oswobodzenie Lwowa (1–24 listopada 1918 roku). T. 1–2. Warszawa: Nakładem Spółki Wydawnictwa Rzeczpospolita, 1921. 338 s. (T. 1) + 279 s. (T. 2).

133. Meglicka M. Prasa Komunistycznej Partii Polski w latach 1918–1938 // Z dziejów polskiej prasy robotniczej 1879–1948. Warszawa: PWN, 1983. S. 96–155.

134. Mich W. Ideologia polskiego ziemiaństwa 1918–1939. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2000. 367 s.

135. Michaluk D. U źródeł białoruskiego parlamentaryzmu: powstanie, organizacja i działalność Rady Białoruskiej Republiki Ludowej 1918–1919 // Kompromis czy konfrontacja?: studia z dziejów parlamentaryzmu rosyjskiego początku XX wieku. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2009. S. 201–212.

136. Minczeles H. Główne etapy historii Bundu w Polsce // Bund: 100 lat historii 1897–1997. Warszawa: Volumen, 2000. S. 17–22.

137. Miodowski A. Polish Revolutionary Formations In The Red Army Structures (1918–1921). Białystok: PRYMAT, 2017. 244 p.

138. Mironowicz E. Antypolska konspiracja białoruska w latach 1919–1925 // Europa nieprowincjonalna: przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej (Białoruś, Litwa, Łotwa, Ukraina, wschodnie pogranicze III Rzeczypospolitej Polskiej) w latach 1772–1999. Warszawa: ISP PAN; Rytm, 1999. S. 877–884.

139. Molenda J. Piłsudczycy a narodowi demokraci 1908–1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1980. 523 s.

140. Najdus W. Lewica polska w Kraju Rad: 1918–1920. Warszawa: PWN, 1971. 458 s.

141. Nazarewicz R. Komintern a lewica Polska: wybrane problemy. Warszawa: Instytut Wydawniczy Książka i Prasa, 2008. 262 s.

142. Nicieja S. S. Julian Leszczyński-Leński. Warszawa: Książka i Wiedza, 1979. 323 s.

143. Nordon H. The Education of a Polish Jew: a physician's war memoirs. New York: Grossman, 1982. 314 p.

144. Nowak A. Polska i trzy Rosje: studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). 2-e wyd. Kraków: Arcana, 2008. 646 s.

145. Pipes R. Komunizm. Warszawa: Świat Książki, 2008. 191 s.

146. Pipes R. Russia Under the Bolshevik Regime. New York: Vintage Books, 1995. 608 p.

147. Pipes R. Russia under the old regime. Harmondsworth: Penguin books, 1977. xxiv, 360 s.

148. Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski (1864–1945). T. 2, cz. 1: 1914–1939. Londyn: B. Świderski, 1967. 672 s.

149. Princ E. Na rubieży dwuch światów. Mińsk: Wydawnictwo Państwowe Białorusi, Sektor Polski, 1932. 28 s.

150. Radlak B. SDKPiL w latach 1914–1917: formy i metody działalności. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. 382 s.

151. Rayfield D. Stalin i jego oprawcy. Szefowie stalinowskiej bezpieki. Warszawa: Amber, 2009. 464 s.

152. Reguła J. A. Historia Komunistycznej Partii Polski w świetle faktów i dokumentów [J. Mützenmacher]. 2-e wyd., rozszerzone i uzupełnione. Warszawa: nakład autorski: Drukprasa, 1934. 343 s.

153. Rezmer W. Pokój czy dalsza wojna polsko-sowiecka? // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. S. 141–151.

154. Rogala W. Życie i walka wsi wielkopolskiej w latach 1919–1925. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1956. 186 s.

155. Samuś P. Edward Próchniak: studium postaw polskiego rewolucjonisty. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1987. 506 s.

156. Samuś P. Syndrom «oblężonej twierdzy» w Komunistycznej Partii Polski // Między Wschodem a Zachodem: studia z dziejów polskiego ruchu i myśli socjalistycznej. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1995. S. 183–201.

157. Sariusz J. Walka Rosji z polskością na polskich ziemiach wschodnich przed Wielką Wojną. Warszawa: Wydawnictwo Towarzystwa Obrony Kresów Wschodnich, 1942. 54 s.

158. Semczyszyn M. «O polską republikę rad!» Działalność polskich komunistów w USRR w latach 1920–1937 // Lewica polska: koncepcje – ludzie – działalność. Wrocław: ATUT, 2012. T. 2. S. 45–62.

159. Simoncini G. The Communist Party of Poland, 1918–1929: a study in political ideology. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 1993. 271 p.

160. Snyder T. Sketches from a secret war: a Polish artist's mission to liberate Soviet Ukraine. New Haven; London: Yale University Press, 2005. 23, 347 p.

161. Sobczak J. Udział Polaków w tworzeniu i umacnianiu państwowości radzieckiej w pierwszych latach jej istnienia (1917–1928): materiały źródłowe i dokumentacyjne. Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1984. 47 s.

162. Sobczak J. Współpraca SDKPiL z SDPRR. Warszawa: Książka i Wiedza, 1980. 745 s.

163. Stadnik K. The Repatriation of Polish Citizens from Soviet Ukraine to Poland in 1921–1922 // Homelands: war, population and statehood in Eastern Europe and Russia, 1918–1924. London: Anthem Press, 2004. P. 119–137.

164. Szumiło M. Stalinista refleksyjny: Roman Zambrowski 1909–1977: studium z dziejów elity komunistycznej w Polsce. Warszawa: IPN, 2014. 528 s.

165. Szczygielski Z., Tymieniecka A. Z dziejów Rad Delegatów Robotniczych w Polsce. Warszawa: Książka i Wiedza, 1960. 110 s.

166. Szczepański J. Białoruś w koncepcji federacyjnej Józefa Piłsudskiego (1919–pierwsza połowa 1920) // W służbie Klio… Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Radzika. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2012. S. 217–233.

167. Szczepański J. Społeczeństwo Polski w walce z najazdem bolszewickim 1920 roku. Warszawa; Pułtusk: Oficyna Wydawnicza Towarzystwa Opieki nad Zabytkami, 2000. 551 s.

168. Szczepański J. Wojna 1920 na Mazowszu i Podlasiu. Warszawa ; Pułtusk: WSH, 1995. 415 s.

169. Sztop-Rutkowska K. Próba dialogu: Polacy i Żydzi w międzywojennym Białymstoku. Kraków: Nomos, 2008. 368 s.

170. Śleszyński W. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (1919–1920). Warszawa: Neriton, 2003. 447 s.

171. Świetlikowa F. Komunistyczna Partia Robotnicza Polski, 1918–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1968. 393 s.

172. Tomasiewicz J. „Faszyzm lewicy" czy „ludowy patriotyzm"? Tendencje antyliberalne i nacjonalistyczne w polskiej lewicowej myśli politycznej lat trzydziestych (1931–1939). Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020. 272 s.

173. Trembicka K. Między apologią a negacją: studium myśli politycznej Komunistycznej Partii Polski w latach 1918–1932. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1995. 182 s.

174. Tych F. PPS-Lewica w latach wojny 1914–1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1960. 237 s.

175. Tych F. The KPD–KPP Political "Axis" against Zinoviev – Stalin in the Communist International 1919–1924 // Centre and Periphery: The History of the Comintern in the Light of New Documents. Amsterdam: International Institute of Social History, 1996. P. 81–88.

176. Wilamowski J., Zasieczny A. Afera Joska Mitzenmachera: tajemnice policji politycznej. Warszawa: Cinderella Books, 2005. 190 s.

177. Wilson T. Fatal violence in Upper Silesia, 1918–1922 // Creating Nationality in Central Europe, 1880–1950: modernity, violence and (be)longing in Upper Silesia. London; New York: Routledge, 2017. P. 53–86.

178. Wojnicka M. Stosunek Polski do Białorusi w latach 1918–1920 // Odrodzona Polska wśród sąsiadów 1918–1921. Warszawa: IH PAN, 1999. S. 76–87.

179. Wróbel J. Polityka ZSRR wobec Kościoła Katolickiego w latach 1917–1939 // Polacy w Kościele Katolickim w ZSRR. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1991. S. 83–96.

180. Wrzosek M. Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917–1918. Warszawa: Książka i wiedza, 1969. 365 s.

181. Zajączkowski W. Rosja i narody: ósmy kontynent: szkic dziejów Eurazji. Warszawa: MG, 2015. 253 s.

182. Załuski Z. Drogi do pewności: [szkice historyczno-publicystyczne]. Warszawa: Iskry, 1984. 213 s.

183. Zieliński K. O Polską Republikę Rad! Działalność polskich komunistów w Rosji Radzieckiej w latach 1918–1922. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2013. 352 s.

184. Zieliński K. Организационная структура Польского бюро ЦК РКП(б) в 1918–1922 гг. // Поляки в России: эпохи и судьбы. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002 [в вып. дан. 2009]. С. 95–104.

185. Zielińska N. Postawy mieszkańców Wołynia w czasie wojny polsko-bolszewickiej (na podstawie raportów Towarzystwa Straży Kresowej) // Społeczeństwo polskie w dobie pierwszej wojny światowej i wojny polsko-bolszewickiej 1920 roku. Kielce: Kieleckie Towarzystwo Naukowe, 2001. S. 271–282.

186. Żenczykowski T. Dwa komitety 1920–1944: Polska w planach Lenina i Stalina. Warszawa: Spotkania, 1990. 143 s.

7. Периодическая печать

1. Арещенко А. М. От группы Интернационал до Коммунистической партии Германии (КПГ) // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 2 (44). С. 9–15.

2. Булахтин М. А. Восточные границы Польши в концепции Романа Дмовского // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 155–167.

3. Гарэцкі Г. Нацыянальныя асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу 1926 г. // Полымя. 1929. № 5. С. 79–114.

4. Гришина А. М. Мария Кошутская. Годы противостояния // Новая Польша. 2011. № 5 (130). С. 46–57.

5. Кантор Ю. З. Как Польшу «штыками прощупали» // Дилетант. 2020. № 058. С. 62–65.

6. Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5. С. 13–28.

7. Лебедева Н. С., Терехова Н. Г. Польская секция Коминтерна от переворота Пилсудского до Большого террора // Славяноведение. 2021. № 3. С. 5–19. DOI 10.31857/S0869544X0014845-2.

8. Лушин А. И., Осипов Н. А. Политика коренизации в рамках национального строительства СССР в 1920–1930-е гг. на примере польского Мархлевского национального района // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2021. № 2. С. 192–214.

9. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 3–29.

10. Мельников И. В. Польские шпионы в Минске // Спецназ. 2012. № 2. С. 33–36.

11. Микуленок А. А. Положение национальных меньшинств (украинцев и белорусов) в Польше в первой половине 1920-х гг. (по материалам Архива внешней политики РФ) // Общество: философия, история, культура. 2025. № 9(137). С. 99–105. DOI 10.24158/fik.2025.9.13. EDN UKSCWY.

12. Павлов О. Д. Образовательная и политическая подготовка экстерриториальных меньшинств Запада в СССР. Опыт Коммунистического университета им. Ю. Ю. Мархлевского (1921–1925 гг.). Часть 1 // Клио. 2024. № 10 (214). С. 129–136. DOI 10.24412/2070-9773-2024-10-129-136.

13. Рыков Г. О. Деятельность Польского Бюро при ЦК РКП(б) в период Советско-польской войны // Свиринские чтения – 2024. Военная история России в новом измерении: сборник научных статей. Москва : РГГУ, 2025. С. 28–34.

14. Рыков Г. О. Кароль Сверчевский: человек и легенда // Власть. 2024. Т. 32, № 2. С. 283–288. DOI 10.31171/vlast.v32i2.10057.

15. Рыков Г. О. Международная деятельность Коминтерна: на пути к единому фронту (1920–1930-е гг.) // Власть. 2022. Т. 30, № 1. С. 191–196. DOI 10.31171/vlast.v30i1.8804.

16. Рыков Г. О. Рыцарь Коминтерна // Власть. 2023. Т. 31, № 4. С. 225–230. DOI 10.31171/vlast.v31i4.9746.

17. Савіч А. А. Камуністычны рух у Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гг. і стварэнне КПЗБ: гістарыяграфічны дыскурс // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2014. № 2. С. 12–23.

18. Силкин А. А. «Ночью по ВЧК арестован товарищ заведующий»: ликвидация Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б) в 1921 году // Славяноведение. 2021. № 5. С. 16–32. DOI 10.31857/S0869544X0016742-9.

19. Смирнова Т. М. Становление советских польских клубов и Дома просвещения в Петрограде – Ленинграде (1918–1920-е гг.) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. № 4. С. 69–87.

20. Суздальцев И. А. Коминтерн: новые подходы в исторической науке // История. Информационно-аналитический журнал. 2023. № 1. С. 23–43.

21. Суздальцев И. А. Роль РКП(б) в формировании организационной структуры Коминтерна // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 123–130. DOI 10.18384/2310-676X-2018-3-123-130.

22. Тарас А. Е. Тайная война против Польши: террор, грабежи и поджоги как форма «экспорта революции» (Западная Беларусь, 1921–1937 гг.) // Секретные исследования. 2007. № 24 (161). С. 12–14.

23. Терехов С. А. И. И. Каминский – первый руководитель советских органов государственной безопасности в Крыму // Парадигмы истории и общественного развития: сборник научных трудов. 2020. Вып. 17–18. С. 70–75.

24. Уваркина М. А. «Эксперимент» национальной политики СССР – «Советская Полония» и польские автономные районы // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2011. № 2 (8). С. 16–26.

25. Фирсов Ф. И., Яжборовская И. С. Коминтерн и Коммунистическая партия Польши // Вопросы истории КПСС. 1988. № 12. С. 20–35.

26. Фирсов Ф. И. Коминтерн: механизмы функционирования // Новая и новейшая история. 1991. № 2. С. 32–47.

27. Хренов И. А. Из истории образования и первого периода деятельности Коммунистической рабочей партии Польши (1918–1923 гг.) // Вопросы истории. 1959. № 6. С. 79–97.

28. Яжборовская И. С. Катынское дело: на пути к правде // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 22–35.

29. Ярузельский В. К новым горизонтам // Коммунист. 1987. № 11. С. 59–73.

30. Achmatowicz A. Nowy snop światła na wojnę polsko-sowiecką 1919–1921. Nie publikowane dotąd dokumenty z archiwów rosyjskich // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 1996. T. 31. S. 175–187.

31. Achmatowicz A., Strzyżewska Z. Powszechny obowiązek służby wojskowej Polaków w Rosji Sowieckiej. Wiosna 1919 roku. Archiwalny przyczynek do początków wojny polsko-sowieckiej // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 1998. T. 33. S. 153–157.

32. Czubiński A. Stanowisko społeczeństwa polskiego wobec rewolucji i wojny domowej w Rosji (1917–1921) // Ewolucja systemu politycznego w Polsce w latach 1914–1998. Poznań: [b. w.], 1999. S. 37–53.

33. Gawin T. Polska i Polacy w planach Stalina w latach 1921–1939 w kontekście ziem północno-wschodnich II RP // Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy. 2020. T. 20. S. 189–217.

34. Gierowska-Kałłaur J. Aktywność środowisk polskich w Mińszczyźnie w realiach lat 1919–1920 // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2010. T. 45. S. 91–121.

35. Gmurczyk-Wrońska M. Julian Brun – krytyczny szkic do portretu komunisty // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2010. T. 45. S. 123–139.

36. Graczykowska T. Język polski w Rosji Radzieckiej w okresie międzywojennym a polszczyzna na Białorusi Radzieckiej: (na materiale wybranych zagadnień fleksji rzeczownika) // Acta Baltico-Slavica. 2011. T. 35. S. 37–58.

37. Iwanow M. Oświata w warunkach polskiej sowieckiej autonomii w ZSRS w latach 1925–1939 // Rocznik SNPL. 2017. T. 17. S. 73–97.

38. Iwanow M. Polski Piemont Komunistyczny // Magazyn Polski na Uchodźstwie. 2017. № 9 (140). S. 28–35.

39. Kancewicz J. Maksymilian Horwitz – H. Walecki // Z Pola Walki. 1958. № 4. S. 229–237.

40. Kawecka K. Szkolnictwo polskie w ZSRR w latach 1921–1930 // Rozprawy z Dziejów Oświaty. 1981. T. 24. S. 54–66.

41. Leinwand A. Bolszewicki plakat propagandowy w okresie wojny polsko-sowieckiej 1920 roku // Studia z dziejów Rosji i Europy środkowo-wschodniej. 1992. T. 27. S. 75–87.

42. Leinwand A. J. Działalność agitacyjna i propagandowa komunistów polskich w RSFRR w latach 1918–1920 // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2005. T. 40. S. 25–61.

43. Malak K. Udział Polaków-Bolszewików w wydarzeniach rewolucyjnych w Piotrogrodzie, marzec-listopad 1917 r. // Kraje Socjalistyczne. 1985. T. 1, № 1–4. S. 329–363.

44. Najdus W. Z działalności polskich organizacji robotniczych w Rosji w 1917 r. // Z Pola Walki. 1958. № 1. S. 70–83.

45. Samuś P. Najnowsze badania dziejów SDKPiL // Z Pola Walki. 1982. № 3/4. S. 67–78, 149–189.

46. Schapiro L. The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement // The Slavonic and East European Review. 1961. Vol. 40, № 94. P. 148–167. DOI 10.2307/4209935.

47. Szyr E. Znane i nieznane karty KPP // Życie Partii. 1988. № 4. S. 12–13.

48. Zieliński K. Władze Królestwa Polskiego wobec reemigracji z Rosji w roku 1918 // Studia Archiwalne. 2006. T. 2. S. 171–182.

8. Диссертационные исследования

1. Анфертьев И. А. РКП(б)–ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: программы преобразований и борьба за власть: Дис. ... докт. ист. наук, Москва, 2019. 789 с.

2. Бемм Г. В. Отношения СССР и Польши в контексте европейской безопасности: 1933–1939 гг.: Дис. ... канд. ист. наук, Краснодар, 2015. 214 с.

3. Ватлин А. Ю. ВКП(б) и Коминтерн в 20-е годы: проблемы взаимоотношений: Дис. ... докт. ист. наук, Москва, 1998. 54 с.

4. Голубков Б. М. Коммунистическая рабочая партия Польши в борьбе за усвоение стратегии и тактики ленинизма (1918–1923 гг.): Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1965. 312 с.

5. Гончаренко О. Г. Российская эмиграция в мировых геополитических и гуманитарных процессах первой половины XX века: Дис. ... докт. ист. наук, Москва, 2011. 499 с.

6. Ермолаева Р. А. Деятельность польских коммунистических организаций в Советской России и работа РКП(б) среди польского населения, 1917–1920 гг.: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1963. 324 с.

7. Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг.: организации, идеология, экстремизм: Дис. ... докт. ист. наук, Москва, 2000. 486 с.

8. Климович Л. В. Молодое поколение российской эмиграции в странах Европы в 1920–1930-е гг.: Дис. ... докт. ист. наук, Ульяновск, 2022. 522 с.

9. Костерин С. В. Организации русских эмигрантов в Польше в 1919–1939 годы. Система, типология, эволюция: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 2017. 211 с.

10. Лось М. Идейно-политическая обстановка в Коммунистической партии Польши и ее деятельность в 1935–1938 годах: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1990. 185 с.

11. Микуленок А. А. Российская эмиграция в Польше: 1917–1939 гг.: Дис. ... канд. ист. наук, Краснодар, 2016. 207 с.

12. Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов: Состав, социокультурные особенности, политическая роль: Дис. ... докт. ист. наук, Орел, 2000. 472 с. + Прил. (360 с.).

13. Найденко Б. Н. Военная политика Советского государства в отношении стран Прибалтийского региона и Польши, 1918–1940 гг.: Дис. ... докт. ист. наук, Москва, 2001. 645 с.

14. Неволина В. С. Коминтерн и идейно-политическое и организационное укрепление Коммунистической рабочей партии Польши, 1918–1923 гг.: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1979. 206 с.

15. Новиков К. Ю. Причины и последствия советско-польской войны 1920 г.: Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 2006. 164 с.

16. Орехов А. М. Русско-польские революционные связи в период возникновения марксистских рабочих организаций в России (1887–1893 гг.) : Дис. ... канд. ист. наук, Москва, 1971. 391 с.

17. Свиридов Г. А. Становление и деятельность территориальных органов государственной безопасности, 1918–1941 гг.: на примере Курского региона: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. 233 с.

18. Суздальцев И. А. Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг.: Дис. ... канд. ист. наук, Мытищи, 2019. 206 с.

19. Швыдак О. М. Коммунистическая партия Польши и Коммунистическая партия Западной Украины в борьбе за единство революционных действий трудящихся, 1929–1938 гг.: Дис. ... докт. ист. наук, Киев, 1974. 409 с.

9. Интернет-ресурсы

1. Жертвы политического террора в СССР: база данных / Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». 4-е изд. Москва: Мемориал, 2007. URL: https://lists.memo.ru (дата обращения: 22.02.2024).

2. Иванов С. Б. «Обличать Советский Союз становится очень модным. За этим следуют призывы покаяться» // ФедералПресс: интернет-издание. 2019. 4 июля. URL: https://fedpress.ru/expert-opinion/2260898 (дата обращения: 22.02.2026).

3. Специальная военная операция: влияние на Россию и мир: аналитический доклад / Аналитический центр Российского общества политологов. Москва: РОП, 2023. 26 с. URL: https://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2023/02.03.2023-ACROP.pdf (дата обращения: 22.02.2026).

4. Черняховский С. А. «Антисталинизм» – не что иное, как скрытая форма реабилитации нацизма // Военное обозрение: сетевое издание. 2013. 22 мая. URL: https://topwar.ru/28303-antistalinizm-ne-chto-inoe-kak-skrytaya-forma-reabilitacii-nacizma.html (дата обращения: 22.04.2026).

Приложение

ПЕРСОНАЛИИ

I. Лидеры советской России и ВКП(б)

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) –советский политический и государственный деятель, революционер. В 1906 г. вступил в РСДРП, примкнув к большевикам. В 1908–1910 гг. – член Московского комитета РСДРП, вел работу в профсоюзах. В 1912 г. в Кракове познакомился с В. Лениным. В эмиграции продолжал заниматься самообразованием. С октября 1916 г. находился в Нью-Йорке (США), где редактировал газету «Новый мир» вместе с Л. Троцким. После Февральской революции вернулся в Россию в мае 1917 г. 25 июня 1917 г. избран гласным Московской городской думы. На VI съезде РСДРП(б) избран членом ЦК. Во время Октябрьской революции занимал радикальные левые позиции. В течение многих лет – главный редактор газеты «Правда» и ведущий партийный идеолог. Подготовил предложения по национализации промышленности и созданию ВСНХ. В 1917–1918 гг. – лидер «левых» коммунистов, выступал против подписания Брестского мира. После подавления мятежа левых эсеров в июле 1918 г. вернулся на должность редактора «Правды». В марте 1919 г. избран кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б). В 1919–1920 гг. – член Исполкома Коминтерна. С ноября 1923 г. активно боролся с «троцкистской» оппозицией. Близкий друг И. Сталина в этот период, поддерживал его в борьбе против Л. Троцкого (1923–1924 гг.), Л. Каменева и Г. Зиновьева (1925–1926 гг.) С ноября-декабря 1926 г. занял руководящее положение в Коминтерне, став активным сторонником НЭПа. Участвовал в разработке сталинской теории «социализма в одной отдельно взятой стране». В 1928 г. выступил против форсированной коллективизации, что противоречило курсу И. Сталина. На апрельском Пленуме ЦК и ЦКК 1929 г. снят с занимаемых постов. В 1934 г. переведен из членов в кандидаты в члены ЦК ВКП(б). В 1929–1932 гг. – член

Президиума ВСНХ СССР. С 1932 г. – член коллегии Наркомата тяжелой промышленности СССР. 27 февраля 1937 г. арестован органами НКВД. 13 марта 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания по делу «Антисоветского правотроцкистского блока».

Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936) – советский политический и государственный деятель, революционер. Участвовал в революционном движении с 1901 г., член РСДРП. В 1902 г. эмигрировал, с 1903 г. –ближайший соратник В. Ленина. На II съезде РСДРП примкнул к большевикам. Участник революции 1905–1907 г., член Петербургского комитета РСДРП. На V съезде партии избран в состав ЦК. С декабря 1917 по март 1926 гг. – председатель Петроградского (Ленинградского) Совета. С 1919 по 1926 гг. – председатель Исполкома Коминтерна. В 1921–1926 гг. –член Политбюро. Сыграл важную роль в возвышении И. Сталина, будучи членом «тройки» Каменев–Зиновьев–Сталин против Л. Троцкого. В 1926 г. отстранен от руководства Ленсоветом и Коминтерном, выведен из Политбюро. В 1927 г. за объединение с Л. Троцким исключен из партии, в 1928 г. восстановлен. 16 декабря 1934 г. арестован и осужден на 10 лет по делу «Московского центра». 24 августа 1936 г. приговорен к высшей мере наказания по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра».

Каменев Лев Борисович (1883–1936) – советский политический и государственный деятель, революционер. В 1901 г. вступил в РСДРП. В 1902 г. в Париже познакомился с В. Лениным. В 1914 г. возглавил газету «Правда». На VII (Апрельской) конференции и VI съезде РСДРП(б) избирался в ЦК. 25 октября (7 ноября) 1917 г. избран председателем ВЦИК. С сентября 1918 г. – член Президиума ВЦИК, с октября – председатель Моссовета (до 1926 г.) С марта 1919 г. – член Политбюро. 3 апреля 1922 г. предложил назначить И. Сталина Генеральным секретарем ЦК. После смерти В. Ленина в феврале 1924 года стал председателем СТО СССР (до 1926 г.) С 1925 г. – один из лидеров «новой» оппозиции. В декабре 1925 г. выступил против Сталина на XIV съезде. В 1926–1928 г. – полпред в Италии. В 1932 г. вновь исключен из

партии. В декабре 1934 г. арестован. 24 августа 1936 г. осужден к высшей мере наказания.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – российский и советский политический деятель, революционер, теоретик марксизма. С 1888 г. участвовал в марксистских кружках. В 1895 г. участвовал в организации «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1900 г. начал издание газеты «Искра». На II съезде РСДРП в 1903 г. стал лидером фракции большевиков. В ноябре 1905 г. нелегально вернулся в Россию, руководил подготовкой вооруженного восстания. В апреле 1917 г. вернулся в Россию, выступив с «Апрельскими тезисами». Вечером 24 октября прибыл в Смольный и руководил Октябрьским вооруженным восстанием. 26 октября возглавил Совет народных комиссаров (СНК). В марте 1918 г. настоял на заключении Брестского мира. В марте 1919 г. инициировал создание Коммунистического интернационала. В 1921 г. на X съезде РКП(б) инициировал переход от «военного коммунизма» к НЭПу. Выступал за создание СССР на принципах равноправия республик, отвергнув сталинский план «автономизации». 30 декабря 1922 г. стал председателем СНК СССР. В 1922–1923 гг. вступил в конфликт со Сталиным по национальному и другим вопросам. Скончался 21 января 1924 г. после тяжелой болезни.

Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – советский политический и государственный деятель, революционер. Член РСДРП с 1899 года. На III, IV и VI съездах РСДРП(б) избирался членом ЦК. С 26 октября 1917 г. – народный комиссар внутренних дел. С апреля 1918 г. по май 1921 г. – председатель ВСНХ РСФСР, одновременно заместитель председателя СНК. 2 февраля 1924 г. назначен Председателем Совнаркома СССР и СНК РСФСР. В начавшейся внутрипартийной борьбе поддержал большинство ЦК против троцкистов. В 1928–1929 гг. выступал против свертывания НЭПа, что было объявлено «правым уклоном». 19 декабря 1930 г. снят с поста Председателя СНК, выведен из Политбюро. С 30 января 1931 г. – нарком связи СССР. 27 февраля 1937 г. арестован. 13 марта 1938 г. приговорен к высшей мере наказания.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953) – советский политический, государственный и партийный деятель, революционер. В 1901 г. введен в состав Тифлисского комитета РСДРП. С 1910 г. – уполномоченный ЦК партии по Кавказу. В 1912 г. включен в ЦК РСДРП. В 1917 г. – один из руководителей ЦК РСДРП(б) и редколлегии газеты «Правда». Активный участник Октябрьской революции. С ноября 1917 г. по июль 1923 г. – народный комиссар по делам национальностей РСФСР. С апреля 1922 г. – Генеральный секретарь ЦК РКП(б). В 1928–1929 гг. стал инициатором перехода к форсированной индустриализации и коллективизации. С 10 февраля 1934 по 5 марта 1953 гг. – Секретарь ЦК ВКП(б)/КПСС. С 1941 г. – народный комиссар обороны СССР. С 15 марта 1946 г. по 5 марта 1953 г. – Председатель Совета Министров СССР.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – советский политический деятель, революционер. В 1897 г. участвовал в основании Южно-русского рабочего союза. На II съезде РСДРП в 1903 г. поддержал В. Ленина, но позже разошелся с ним. В 1905 г. – председатель Петербургского совета. В 1912 г. – организатор Августовского блока. 22 сентября 1917 г. избран председателем Петроградского совета. Один из главных руководителей Октябрьской революции, председатель Петроградского ВРК. С марта 1918 г. – нарком по военным делам, председатель Реввоенсовета РСФСР. Создатель Красной Армии. В 1919 г. – автор Манифеста Коминтерна, член первого состава Политбюро ЦК РКП(б). С 1923 г. – лидер Левой оппозиции. В 1929 г. выслан из СССР. В 1938 г. провозгласил создание Четвертого интернационала. Убит агентом НКВД 20 августа 1940 г. в Мексике.

II. Руководители ВЧК/ГПУ/ОГПУ/НКВД и советские разведчики

Артузов Артур Христианович (1891–1937) – советский деятель органов государственной безопасности. С 1906 г. участвовал в распространении нелегальной литературы. В декабре 1917 г. вступил в

РСДРП(б). В 1918 г. – начальник партизанского отряда, затем на руководящих должностях в военной контрразведке. В январе 1919 г. назначен особоуполномоченным Особого отдела ВЧК. С июля 1922 г. – начальник Контрразведывательного отдела (КРО) Секретно-оперативного управления ГПУ/ОГПУ. Руководил крупными операциями «Трест» и «Синдикат-2». С 1 августа 1931 г. – начальник Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ, член коллегии ОГПУ. Создал ценную агентурную сеть в Германии. В мае 1935 г. освобожден от должности начальника ИНО и сосредоточился на работе в Разведывательном управлении Штаба РККА. 1 января 1937 г. направлен в НКВД на должность научного сотрудника архивного отдела. Арестован 13 мая 1937 г. 21 августа 1937 г. приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в «контрреволюционной заговорщической организации внутри НКВД».

Блажевич Иосиф Францевич (1891–1939) – польский и советский военный деятель. Участник Первой мировой войны, дослужился до подполковника. В РККА с июля 1918 г. Участник Гражданской войны на командных должностях. После войны занимал крупные посты в войсках и центральном аппарате Наркомата обороны. С мая 1930 г. – первый начальник 6-го управления Штаба РККА. С октября 1933 г. – заместитель начальника Управления ПВО РККА. Кандидат в члены ВКП(б) с 1930 г. В октябре-ноябре 1936 г. организовывал проверки состояния ПВО крупных городов. Арестован 18 февраля 1938 г. 16 марта 1939 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания по обвинению в принадлежности к «военно-фашистскому заговору».

Ежов Николай Иванович (1895–1940) – советский партийный и государственный деятель. В РСДРП(б) с 5 мая 1917 г. Участник Гражданской войны. С 1930 г. – заместитель наркома земледелия СССР. В феврале 1934 г. избран членом ЦК, Оргбюро ЦК и заместителем председателя Комиссии партийного контроля. С февраля 1935 г. – секретарь ЦК ВКП(б). 26 сентября 1936 г. назначен Народным комиссаром внутренних дел СССР. Занимался

координацией и осуществлением массовых репрессий. 24 ноября 1938 г. освобожден от обязанностей наркома. 10 апреля 1939 г. арестован. 3 февраля 1940 г. приговорен к высшей мере наказания.

Медведь Филипп Демьянович (1890–1937) – советский коммунист, деятель органов государственной безопасности. Член СДКПиЛ с 1907 г. (по рекомендации Ф. Дзержинского). В органах ЧК с 1918 г. Занимал должности председателя Тульской губЧК, начальника Особого отдела ВЧК Западного фронта. С 1924 по 1925 г. – полпред ОГПУ по Западному краю и председатель ГПУ Белорусской ССР. С 1926 по 1929 гг. – полпред ОГПУ по Дальневосточному краю. С 1930 по 1934 гг. – полпред ОГПУ по Ленинградскому военному округу. В 1934 г. – начальник Управления НКВД по Ленинградской области. 1 декабря 1934 г. отстранен от должности и арестован. 23 января 1935 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к 3 годам лишения свободы за «халатность». Освобожден досрочно в 1935 г. Работал в системе Дальстроя НКВД. 7 сентября 1937 г. вновь арестован. 1 ноября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Меньжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) – советский политический и государственный деятель. С 1902 г. состоял в РСДРП, большевик. Вел революционную работу в Ярославле и Петербурге. Во время Октябрьской революции – член Петроградского ВРК, комиссар ВРК в Госбанке. С 8 декабря 1917 г. – член коллегии ВЧК. С сентября 1919 г. – особоуполномоченный Особого отдела, с 1920 г. – начальник Особого отдела ВЧК. С 1923 г. – первый заместитель председателя ОГПУ. После смерти Ф. Дзержинского в 1926 г. возглавил ОГПУ. На XV съезде партии избран членом ЦК ВКП(б).

Мессинг Станислав Адамович (1890–1937) – польский и советский коммунист, деятель органов государственной безопасности. В 1908 г. вступил в СДКПиЛ. После Октябрьской революции – председатель Сокольнической районной ЧК в Москве. В 1918 г. – заведующий секретно-оперативным отделом Московской ЧК. С 3 января 1921 г. – председатель Московской ЧК. С

ноября 1921 г. – председатель Петроградской ЧК. С октября 1922 г. – командующий войсками ГПУ Петроградского округа, затем руководитель Ленинградского ОГПУ. С 27 октября 1929 по 31 июля 1931 гг. – 2-й заместитель председателя ОГПУ СССР, возглавлял ИНО ОГПУ. Позже переведен на работу в Наркомат внешней торговли, председатель президиума Всесоюзной торговой палаты. Арестован 15 июня 1937 г. 2 сентября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в Польской военной организации (ПОВ).

Пилляр Роман Александрович (1894–1937) – советский деятель органов государственной безопасности, барон. Двоюродный племянник Ф. Дзержинского. С 1914 г. – участник революционного движения. В октябре 1917 г. находился на подпольной работе в Литве. Один из основателей КП Литвы и Белоруссии, секретарь ЦК КПЛБ. С января 1919 г. – член Президиума и секретарь ЦИК Литовско-Белорусской республики. Был арестован польскими властями, приговорен к смертной казни, но выжил при расстреле. С апреля 1920 г. – особоуполномоченный Особого отдела ВЧК Западного фронта. С марта 1921 г. – начальник 15-го спецотделения ОО ВЧК. С июля 1922 г. по декабрь 1925 г. – заместитель начальника Контрразведывательного отдела ГПУ/ОГПУ, принимал участие в операциях «Трест» и «Синдикат-2». С декабря 1925 г. по декабрь 1929 г. – полпред ОГПУ по Западному краю и председатель ГПУ Белорусской ССР. В 1934 г. – начальник УНКВД по Саратовской области. 16 мая 1937 г. снят с должности и арестован. 2 сентября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания по обвинению в принадлежности к ПОВ.

Реденс Станислав Францевич (1892–1940) – советский деятель органов госбезопасности. В 1914 г. вступил в РСДРП, большевик. С 1918 г. работал в ВЧК – следователем, секретарем Президиума ВЧК, секретарем Ф. Дзержинского. С 1919 по 1924 гг. – на руководящей работе в губернских ЧК Украины. С 1924 по 1926 гг. – секретарь Президиума ВСНХ СССР. С 1928 г. – на руководящих должностях в ГПУ союзных республик. С 20 февраля 1933

года – полпред ОГПУ по Московской области, с июля 1934 по январь 1938 гг. – начальник Управления НКВД по Московской области. 20 января 1938 г. снят с поста и назначен наркомом внутренних дел Казахской ССР. В ноябре 1938 г. снят с должности и арестован. 21 января 1940 г. приговорен к высшей мере наказания.

Трилиссер Меер Абрамович (Москвин Михаил Александрович) (1883–1940) – советский революционер, деятель госбезопасности. В 1901 г. вступил в РСДРП. Участник революции 1905 г. и Свеаборгского восстания. С 1917 г. – член сибирской ЧК и Военно-Революционного комитета Сибири. С 1921 г. работал в центральном аппарате ВЧК. В марте 1922 г. назначен начальником Иностранного отдела ГПУ. В 1926 г. стал заместителем начальника ОГПУ СССР. С 1935 по 1938 гг. – член президиума и кандидат в члены секретариата Исполкома Коминтерна, курировал работу спецорганов. 3 ноября 1938 г. арестован. 1 февраля 1940 г. приговорен к высшей мере наказания.

Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938) – советский государственный и политический деятель. С 1907 г. примыкал к анархистам-коммунистам. Участник Октябрьской революции. С 1918 г. работал в Петроградской ЧК. С конца 1919 г. по конец 1920 г. – управляющий делами Особого отдела ВЧК. С сентября 1923 г. – второй заместитель председателя ОГПУ. С июля 1934 г. – нарком внутренних дел СССР. В 1935 г. ему первому присвоено звание «Генеральный комиссар госбезопасности». 26 сентября 1936 г. снят с поста наркома и назначен наркомом связи. 28 марта 1937 г. арестован. 15 марта 1938 г. приговорен к высшей мере наказания.

Баранский Казимир Станиславович (1894–1937) – польский и советский разведчик. С 1918 г. в РККА. С 1920 г. – сотрудник регистрационного отдела штаба Западного фронта. С 1921 г. – в иностранном отделе (ИНО) ВЧК. С 1923 г. – резидент ОГПУ в Польше. С 1930 г. – начальник 6-го отделения ИНО ОГПУ. С 1934 г. – начальник 4-го отделения 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 11 мая 1937 г. 4 августа 1937 г.

приговорен к высшей мере наказания по обвинению в «участии в польской контрреволюционной террористической организации».

Бортновский (Бронковский) Бронислав Брониславович (1894–1937) – польский и советский разведчик, коммунист. С 1912 г. – член СДКПиЛ. С 1918 г. – секретарь Ф. Дзержинского и следователь ВЧК. С 1920 года – начальник Разведывательного управления штаба Западного фронта. С 1921 года — заместитель начальника Иностранного отдела ВЧК и резидент советской разведки в Берлине. С 1924 г. – помощник начальника Разведывательного управления РККА. С 1929 г. – на руководящей работе в КПП и Коминтерне, член Политбюро ЦК КПП. Арестован в июне 1937 г. 3 ноября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Ваупшасов Станислав Алексеевич (1899–1976) – советский разведчик и партизан. В РККА с 1918 г. В 1920–1924 гг. – на подпольной работе в Западной Белоруссии. С 1930 г. – в органах ГПУ БССР. В 1937–1939 гг. – участник Гражданской войны в Испании как старший советник при штабе 14-го партизанского корпуса. В 1940–1941 гг. – разведчик-нелегал в Финляндии и Швеции. С сентября 1941 г. – командир батальона ОМСБОН НКВД СССР. С марта 1942 г. по июль 1944 г. – командир партизанского отряда «Местные», проведшего 57 крупных диверсий. В 1945 г. – начальник оперативной группы НКГБ по очистке тыла в Маньчжурии. С декабря 1946 года – начальник разведотдела МГБ Литовской ССР. С 1954 г. – в запасе.

Жбиковский Стефан (1891–1937) – польский и советский разведчик. С 1916 г. – в русской армии. В 1918 г. вступил в РКП(б) и Красную Армию, командовал Революционным Варшавским полком. С конца 1918 г. – на нелегальной разведывательной работе в Польше, создал военный отдел КРПП. В 1923 г. – главный сотрудник резидентуры Разведупра в Германии. Затем работал в Великобритании и Китае. В 1930 г. окончил курсы Разведупра. С 1934 г. – доцент Военной академии имени Фрунзе. Арестован 14 июня 1937 г. 26 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Каминский Иосиф Иосифович (1890–1924) – польский и советский революционер, деятель ВЧК–ГПУ. Поляк, из семьи рабочего-кожевенника. Образование начальное. В революционном движении с 1903 г., член СДКПиЛ. Участник баррикадных боев в Варшаве (1905 г.) Неоднократно арестовывался, сидел в тюрьмах, в эмиграции в Германии и США (1908–1913 гг.), где состоял в профсоюзе индустриальных рабочих. С 1913 г. – член Варшавского комитета СДКПиЛ. В 1917 г. – член Сокольнического райкома РСДРП(б) в Москве, организатор Московского союза химиков. С декабря 1917 г. – председатель Совета рабочих депутатов на Украине, делегат I и II Всеукраинских съездов Советов. С июля 1918 г. в Курске: и.о. председателя, затем председатель Курской губЧК (10.1918–05.1919 гг.) В 1920 г. – член коллегии и председатель Минской губЧК, председатель Белорусской ЧК. С декабря 1920 г. – председатель Крымской ЧК, начальник Особого отдела 4-й армии, председатель Керченской ЧК (до июля 1921 г.) Уволен из ВЧК в августе 1921 г. В последующие годы – на партийной и советской работе: член Курского губкома РКП(б), прокурор Черниговской губернии (1923 г.), начальник Смоленского губотдела ГПУ (11.1923–03.1924 гг.). Умер 27 августа 1924 г. в Смоленске.

Логановский Мечислав Антонович (1895–1938) – польский и советский разведчик, дипломат. С июля 1918 г. – член РКП(б) и Компартии Польши. С мая 1920 г. – начальник военной разведки 15-й армии. С апреля 1921 г. – резидент ИНО ВЧК в Варшаве. С 1923 г. – резидент в Австрии. С ноября 1925 г. – на дипломатической работе. В 1927–1931 гг. – советник полпредства СССР в Персии (Иране). С 1934 г. – заместитель наркома внешней торговли СССР. Арестован 16 мая 1937 г. 29 июля 1938 г. приговорен к высшей мере наказания.

Лонгва Роман Войцехович (1891–1938) – польский и советский военный деятель и разведчик. С 1910 г. – член ППС. Участник Октябрьской революции, комендант почт и телеграфов Петрограда. С июня 1918 г. – начальник штаба Западной пехотной дивизии. Командовал 52-й стрелковой

дивизией и 1-й Польской Красной армией. С ноября 1920 по ноябрь 1921 г. – начальник Разведывательного управления Полевого штаба РВС Республики. С ноября 1924 г. находился в Китае. С октября 1935 г. – начальник Управления связи РККА. Арестован 21 мая 1937 г. 8 февраля 1938 г. приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в «военно-фашистском заговоре».

Недзвяловская Мария Мечиславовна (1896–1937) – польская деятельница национально-освободительного движения, советский сотрудник спецслужб. Полька, образование высшее. С 1918 г. – член киевской Польской военной организации (ПОВ), выполняла разведывательные задания польской военной разведки. В 1920 г. арестована ВЧК, перешла на сторону советской власти. Служила в Контрразведывательном отделе ВЧК. В 1926 г. направлена в командировку в Италию. По возвращении в Москву продолжила службу в КРО ОГПУ. В 1933 г. уволена из органов. Арестована 12 мая 1937 г. в Курске. 13 августа 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорена к высшей мере наказания по обвинению в шпионаже и терроризме по заданию польской разведки. Расстреляна 13 августа 1937 г. в Москве.

Озембловский Иван Густавович (1888–1919) – революционер, первый председатель Курской губернской ЧК. Поляк, родился в семье полковника царской армии. Окончил Харьковскую гимназию, учился в Гейдельбергском и Бернском университетах. Преподавал физику, химию, космографию. В 1905 г. вступил в РСДРП(б). Участник Первой русской революции. В 1917 г. – глава Белгородского уездного комитета большевиков, член исполкома Совета, председатель городской думы. Делегат II Всероссийского съезда Советов от Курской губернии. С января 1918 г. – член ВЦИК РСФСР. С 5 июля 1918 г. – первый председатель Курской губЧК. 24 июля 1918 г. отстранен от должности за злоупотребления, безответственные расстрелы и пьянство, направлен на военные курсы преподавателей. Осенью 1919 г. при попытке выехать из занятого белыми Курска опознан в поезде бывшим офицером. Казнен через повешение на станции Харьков-Сортировочная.

Орловский Кирилл Прокофьевич (1895–1968) – советский разведчик и партизан. С 1918 г. – командир партизанского отряда. В 1920–1925 гг. руководил партизанскими отрядами в Западной Белоруссии по линии активной разведки Разведупра РККА. С 1925 по 1938 гг. проходил службу в органах ГПУ/НКВД. В 1937–1938 гг. – командир диверсионно-партизанской группы в Испании. В 1938 г. уволен из органов госбезопасности по состоянию здоровья. С октября 1942 по август 1943 гг. – командир партизанского отряда «Соколы». 20 сентября 1943 г. удостоен звания Героя Советского Союза.

Сосновский (Добржинский) Игнатий Игнатьевич (1897–1937) – польский и советский разведчик, двойной агент. С 1918 г. – офицер польской разведки. В 1919–1920 гг. – резидент польской разведки в Советской России. В июне 1920 г. арестован чекистами и перевербован. С 1921 г. – сотрудник Особого отдела ВЧК/ГПУ. С июля 1922 г. – начальник 6-го (белогвардейского) отделения КРО ОГПУ. С января 1934 года – заместитель начальника Особого отдела ОГПУ/ГУГБ НКВД. С 1935 г. – первый заместитель начальника УНКВД Саратовского края. 19 августа 1937 г. уволен из НКВД и арестован. 15 сентября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Чиллек-Роллер Карл Францевич (1896 – 1937) – польский и советский разведчик-контрразведчик, капитан госбезопасности, почетный чекист, орденоносец (орден Красного Знамени). Поляк, владел пятью языками. В органах ВЧК с 1920 г. (по рекомендации А.Х. Артузова и И. Сосновского). В 1921–1926 гг. – сотрудник Особого отдела, занимался переубеждением иностранцев и ликвидацией диверсионных групп. Непосредственный участник операции «Синдикат-2» (поимка Б. В. Савинкова) в составе 6-го отделения КРО ОГПУ. В 1926–1932 гг. – в длительной командировке в Италию. По возвращении – помощник начальника 1-го отдела КРО ОГПУ (контрразведка). Работал в Новосибирске, Сталинграде, выявлял иностранных шпионов. Позже – начальник отдела мест заключения УНКВД по Курской области. Арестован 4 мая 1937 г. по обвинению в шпионаже в пользу Польши. 21 августа 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

III. Деятели польского и международного коммунистического движения

Адамский Ян Людвигович (1888–1937) – польский и советский политический деятель. Член СДКПиЛ. Участник Октябрьской революции. Член КРПП и КПП. С 1922 г. – член Польского бюро при ЦК РКП(б). На момент ареста занимал должность заместителя торгового представителя СССР во Франции. Арестован 22 июля 1937 г. 3 октября 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания за «участие в польской шпионской террористической организации».

Альский Аркадий Осипович (1892–1936) – польский и советский политический деятель. Член СДКПиЛ с 1908 г. С 1913 г. – на нелегальном положении. После Февральской революции – член Павлоградского Совета. Вступил в РСДРП(б). В 1919 г. – нарком финансов ЛитБел. С января 1921г. по 1927 г. – член Коллегии Наркомфина СССР, заместитель наркома финансов. С 1923 г. принадлежал к Левой оппозиции, подписал «Заявление 46-ти». В 1927 г. исключен из партии и арестован, в 1928 г. приговорен к ссылке в Нарымский край. В 1930 г. восстановлен, но в 1933 г. вновь исключен. Арестован 4 февраля 1936 г. 4 ноября 1936 г. приговорен к высшей мере наказания.

Берсон Станислав Игнатович (1895–1919) – польский революционер. Член СДКПиЛ. Участник Октябрьской революции. С мая 1917 г. – заместитель председателя Минского Совета и комиссар ВРК Западного фронта. С ноября 1917 г. – комиссар Наркомата по польским делам. С февраля 1919 г. – нарком госконтроля ЛитБел и член Польского бюро при ЦК РКП(б). В феврале 1919 г. арестован польскими войсками и расстрелян.

Бертинский (Житловский) Виктор Львович (1900–1937) — польский и советский политический деятель. Член СДКПиЛ, затем КРПП. Секретарь райкома Варшавского комитета КРПП (1919–1920 гг.). С 1925 г. эмигрировал в СССР. Член ВКП(б). С 1926 г. – помощник начальника отделения ОГПУ СССР. На момент ареста – работник Исполнительного комитета

Коммунистического Интернационала (ИККИ). Арестован 15 мая 1937 г. 3 ноября 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания.

Бобинская (Брун) Елена Федоровна (1887–1968) – польская и советская писательница, переводчица, революционерка. Сестра Юлиана Бруна. С 1905 г. – член СДКПиЛ. Участвовала в Революции 1905–1907 гг. После Октябрьской революции жила в СССР, состояла в Польском бюро при ЦК РКП(б)/ВКП(б). Сотрудничала с польскоязычными и советскими изданиями. В 1936 г. – литературный руководитель Польского государственного театра в Киеве. В 1945 г. вернулась в Польшу.

Бобинский Станислав Янович (1882–1937) – польский и советский политический деятель. Вступил в СДКПиЛ в 1905 г. Участник Октябрьской революции, член Московского совета. В 1917 г. – заместитель комиссара Комиссариата по польским делам. В 1918 г. – комиссар Западной стрелковой дивизии. В 1920 г. – член Временного революционного комитета Польши. В 1918–1920 гг. – секретарь Польского бюро при ЦК РКП(б). Активист КПП, член представительства ЦК КПП в ИККИ. Пенсионер. Арестован 15 июня 1937 г. 20 сентября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в «Польской военной организации» (ПОВ).

Богуцкий Вацлав Антонович (1884–1937) –польский и советский коммунист. Член СДКПиЛ с 1904 г. Делегат V съезда РСДРП. В 1918 г. – председатель Гродненского Совета. В 1919 г. – член ЦК Компартии Литвы и Белоруссии и председатель Минской ЧК. С мая 1922 г. по февраль 1924 г. – ответственный секретарь ЦК КП Белоруссии и зампред СНК БССР. Член Польского бюро, член ЦК КП Польши в 1925–1930 гг. Арестован 5 сентября 1937 г. 19 декабря 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания.

Боровский Ян Антонович (Коморовский Людвик) (1890–1937) – польский коммунист. С 1906 г. по 1937 г. – член РКП(б)/ВКП(б). Член КПП, сторонник «меньшинства» Ю. Ленского (Лещинского). Представитель КПП в

ИККИ. Арестован 15 сентября 1937 г. 22 декабря 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Борский Стефан (Домбровский Веслав) (1884–1937) – польский и советский коммунист. Участник Октябрьской революции. В 1920 г. – член Польского бюро при ЦК РКП(б). Возглавлял секретариат Польбюро. Член ВКП(б). Арестован 21 августа 1937 г. 20 сентября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Братман-Бродовский Стефан Иоахимович (1880–1937) – польский и советский политический деятель, дипломат. Член РСДРП с 1903 г. Возглавлял главное управление СДКПиЛ. В ноябре 1918 г. вступил в РКП(б). Был комиссаром Западной стрелковой дивизии. С сентября 1919 г. по май 1920 г. – секретарь, затем заместитель секретаря Польского бюро ЦК РКП(б). Затем на советской дипломатической работе. В 1933–1937 гг. – представитель СССР в Латвии. Арестован 2 июля 1937 г. 27 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Бронский Мечислав Генрихович (1882–1938) – польский и советский политический деятель. С 1902 г. – член СДКПиЛ. С 1906 г. – член РСДРП. После Октябрьской революции – член совета Государственного банка, заместитель наркома торговли и промышленности, член совета ВСНХ. В 1920–1922 гг. – полпред в Австрии. С 1924 г. – член коллегии Наркомата внешней торговли СССР. С 1928 г. – на преподавательской работе. В 1937 г. – старший научный сотрудник Института экономики АН СССР. Арестован 9 сентября 1937 г. 1 сентября 1938 г. приговорен к высшей мере наказания.

Брун Юлиан (1886–1942) – польский и советский революционер, публицист. Член СДКПиЛ с 1905 г. Участвовал в Революции 1905–1907 гг. В 1919 г. вступил в КПП. В 1923 г. избран членом ЦК КПП. В 1926 г. по обмену политзаключенными прибыл в СССР. В 1930–1938 гг. – кандидат в члены ЦК КПП. После начала Второй мировой войны арестован фашистами в Бельгии, помещен в концлагерь во Франции. В июле 1941 г. бежал в СССР. Работал редактором польской редакции на радио в Саратове, где и умер.

Будзыньский Станислав Янович (1894–1937) – польский и советский политический деятель. Член СДКПиЛ с 1912 г. Член РСДРП(б) с 1916 г. Участник Октябрьской революции в Москве. С октября 1918 г. – комиссар Западной стрелковой дивизии. В 1918–1920 гг. – на нелегальной работе в Польше. С 1928 г. – член ЦК Компартии Западной Белоруссии. В 1930–1934 гг. – член бюро ЦК КП(б) Белоруссии. С 1934 г. – профессор, заведующий кафедрой ленинизма Международной ленинской школы в Москве. Арестован 22 августа 1937 г., приговорен к высшей мере наказания.

Будкевич Станислав Ричардович (1887–1937) – польский и советский политический и военный деятель. Член СДКПиЛ с 1905 г., Компартии Польши с 1919 г. После Февральской революции – член Петроградского Совета. С декабря 1917 г. – секретарь Комиссариата по польским делам. Участник Советско-польской войны. Член Польского бюро при ЦК РКП(б). Служил в Разведывательном управлении РККА. В 1925 г. – атташе посольства СССР в Париже. С 1928 г. – секретарь редакции Советской Военной энциклопедии. Арестован 9 июня 1937 г. 21 сентября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Будняк Даниил Филиппович (1886–1940) – польский и советский хозяйственный и политический деятель. С 1906 г. – член ППС-левицы. В 1917–1918 гг. возглавлял Отдел труда Комиссариата по польским делам. С 1918 г. – директор ЦУГАЗ. В 1927–1928 гг. – уполномоченный ВСНХ в Берлине. С 1930 г. – начальник Оружейного объединения ВСНХ. В 1933–1937 гг. – директор завода «Баррикады» в Сталинграде. Делегат XVII съезда ВКП(б) (1934), награжден орденом Красной Звезды. Арестован 23 июля 1937 г. 20 марта 1940 г. приговорен к высшей мере наказания.

Валецкий Генрих (Максимилиан Хорвиц) (1877–1937) – польский политический деятель. В 1898 г. присоединился к ППС. В 1905 г. вошел в состав ЦК ППС-левицы. После объединения с СДКПиЛ в 1918 г. вошел в ЦК КРПП. С 1921 г. работал в Коммунистическом Интернационале, в 1928–1935

гг. – заместитель руководителя секретариата по делам балканских компартий. Арестован в июне 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания.

Варский Адольф Станиславович (1868–1937) – польский политический деятель. Один из основателей Социал-демократии Королевства Польского (1893 г.) и СДКПиЛ (1898 г.), член Главного правления партии. После вхождения СДКПиЛ в РСДРП в 1906 г. вошел в состав ЦК РСДРП. В 1918 г. – один из инициаторов объединения СДКПиЛ и ППС-левицы в КРПП. В 1919–1929 гг. – член ЦК КПП, с 1923 г. – член Политбюро. С 1926 г. – депутат Сейма. Лидер антибольшевистской фракции «большинства». В 1929 г. эмигрировал в СССР. Работал в Институте Маркса-Энгельса-Ленина. Арестован в 1937 г., приговорен к высшей мере наказания.

Венгильский Яков (Вацлав) Казимирович (1881–1937) – польский и советский коммунист. С 1898 г. – член СДКПиЛ. Во время Октябрьской революции — один из видных руководителей красногвардейского строительства в Москве. Член Польского бюро при ЦК РКП(б). На момент ареста — заместитель директора мастерской игрушек. Арестован 22 ноября 1937 г. 22 декабря 1937 г. приговорен к высшей мере наказания за «участие в контрреволюционной организации ПОВ».

Весоловский Бронислав Андреевич (1870–1919) – польский и советский политический деятель. Один из основателей СДКПиЛ. Участник революции 1905–1907 гг. С марта 1917 г. – представитель польской социал-демократии в ЦК РСДРП(б). Работал в аппарате Петроградского ВРК, член ВЦИК 2-го и 5-го созывов. В декабре 1918 г. возглавил делегацию советского Красного Креста в Варшаве. Убит польским жандармом.

Вноровский Петр (1898–1937) – польский и советский политический деятель. С 1918 г. – в РККА. Член Польского бюро при ЦК РКП(б). С 1925 г. по 1929 г. – секретарь Польского бюро АППО при ЦК КП(б) Белоруссии. Член ВКП(б) с 1928 г. В 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания за «участие в контрреволюционной организации ПОВ».

Войтыга Ян Янович (1895–1937) – польский и советский политический деятель. Член СДКПиЛ. Участник Октябрьской революции. Участвовал в Советско-польской войне в составе Западной дивизии. Член Польского бюро при ЦК РКП(б). На момент ареста — начальник отделения в Главном управлении шоссейных дорог НКВД СССР. Арестован 14 мая 1937 г. 21 августа 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания за «участие в контрреволюционной организации ПОВ».

Вонсовский Бронислав Антонович (1898–1937) – польский и советский политический деятель. С 1923 г. – член Польского бюро при ЦК КП(б)Белоруссии. В 1929–1931 гг. – секретарь Польского бюро АППО при КП(б)Б. В 1931–1935 гг. – председатель исполкома Дзержинского польского национального района. На момент ареста – директор «Белсельэлектро». Арестован 26 марта 1937 г. 1 сентября 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания за «участие в контрреволюционной организации ПОВ».

Ганецкий Яков Станиславович (1879–1937) – польский и советский политический деятель. В 1896 г. вступил в ряды СДКПиЛ. С 1902 г. – член Главного правления, ближайший соратник Ф. Дзержинского. Участник II—V съездов РСДРП. С 1907 г. – член ЦК РСДРП. Летом 1912 г. организовал переезд В. Ленина в Краков и стал его доверенным лицом. После Октябрьской революции — заместитель наркома финансов и управляющий Народным банком РСФСР. В 1920–1922 гг. – торгпред РСФСР в Латвии. В 1923–1930 гг. – член коллегии Наркомата внешней торговли СССР. В 1930–1935 гг. – член Президиума ВСНХ РСФСР. Арестован 18 июля 1937 г. 26 ноября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания за «участие в контрреволюционной организации ПОВ».

Гельтман (Машинская) Ядвига Владиславовна (1886–1946) – польская и советская коммунистка, педагог. С 1905 г. – член ППС. С 1917 г. – член РКП(б). В 1921–1931 гг. – член Польского бюро при ЦК КП(б)Б,

преподавала в польском педтехникуме и педагогическом институте в Минске. В 1932–1937 гг. преподавала польский язык в Военной академии имени Фрунзе в Москве. В 1937 г. арестована и выслана в Казахскую ССР.

Гельтман Стефан Леонович (1886–1937) – польский и советский политический деятель. С 1908 г. – член ППС. В 1917 г. стал членом РСДРП(б), редактор газеты «Польская правда». В январе 1918 г. – комиссар подотдела по польским делам СНК Западной области и фронта. В 1920 году руководил сельскохозяйственным отделом Временного революционного комитета Польши. В 1921–1924 гг. – секретарь Польского бюро ЦК РКП(б). В 1924–1925 гг. – нарком земледелия, затем председатель Госплана БССР. С 1927 г. – заведующий польским сектором Института Белорусской культуры. Член ЦК КП(б)Б (1924–1929 гг.). Арестован 5 апреля 1937 г. 20 сентября 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания за «участие в контрреволюционной организации ПОВ».

Генриковский Абрам Рафаилович (1904–1937) – польский коммунист. С 1921 г. – член КРПП. До 1929 г. находился в Польше. Сторонник Ю. Ленского (Лещинского) в КПП. На момент ареста работал в редакции польскоязычной газеты «Trybuna Radziecka». Арестован 20 августа 1937 г. 13 декабря 1937 г. приговорен Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР к высшей мере наказания.

Гжельщак Франц Янович (1881–1937) – польский политический деятель. С 1904 г. – член СДКПиЛ. Участник революции 1905 г. Делегат V съезда РСДРП (1907 г.) После Октябрьской революции избран во ВЦИК. С конца 1917 г. – секретарь ВЧК и член Комиссариата по делам Польши. Первый председатель Советов рабочих делегатов в Варшаве. С декабря 1918 г. – член ЦК и Политбюро КРПП/КПП, сторонник пробольшевистского «меньшинства». С 1935 г. – член Международной контрольной комиссии Коминтерна. Арестован 15 сентября 1937 г. 22 декабря 1937 г. приговорен Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР к высшей мере наказания.

Головач Феликс (1886–?) – польский и белорусский политический деятель. Участник революции 1905 г. В 1917 г. – делегат Московского государственного совещания. В 1922 г. избран депутатом Сейма от партии «Wyzwolenie». В ноябре 1924 г. стал одним из организаторов и руководителей крайне левой «Независимой крестьянской партии». В январе 1927 г. арестован по обвинению в революционной деятельности. На протяжении всей деятельности поддерживал связь с органами ГПУ в Минске.

Дзержинская (Мушкат) Софья Сигизмундовна (1882–1968) – польская и советская революционерка. Жена Ф. Дзержинского. Член СДКПиЛ. После Октябрьской революции работала в Наркомпросе, в Польском бюро при ЦК РКП(б), в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. С 1924 г. – ответственный секретарь Польского бюро агитпропотдела ЦК РКП(б). С 1929 г. – научный сотрудник в Институте марксизма-ленинизма. С 1937 г. – в аппарате ИККИ. С 1941 г. – руководитель польскоязычных передач на радиостанции им. Т. Костюшко. С 1946 г. – на пенсии.

Димитров Георгий Михайлович (1882–1949) – болгарский и советский политический деятель. В 1902 г. вступил в БРСД. С 1909 г. – член ЦК. В 1919 г. участвовал в преобразовании БРСД в Болгарскую коммунистическую партию (БКП). В 1921 г. – член Центрального совета Профинтерна. В 1923 г. – один из руководителей вооруженного восстания в Болгарии, после поражения бежал в СССР. С 1934 г. – член Политической комиссии ИККИ. В 1935 г. избран Генеральным секретарем ИККИ. После роспуска Коминтерна в 1943 г. – заведующий отделом международной политики ЦК ВКП(б).

Домбаль Томаш Францевич (1890–1937) – польский и советский политический деятель. В 1911 г. вступил в Польскую крестьянскую партию. В 1920 г. вступил в КРПП. В 1921 г. сформировал в польском Сейме фракцию коммунистов. В том же году лишен депутатской неприкосновенности и арестован. В 1923 г. по обмену политзаключенными выехал в СССР. В 1923–1928 гг. – заместитель генерального секретаря Крестьянского интернационала.

В 1932–1934 гг. – вице-президент Белорусской академии наук. Член ЦК КП(б) Белоруссии и Польского бюро. Арестован 29 декабря 1936 г. Приговорен к высшей мере наказания за участие в «Польской военной организации» (ПОВ).

Домский (Штейн) Генрик (1883–1937) – польский политический деятель. В 1904 г. присоединился к СДКПиЛ. В 1917 г. поддержал большевиков и стал одним из основателей Компартии Польши, членом ее ЦК. Сотрудничал с КПГ. Критиковал линию А. Варского в КПП, поддерживал «меньшинство». В 1927 г. поддержал Левую оппозицию, в 1928 г. исключен из КПП. В том же году отказался от оппозиции, работал журналистом в СССР. Арестован 3 ноября 1936 г. 26 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания за провокационную деятельность в КПП.

Жарский Тадеуш (1896–1934) – польский коммунист. В 1911 г. вступил в ППС-Фракцию. В 1917 г. – активист Польского социалистического объединения в Харькове. В 1921 году вошел в состав КРПП. В 1925 г. стал членом Политбюро, в 1925–1927 гг. – член ЦК КПП. В 1932 г. по обмену заключенными уехал в СССР. Работал в Институте мировой экономики и мировой политики. Арестован 9 апреля 1934 г. 16 июня 1934 г. приговорен Коллегией ОГПУ к высшей мере наказания за провокационную деятельность в КПП.

Закс Бернард (1886–1937) – польский политический деятель. В 1902 г. вступил в СДКПиЛ. Участвовал в Революции 1905 г. Участник Октябрьской революции. В начале 1920 г. – представитель Польского бюро при ЦК РКП(б) в Иркутске. С 1925 г. – член КПП. Работал в советском Госбанке и представлял КПП в ИККИ. Арестован в 1937 г. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания за участие в контрреволюционной «Польской военной организации».

Збиневич-Зысман Яков Осипович (1894–1937) – польский и советский политический деятель. В революционном движении с 1910 г. С мая 1917 г. – член польской секции ЦК РСДРП(б), участник Октябрьской революции. С декабря 1917 г. – член редколлегии газеты «Trybuna komunistyczna». В 1921–

1922 гг. – ответственный инструктор Польского бюро при ЦК РКП(б). В 1930–1931 гг. – корреспондент ТАСС в Италии. В 1933–1935 гг. – управляющий трестом «Союзфото». В 1935 г. исключен из партии. Арестован 28 июля 1937 г. 20 сентября 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания.

Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927) – советский политический деятель, дипломат. С 1903 г. – меньшевик. В 1906–1907 гг. – член Заграничного бюро ЦК РСДРП. С 1908 г. издавал в Вене газету «Правда» вместе с Л. Троцким. На VI съезде РСДРП(б) избран кандидатом в члены ЦК. В октябре 1917 г. – член Петроградского ВРК. С ноября 1917 г. по январь 1918 г. – председатель советской делегации на переговорах в Брест-Литовске. В апреле—декабре 1918 г. – полпред РСФСР в Германии. С 1921 г. – председатель делегации на мирных переговорах с Польшей. С 1922 г. – чрезвычайный посол в Китае и Японии. С 1923 г. принадлежал к Левой оппозиции. С июня 1925 г. – заместитель председателя Главного концессионного комитета СССР.

Йогихес Лео (Ян Тышка) (1867–1919) – польский и немецкий революционер. Один из руководителей СДКПиЛ, редактор ее изданий. Участник революции 1905 г. в Царстве Польском. На V съезде РСДРП (1907) избран кандидатом в члены ЦК РСДРП. Во время Первой мировой войны — один из организаторов и руководителей «Союза Спартака» в Германии. Один из основателей Коммунистической партии Германии, избран в ее ЦК. После убийства Р. Люксембург и К. Либкнехта возглавил КПГ. 10 марта 1919 г. арестован и убит в тюрьме.

Клингер Густав Гаспарович (1876–1937/1943) – советский политический деятель. Попал в Россию как военнопленный. С 1917 г. – член Союза немцев-социалистов Поволжья и РСДРП(б). В 1918–1919 гг. – член коллегии Комиссариата по делам немцев Поволжья. С марта 1919 г. – член Бюро ИККИ, управляющий делами Коминтерна (до 1921). В 1925–1931 гг. –

заведующий отделом национальностей ВЦИК. В начале 1930-х – торгпред СССР в Эстонии. Арестован в 1937 г. Умер в заключении.

Ковальский (Гжех) Владислав (1883–1937) – польский политический деятель. С 1903 г. – член ППС, затем ППС-левицы. С 1918 г. – член КРПП. Член ЦК КРПП в 1918–1922 гг. Лидер крайне левого течения «Гжеховцев» в КПП. С 1926 г. находился в СССР. Арестован в 1937 г. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания за участие в контрреволюционной «Польской военной организации».

Козловский Мечислав Юльевич (1876–1927) – польский и советский политический деятель. В 1899 г. вместе с Ф. Дзержинским способствовал слиянию «Рабочего союза Литвы» с СДКП. Делегат V съезда РСДРП (1907 г.) После Октябрьской революции – председатель Военно-революционной следственной комиссии Петроградского ВРК. В январе–апреле 1919 г. – нарком юстиции Литовско-Белорусской республики. Член Польского бюро при ЦК РКП(б). Затем на дипломатической работе. С 1923 г. – главный юрисконсульт Наркомата путей сообщения.

Кон Феликс Яковлевич (1864–1941) – польский и советский политический деятель. С 1906 г. – член ЦК ППС, председатель ППС-левицы. С 1917 г. – комиссар Харьковской губернии по польским делам, член Польского бюро при ЦК РКП(б). В 1920 г. – член Польревкома. В марте – декабре 1921 г. – ответственный секретарь ЦК КПУ. В 1922–1923 гг. – секретарь ИККИ. В 1930–1931 гг. – заведующий сектором искусств Наркомпроса РСФСР, в 1931–1933 гг. – 1-й председатель Всесоюзного комитета по радиовещанию. Скончался в 1941 г. во время эвакуации из Москвы.

Копяткевич Александр Антонович (1886–1960) – советский политический и государственный деятель. В 1905 г. вступил в РСДРП. Участник Октябрьской революции и Гражданской войны. С мая 1919 г. – начальник политотдела на Южном и Украинском фронтах. В 1921 г. – участник Комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) по вопросу о положении Польского

бюро. С 1922 г. – управляющий делами Сибирского ревкома. В 1926–1938 гг. – член коллегии Верховного суда РСФСР.

Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939) – советский политический и партийный деятель. В июне 1907 г. вступил в РСДРП. С 1912 г. по 1914 г. – на нелегальной работе. В октябре 1917 г. – комиссар Петроградского ВРК. Один из организаторов КП(б) Украины. С мая 1919 г. по декабрь 1920 г. – секретарь ЦК КП(б)У. С 1925 г. по 1928 г. – секретарь ЦК ВКП(б). С 1928 г. по 1938 г. – генеральный (первый) секретарь ЦК КП(б) Украины. Арестован 3 мая 1938 г. 26 февраля 1939 г. приговорен к высшей мере наказания за принадлежность к ПОВ.

Костшева Вера (Кошутская Мария) (1876–1939) – польская коммунистка. В 1902 г. вступила в ППС. После раскола – один из ведущих деятелей и теоретиков ППС-левицы. С декабря 1918 г. – член ЦК КРПП. В 1918–1929 гг. – член Политбюро ЦК КПП. Лидер антибольшевистского «большинства», поддерживала Л. Троцкого. С 1929 г. жила в СССР. Арестована в августе 1937 г. 2 октября 1937 г. осуждена на 10 лет. Умерла в лагере в 1939 г.

Круликовский Стефан Александрович (1881–1937) – польский политический деятель. С 1900 г. – член ППС. В 1905 г. избран в Комитет трудовой Варшавы. С 1912 г. – член Центрального рабочего комитета ППС-левицы. После Октябрьской революции – руководитель отдела военнопленных Польского комиссариата. Организатор Варшавского Совета. Участник I съезда КРПП, избран в первый ЦК. В июне–июле 1921 года – делегат Третьего съезда Коминтерна, избран в ИККИ. На Втором съезде КПП (1923 г.) избран в Политбюро ЦК. В 1924 г. снят с должности как «сторонник правого курса». Арестован 11 мая 1937 г. 21 августа 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Куусинен Отто Вильгельмович (1881–1964) – советский политический деятель. В 1904 г. вступил в СДП Финляндии, через два года стал ее лидером. В 1918 г. – уполномоченный по делам просвещения в Совете народных

уполномоченных Финляндии. После поражения красных в Гражданской войне бежал в РСФСР. В 1921–1939 гг. – секретарь Исполкома Коминтерна. В 1940–1958 гг. – Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР и заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1941 г. – член ЦК ВКП(б). С 1957 г. – член Президиума ЦК КПСС и секретарь ЦК КПСС.

Лазоверт Самуил Генрихович (1885–1937) – польский политический деятель. Член СДКПиЛ с 1904 г. Участник Октябрьской революции. В 1919–1920 гг. – секретарь и член Польского бюро ЦК РКП(б). В 1920–1930 гг. – на партийной работе в УССР. В 1927–1934 гг. – член ЦК КП(б)У и Польского бюро при ЦК КП(б)У, директор Института польской пролетарской культуры. Арестован в 1937 г. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания за участие в контрреволюционной «Польской военной организации».

Ланцуцкий Станислав Францевич (1882–1937) – польский политический деятель. В начале 1920-х гг. вступил в КПП. В июле 1921 г. сформировал в Сейме фракцию коммунистов. В 1924 г. лишен неприкосновенности и осужден. В 1929 г. бежал в СССР. Получил специальную пенсию. Арестован 14 июня 1937 г. 20 сентября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Лапинский (Левинсон) Павел (1879–1937) – польский политический деятель. В 1904 г. вступил в ППС, с 1906 г. – один из ведущих теоретиков ППС-левицы. Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. В 1921 г. – член руководства Польского бюро при ЦК РКП(б). Находился на советской дипломатической службе. Арестован 9 июня 1937 г. 10 сентября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Лауэр (Бранд) Казимир Бернардович (1894–1937) – польский и советский политический деятель. Член СДКПиЛ. Участник Октябрьской революции. Член КРПП и ВКП(б). Сторонник А. Варского в КПП. Член Польского бюро при ЦК ВКП(б). На момент ареста – инженер Наркомата

путей сообщения СССР. Арестован 30 октября 1937 г. 22 ноября 1937 г. приговорен Комиссией НКВД и прокуратуры СССР к высшей мере наказания.

Ленский (Лещинский) Юлиан Марианович (1889–1937) – польский и советский политический деятель. Член СДКПиЛ с 1906 г. Один из лидеров «розламовцев». Участник Октябрьской революции. С ноября 1917 г. по июнь 1919 г. – комиссар по польским делам в Наркомнаце. В 1919–1922 гг. – помощник И. Сталина. В 1921–1923 гг. – член Польского бюро ЦК РКП(б). С 1925 г. – член Политбюро ЦК КПП, лидер пробольшевистского «меньшинства». В 1929 г. избран генеральным секретарем КПП. С 1928 г. – член ИККИ, с 1929 г. – член Президиума ИККИ. Арестован 19 июня 1937 г. 21 сентября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Мазепус Мечислав Леонардович (1893–1937) – польский и советский коммунист. Участник Гражданской войны в России. С 1919 г. – в РККА. С 1921 г. – в органах ЧК. С 1925 г. по 1929 г. – член Польского бюро АППО при ЦК КП(б)Б. На момент ареста – оперуполномоченный Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 22 октября 1936 г. 21 августа 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания.

Маковский Юрий Игнатьевич (1890–1937) – польский и советский деятель государственной безопасности. Участник Гражданской войны. Член РКП(б) с 1918 г. С 1921 г. – в органах ВЧК−ОГПУ−НКВД. С 1933 г. – в ИНО ОГПУ. В 1935–1937 гг. – начальник Особого отдела УГБ УНКВД по Омской области. Арестован 28 декабря 1935 г. 4 ноября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания за участие в подпольной ПОВ.

Мандельбаум Бернард (1888–1953) – польский политический деятель. В 1907–1908 гг. присоединился к СДКПиЛ. Участник Октябрьской революции, штурма Зимнего дворца. Затем работал в Комиссариате по польским делам. По возвращении в Варшаву в конце 1918 г. стал членом КРПП и Варшавского Совета. Арестован польскими властями, пошел на сотрудничество с органами безопасности. После 1939 г. – в эмиграции. После 1944 г. работал в посольстве Народной Польши в Париже.

Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959) – советский политический деятель. С 1903 г. – член РСДРП. С 1917 г. – большевик, член Петроградского ВРК. В 1920–1921 гг. – нарком земледелия УССР, участник советско-польских мирных переговоров в Риге. С 1922 г. работал в Коминтерне. С 1924 г. – член Президиума ИККИ, в 1928–1943 гг. – секретарь ИККИ. С июля 1944 г. – заместитель Председателя СНК УССР и нарком иностранных дел УССР.

Марс-Марсальский Зигмунд Янович (1889–1938) – польский и советский коммунист. Член СДКПиЛ. В 1920 г. – заместитель руководителя отдела юстиции и общественной безопасности Польревкома. Член Польского бюро при ЦК РКП(б). На момент ареста – счетовод в домоуправлении № 18 города Казани. Арестован 7 июня 1938 г. 18 июля 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания за участие в «военно-фашистском заговоре».

Мархлевский Юлиан Юзефович (1866–1925) – польский и советский политический деятель. Один из основателей Социал-демократии Королевства Польского (1893 г.), с 1902 г. – член ее Главного правления. Делегат V съезда РСДРП (1907 г.), избран кандидатом в члены ЦК. В начале Первой мировой войны включился в формирование «Союза Спартака». Участвовал в организации Коминтерна и МОПРа. В 1920 г. возглавил Временный революционный комитет Польши в Белостоке. С 1922 г. – ректор Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, председатель ЦК МОПР.

Матушевский Витольд (Болеслав Ивиньский) (1879–1919) – польский революционер. Член ППС, затем ППС-левицы. Участник Октябрьской революции. С 1917 г. руководил «общим» отделом Комиссариата по польским делам. С 1918 г. по 1919 г. – комиссар по польским делам в Киеве. Погиб от руки агента спецслужб правительства Польши в 1919 г.

Матушевский Владислав Фердинандович (1882–1937) – польский и советский политический деятель. Член СДКПиЛ. В 1917 г. – секретарь

Комиссариата по польским делам. С 1920 г. – член Польского бюро при ЦК РКП(б). В 1922 г. – первый секретарь полпредства в Литве. На момент ареста – заведующий кафедрой диамата и ленинизма Московского института цветных металлов и золота. Арестован 2 июня 1937 г. Приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания.

Миллер Вацлав Александрович (1887–1939) – польский и советский государственный деятель. Член СДКПиЛ. Активный участник революционных событий 1917 г. В 1917–1919 гг. – член коллегии Комиссариата по польским делам. Затем на дипломатической работе. С 5 августа 1928 г. – управляющий трестом «Сахалиннефть». В 1934–1937 гг. – уполномоченный Наркомтяжпрома по делам нефти на Дальнем Востоке. Арестован в 1937 г. 15 августа 1939 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере наказания.

Мицкявичюс-Капсукас Винцас Симанович (1880–1935) – литовский и советский политический деятель. В 1903 г. вступил в ЛСДП. В 1905 г. избран в ЦК ЛСДП. В 1917 г. вступил в РСДРП(б). После Октябрьской революции назначен комиссаром по делам Литвы при СНК РСФСР. С 27 февраля 1919 г. – премьер-министр и министр иностранных дел Литовско-Белорусской ССР. С 1921 года жил в Москве. В 1923–1935 гг. работал в Исполкоме Коминтерна.

Муклевич Ромуальд Адамович (1890–1938) – польский и советский военный и промышленный деятель. В 1906 г. вступил в РСДРП, большевик. Участник Октябрьской революции. В Гражданскую войну – военный комиссар штаба Западного фронта. С августа 1926 г. – начальник Военно-Морских Сил РККА, член РВС СССР. С 1934 г. – начальник Главного управления судостроительной промышленности, с конца 1936 г. – заместитель наркома оборонной промышленности. Арестован 28 мая 1937 г. 8 февраля 1938 г. приговорен к высшей мере наказания за участие в «шпионской и террористической польской организации».

Нейман Ян Янович (1873–1938) – советский политический деятель. С 1903 г. по 1923 г. – член Компартии Латвии. С 1918 г. – член РКП(б). С 1923

года – член Польского бюро при ЦК КП(б)Б. С 1929 г. – секретарь Польского бюро АППО при ЦК ВКП(б). На момент ареста значился дворником. Арестован 2 декабря 1937 г. 9 февраля 1938 г. приговорен к высшей мере наказания за участие в «шпионской и террористической польской организации».

Ольский (Куликовский) Ян Каликстович (1898–1937) – советский деятель государственной безопасности. С 1914 г. – в социал-демократическом движении, член СДКПиЛ. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. С 1919 г. – в органах ВЧК. С 1921 г. – председатель ЧК Белоруссии. С 1925 г. – заместитель начальника КРО и Особого отдела ОГПУ. С 1927 г. – начальник КРО ОГПУ. В июле 1931 г. снят с должности за выступление против репрессивных мер. Арестован 30 мая 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания за участие в «шпионской и террористической польской организации».

Пашин (Белевский) Ян Семенович (1892–1937) – польский коммунист. С 1913 г. – член СДКПиЛ, с 1918 г. – член КРПП. С 1925 г. – заместитель члена ЦК КПП, с 1926 г. – член ЦК, сторонник «меньшинства». В 1932 г. по обмену политзаключенными передан в СССР. До 1937 г. – член Политбюро КПП. На момент ареста — представитель КПП в ИККИ. Арестован 11 сентября 1937 г. 11 декабря 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания.

Пестковский Станислав Станиславович (1882–1937) – польский и советский политический деятель. В 1902 г. присоединился к СДКПиЛ. С 1917 г. – комиссар Главного телеграфа, затем управляющий Государственным банком. В 1917–1919 гг. – заместитель наркома по делам национальностей. Участвовал в создании Литовско-Белорусской республики. В 1920–1921 гг. – начальник политуправления Западного фронта. Работал в аппарате Коминтерна. Арестован 30 мая 1937 г. 15 ноября 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания.

Пилявский Станислав Станиславович (1882–1937) – польский и советский политический деятель. Член СДКПиЛ, с 1905 г. – член РСДРП. С 1918 г. по 1919 г. – член президиума Петроградской ЧК. Входил в Польское бюро ЦК РКП(б). В 1920 г. – заведующий отделом юстиции Польревкома. С 1929 г. по 1935 г. – заместитель прокурора Верховного Суда СССР. Член Всесоюзного общества старых большевиков. Арестован 13 сентября 1937 г. 26 ноября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания за шпионаж в пользу польской разведки.

Пинкус Людвиг (1878–1926) – польский революционер. С 1905 г. – член ППС, с 1906 г. – член ППС-левицы, член Центрального рабочего комитета. Руководил отделением партии в Лодзи. В 1917 г. вошел в состав Центрального руководства ППС-левицы в России. Выступал с меньшевистских позиций, поддерживал линию Мартова, критиковал большевиков.

Подольский Борис Григорьевич (1897–1938) – советский политический деятель, дипломат. Член РКП(б). До 1923 г. – председатель Одесского губернского ревтрибунала. В 1930–1932 гг. – сотрудник Полпредства СССР в Японии. В 1932 г. – советник Полпредства СССР в Польше. С 30 декабря 1936 по 1 ноября 1937 г. – полпред СССР в Литве. Арестован 5 ноября 1937 г. 29 июля 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания за шпионаж.

Политур-Радзейовский Генрих Игнатьевич (1899–1942) – польский и советский коммунист. Участник Гражданской войны. С 1919 г. по 1921 г. – в составе киевского ГубЧК. Член Польского бюро при ЦК КП(б)У. Редактор газеты «Sierp». В 1931–1933 гг. – руководитель Института польской культуры при АН УССР. Арестован 9 сентября 1933 г. За участие в ПОВ приговорен к 10 годам заключения. Умер в заключении.

Попов Николай Николаевич (1890–1938) – советский политический деятель. С 1906 г. – член РСДРП, меньшевик. С 1919 г. – член РКП(б). В 1924–1926 гг. – редактор газеты «Коммунист» в Харькове. С августа 1928 г. – 1-й заместитель заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). С 1928

г. введен в ЦК КПП. С января 1933 г. – директор Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК КП(б)У. С июня 1937 г. – 3-й секретарь ЦК КП(б) Украины. Арестован 17 июня 1937 г. 10 февраля 1938 г. приговорен к высшей мере наказания.

Прухняк Эдвард Андреевич (1888–1937) – польский и советский политический деятель. С 1903 г. – член СДКПиЛ. Участник Октябрьской революции. Возглавлял польский отдел в Наркомате национальностей. С декабря 1918 г. – член КПП. В 1920 г. – член Временного революционного комитета Польши и Польского бюро ЦК РКП(б). С 1921 г. – представитель КПП в ИККИ. С 1922 г. – член ИККИ, неоднократно избирался в Политбюро ЦК КПП. Арестован в мае 1937 г. 21 августа 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания.

Прухняк Эдвард Андреевич (1888–1937) – польский и советский политический деятель. С 1903 г. – член СДКПиЛ. Участник Октябрьской революции. Возглавлял польский отдел в Наркомате национальностей. С декабря 1918 г. – член КПП. В 1920 г. – член Временного революционного комитета Польши и Польского бюро ЦК РКП(б). С 1921 г. – представитель КПП в ИККИ. С 1922 г. – член ИККИ, неоднократно избирался в Политбюро ЦК КПП. Арестован в мае 1937 г. 21 августа 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания.

Пужак Казимир (1883–1950) – польский политический деятель. В 1904 г. вступил в ППС. Сторонник Ю. Пилсудского, член ППС-Революционная фракция. С 1917 г. по 1919 г. руководил Юридическим отделом Комиссариата по польским делам при Наркомнаце. В 1919 г. вернулся в Польшу. С 1921 г. по 1939 г. – генеральный секретарь ЦИК ППС. Убежденный антикоммунист. В 1947 г. арестован в Народной Польше. Умер в тюрьме в 1950 г.

Пятницкий Осип Аронович (1882–1938) – советский политический деятель. В середине 1898 г. вступил в революционный кружок, большевик. В октябре 1917 г. – член боевого партийного центра в Москве. С 1921 г. – в Исполкоме Коминтерна, в 1923–1935 гг. – секретарь ИККИ. В 1935–1937 гг.

возглавлял административно-политический отдел ЦК ВКП(б). Арестован 27 июля 1937 г. 28 июля 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания.

Радваньский Тадеуш (1884–1960) – польский и советский коммунист. В 1900 г. вступил в СДКПиЛ. Участник Революции 1905 г. Участник Октябрьской революции. В 1920 г. возглавил отдел пропаганды Польревкома. В 1921–1922 гг. – депутат от КРПП в Силезии. С 1922 по 1946 гг. – в эмиграции в США. В 1946 г. вернулся в Польшу, работал в МИДе.

Радек Карл Бернгардович (1885–1937) – советский политический деятель. В 1902 г. вступил в ППС, в 1904 г. – в СДКПиЛ. С 1919 г. по 1924 г. – член ЦК РКП(б). В 1920 г. – секретарь Коминтерна. С 1923 г. – активный сторонник Л. Троцкого. В 1927 г. исключен из ВКП(б) и выслан в Красноярск. 16 сентября 1936 г. арестован. 30 января 1937 г. приговорен к 10 годам тюрьмы. Убит в Верхнеуральском политизоляторе 19 мая 1939 г.

Регула (Миценмахер) Ян (Юзеф) (1903–1947) – польский коммунист, агент польских спецслужб. В 1920 г. вступил в КРПП. Участник мартовского восстания 1921 г. в Германии. В 1921–1924 гг. служил в Красной Армии, учился в КУНМЗ. С 1924 г. – на руководящей работе в комсомоле Западной Белоруссии. В конце 1920–х гг. завербован польскими спецслужбами. В 1933 г. инсценировал свою смерть. Под псевдонимом «Ян Альфред Регула» написал «Историю Коммунистической партии Польши в свете фактов и документов». Работал экспертом по коммунистическому движению в МВД Польши. После Второй мировой войны скрывался, работал в управлении железных дорог во Вроцлаве.

Рогуля Василий Тимофеевич (1879–1955) – белорусский и польский политический деятель. В 1906 г. арестован за революционную деятельность. В 1917 г. вступил в РСДРП(б), участник 1-го Всебелорусского съезда. С 1921 г. жил на территории Польши. В 1922 г. избран депутатом Сейма. Один из руководителей Белорусского крестьянского союза. В 1920-х гг. поддерживал

связь с ГПУ в Минске. В 1941 г. назначен бургомистром Дятловского района. В 1944 г. бежал в Германию.

Скарбек (Шацкий) Болеслав Владиславович (1888–1934) – советский партийный деятель. С 1906 г. – член ППС-левицы. В 1917 г. вступил в РСДРП(б). В 1919 г. – один из основателей киевской группы КРПП. Секретарь Польского бюро Агитпропотдела ЦК КП(б)У. С 1929 г. – директор Института польской пролетарской культуры. Арестован 15 августа 1933 г. за принадлежность к ПОВ. 9 марта 1934 г. приговорен Коллегией ОГПУ СССР к высшей мере наказания.

Славинский Адам Семенович (1885–1937) – польский и советский политический деятель. С 1907 г. – член СДКПиЛ. Участник Октябрьской революции в Петрограде. С января 1918 г. – председатель бюро Минской группы СДКПиЛ. С декабря 1918 г. – начальник Минской городской милиции. С февраля 1919 г. – комиссар 52-й (Западной) стрелковой дивизии. С 1921 г. – нарком земледелия БССР. В 1924–1928 гг. – представитель КПЗБ при ЦК КП(б)Б, член Польского бюро. В 1934–1937 гг. – начальник политотдела Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги. Арестован 9 июля 1937 г. 3 ноября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Сосновский Ян Федорович (1885–1937) – польский и советский политический деятель. С 1905 г. – член ППС. Участник Октябрьской революции и Гражданской войны. В 1917 г. – член коллегии Польского комиссариата Наркомнаца. С 1920 г. – член РККА и Польского бюро при ЦК РКП(б). В 1925–1927 гг. – представитель Отдела международных связей ИККИ в Варшаве. В 1930–1931 гг. – консул СССР в Латвии. Арестован 14 июня 1937 г. 28 августа 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Стоковский Марьян Людвигович (1889–1937) – польский и советский политический деятель. Член СДКПиЛ. С 15 лет участвовал в революционном движении. После Октябрьской революции заведовал отделом пленных и беженцев Польского комиссариата. В 1920 г. – уполномоченный Польревкома при РВС IV Армии. В 1923–1924 гг. – член Верховного Суда БССР. В 1920-е

гг. – член Польского бюро при ЦК КП(б)Б. На момент ареста – уполномоченный Наркомата внешней торговли СССР при СНК БССР. Арестован в 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания.

Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938) – польский и советский политический деятель, один из создателей советских органов госбезопасности. В 1900 г. вступил в СДКПиЛ. В октябре 1917 г. – член Петроградского ВРК. С апреля 1921 г. – заместитель председателя ВЧК/ГПУ. С августа 1923 г. – член РВС СССР и начальник снабжения РККА. С февраля 1925 г. по июнь 1930 г. – заместитель председателя РВС СССР и заместитель наркома по военным и морским делам. В 1933–1935 гг. – начальник Главного управления Гражданского воздушного флота при СНК СССР. Арестован 11 июня 1937 г. 28 июля 1938 г. приговорен к высшей мере наказания.

Фаберкевич Збигнев Тадеушевич (?–1919) – польский революционер, журналист. Член СДКПиЛ. В 1916 г. – один из организаторов группы СДКПиЛ в Петрограде, входил в редакцию газеты «Trybuna». Участник Октябрьской революции. С 1917 г. возглавлял отдел печати Комиссариата по польским делам. Погиб от руки агента польских спецслужб в 1919 г.

Фидлер Францишек (1880–1956) – польский политический деятель. С 1905 г. – член СДКПиЛ, в 1916–1918 гг. – член Главного управления. Участник Революции 1905 г. С 1918 г. – член КПП, в 1918–1930 гг. – член ЦК КПП. В 1938–1945 гг. – в эмиграции во Франции. С 1945 г. – член ППР, затем ПОРП. В 1947–1952 гг. – главный редактор журнала «Nowe Drogi».

Циховский Казимир Генрихович (1887–1937) – польский и советский политический деятель. Вступил в СДКПиЛ в 1907 году. Участник Октябрьской революции. В 1917 г. – заместитель комиссара Комиссариата по польским делам. С июля по сентябрь 1919 г. – председатель Минского горисполкома. В 1921 г. стал членом ЦК КПЗУ, работал в Польше. В 1923 г. арестован, до 1925 г. в тюрьме. Избран членом ЦК КПП. В 1932 г. переехал в СССР для работы в ИККИ. Участник Гражданской войны в Испании. В

августе 1937 г. отозван в Москву и арестован. 26 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Цишевский Юзеф (1876–1938) – польский и советский политический деятель. С 1899 г. – член ППС, один из руководителей лодзинского отделения. Руководил Военным отделом ППС-левицы. С 16 декабря 1918 г. участвовал в создании КРПП, член ЦК КПП. В 1916–1919 гг. – депутат Варшавского городского сейма. Арестован в 1920 г. После освобождения в 1921 г. уехал в Советскую Россию. Член ВКП(б), сотрудник ВСНХ. Арестован в октябре 1937 г. 25 января 1938 г. приговорен к высшей мере наказания.

Шапиро Бернард (1866–1942) – польский политический деятель. С 1899 г. – член ППС, с 1906 г. – ППС-левицы. В 1905 г. – один из основателей левых профсоюзов. В 1906–1918 гг. – один из руководителей ППС-левицы. Поддержал объединение с СДКПиЛ, но позже отошел от активной политической работы.

Эйдукевич Франц Викентьевич (1869–1926) – литовский политический деятель. С конца 1880-х гг. участвовал в революционном движении. Участник Революции 1905–1907 гг. В 1906–1918 гг. – член ЦК СДП Литвы. С мая 1918 г. – на подпольной партийной работе. В октябре 1918 г. – один из организаторов I съезда КП Литвы, избран председателем ЦК. В 1918–1919 г. – председатель Президиума Вильнюсского совета. После падения Советской власти в Литве находился на руководящей работе в РСФСР.

Яблонский Адам (1882–1935) – польский и советский политический деятель. Член ППС-левицы. С 1906 г. – член РСДРП(б). В 1917–1918 гг. – комиссар Высшей военной инспекции. В 1920 гг. – начальник политотдела армии на Западном фронте, возглавлял военный отдел Польревкома. Член Польского бюро при ЦК РКП(б). В 1921–1922 гг. – управляющий делами ВЦИК. В 1927–1930 гг. – директор РОСТА. С 1930 г. – корреспондент ТАСС в Турции.

IV. Польские государственные и военные деятели (некоммунисты)

Бек Юзеф (1894–1944) – польский государственный деятель. С началом Первой мировой войны вступил в ПОВ, соратник Ю. Пилсудского. Служил в Первой бригаде Польских легионов. Участник Советско-польской войны. В 1922–1923 гг. – военный атташе во Франции. Участвовал в Майском перевороте 1926 г. С 1926 по 1930 гг. – начальник кабинета Военного министерства. В 1930 г. – заместитель премьер-министра. С 1932 г. – министр иностранных дел Польши. Проводил политику балансирования между Германией и СССР. После разгрома Польши в 1939 г. бежал в Румынию, где был интернирован. Умер в Румынии от туберкулеза.

Василевский Леон (1870–1936) – польский политик и дипломат. Член ППС. После раскола в ППС – сторонник Ю. Пилсудского, член ППС-Революционная фракция. С 1917 г. – член ПОВ. С ноября 1918 по январь 1919 г. – министр иностранных дел Польши. В 1920–1921 г. – посол в Эстонии. Принимал участие в мирных переговорах с РСФСР, завершивших Советско-польскую войну. Вице-президент Верховного Совета Польши в 1931 г.

Витос Винценты (1874–1945) – польский политический и государственный деятель. Член Польской крестьянской партии (ПСЛ) с 1895 г. Один из основателей и лидеров партии «Пяст» (1913–1931 гг.). Трижды занимал пост премьер-министра Польши (1920–1921, 1923, 1926 гг.). Свергнут во время Майского переворота. Лидер оппозиции «режиму санации» и глава «Центролева» (1929–1930 гг.). С 1933 г. — в эмиграции в Чехословакии. В 1939 г. вернулся в Польшу. В 1945 г. стал вице-председателем Крайовой Рады Народовой.

Войцеховский Станислав (1869–1953) – польский политический и государственный деятель. В 1892 г. участвовал в создании ППС. В 1906 г. вышел из ППС, занимался созданием польских профсоюзов. С 1919 по 1920 гг. – министр внутренних дел. Участвовал в разработке конституции.

Президент Польши в 1922–1926 гг. Отстранен от власти Ю. Пилсудским в ходе Майского переворота 1926 г.

Дашиньский Игнацы (1866–1936) – польский политический и государственный деятель. Один из организаторов Польской социал-демократической партии Галиции (позже ППС). С 6-7 ноября 1918 г. – премьер-министр Временного народного правительства в Люблине. Во время Советско-польской войны –заместитель премьер-министра (1920 гг.). В 1922–1927 гг. – вице-маршал, в 1928–1930 гг. – маршал Сейма. К 1929 г. перешел в оппозицию Ю. Пилсудскому.

Дмовский Роман (1864–1939) – польский политический и государственный деятель. Основатель и главный идеолог Национально-демократической партии (Эндеции). Во время Первой мировой войны выступал на стороне Антанты, возглавлял Польский национальный комитет в Париже. В 1919 г. – делегат Польши на Парижской мирной конференции. Политический противник Ю. Пилсудского. В 1923 г. – министр иностранных дел Польши. Основатель националистической группировки «Лагерь великой Польши» (1924–1933 гг.).

Коссаковский Михал Станислав (1883–1962) – польский дипломат и государственный деятель, банкир, граф. В 1915 г. работал в Центральном гражданском комитете в Киеве и Минске. В 1920 г. участвовал в переговорах с представителями Советской России об обмене военнопленными. Впоследствии – директор и вице-президент Западного банка, президент совета объединенного земельного банка в Варшаве.

Морачевский Енджей (1870–1944) – польский политический и государственный деятель. Первый премьер-министр независимой Польши (ноябрь 1918 – январь 1919 гг.). Член ППС. Служил в Первой бригаде Польских легионов, фактически замещал Ю. Пилсудского в ПОВ. Проводимые им левые реформы вызвали недовольство консерваторов. В 1926 г. поддержал Майский переворот, в правительстве Пилсудского – министр общественных работ. В 1927 г. исключен из ППС.

Незбжицкий Ежи (1902–1968) – польский военный разведчик и дипломат. С 1917 г. – член ПОВ. Участник Советско-польской войны. С 1928 г. – сотрудник польской разведки под дипломатическим прикрытием в Харькове и Киеве. Ведущий эксперт по СССР. В 1931 г. выслан из СССР. В 1938 г. – главный редактор армейского журнала «Polska Zbrojna». После 1939 г. – в эмиграции, преподавал советологию в Гуверовском институте (США).

Осмоловский Ежи (1872–1952) – польский политический и государственный деятель. С марта по сентябрь 1917 г. – председатель Исполкома Советов солдатских и рабочих депутатов Кишинева. С декабря 1918 г. входил в Совет польской Минской Земли. 22 апреля 1919 г. назначен генеральным комиссаром Гражданского управления восточных земель (до сентября 1920 г.). После 1939 г. переехал в Варшаву.

Пилсудский Юзеф (1867–1935) – польский военный и государственный деятель. В 1892 г. вступил в ППС. Возглавлял Боевой отдел ЦРК ППС во время революции 1905 г. После раскола ППС (1906 г.) возглавил националистическую ППС-Революционную фракцию. В Первую мировую войну командовал Польскими легионами на стороне Австро-Венгрии. Создал Польскую военную организацию (ПОВ). В ноябре 1918 г. назначен Начальником государства. В 1920 г. руководил польскими войсками в Советско-польской войне. В мае 1926 г. совершил государственный переворот, установив авторитарный режим «санации». В 1926–1928 и 1930 гг. занимал пост премьер-министра. Скончался в 1935 г. В конце жизни выступал против польско-германского сближения.

Сапега Евстафий (1881–1963) – польский политический деятель, дипломат, князь. Близкий соратник Ю. Пилсудского. В ноябре 1918 г. возглавил Комитет Обороны Восточных Кресов. Участник Советско-польской войны. 16 июня 1919 г. назначен послом Польши в Великобритании. Занимал пост министра иностранных дел в правительстве В. Витоса (1920–1921 г.). После 22 сентября 1939 г. арестован советскими властями в своем имении.

Приговорен к высшей мере наказания, замененной на 10 лет заключения. Освобожден в 1941 г., эвакуирован в Иран, жил в Кении.

Яловецкий Богдан (1891–1941) – польский разведчик и дипломат. Член ПОВ. Служил в Войске Польском, капитан авиации. С 31 августа 1931 г. в отставке. В 1931–1935 гг. – начальник генерального консульства Польши в Минске и одновременно руководитель местного разведывательного центра. После высылки из СССР работал в польском МИДе, возглавлял консульство в Ольштыне (1936–1939 гг.) и разведцентр «Торо». В 1940 г. арестован нацистами. Умер в заключении от истощения.

V. Белое движение и антисоветская эмиграция

Булак-Балахович Станислав Никодимович (1883–1940) – польский и российский военный и политический деятель. Участник Первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом. В начале 1918 г. вступил в РККА, в ноябре 1918 г. перешел к белым. В феврале 1920 г. поступил на польскую службу для борьбы с большевиками. Сформировал добровольческую армию. Участник Советско-польской войны. После поражения его войска были интернированы в Польше. Получил от Ю. Пилсудского звание генерала. После оккупации Польши Третьим Рейхом убит немецким патрулем 10 мая 1940 г.

Врангель Петр Николаевич (1878–1928) – российский военный деятель, один из лидеров Белого движения, барон. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В Гражданскую войну – командующий Кавказской Добровольческой армией. В 1920 г. – Правитель Юга России и Главнокомандующий Русской Армией. С ноября 1920 г. – в эмиграции. В 1924 г. создал Русский общевоинский союз (РОВС).

Деникин Антон Иванович (1872–1947) – российский военный и политический деятель, один из лидеров Белого движения. Генерального штаба генерал-лейтенант. Один из наиболее результативных генералов Первой мировой войны. В Гражданскую войну – командующий Добровольческой

армией, затем Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (1919–1920 гг.). С апреля 1920 г. – в эмиграции.

Керенский Александр Федорович (1881–1970) – российский политический и государственный деятель. Депутат IV Государственной думы. В ходе Февральской революции 1917 г. – министр, затем министр-председатель Временного правительства. Свергнут большевиками в октябре 1917 г. Бежал за границу. В эмиграции вел активную антисоветскую деятельность. С 1946 г. преподавал в Стэнфордском университете (США).

Коверда Борис Софронович (1907–1987) – деятель белой эмиграции. 7 июня 1927 г. на железнодорожном вокзале в Варшаве смертельно ранил советского полпреда П. Войкова. После освобождения отправился в Югославию. Во время Второй мировой войны сотрудничал с частями вермахта из русских коллаборационистов. С 1949 г. жил в США.

Пермикин Борис Сергеевич (1890–1971) – российский военный, участник Белого движения. Участник Первой мировой войны. В 1917–1918 гг. служил в полку Булак-Балаховича. С августа 1920 г. – командующий 3-й Русской Армией в чине генерал-лейтенанта, воевал с большевиками. После интернирования остался в Польше. В конце Второй мировой войны – в резерве РОА. После войны перебрался в Австрию.

Петрушевич Евгений Емельянович (1863–1940) – украинский политический и государственный деятель, адвокат. Депутат австрийского парламента (1907–1918 гг.) и Галицкого сейма (1910–1914 гг.). С 19 октября 1918 г. – президент Украинского Национального Совета, глава Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР). В январе 1919 г. вошел в Директорию УНР, в июне исключен из-за разногласий по вопросу уступки Галиции Польше. Получив диктаторские полномочия, в конце 1919 г. денонсировал «Акт Злуки». С 1920 г. в эмиграции (Вена, затем Берлин), возглавлял правительство ЗУНР в изгнании, боролся дипломатическим путем против передачи Галичины Польше. В середине 1920-х гг. – советофил, контактировал с советским посольством в Берлине. К началу 1930-х гг.

разочаровался в СССР из-за массовых репрессий. Умер 29 августа 1940 г.в Берлине.

Савинков Борис Викторович (1879–1925) – российский революционер, один из лидеров партии эсеров, участник Белого движения. В 1897 г. арестован за революционную деятельность. После Февральской революции – комиссар Временного правительства. Октябрьскую революцию встретил враждебно. В 1918 г. создал подпольный «Союз защиты Родины и Свободы». Во время Советско-польской войны 1920 г. создал в Варшаве «Русский политический комитет». Участвовал в создании антисоветских отрядов под командованием С. Булак-Балаховича. В августе 1924 г. завлечен в СССР в результате операции ОГПУ «Синдикат-2» и арестован. 29 августа 1924 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания. 7 мая 1925 г. покончил жизнь самоубийством в здании ВЧК.